

Ю. С. Черняховская

«БОЛЬШАЯ ТРОЙКА»
СОВЕТСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ФУТУРОЛОГИИ

МОСКВА
2022

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА

Ю. С. ЧЕРНЯХОВСКАЯ

**«БОЛЬШАЯ ТРОЙКА»
СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФУТУРОЛОГИИ**

*Политико-философское осмысление проблем
культурного суверенитета, культурно-цивилизационной интеграции
и формирования идеалов будущего в произведениях
И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких:
компаративный анализ*

Москва
2022

УДК 008:14
ББК 87
Ч49

*Издается по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Рецензенты:

*Фёдорова Мария Михайловна — доктор политических наук, профессор, г. н. с.,
руководитель сектора истории политической философии Института философии РАН;
Сытин Андрей Георгиевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политической
философии факультета философии МГУ имени М. В. Ломоносова*

Черняховская Ю. С.

Ч-49 «Большая тройка» советской художественной футурологии. Политико-философское осмысление проблем культурного суверенитета, культурно-цивилизационной интеграции и формирования идеалов будущего в произведениях И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких : сравнительный анализ. — М. : Институт Наследия, 2022. — 380 с. — DOI 10.34685/НИ.2022.66.85.002 — ISBN 978-5-86443-392-8.

«Большая тройка» советской художественной футурологии — А. Казанцев, И. Ефремов, А. и Б. Стругацкие, ставшие самыми яркими и классическими представителями феномена научно-технического романтизма. Эта книга о том, что видели они в своем желаемом будущем, какие представляли образы и идеалы, и как они тогда видели и решали становящуюся сегодня все более актуальной проблему синтеза культурного суверенитета социума и многообразия контактирующих с ним культур и цивилизаций.

Моделируемый ими социум, если это социум восхождения, а не деградации, сохраняет значимость всех достигнутых в его истории достижений, на каждом шагу обогащаясь теми достижениями контактирующих с ним социумов, которые соответствуют его базовым латентным, а если шире — позволяют решать задачу снятия «крышки инферно», выхода человечества из сферы низменности, состояния общества, в котором оно подчинено слепой игре на выживание, господству наиболее примитивных природных инстинктов, лишено возможности восходящего развития.

Аксиологический мир будущего рассматривается как результат векового преодоления человеком круга инферно, прорыв возвышенно-человеческого через низменно-животное.

Автор научной монографии — Ю. С. Черняховская, доктор политических наук, руководитель Центра исследований политической культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, автор книг «Вершина Крыма», «МИНКУЛЬТ. Министры эпохи перемен», «Политическая культура и политическая философия научно-технического романтизма» и др.

УДК 008:14
ББК 87

*В оформлении обложки использован фрагмент иллюстрации художника
Н. М. Кольчицкого*

ISBN 978-5-86443-392-8

© Ю. С. Черняховская, 2022
© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1	
ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ СИНТЕЗ	
В СССР ПЕРИОДА РАСЦВЕТА	
БОЛЬШОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА	27
Раздел 1.1. «Большие проекты» «Общества познания» и восхождение культурно-суверенной интеграции научно-технического романтизма.....	34
Раздел 1.2. Попытки синтеза проектности «Общества познания» с установками «Общества потребления».....	69
Раздел 1.3. Деактуализация суверенно-интеграционной проектности и утверждение установок «Общества потребления». Дисперсия культурно-интеграционного поля научно-технического романтизма.....	99
<i>Выводы по первой главе</i>	151
Глава 2	
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ	
СУВЕРЕННО-ИНТЕГРАЦИОННОГО ФЕНОМЕНА	
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА	154
Раздел 2.1. Антропологические основания видения человека и его отношений с миром в рамках конструкта научно-технического романтизма.....	155
<i>Выводы по разделу</i>	182

Раздел 2.2. Идеальное политическое конструирование научно-технического романтизма.....	183
<i>Выводы по разделу</i>	221
Раздел 2.3. Политико-философский реализм научно-технического романтизма.....	223
<i>Выводы по разделу</i>	258
<i>Выводы по второй главе</i>	260
Глава 3	
ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ	
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА	
И ВОПРОС ЕГО НАСЛЕДИЯ	262
Раздел 3.1. Политико-философские предупреждения и сценарии научно-технического романтизма.....	264
<i>Выводы по разделу</i>	297
Раздел 3.2. Кто наследует титанам?.....	299
<i>Выводы по третьей главе</i>	324
Заключение	327
Список литературы	334

ВВЕДЕНИЕ

Среди проблем развития современной цивилизации есть две объективно существующие, одинаково важные и, формально, казалось бы, противоречащие друг другу: это проблема сохранения культурного суверенитета страны, без которого страна и народ не могут сохранить себя как таковые, и проблема культурно-цивилизационной интеграции разных стран, народов и культур, без которой они рискуют остановиться в своем развитии и замкнуться в своей самоизоляции, как это некогда произошло с иными древними цивилизациями в истории Земли.

Именно этот синтез можно считать проявленным в букете идеалов будущего, представленного в политико-философском и философско-художественном конструктах «Большой тройки» советской художественной футурологии: произведениях А. П. Казанцева, И. А. Ефремова и А. Н. и Б. Н. Стругацких, представивших в наиболее концентрированном виде отечественный вариант научно-технического романтизма как обладающего способностью выполнения функций и самоидентификации, и интеграции социума через конструирование его будущего.

Две проблемы: сохранить свою идентификацию и сущность и, сохраняя их, двигаться в своем развитии к обществу будущего.

Российская история и в течение своего дореволюционного, и в течение советского периода и сталкивалась с этими проблемами, и давала примеры решения этих задач в формуле взаимного проникновения и все большего развития каждой из национальных культур, вливающих в ее культурное восхождение.

Более того, можно утверждать, что только те цивилизации и культуры сохраняют себя в истории — и сохранили себя до сих

пор, которые находят способ решать эту двуединую проблему сохранения и восхождения.

Что такое культурный суверенитет — это право каждой страны и каждого народа руководствоваться теми образцами, ценностями и нормами поведения, которые выработаны в ходе их истории, признаются и принимаются ее народом.

Что важно: не созданными исключительно на территории этой страны и не созданными исключительно представителями этого народа, а именно выработанными в ходе их истории, принятыми и признанными ее народом. Что, собственно, и является критерием соответствия этих образцов, норм и ценностей духу и чувству данного народа — даже если они оказались первоначально созданными за пределами страны и представителями других народов.

Что, собственно, и есть проявление здоровой культурно-цивилизационной интеграции, при которой достижения одной культуры принимаются в зоне другой культуры, когда соответствуют базовым латентным ценностям другого народа. Именно это и отражается в процессе существования классической культуры.

Существует два пути сохранения собственной самоидентификации при взаимодействии с культурно-интеграционными процессами: путь консерватизма и путь романтизма. Различие этих путей определяется тем, что именно мы ставим своей задачей сохранять.

Путь консерватизма ориентирован на консервацию без изменения форм и без адаптации наследия к существующему запросу. Фактически это путь сохранения ценностей, актуальных для общества на этапе их создания без анализа их актуальности сегодня.

Этот путь неизбежно сталкивается с невозможностью популяризации избранных образцов культуры, так как эти образцы встречают неприятие у значительной части аудитории. Восприятие культуры традиционной возможно только подготовленным зрителем, а для этого изначально требуются точки перехода от зрителя массового к зрителю профессиональному, следовательно, необходимо решить проблему воспитания профессионального зрителя. Ключевым здесь представляется вопрос о запуске пространственного воображения у аудитории, так как для восприятия традиционного наследия зритель должен уметь абстрагироваться от повседневности и задавать абстрактные вопросы, например, связанные с культурой прошлых эпох.

На сегодняшний день механизмы эти и даже сам навык формирования этих механизмов в значительной степени деформирова-

ны либо утрачены, и вопрос о поиске метода формирования такого механизма оказывается центральным. Он, однако, неизбежно упирается в следующий: как зародить у зрителя желание формировать такой механизм в условиях обилия доступной массовой культуры, не требующей подключения воображения?¹

Ответ на этот вопрос, как представляется, кроется в неисследованных возможностях романтизма, который, в отличие от консерватизма, апеллирует не столько к рациональному мышлению зрителя, сколько к его чувственному сопереживанию.

Если восприятие консервативной культуры требует знания истории, теории литературы и искусства, навыков рационального анализа, то культурное наследие романтизма требует лишь наличия в образце культуры мотивов на образном или ценностном уровне, которые смогут вызвать у зрителя сопереживание.

Романтизм исторически — как на Западе, так и в России, обращаясь к историко-культурному наследию, заимствовал не столько формы и материальные ценности прошлого, сколько образы и ценности, актуальные к моменту создания произведения.

Наиболее известным здесь является пример Германии 30-х годов XX века, которая, обращаясь к культурному наследию «Нибелунгов», во многом полностью переосмыслила наполнение последнего. Были фактически отринуты географические границы создания произведения, вопросы его исторической достоверности и этическая составляющая. Остались лишь ключевые ценности: героика самоотречения, борьбы со стихией и условно привязанная к оригинальному сюжету мысль о величии германского народа. Сохранены были также образы, вызывающие сочувствие.

Другими примерами зарождения подобного типа национализма можно считать Италию эпохи Б. Муссолини и Японию после поражения во Второй мировой войне. В Японии, которую реже соотносят с течением романтизма, в этот период происходит очередной этап реабилитации философии самураев, выразившийся в первую очередь в кинематографе. Причем философия и образ самурая воспроизводились как на историческом материале, так и на материале современности и даже далекого будущего. Достижением японского

¹ Эту проблему исследует и Вальтер Беньямин. См.: *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. — Москва, 1996.

романтизма стал выход этого образа и этой философии на мировую культурную арену.

Мы, таким образом, видим, что романтизм, как правило, расцветал и обретал популярность в странах, где усиливался запрос на возрождение, в странах, культура которых предполагала крупные цивилизационные проекты, не реализовавшиеся по итогам практики войн и иных крупных социальных трансформаций. В известном смысле можно говорить, что такая характеристика более чем актуальна и для современной России.

Романтизм, в отличие от консерватизма, ориентирован не на сохранение культурного наследия в жестких рамках его форм, зачастую уже отживших свое, а на сохранение идеалов и образов, вырастающих из наследия прошлого, но выражающих его стремление к мечте об «ином», Будущем.

Так, европейский английский и французский романтизм начала XIX века обращается к образам рыцарства и мушкетерства, пытаясь возродить, таким образом, идеалы воинской чести, служения прекрасной даме и, в меньшей степени, монархии в ее романтизированном виде. Последний момент здесь достаточно показателен — монархия, изображенная в романах А. Дюма, вызывает куда больше сочувствия, чем реальная историческая монархия. То же самое можно сказать и об образах средневековых рыцарей, репрезентированных В. Скоттом и А. Теннисоном. Романтизм игнорирует неприглядные детали, на которых обычно акцентирует внимание реализм, с целью создания идеала.

Примечательно то, что российский романтизм апеллировал в первую очередь к образам античности и европейским историческим сюжетам — так, романы А. Дюма оказались в России более популярны, чем на родине писателя, в то время как тема русской истории в отечественном романтизме на первом этапе его развития была практически забыта.

В XIX веке, как может показаться, течение романтизма не принесло существенных философских или исторических плодов, вопрос о причинах этого вполне заслуживает отдельного серьезного исследования.

Однако, как уже говорилось, романтизм возродился в XX веке и в Европе, и в Азии, и в России.

Россию в этом плане связывают с идеями романтизма реже. Во многом из-за того, что в последнюю треть века существуют две трак-

товки советской культуры: натуралистическая, согласно которой вся советская культура представляется грубой и крестьянско-пролетарской, и «мифологическая», согласно которой советская культура насквозь лжива и оторвана от реальности. Фактически, авторы этих двух подходов противоречат друг другу, обвиняя советскую культуру одновременно в двух противоположных тенденциях — в приближенности к реальности и отдаленности от нее¹.

Интересно, однако, что, к примеру, Б. Гройс, хотя и выступает, скорее, против результатов социалистического реализма, тем не менее признает заложенную в нем попытку сохранения классического культурного наследия, хотя и считает ее неудавшейся.

¹ Хочется отметить и еще один аспект, без которого не обходится критика культуры советского периода, — это обвинения в политизированности: «... интерес к эстетике и практике социалистического реализма парализуется вопросом, возникающим, впрочем, в отношении и некоторых других художественных течений 1930–1940-х годов, как, например, в случае нацистского искусства в Германии, а именно: идет ли здесь речь действительно об искусстве? Является ли морально допустимым рассматривать в одном ряду с другими направлениями в искусстве нашей эпохи такие художественные движения, которые поставили себя на службу репрессивным режимам и добились гегемонии путем физического устранения своих оппонентов?» — спрашивает Б. Гройс и сам же отвечает на собственный вопрос: «Вопросы эти вытекают несомненно из того несколько наивного и “розового” отношения к искусству, которое постепенно сложилось в искусствознании XX века, привыкшем рассматривать искусство как деятельность, независимую от всякой власти и утверждающую автономию индивидуума и связанные с ней добродетели. Между тем, исторически, искусство, которое привычно признается хорошим, нередко служило украшению и прославлению власти... Признание художника историей искусств, помещение его работ в музей и т. п. является, скорее, свидетельством поражения художника в этом конфликте (конфликте по поводу власти. — Ю. Ч.) и в то же время компенсацией этого поражения, окончательно его закрепляющей со стороны победителя, то есть общества. Победа художника, хотя бы и в союзе с государственной властью, естественно вызывает негодование общества и стремление исключить художника из пантеона своих героев» (Гройс Б. *Gesamtkunstwerk* Сталин. — Москва, 2013. — С. 23–24). От себя хочется добавить еще один риторический вопрос: часто ли упрекают Микеланджело Буонаротти или М. Лермонтова в том, что их произведения писались на заказ?

Однако чем больше споров вызывает советская культура как объект культурного наследия современной России, тем более необходимым представляется серьезное, всестороннее осмысление как всей ее в целом, так и отдельных ее элементов — таких как научно-технический романтизм.

В этом отношении весьма взвешенным и профессиональным представляется мнение Е. Добренко — исследователя истории культуры. «В своем поверхностном отрицании соцреализма, — пишет он, — постсоветское общественное сознание исходит из праведного отказа от тоталитарности, но культуру нельзя “отринуть”, нельзя “выскочить” из нее, как из старого платья, — ее можно лишь преодолеть, поняв тот же соцреализм как один из главных языков в искусстве XX века. А для этого важно обратиться к истокам “новой культуры”»¹.

Надо заметить, что большинство этих образов характерно только для славянской культуры и ни для какой другой².

Происходит одновременно возрождение таких забытых в пору вестернизации XVIII–XIX веков образов, как образы богатырства, Василисы Прекрасной и Ивана-Царевича и других народных сказочных мотивов. Центральными литературными и кинематографическими сюжетами советской культуры становятся сказки Пушкина — то есть непосредственно романтизм, основанный на русских корнях; произведения Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова, заметное место в кинематографе занимают экранизации народных сказок, былин, русской истории периода феодальной раздробленности.

Появляются, однако, и новые мотивы, зачастую вытесняющие названные, — героика Революции и Великой Отечественной войны, народных восстаний. Последние являются своеобразной попыткой романтизации более поздних исторических периодов. То есть, фактически, тут мы наталкиваемся на ту же ошибку, с ко-

¹ Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. — Мюнхен, 1993. — С. 2.

² Более подробно проблема символики в советской культуре рассмотрена в коллективной монографии: Воловик В. И., Данков В. В., Ерхов Г. П. Советские традиции, праздники, обряды. Опыт, проблемы, рекомендации. — Москва, 1986. Символику русской народной культуры детально рассматривает в своей работе и А. А. Потемня. См.: Потемня А. А. Символ и миф в народной культуре. — Москва, 2000.

торой уже сталкивались при осмыслении понятия «классическая культура»: если в том случае значение термина «классический» (наилучший) подменялось обиходным значением «старый», то в данном случае аналогично смысл термина «романтизм» утрачивает свое методологическое значение «романтизации», и мы начинаем применять его исключительно к нескольким культурным течениям, обращенным к образам средневековой истории. Советский же романтизм, наряду с романтизацией средневековой истории, пытался романтизировать образы истории новой, и именно это дало ему впоследствии возможность для экстраполяции методов романтизма в будущее и, соответственно, для формирования научно-технического романтизма.

Одновременно с образами советский романтизм заимствует и смыслы, но лишь те, которые актуальны для современного общества.

Фактически весь романтизм XX века — германский, японский, итальянский и советский, в отличие от романтизма века XIX, бывшего, по большому счету, всего лишь локальным культурным течением, ставит перед собой задачу формирования новой мифологии на материале старой, во многом забытой и отчасти утратившей актуальность. Однако в двух из трех названных стран романтизм терпит неудачу достаточно быстро, в то время как в третьей — СССР — его влияние остается заметным на протяжении пятидесяти лет.

Отдельного анализа заслуживают причины такого различия, однако произвести такой анализ в рамках данного исследования представляется невозможным в силу ограниченности его объема.

Преимуществами романтизма перед консерватизмом, таким образом, являются:

- гибкость в использовании форм;
- претензия не только на сохранение старого, но и на формирование нового идеала, берущего за основу традиционный;
- большая площадь осмысления: не только средневековое культурное наследие, но и наследие Нового времени;
- большая степень близости к запросам общества при сохранении идеала и образов классического культурного наследия.

В то же время романтизм неизбежно порождал ряд проблем, которые приводили к его краху.

Для романтизма XIX века эта была, пожалуй, в первую очередь его элитарность. Романтизм, обращенный к культуре рыцарства, мог быть актуален только для отмирающего постепенно слоя аристократии, так как значительная часть населения, и в том числе набирающий влияние слой промышленников, была к этой апелляции не восприимчива.

Здесь стоит отметить два момента:

1. Именно в этом можно увидеть причину итоговой неудачи «белогвардейского романтизма», который, зародившись в СССР в 1970-х годах, так и не привел к позитивным результатам, лишь подточив магистральную линию видения культуры.
2. В СССР, в отличие от других ранее перечисленных зон распространения романтизма, предпринимались также попытки и романтизации образов купца (былина о Садко), простого солдата (экранизации сказок постпетровского периода, где главным героем является именно солдат), рабочего («Город мастеров» и другие апелляции к образу мастера), ученого (образы великих «еретиков» Джордано Бруно и Галилео Галилея), революционера (богатая практика воспроизведения образов от Спартака до Пугачёва и «Неуловимых мстителей»).

Критики романтизма в качестве его недостатка говорят также о его оторванности от реальности, однако именно это видится одним из основных его достоинств — романтизм конструирует идеал. Недостаток его, скорее, в том, что он не намечает путей достижения этого идеала, однако уже на этапе научно-технического романтизма этот недостаток оказывается преодолен, и последний ставит среди своих задач не только задачу художественного изображения цели, но и изображения проработанных рационально методов ее достижения.

Кризис романтизма в СССР, произошедший к 1970-м гг., возможно, обусловлен именно отказом от этих двух задач. Как пишет Б. Стругацкий о работе над повестью «Улитка на склоне»: «Мы познали всю прелесть отказа от объяснений»¹. Однако именно отказ от объяснений и привел к постепенному распаду концепции научно-

¹ Стругацкий Б. Н. Комментарии к пройденному // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 томах. Т. 3. — Москва, 2001.

технического романтизма, который лишился, таким образом, своей рациональной составляющей — того, что и делало его уникальным.

Возвращаясь же к теме романтизма в СССР, нужно сказать, что еще одним следствием его дискредитации стала стагнация. Уже в период правления Л. И. Брежнева романтизм постепенно начинает превращаться в консерватизм, утрачивается его идеалообразующая составляющая. Происходит, таким образом, своеобразное разделение научно-технического романтизма на две ветви: ту, что отказывается от объяснений, и ту, что отказывается от идеального конструирования. В итоге, обе эти ветви оказываются несостоятельными друг без друга.

Советский романтизм, переходя в стадию консерватизма, утрачивает еще и свои адаптационные способности. К примеру, в кинематографе образы традиционной культуры уже по большей части воспроизводят сюжеты и образы, использованные в 1930–1950-е годы, но на более высоком технологическом уровне. Смысловая же составляющая нивелируется и постепенно сходит на нет к середине 1980-х годов, как это всегда бывает при попытке сохранения формы, но не содержания.

Надо сказать, что подобные тенденции характерны не только для советской культуры — аналогично развивается романтизм 1930-х годов в кинематографе США, к 1950-м годам вырождаясь в серию ремейков и образцов псевдокультуры, копирующих оригинал без ссылки на авторство.

И в том, и в другом случае, по всей видимости, причиной стагнации становится отказ от поиска новых способов реализации AGIL-схемы и расщепление культуры на лагеря, каждый из которых занимается своей локальной задачей: поиском новых форм, воспроизведением старых, либо конструированием идеала, оторванного от реальности. Кризис культуры, наметившийся в 1950-е годы в США и в 1970-е годы в СССР, длится, таким образом, до сих пор. Безусловно, за прошедшие десятилетия были попытки выхода из этого кризиса, и часть из них можно считать успешными, однако переломить общую тенденцию так и не удалось.

Автору исследования магистральным направлением выхода из кризиса видится обращение к классическому культурному наследию посредством методов романтизма, заимствование его смыслов и воспроизведение новых, не противоречащих старым, при гибкости подхода к форме. Актуально также и обращение к образам будуще-

го, использование которого в классическом культурном наследии является темой отдельного исследования.

Взаимодействие разных культур, обладающих общими латентными образцами, и создают процесс интеграции, который усиливается своим идеальным началом — но не в смысле «антиматериального начала», а в более широком смысле идеала как образца, рождающего действие стремления к его достижению, предполагающего его осмысление — как, в первую очередь, политико-философское осмысление.

Это взаимодействие культур, соответственно — взаимодействие взаимоукрепляющих и взаимодополняющих культурных суверенитетов — тогда обладает здоровым созидющим началом, когда оно достигает описанного Г. В. Ф. Гегелем состояния обладания духом абсолютной субъективности в смысле вызревания субъекта как ощущающего себя абсолютном, — то есть мировидения и мироощущения состояния романтизма.

Обращаясь к базовым исследованиям проблематики романтизма, представляется, что при признании значения работ и взглядов И. Гёльдерлина, Новалиса (Фридриха фон Харденберга), Л. Тика, А.-В. и Ф. Шлегелей, Ф. Шлейермахера со всей разнообразной палитрой их подходов и тем более И. Фихте и Ф. Шеллинга, более важными для представляемого исследования являются, с одной стороны, осуществленная И. Кантом философская разработка категории возвышенного как центральной для понимания романтизма как мироощущения¹, с другой — классическое философское осмысление самой категории романтизма, заложенное Г. В. Ф. Гегелем, определявшим его как достижение духом абсолютной субъективности в смысле вызревания субъекта как ощущающего себя абсолютном, выступающим началом, равновеликим и творческим по отношению к внешнему миру, в силу достигнутого им состояния абсолюта — обладающего правом на преобразующее воздействие на мир².

Можно сказать, что именно в этом состоянии романтизма, как соотношения с возвышенным в его состоянии реализуемого,

¹ *Кант И.* Аналитика возвышенного / Критика способности суждения // Кант И. Соч. в 6 т. — М. : Мысль, 1966 (Философское наследие). Т. 5. — С. 249–290.

² *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика: в 4 т. — М. : Искусство, 1968–1973. Т. 2. — С. 231–233.

и происходит тот синтез, в котором диалектически достигается одновременно и обеспечение культурной суверенности и ее развитие, и возвышение в культурно-цивилизационной интеграции.

В своем становлении несогласия с миром, восходящим к идее преобразования, проекту преобразования и глобальному воздействию, феномен научно-технического романтизма может обрести силу, лишь преодолев субъективность своего недовольства через познание объективной обоснованности существующего несовершенства, и преодолеть их признанием их взаимной детерминированности, поднявшись в абсолютности этого понимания от представления синкретной взаимообусловленности до ее разрыва и синтетичности, в которой становится возможным ее волевое конструирование, когда объективность обусловленности становится началом субъективной воли, а субъективная эмоциональность превращается в фактор воздействия как выражающая и реализующая объективные законы рациональности и меняющая объективность, делая ее частью своего проекта, в своем возвышении до абсолютно властного над миром начала.

Отсюда возникает проблема исследования самой данной стадии — этапов генезиса обретения уровня политической философии, условий и предпосылок ее формирования в развитии от форм пожеланий до обретения глобальной социально-преобразующей субъектности.

Данный феномен, еще не обладая собственно качествами своего развитого состояния, вырастает из изначально являющейся в развитии разума рационалистической и а-рационалистической (трансцендентной) традиции моделирования представлений о лучшем состоянии мира. Как традиция, она сама несет в себе скорее начало обычного как проявления обычая, а не закона и не воли, но после достижения рубежа осознания самозначимости в колумбово-коперниковую эпоху вырастает из этих рамок (опираясь на них) и становится развивающим противоречием в структуре собственно политического знания как способности к отражению и изменению мира, достигая своего «абсолютного» или активно меняющего мира состояния. Предпосылками обретения этого состояния становятся традиции развития и утверждения гуманизма, исторического оппонирования рационального и а-рационального (эмоционального) начал и рационального и трансцендентного видения мира; научно-технического прогресса и веры в возможность рационально-идеального

устройства мира. Сформировавшись к концу XVIII в., в XIX в. феномен научно-технического романтизма в полной мере достигает стадии выдвижения рационально обоснованных и эмоционально мотивированных проектов, в XX в. достигая стадии абсолютизированного субъекта, глобально преобразующего не устраивающий его объективный мир.

Научно-технический романтизм — духовно-политический феномен, возникающий предположительно в эпоху Просвещения на стыке философии, политической философии и культуры, развивающийся в мироощущении XIX в. и достигающий апогея в XX в., в первую очередь в Советском Союзе в эпоху космического и атомного прорывов.

Суть такой философии и культуры — в соединении рационально и научно-технически обоснованного с идеально желаемым.

Основной постулат научно-технического романтизма: мир познаваем и изменяем. Мы можем познать его благодаря научному исследованию, изменить — благодаря достижениям науки и техники, но при этом остаться людьми, сохранив все то идеально значимое, что создано в этом мире.

И с другой стороны, научно-технический романтизм — политико-философское интеллектуальное движение, окончательно сформировавшееся в СССР в 50–60-е гг. XX в.

С одной стороны, научно-технический романтизм — это огромный, частью оформленный, а частью интенциональный пласт духовной и интеллектуальной жизни человечества, начиная от энциклопедистов и паровой машины, а также М. Ломоносова и братьев Черепановых, включающий А. Сен-Симона, Ж. Верна и К. Маркса с Ф. Энгельсом.

С другой, научно-технический романтизм — это и ГОЭЛРО, и гигантские послевоенные проекты, включая и сверхпроекты: реализованные атомный и космический и свернутый на полпути План преобразования природы, настроения и порыв 1950–1960-х гг., взлет советской художественной футурологии того же времени.

Но тогда перед нами что-то большее, нежели оба эти начала. Но тогда оба эти начала — лишь ипостаси этого чего-то большего. Провоцирует сказать, что не хватает лишь одного — третьей ипостаси. И начать ее усиленно искать.

Строго говоря, любую осуществившуюся идею можно увидеть в трех ее состояниях: самой идеи как упорядоченного образа и обо-

снования желаемого, историко-политического действия, направленного на ее утверждение, общественного устройства, в какой-то момент возникающего в результате этого действия.

Однако приходится сделать две оговорки.

Первая. Если видеть началом феномена научно-технического романтизма некое синтетическое соединение рационального и эмоционального, то, безусловно, некие начала, истоки и предыстоки его можно увидеть намного раньше. В известном смысле, уже в начальных противостояниях и борьбе тенденций (и интенций) трансцендентального и рационального: брахманизма и буддизма, «Чжоу ли» и конфуцианства, Платона и Аристотеля.

Вторая. Всё данное явление научно-технического романтизма, которое представляется приемлемым обозначать словосочетанием или термином «феномен научно-технического романтизма», в своей деятельности реализации адресно увязанное именно с тем, что мы условно обозначили как его вторую ипостась: «научно-технический романтизм — политико-философское эмоционально-интеллектуальное движение, окончательно сформировавшееся в СССР в 50–60-е годы XX века», само в себе и для себя системно и несет, и включает в себя разные составные.

И одновременно само общее, предстающее в ипостасях начало ценностно-структурно, то есть несет в себе систему приоритетов не только сугубо рационального, но и аксиологического, ценностно-смыслового характера, обладающего внутренней структурой.

Точно так же научно-технический романтизм не имеет признаков, характеризующих доктрину как совокупность теоретических положений какой-либо области знаний, и не может быть характеризован как совокупность взглядов какого-либо ученого или мыслителя: просто потому, что он оказывается некой совокупностью взглядов и положения разных авторов, политиков, мыслителей, объединенных ранее указанными началами, при этом в рамках его могут существовать разные выражающие его учения.

При этом в совокупности определяющих его характерных черт он сам, как некое ценностно-философское политическое течение, исторически проявляется в разных политических идеологиях, оформляясь своих началах в рамках Просвещения, не несет в себе установок, принципиально несовместимых ни с ранним либерализмом, ни с коммунизмом. То есть это, конечно, общее течение прогрессизма как «сохраняющего прогрессизма», рассматривающего

достижения прошлого как основу преобразования мира, то есть в каких-то своих внутренних началах имеющего элементы консерватизма. В целом это дает основание отнести его как духовно-политическое образование к более широкому, по сравнению с политическими идеологиями, явлению.

В значительной степени представляется обоснованным ограничиться его определением как политико-философского феномена, имея в виду, что для него характерны черты разных классификационных групп, характерных для политической жизни, политической мысли и политической философии.

Однако он в не меньшей степени является и в общественных настроениях, политическом поведении, культуре и искусстве, что само по себе может быть предметом изучения социологии, психологии, искусствоведения и литературоведения. Отсюда возникает в чем-то оправданный вопрос, к какой именно сфере жизни и какой сфере и форме сознания он относится: общественные настроения изучает социология и психология, культуру — философия культуры и искусствоведение, литературу, в которой он во многом себя являет, — литературоведение.

Представляется, что научно-технический романтизм является феноменом даже не просто пограничной зоны, а началом, существующим и внутри каждой из этих сфер, и вне каждой из них, то есть феноменом проникновения в них и явления через них, пространством их соединения.

Он как бы рефлексировывает сам себя в политической философии, является себе в политической действительности и действии, существует через человеческое политическое поведение и политическое действие, воздействует на мир через политическое действие и говорит с миром через те или иные формы обращения к последнему. То есть с разумом социума он говорит посредством политической теории через созданные людьми политические трактаты, с миром эмоционального и чувственного — через образы и обращения литературы и искусства.

Если рассматривать политическую философию в целом как «поиск ответов на вопросы, связанные с основами человеческого общежития и институтами, созданными в рамках этого общежития», включая ответы на вопросы «какое политическое устройство является наилучшим и справедливым, и можно ли вообще постро-

ить идеальное общество и идеальное государство»,¹ он оказывается предлагаемым ответом на эти вопросы, но ответом, артикулирующим не столько предметные формы, сколько базовые форматы философского, научного и ценностного отношения. И в этом отношении — феноменом исследования универсалий мира политического, относящихся к наиболее общим мировоззренческим и ценностным основаниям политической теории, что сегодня может рассматриваться как классическая трактовка политической философии². В этом отношении в нем можно увидеть как момент морально-нормативистского осмысления мира, так и моменты выражения интенций интересов и самовыражения конкретных социально-деятельностных групп, а также определенное осуществление глобального альтернативного проектирования и практического преобразования и экспериментирования в мире, некоего глобального диалога как между своими составными, так между собой и миром.

В таком качестве, как представляется, есть основания говорить о его активном воздействии на мир, своего рода достигаемом в определенных условиях качестве субъектности. Автор понимает, что положение о субъектности некоего философского явления может вызвать определенные дискуссии, однако полагает возможным говорить о субъектности политико-философского феномена, имея в виду, что политико-философский феномен достигает стадии субъектности, когда представленные им умонастроения, смыслы и ценности адекватно отражают интересы и настроения значимых социальных групп, приобретают характер идеально-альтернативных конструктов и смыслообразующих проектов, активно ретранслируются их носителями, находят достаточно широкое распространение в обществе, оформляются в институциональные формы и находят выражение в практической политико-преобразующей деятельности значимых социальных массивов.

В этом отношении он также обладает свойствами феномена как конструкт воздействия политической философии на мир через человеческую деятельность, то есть оказывается деятельностным началом политической философии как в силу принадлежности к ее предметному полю, так и в силу соединения политической

¹ Федорова М. М. Классическая политическая философия. — М., 2001. — С. 7.

² Василенко И. А. Политическая философия. — М. 2016. — С. 16.

философии и политической практики. Остальное для него инструментально и вторично, в частности — его художественные проявления, одновременно являющиеся формой метафоричной рефлексии и познания мира, также — инструментом альтернативного идеального политического конструирования, и в то же время — средством коммуникации с социумом на воспринимаемом им языке.

Именно поэтому в свое время В. Г. Графский и выделял как три формы концептуального политико-философского осмысления трактаты, наставления и художественно-образные произведения¹, особо отмечая, таким образом, художественно-образную форму политико-философского осмысления мира. Обоснование особой роли научной фантастики как формы политико-философского осмысления действительности автор ранее изложил отдельно².

Однако вопрос о соотношении форм политико-философских произведений в принципе более сложен. Представляется, политическая философия как форма сознания и дисциплина по сути своей родственна художественным формам и сущностно касается вопросов поиска лучших политических форм и возможностей соотношения политической действительности с политическими идеалами³.

¹ В. Г. Графский выделял три основные формы обсуждения природы властных отношений: произведения политико-философские (диалоги Платона и трактаты Аристотеля — до «Философии права» Гегеля), политико-наставительные (биографии Плутарха, «Артахаштра» Каутильи — до «Государя» Макиавелли), но особо и мифопоэтические, художественно-образные, к которым он причисляет и древние мифы, и классические произведения политической мысли, подобные «Утопии» Т. Мора или «Дивному новому миру» О. Хаксли. См.: *Графский В. Г.* Представления о власти в историко-теоретической перспективе // История политической мысли и современность. — М., 1988. — С. 44–54.

² См.: *Черняховская Ю. С.* Футурология и философская фантастика как формы исследования будущего общества и его политического мира.

³ «Содержательно философия политики рефлексировывает всеобщие основания и тенденции эволюции политического бытия, политического познания, политических ценностей, политического действия, осуществляет концептуальный анализ природы власти, государства, суверенитета, базовых политических идеалов». (Паспорт специальности: 23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки. — URL: <http://vak.ed.gov.ru/316> (дата обращения: 10.07.2022.))

Но соотношение форм и действительности с идеалами само по себе в значительной степени существует в качестве эстетического начала в сфере образного описания и образного восприятия. В этом отношении политическая философия изначально метафорична, поскольку акт рефлексии и осмысления как обращения к смыслам во многом сам метафоричен, как и многие категории, лежащие в основе многих политико-философских систем. И категория политического пространства, и категория политического времени, по существу, — метафоры, то есть использование выражений, ранее свойственных одной сфере, для выявления или конструирования смыслов другой сферы — либо конструирования уже сущностно новых смыслов.

Мы можем сказать, что объектом этого осмысления становятся наиболее общие закономерности существования политической реальности, которая предстает как в своем институциональном, так и во внеинституциональном бытии, а также складывающиеся на этом этапе протонаучные политико-философские образы. Если первые в большей мере могут быть отражены в рациональных формах, то вторые — политические настроения, оценки, идеалы и ожидания — изначально в большей степени требуют художественно-образного выражения.

Оформляя результат рефлексии и осмысления, политическая философия предлагает свои выводы и произведенные смыслы внешнему ей миру. Само это предложение высказывается в формах, соответствующих существующему языку и существующей готовности восприятия, и эти формы могут носить как академически-рациональный характер, так и характер художественно-образный. Что определяется как минимум двумя обстоятельствами, в зависимости от наличия или отсутствия в научной языке терминов, способных описать новые явления и сформулировать новые смыслы, и в зависимости от того, какой тип восприятия на данном этапе и в данных политических условиях более комфортен для существующего социума, что в итоге можно выразить формулой: образы/агрегации — осмысление — образы/артикуляции/действие применительно к политико-философской сфере.

В подобных случаях научные смыслы выводов и конструкторов политической философии имманентно оказываются облечены в художественно-образную форму, что не делает их менее научными и не выводит из области политической философии исключительно

в область литературоведения. Политическая философия выступает здесь как содержание, художественная литература — как форма.

И, соответственно, вопросы политико-философского содержания такого художественного произведения являются предметом политико-философского рассмотрения, а вопросы особенностей формы, стиля, эстетического анализа и т. д. — предметом литературоведения, искусствоведения и культурологии.

В силу соединения в данных изложениях сфер философии как таковой и форм ее представления в сфере культуры возникает соблазн отнести изложение политико-философских идей и смыслов к сфере философии культуры. Хотя последняя по определению своим предметом имеет не содержание философских и политико-философских идей, артикулируемых с помощью культуры, а философское осмысление культуры как специфического явления.

Обозначенный политико-философский феномен в значительной степени и характеризуется как элемент политико-философского поля, в частности, существуя в соединении ранее названных сфер, но соединении, главным содержанием которого является не только начало политико-философского осмысления, но и сам феномен реализации политико-философских идеалов и смыслов в практически-политическом пространстве, политическая философия, ставшая политическим действием, что и само подвергается политико-философской рефлексии.

Мы можем сказать, что научно-технический романтизм выступает как определенное снятие традиционного оппонирования рационального и иррационального, преодоление их противостояния.

Если рассмотреть историю традиции подобного противостояния, которая существовала до формирования к XIX в. научно-технического романтизма, в ней, как представляется, можно выделить два основных этапа: 1) этап, когда доминирует оппонирование рационального и трансцендентного, и 2) этап, когда оно приобретает черты доминирования противостояния рационального и эмоционального.

Смена этапов меняет роли оппонировующих начал. На первом рациональное выступает как представляющее человека и человеческое, трансцендентное — как олицетворение надчеловеческого, детерминирующего устройство мира и предполагающего незначимость человека на фоне высших начал. В новую эпоху, от путешествий Колумба и открытий Коперника до утверждения культа разума

в эпоху Просвещения, рациональное добивается доминирования над трансцендентным, человеческое — над надчеловеческим.

Однако победа рационального приводит к его определенному разрыву с человеческим, оборачивается сакрализацией разума и его доминированием над эмоционально-человеческим. Теперь рациональное, теряя человечность, приобретает черты претензии на надчеловечность, и уже иррациональное выступает как человеческое, воплощаясь в началах эмоционального: рациональное и иррациональное меняются своими местами и противостояние сохраняется.

Вызревание феномена научно-технического романтизма снимает подобное противостояние в двух отношениях. С одной стороны, противостояние рационального и эмоционального снимается в синтезе рационально-научного и художественно-образного осмыслений мира: человек выступает как главный ценностный компонент данного феномена, но человек в единстве его разума и чувственности. С другой — противостояние рационального и трансцендентного снимается в самом начале романтизма как ощущение абсолютизированной субъектности, при которой субъект свое единство с возвышенным ощущает как начало высших смыслов, которые он ощущает как свое право и свободу утвердить эти смыслы в преобразовании мира. Человечность, ограниченная в двух вышеназванных оппонированиях, восстанавливается в их двойном преодолении и снятии.

Одновременно на фоне развития тенденций технократизма научно-технический романтизм выступает как его гуманистический вариант, исключая новую детерминацию человека и мира техническим началом в качестве обезличенного продукта его же разума.

Что, в сущности, составляет синтез культурного суверенитета с социально-культурной интеграцией: синтез принятых данным социумом ценностей, смыслов и целей — с достижениями внешних для него культур. Но синтез не в смысле конвергенции и растворения, а в смысле впитывания этих достижений при сохранении приоритета выработанных смыслов.

В основу рационалистической методологии советского научно-технического романтизма ложится марксизм и его ленинская интерпретация, причем наследование романтическим образцам западной культуры прослеживается предельно четко: небывалую популярность в России обретают книги В. Скотта, Р. Стивенсона, А. Дюма.

Практически одновременно с ними приходят в Россию Ж. Верн и в меньшей степени Г. Уэллс. 9 сентября 1933 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об издательстве детской литературы», в котором ставится задача массового издания произведений Даниэля Дефо, Джонатана Свифта и Ж. Верна. Начинается работа по созданию новых, качественных переводов западной развивающей литературы и запускается издаваемая до сих пор серия «Библиотека приключений и научной фантастики» («Рамка»). В 1954–1957 гг. выходит из печати 12-томник наиболее известных произведений Ж. Верна¹, в 1985 г. — его 8-томник в серии «Библиотека “Огонек”». Зарубежная классика»².

Собственно, включение в большой социальный проект, реализовавшийся в России и продолжавший практику традиционных русских мечтаний, произведений того же Ж. Верна и сопоставимых с ним романтиков Западной Европы — и было примером синтеза требований отечественного культурного суверенитета и культурно-цивилизационной интеграции мировых достижений: и интеллектуальных, и научно-технических.

«Красный проект» был, конечно, глобальным социальным проектом всей традиции философии коммунизма и русского революционного движения. Но он в не меньшей степени был и проектом философии научно-технического романтизма, не только проектом Карла Маркса, но и проектом Ж. Верна.

И в этом отношении мы можем рискнуть поставить не вполне традиционный вопрос: научно-технический романтизм оказался некой исторической формой коммунизма — или сам научный коммунизм оказался исторической формой политической философии и политической культуры научно-технического романтизма.

¹ Жюль Верн был пятым (после Х. К. Андерсена, Джека Лондона, братьев Гримм и Шарля Перро) по издаваемости в СССР зарубежным писателем в 1918–1986 гг.: общий тираж 514 изданий составил 50943 000 экземпляров.

² В повести А. Рыбакова «Кортик» главный герой, подросток времен Гражданской войны и пионер первого поколения, покоренный образами революции, с восторгом смотрит на стоящие в его шкафу книги «Кожаный чулок», «Всадник без головы», «Восемьдесят тысяч верст под водой», «В джунглях Африки», «Остров сокровищ»...

Отвечать на него можно по-разному — и это отдельная тема, но представляется, что значительное взаимопроникновение этих политико-философских течений можно считать почти неопровержимым.

Синтез всех названных течений с сильным влиянием античного рационализма можно наблюдать в творчестве И. Ефремова. А. и Б. Стругацкие основываются уже не только на работах всех ранее названных авторов, но и на творчестве самого И. Ефремова¹. Нужно также оговорить, что научная фантастика и научно-технический романтизм — явления не идентичные². Делая скидку на специфическую, аутентичную времени терминологию, можно тем не менее сделать выводы относительно того, как именно Е. Брандис понимает научно-технический романтизм, который, в силу литературоведческого характера своей работы, называет «научной фантастикой».

На определенном этапе, этапе развития альтернативного идеального политического конструирования, достигающего стадии романтического научно-технического альтернативизма, в его

¹ Немного особняком от магистральной линии идеального конструирования стоят работы А. Казанцева, который обращает свой взгляд в прошлое и в большей степени занимается моделированием метакультуры, поисками праматери человечества. Это направление философского анализа тоже весьма сильно как в советском, так и в западном научно-техническом романтизме XX в. В силу этой специфики свои идеальные конструкты А. Казанцев помещает как в прошлое, так и в будущее. Впрочем, судьбы советского научно-технического романтизма являются предметом анализа уже другой главы.

² Показательна выдержка из статьи советского критика 1960-х гг., одного из активистов научно-технического романтизма, Е. Брандиса: «Обличение паразитического, враждебного народу, общественному и научному прогрессу капиталистического строя, символическое изображение непримиримости фашизма и человеческого начала, предчувствие новых социальных катастроф, за которыми последует окончательное освобождение человечества от гнета мирового капитализма, — таковы важнейшие темы произведений научно-фантастического жанра, созданных за последние десятилетия прогрессивными зарубежными писателями». (Брандис Е. Ж. Верн и вопросы развития научно-фантастического романа... С. 35.)

интеллектуальном пространстве, с одной стороны, предлагаются конструкты альтернативного мира, включающие в себя все три составные научно-технического романтизма: антропологический оптимизм, социально-политический сциентизм и гуманистический технократизм. С другой — способность к опережающему конструированию, опирающаяся на научное и социальное знание, становится основой выполнения научно-техническим романтизмом особой функции политического прогнозирования как в ее деятельностно-ориентирующем, так и в ее предупреждающем значении. То есть, данному политико-философскому феномену оказываются свойственны две функции политической науки: выработка необходимых мер и предупреждение о возможных и неизбежных последствиях.

Стратегическая доминанта, выраженная данным политико-философским феноменом, предполагала само начало стратегичности как детерминированное естественными законами развития природы и общества. Данное положение предполагало и имело своим необходимым предикатом философскую концепцию прогресса как основу формирования идеального политического конструкта научно-технического романтизма, также с разной акцентировкой и в разных моделях выраженной в трех философских направлениях советского научно-технического романтизма: моделях прогресса И. Ефремова, А. и Б. Стругацких и А. Казанцева.

Складывающийся таким образом романтический прогрессизм, скрепленный сциентическими идеями стратегического целеполагания, естественным образом основным содержанием, интенцией и формой имеет создание идеального конструкта научно-технического романтизма, предложенного в тех или иных вариантах в произведениях Ефремова, Казанцева и Стругацких, лидеров, воплощавших три составные части политической философии научно-технического романтизма.

Глава 1

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ СИНТЕЗ В СССР ПЕРИОДА РАСЦВЕТА БОЛЬШОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Прежде чем приступать к содержательному политико-философскому анализу феномена суверенной интеграционности «Большой проектности» советской художественной футурологии XX в., нужно оговорить следующий теоретический аспект.

Ранее уже приводилось обоснование положения о том, что художественное произведение, претендующее на принадлежность к «классической культуре», должно выполнять четыре функции: адаптации, целеполагания, интеграции и формирования латентных образцов, а также должно формировать у индивида воспринимающего его или, по крайней мере, формулировать внутри себя три уровня идеала: антропологический, этический и онтологический. Термин «антропологический» приводится здесь в философском смысле и предполагает, прежде всего, психологический аспект. Термин «онтологический» обобщает под собой такие аспекты идеала, как социальный, политический, мировоззренческий и познавательный — то есть весь спектр систем, связанных с конструированием мира (в широком и узком смысле).

Для советской художественной футурологии и советской культуры в целом характерно распространение двух вышеназванных уровней восприятия мира, постоянная полемика по вопросу о преобладании идеалов онтологического уровня и этического, которая выражается в многочисленном моделировании противостояния целей и средств, а также онтологического и антропологического, выраженная в моделировании ситуации противопоставления «общего и личного». Традиционно считается — это утверждение и пред-

ставляется необоснованным автору данного исследования, — что в этом и состоит первичный признак если не философского искусства в целом, то, по крайней мере, философской фантастики.

Неверным данное утверждение представляется потому, что, как говорилось раньше, в спектре внимания философии и классической культуры находятся все три уровня идеала, но не обязательно их противостояние между собой. Так, художественная модель вполне может быть сконструирована с целью противопоставления двух вариантов онтологического идеала — как, к примеру, «Пятьсот миллионов Бегумы» Ж. Верна или дилогия «Звезды — холодные игрушки» / «Звездная тень» С. Лукьяненко.

То есть в качестве критерия принадлежности к художественной футурологии, по аналогии с критерием принадлежности к классической культуре, можно обозначить не факт противопоставления двух уровней идеалов, а факт наличия в произведении всех трех уровней.

На разных этапах развития гуманитарных наук и культуры разные уровни могут выходить на первый план, и равно могут осуществляться противопоставления между разными типами идеалов на одном уровне.

Надо сказать, что в обоих случаях, как правило, имеет место двойственное противопоставление, наиболее распространенным случаем которого является противопоставление общества с доминированием онтологического уровня идеала (доминирующей ролью общественного блага), как вышеназванная модель «мира Геометров» С. Лукьяненко, и общества с доминированием антропологических идеалов. Однако здесь может возникнуть путаница, связанная с пониманием того, что есть «общество с доминированием антропологического идеала» — общество доминирования личных интересов или общество доминирования приоритетов саморазвития. При ближайшем рассмотрении аналогичное двучтение можно видеть и в вопросе о том, что представляет собой «общество с доминированием онтологического идеала» — общество доминирования общественного блага или общество доминирования законов, порядка ради порядка, «абсолютного порядка». Если в качестве примера общества с доминированием общественного блага можно назвать модель, предложенную И. Ефремовым в «Туманности Андромеды», то в качестве общества «абсолютного порядка» — модель, сформулированную Е. Замятиным в романе «Мы». Говоря о двух вариантах общества с домини-

рованием идеалов антропологического уровня, мы можем привести в качестве примера модель общества «Полдня» А. и Б. Стругацких, как модель общества с доминированием идеалов самосовершенствования, и модель общества «Звездной тени» С. Лукьяненко, как модель общества с доминированием личных интересов.

Эту тетраду можно так же представить следующим образом: общество с доминированием идеала саморазвития, общество с доминированием идеала личного потребления, общество с доминированием идеала общественного блага и общество абсолютного порядка.

Фактически эти четыре точки, расположенные на условной схеме в виде квадрата, и дают нам поле, в котором функционирует все идеальное конструирование второй половины XX в. В рамках этого поля располагаются все антропологические, этические и онтологические парадоксы, которыми оперирует художественная футурология второй половины XX в.

Учитывая, что ранее мы говорили о трех уровнях идеала, нужно было бы вывести еще две точки, соответствующие двум вариантам этического идеала, однако противопоставление различных этических идеалов ничего не добавляет в общую структуру, так как в схематизированном виде эти две точки располагались бы на двух сторонах квадрата, друг напротив друга, между идеалами антропологического и онтологического уровня. Так, к примеру, в одном из подсюжетов американского художественно-футурологического конструкта, мира «Вавилона 5», выводится противопоставление двух идеалов этического уровня: ставится вопрос о том, допустимо ли насильственное спасение жизни пациента врачом в ситуации, когда религиозные убеждения пациента запрещают хирургическое вмешательство. Однако в рамках названной ранее схемы этот парадокс можно рассматривать и с точки зрения отношения к индивиду как к объекту приложения этического идеала или как к объекту антропологического уровня — и тогда более значимо его биологическое сохранение, или как к объекту онтологического уровня — и тогда более значимо сохранение его религиозного идеала.

Таким образом, добавление этического уровня к общей схеме углубляет ее, не меняет принципиально.

Одновременно можно отметить, что в XXI в. онтологический уровень идеала практически выходит из поля осмысления, и основным полем противопоставления становятся противостояния, связанные с этическим уровнем.

В России наиболее радикальной силой, несущей в себе воплощение начала Большого социального проекта и суверенно-интеграционного феномена научно-технического романтизма, становится русская научно-техническая интеллигенция и политическое течение большевизма, выразившее в своих устремлениях нарождающиеся интенции «русского прометеизма» и «русского космизма». Руководящим ядром течения большевизма при его интеллектуально-организационном оформлении в 1904—1905 гг. и разрывом со старой социал-демократией оказываются В. И. Ленин как носитель радикального русского воплощения творчески понятой теории, А. А. Богданов как ученый-энциклопедист, врач, основатель науки о долголетии и переливании крови, мыслитель-утопист, писатель-фантаст — автор одного из первых собственно научно-фантастических романов России «Красная звезда» о полете на Марс и коммунистическом обществе на Марсе, основанного на бессмертии, достигаемом с помощью переливания крови; Л. Б. Красин, организатор и руководитель российской дореволюционной электроэнергетики, в революционном советском правительстве — руководитель промышленности и путей сообщения.

Показательным носителем интенции научно-технического романтизма в революционном движении России становится ближайший друг Ленина Г. М. Кржижановский, с одной стороны, ставший автором русского текста одного из наиболее популярных революционных гимнов «Варшавянка», с другой — фанатичный энтузиаст идеи электрификации России и автор, и руководитель реализации плана ГОЭЛРО.

Тот же Ф. Э. Дзержинский, кроме общеизвестной и вызывающей разное отношение должности председателя ВЧК, возглавлял в разные годы и Наркомат путей сообщения, и Всероссийский Совет Народного Хозяйства, и Комиссию по борьбе с беспорядочностью, в рамках которой была создана одна из наиболее эффективных и передовых учебно-воспитательных систем.

То есть общей интенцией, свойственной этому ядру радикальных революционеров, было не стремление к «протесту ради протеста», характерное, по мысли М. Вебера, для психологии «синдикалиста», с приводимым М. Вебером образом синдикалиста, который «чувствует себя ответственным лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка. Разжигать его снова и снова — вот

цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков»¹. Интенция их внутренних устремлений — преобразование, проектность и, таким образом, утверждение внутренней суверенности духа преобразования, но не изолирующего себя, а интегрирующего в свое волевое тело все достижения человеческой культуры и науки.

Партия большевиков, в теоретическом плане наследовавшая идеи марксизма, взяв власть в России в октябре 1917 года, опираясь на российский квалифицированный промышленный пролетариат и русскую инженерию, оказалась пронизана интенциями научно-технического романтизма и веры в возможность идеального социального переустройства общества на основе использования передовых достижений научно-технической революции.

В 20–30-е годы XX в., поставив задачу технической реконструкции производства и восстановления промышленности, электрификации России, культурной революции и подготовки к отражению нависавшей угрозы внешней агрессии, большевистское руководство одновременно решает и задачу преодоления сформировавшегося отставания от западных стран, и создания принципиально нового типа производства, хотя на первый план в этих условиях выходит первая из названных задач.

Создав индустрию, обеспечившую победу над фашистской общеевропейской агрессией, обеспечив СССР статус сверхдержавы и ликвидировав последствия гитлеровского нашествия, руководство страны получает возможность перейти к реализации глобальных планов научно-технического переустройства не только производительных сил, но и природных условий обитания. Начинается реализация трех глобальных проектов: атомного (познания тайн строения материи и создания атомной энергетики), преобразования природы (изменения природной среды обитания и создания избыточного производства электроэнергии), космического (реализация выхода в космос и освоения внешнего мира — космического пространства).

В этой «Большой проектности» утверждается суверенность: и как политическая суверенность страны, и как суверенность ее духа, в плане принятия на себя права и ответственности за преобразование мира, и как культурно-интеграционная суверенность,

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Макс Вебер. Избранные произведения. — М., 1990. — С. 695.

признающая мир несовершенным, но подлежащим изменению на основании овладения всем богатством знаний, накопленных человечеством.

В совокупности выход на эти рубежи означает приобретение феноменом научно-технического романтизма характера собственно политико-философского движения общественной жизни в СССР. Причем, если на предыдущих этапах данный феномен вызревал как результат не зависящего от него развития научно-технических достижений, теперь он в полной мере сам обретает субъектность и сам начинает ставить задачи преобразования мира. То есть, если еще в XIX веке он был отражением и осмыслением изменений, происходящих в мире, то теперь уже мир становится отражением его существования.

В качестве субъекта историко-политического действия, в новых условиях феномен политической философии и политической культуры научно-технического романтизма выступает в трех автономных воплощениях, существующих и в отдельности, и в качестве своего диалектического единства: 1) как политический курс развития страны; 2) как утвердившиеся в обществе общественные настроения и ожидания; 3) как развивающаяся политико-философская концепция.

Научно-технический романтизм выступает как политическая сила и политический курс практического созидания, в котором реализуется соединение культурного суверенитета страны и культурно-цивилизационной интеграции богатств человеческого знания. Как таковой данный субъект заявляет себя в трех соотнесенных с тремя этапами началах.

Первое — сталинское глобальное проектирование послевоенного периода, собственно инициация, разработка и процесс реализации трех упомянутых глобальных проектов: атомного, космического, природопреобразовательного, подготовку первого варианта Программы строительства коммунизма (1948 г.), с одной стороны, во многом порождающего созидательно-преобразующие настроения и глобальные ожидания советского общества 1940–50-х гг. и установку на глобальное интеллектуальное проектирование в советской художественной футурологии этого периода, а с другой — основывающегося на этих ожиданиях и построениях и усиливающего себя ими.

Второе — проекты Н. С. Хрущёва, ориентированные частью на завоевание популярности, а частью — на продолжение глобальных

форматов созидания сталинского периода: целина, «осуждение» Сталина, продолжение реализации космического проекта при сворачивании природопреобразовательного, разработка и принятие Третьей программы КПСС — Программы строительства коммунизма (1961 г.). С одной стороны, позитивно усиливающие воодушевление и ориентацию общественных настроений и интеллектуальных поисков художественной футурологии уже не только в сфере производственно-созидательных проектов, но и в сфере создания ярких социально-политических утопий. С другой — расслабляющие общество ожиданиями простых и быстрых побед, создающих иллюзию возможности ненасильственной политики, постепенно ведущих к переориентации общества на ценности «Общества потребления», в итоге приходящую в противоречие с общими созидательными проектными задачами.

Третье — политический курс постхрущевского руководства, сворачивающего мобилизационную практику, провозглашающего установку на развитие материального стимулирования и учет показателей прибыли в производстве, отказ от масштабного социального экспериментирования, отказ от радикальных методов политической и экономической деятельности как в сталинском, так и в хрущевском варианте, провозглашение в качестве главной задачи не целей созидания, а приоритетов потребления и все большее удовлетворение материальных потребностей, то есть приоритеты «Общества потребления».

Этот курс опирается в общественных настроениях на начала расслабленности, частично рождавшиеся эйфорией предыдущего периода, одновременно углубляя потребительские установки общества и рождая позиционирование общества в отношениях с интенциями научно-технического романтизма в качестве ожидания плод научно-технического прогресса, а не ценности возможностей участия в созидании.

Одновременно возникает противоречие и конфликт политической и интеллектуальной составляющих научно-технического романтизма: первая переориентируется на скорейшее получение материальных результатов и повышение управляемости общества; вторая сохраняет установку на глобальное социально-философское проектирование. Отражением этого конфликта становится политическая борьба вокруг художественной футурологии в 1966 г. и упадок роли социально-философской проектной составляющей в советской художественной футурологии.

Раздел 1.1. «БОЛЬШИЕ ПРОЕКТЫ» «ОБЩЕСТВА ПОЗНАНИЯ» И ВОСХОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРНО-СУВЕРЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

1.1.1. Глобальные проекты И. В. Сталина и технократические тенденции в СССР

Пытаясь выделить основную черту эпохи И. В. Сталина, одни исследователи выдвигают в его адрес обвинения в репрессиях и авторитаризме (хотя чаще используется термин «тоталитаризм»), другие вспоминают о его роли в Великой Отечественной войне. Говоря об этом периоде, автор не ставит своей задачей дать общую оценку роли И. В. Сталина как таковой, тем более оценку известных трагических моментов этой эпохи, являющихся предметом многих дискуссий и заслуживающих многих отдельных исследований. Хотя, среди прочего, нельзя не упомянуть, что существующие, как положительные, так и отрицательные оценки Сталина, варьирующиеся между демонизацией и апологетикой, выводящие его образ то от «недоучившегося семинариста-террориста», то от «профессионального борца за счастье трудового народа», никогда не обращают внимание на его молодой образ как одного из самых ярких грузинских поэтов конца XIX века, талантливого математика и увлеченного астронома, каковым он, собственно, и был до ухода на профессиональную подпольную работу. Для данной работы интерес представляет обычно почти не упоминаемая и выключенная из историографической дискуссии 1990-х гг., связанная с ним тема глобального проектирования.

В подобном контексте данный период, несмотря на все противоречивые оценки в историографии¹, автора интересует именно в отношении утвердившейся установки на глобальное проектирование, нашедшей свое отражение в подготовленном, но не принятом проекте программы ВКП(б) 1948 г., на основе которого позже и была создана Программа КПСС 1961 г.

¹ См., напр.: *Аксютин Ю.* Указ. соч.; *Зубкова Е. Ю.* Указ. соч.; *Пихоя Р. Г.* Указ. соч.; *Пыжиков А.* Указ. соч.; *Бюффа Дж.* История Советского Союза. — М., 1990; *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. — М., 1992; *Иного не дано.* — М., 1988; *Осмыслить культ Сталина.* — М., 1989; *Романенко К.* Указ. соч.; *Макаренко В. П.* Указ. соч.; и др.

Глобальное проектирование, как считает М. Геллер (и в этом с ним можно полностью согласиться), является неотъемлемой чертой, присущей советскому проекту, начиная с первых лет его существования¹. Советская власть получила — после окончания Первой мировой и Гражданской войн — в свои руки огромную страну с отстающей на сотню лет от современного западного состояния аграрной и промышленной системой. Размер этого пространства, численность населения и порядок задач, которые предстояло решать, определили курс на глобальные проекты на следующие несколько десятков лет.

Нет смысла углубляться здесь в анализ хорошо известных глобальных проектов 30-х гг. Имеет смысл, однако, определить связь глобального проектирования сталинского периода с последующим развитием тенденций научно-технического романтизма.

И здесь следует оговорить следующую проблему, с которой автор столкнулся в процессе исследования: на протяжении двадцати лет, о которых речь будет идти далее, события политической жизни влияли на общественные настроения и культуру эпохи с заметной задержкой. Попытки соотносить их по годам приводят к существенным ошибкам в понимании происходивших тогда процессов. Так, в частности, генезис научно-технического романтизма Е. Ю. Зубкова предлагала в свое время соотнести с тенденциями «оттепели» в общественных настроениях после XX съезда², однако сами современники³, приводя обширный эмпирический материал, утверждают, что культура этого периода находилась под влиянием тенденций сталинского периода. Такой же разрыв впоследствии можно будет наблюдать и в упоминаемых большинством современников событий начала 60-х гг., и в развитии соответствующих тенденций в фантастике уже в конце десятилетия.

Таким образом, можно предположить, что искать истоки научно-технического романтизма как исторического, культурного, политического и философского феномена, связанного с переходом сциентического и антропологического оптимизма и романтизации

¹ См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. — М., 2000.

² Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. — М., 1993.

³ Напр., см.: Брандис Е. П. Советский научно-фантастический роман. — М., 1959.

достижений науки в систему политико-философских взглядов, следует искать в установках сталинского периода, а именно второй его части — 1945–1953 гг.

Период этот имеет крайне противоречивые оценки в историографии¹, однако в контексте изучения генезиса научно-технического романтизма нас интересуют только две из них: установка на глобальное проектирование и государственная политика в области культуры.

Глобальное проектирование в первую очередь нашло свое отражение в предложенной, но не принятой Программе КПСС 1948 г.

В 1945–1947 гг. хозяйственное положение России оказалось в два раза хуже, чем в 1941 г.²

В 1946 г. Сталин поставил задачу организовать новый мощный подъем народного хозяйства и увеличить объемы производства в три раза по сравнению с довоенным уровнем. Такой подъем должен был гарантировать «продовольственную подушку» на случай новой войны.

Западные эксперты полагали, что объем промышленности СССР сможет восстановить за 20 лет. Сталин ставил задачу восстановить его к 50-му году. Уровень был восстановлен за два с половиной года — к 1948 году.

Залогом промышленного успеха были идеология, использование новейших достижений техники и опыта полученного во время войны. Так, к примеру, в транспортном машиностроении использовалась техника и организационно-производственные методы, которые применялись во время войны в танковой промышленности, что

¹ См., напр.: *Аксютин Ю.* Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. — М., 2010; *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы 1945–1964. — М., 1993; *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. — Новосибирск. 2000; *Пыжиков А.* Хрущевская «оттепель». — М., 2002; *Борффа Дж.* История Советского Союза. — М., 1990; *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. — М., 1992; *Иного не дано.* — М., 1988; *Осмыслить культ Сталина.* — М., 1989; *Романенко К.* Борьба и победы Иосифа Сталина. — М., 2007; *Макаренко В. П.* Бюрократия и сталинизм. — М., 2009 и др.

² *Платонов О.* Бич Божий. Величие и трагедия Сталина. — М., 2005. — С. 270.

позволило сократить трудоемкость изготовления грузовых вагонов вдвое по сравнению с довоенным уровнем.¹

За 1946–1950 гг. было построено, восстановлено и введено в действие 6200 крупных промышленных предприятий².

Производственные фонды народного хозяйства выросли на 23 % по сравнению с 1940 г., производственные фонды промышленности на 58 %³.

Производительность труда в промышленности выросла на 28 %, в строительстве на 39 %, в сельском хозяйстве на 65 %, в железнодорожном транспорте на 61 %⁴.

При этом национальная экономика была построена так, чтобы оказаться полностью независимой от Запада.

Обычно деятельности Н. С. Хрущёва приписывают переориентацию производства с товаров группы «А», тяжелой промышленности, на товары массового потребления, однако, если он и осуществлял реформы в этом направлении, то они были лишь продолжением процессов, запущенных при И. В. Сталине: именно в период 1946–1950 гг. впервые за период правления советской власти темпы роста производства средств производства (группы «А») отставали от темпов роста производства предметов потребления: первые составили 12,8 %, вторые — 15,7 %⁵.

Одно за другим проходили снижения цен, причем на товары не только первичной, но и вторичной необходимости. Так, например, О. Платонов приводит следующую выдержку из постановления Совета Министров СССР «О новом снижении с 1 марта 1949 г. государственных розничных цен на товары массового потребления»⁶: на хлеб, муку, масло сливочное и топленое, мясо, колбасные изделия консервы и шерсть — на 10 %, на парфюмерные изделия и велосипеды — 20 %, на телевизоры — 25 %, на водку — 28 %, на часы — 30 %.

¹ ИСЭ СССР. Т. VI... С. 16.

² Там же. С. 18.

³ Народное хозяйство СССР: Стат. сборник. — М., 1956. — С. 29, 32.

⁴ Страна Советов за 50 лет (Сборник статистических материалов). — М., 1967. — С. 31.

⁵ ИСЭ СССР. Т. I... С. 18.

⁶ Правда. 1 марта. 1949.

Можно обратить внимание, что основной акцент делается на снижение цен именно на товары вторичного потребления, что может свидетельствовать о высокой степени решения продовольственной проблемы применительно к существовавшим условиям. Ряд авторов, в том числе О. Платонов и Ю. Аксютин, отмечают, что, несмотря на это, уровень жизни остается весьма низким, однако сам же О. Платонов объясняет это тем, что заметная доля производства работала на «отстающие» регионы, то есть ставилась задача поднимать производство равномерно, а не отталкиваясь от размера вклада каждого конкретного региона в общую производственную систему. Так, если темпы роста промышленной продукции в РСФСР, Украине и Белоруссии за 1940–1950 г. составляли 115–175%, то в Эстонии — 342, Латвии — 303, Литве — 191, Молдавии — 206 и т. д.¹

Установка на равномерное аграрное преобразование страны нашла свое отражение в так называемом «сталинском проекте преобразования природы», реализация которого началась в 1948 г.

План был принят по инициативе И. В. Сталина и введен в действие постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 года «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР»². План не имел прецедентов в мировом опыте по масштабам. В соответствии с этим планом предстояло посадить лесные полосы, чтобы преградить дорогу суховеям и изменить климат на площади 120 миллионов гектаров, равной территориям Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Нидерландов вместе взятых. Центральное место в плане занимало полезащитное лесоразведение и орошение. Сроками реализации проекта были названы 1949–1965 гг. В задачи его входило создание 8 крупных лесных полос в степных и лесостепных районах СССР общей протяженностью свыше 5300 километров.

Катализатором принятия проекта стала предшествовавшая его принятию засуха и голод 1946–1947 годов. Представляется, однако, что причины его рождения и восприятия в общественных настрое-

¹ ИСЭ СССР. Т. 1... С. 187.

² *Войцеховский М. Б.* Государственная лесополоса // Независимая газета. 2008. 26 ноября.

ниях лежат более глубоко и кроются в ранее оговоренной предрасположенности масс к глобальным проектам.

Как верно отмечает Е. Ю. Зубкова, «каждое время имеет свой “предел перемен”, который может быть реализован, исходя из наличия условий базового уровня. Этот предел образуется факторами как объективного, так и субъективного свойства. В числе последних — комплекс явлений политического, социально-психологического, духовно-нравственного порядка, который в обобщенном виде может быть выражен через понятие социально-психологической (или шире — общественной) атмосферы»¹. «Социально-психологический фон, — пишет она далее, — изменяясь под воздействием внутренних и внешних обстоятельств, создает механизм прессинга, подталкивающий управляющий центр к принятию решений того или иного рода».

План преобразования природы И. В. Сталина, был, таким образом, не столько необходимостью, связанной с недостатком продовольствия, сколько следствием его собственной романтизации достижений науки — и аналогичных настроений, бытовавших в обществе тех лет. Романтизации науки как таковой в данном случае было бы недостаточно, и можно сказать, что она выходит на новый уровень, синтезируясь с другой установкой, зародившейся после революции, — установкой на реализацию глобальных проектов.

План становится своеобразным апогеем первого этапа научно-технического романтизма в СССР — романтизма, ориентированного еще только на преобразование материальной среды, не затрагивающего на этом этапе вопросы социально-политических законов.

Планом было намечено создание в течение 1950–1965 гг. крупных государственных лесных защитных полос общим протяжением 5320 км, с площадью лесопосадок 112,38 тыс. га.

Эти полосы были запланированы:

- 1) по обоим берегам р. Волги от Саратова до Астрахани: две полосы шириной по 100 м и протяженностью 900 км;
- 2) по водоразделу рр. Хопра и Медведицы, Калитвы и Березовой в направлении Пенза — Екатериновка — Каменск (на Северском Донце): три полосы шириной по 60 м, с расстоянием между полосами 300 м и протяженностью 600 км;

¹ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. — М., 1993. — С. 3–4.

- 3) по водоразделу рр. Иловли и Волги в направлении Камышин — Сталинград: три полосы шириной по 60 м, с расстоянием между полосами 300 м и протяженностью 170 км;
- 4) по левобережью р. Волги от Чапаевска до Владимирово: четыре полосы шириной по 60 м, с расстоянием между полосами 300 м и протяженностью 580 км;
- 5) от Сталинграда к югу на Степной — Черкесск: четыре полосы шириной по 60 м, с расстоянием между полосами 300 м и протяженностью 570 км;
- 6) по берегам р. Урала в направлении гора Вишневая — Чкалов — Уральск — Каспийское море: шесть полос (три по правому и три по левому берегу) шириной по 60 м, с расстоянием между полосами 200 м и протяженностью 1080 км;
- 7) по обоим берегам р. Дона от Воронежа до Ростова: две полосы шириной по 60 м и протяженностью 920 км;
- 8) по обоим берегам р. Северского Донца от Белгорода до р. Дона: две полосы шириной по 30 м и протяженностью 500 км.

В рамках Плана была создана система на тот момент гигантских электростанций (общая мощность построенных в рамках общего плана гидроэлектростанций составила более 4 млн кВт.), создана система крупных оросительных систем и судоходных каналов, В рамках реализации объектов было орошено и обводнено более 28 млн га земель.

Таблица 1

Гидроэлектростанция	Установленная мощность, тыс. кВт	Выработка в среднем по водности в год, млрд квт·ч	Год сооружения
Куйбышевская ГЭС	2000	около 10	1955
Сталинградская ГЭС	1700	10	1956
Каховская ГЭС на Днепре	250	1.2	1957
Цимлянская ГЭС на Дону	160	—	1952
Тахиаташская ГЭС на Амударье и две ГЭС на Главном Туркменском канале (построены не были)	100	—	1957

Таблица 2

База орошения и обводнения	Протяженность магистральных каналов, км	Площадь орошаемых земель, млн га	Площадь обводняемых земель, млн га
Куйбышевская ГЭС	—	1,0	—
Сталинградская ГЭС	600	1,5	11,5
Главный Туркменский канал от Аму-Дарьи до Красноводска и оросительные системы в районах низовьев Аму-Дарьи, Западной Туркмении и пустыни Кара-Кум	1100	1,3	7
Каховская ГЭС, Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы и оросительные системы в районах юга Украины и Северного Крыма	550	1,5	1,7
Волго-Донской судоходный канал и оросительные системы в прилегающих районах	190	0,75	2
Итого	—	6,05	22,2

И. П. Костенко отмечает, что из всего фонда научных открытий СССР за 1950–1990-е гг. 80% было сделано в 1950–60-е гг. Можно, таким образом, утверждать, что период 1950–60-х гг. в СССР стал периодом научно-технической революции, которая оказалась не замечена историками, увлеченными анализом протестных движений. Соответственно и процессы, происходившие в общественной жизни этого периода, следует анализировать с учетом ранее установленных закономерностей развития политической мысли в последующие после НТР годы.

Предпосылками НТР стала вся государственная политика И. В. Сталина в отношении образования и науки. Наука, по его мнению, имела первое по значению место после оборонного комплекса¹.

¹ Платонов О. Бич Божий. Величие и трагедия Сталина. — М., 2005. — С. 285.

В 1950 г. в СССР на образование шло 10% национального дохода, в то время как в США — 4%. В конце 40-х — начале 50-х гг. относительные расходы на высшую школу в полтора раза превышали аналогичные расходы в США.

На развитие науки в 1946–1950 гг. было выделено 47,2 млрд. руб. В 1946 г. более чем в два раза была повышена заработная плата профессорско-преподавательскому составу и научным работникам¹. Сеть научно-исследовательских учреждений выросла в 1,5 раза по сравнению с довоенной, численность научных работников выросла почти в 2 раза². Причем основы этой тенденции были заложены еще в военное время: в период 1941–1945 гг. было организовано 240 новых научных учреждений.

Результатами этих вложений стал не только заметный рост обеспеченности аграрной сферы профессионально подготовленными кадрами, но и такие достижения науки, легшие в основу современного производства, как создание ЭВМ, овладение ядерной энергией, комплексная механизация и автоматизация производства, разработка проблем электроники и ракетной техники, получение материалов с заданными свойствами.

В 1947 г. создается Государственный комитет по внедрению новой техники.

Именно на рубеже 1940–50-х гг., как справедливо отмечает О. Платонов³, закладывается база для последующих космических и ядерных исследований, развития электроники.

Советская атомная бомба была разработана за 4 года, сразу после взрывов американских бомб в Хиросиме и Нагасаки. Сталин обратился к ученым, работающим в этой области со следующей речью: «У меня к вам одно требование, товарищи. В кратчайший срок обеспечить нас атомным оружием! Вы знаете, что Хиросима потрясла мир! Нарушен баланс! Пока Советский Союз не обретет ядерное оружие, ему будет грозить большая опасность с Запада»⁴.

¹ ИСЭ СССР. Т. 6... С. 162.

² Там же. С. 21–22.

³ Платонов О. Бич Божий. Величие и трагедия Сталина. — М., 2005. — С. 286.

⁴ Указ. соч. С. 287.

Интересно, что к тому времени в распоряжении советской разведки уже были чертежи американской атомной бомбы, однако, было решено вести исследование собственным путем. «У американцев, — рассказывает один из участников проекта, — заряд выстреливается в стволе, и за счет сжатия начинается цепная реакция и выделение энергии. У нас вместо ствола применили обжатие шара. Это более сложная конструкция, но она дает лучшее сжатие, лучший КПД»¹.

Однако на этом разработка направления не была закончена и уже в 1953 г. была разработана бомба нового поколения — водородная. А в 1954 г. была запущена первая в мире атомная электростанция.

Одновременно следует признать, что успехи НТР и возможный промышленный переворот этих лет тормозила поддержка концепции Лысенко в области биологии и отказ от кибернетических концепций В. И. Шестакова. В вину государственной политике этого периода ставят и ранее упоминавшийся низкий уровень жизни.

Надо, однако, иметь в виду, что прогресс нигде и никогда не шел линейно. Промышленный переворот в Англии начала XIX в. лишил работы множество людей, и в сравнении с ним последствия промышленного переворота в СССР 1950–60-е гг. в этом отношении были весьма умеренными. Об этом говорит уже тот факт, что если промышленный переворот в Англии на долгое время оставил в истории идей след сциенистического пессимизма, то в массовом сознании советских людей 50–60-х гг. прошедший промышленный переворот в целом отложился как позитивное явление.

Что касается государственной политики в области культуры в сталинский период, то, прежде всего, ее характеризуют следующие его слова: «Как будто у нас в жизни нет конфликтов, как будто в жизни у нас нет сволочей. И получается, что драматурги считают, что им запрещено писать о драматических явлениях. Критики все требуют от них идеалов, идеальной жизни. А если у кого-нибудь появляется что-то отрицательное в его произведениях, то сразу же на него нападают»².

¹ Берия С. Л. Указ. соч. С. 286.

² Марьянов Г. Указ. соч. С. 108.

Вопреки устоявшемуся запрету, все установки на строго позитивное изображение действительности идут не с верхних, а со средних уровней.

В то же время можно согласиться с О. Платоновым¹ в том, что Сталин питал склонность к имперскому стилю и имперскому пафосу в культуре. С его подачи был возобновлен ряд оперных и театральных постановок XIX в., правда, с переориентацией ценностного фокуса: там, где раньше были оды царю, теперь появляются оды советскому/русскому народу, рядовому человеку и одновременно герою.

Сам имперский размах еще раз подводит нас к мысли о глобальности взглядов, свойственных эпохе, из которой и вырастает в 50-е гг. стремление к построению глобальной утопии.

1.1.2. Глобальное природное и политическое проектирование в советской художественной футурологии 30–50-х гг. XX в.

Однако возвращаясь к теме параграфа, нужно сказать, что художественная футурология 1950-х гг. редко оперирует противопоставлениями идеалов разного уровня. В фокусе ее внимания конструирование идеалов как таковое либо же противопоставление гуманистических идеалов (прообразом которых становится советская система) всех трех уровней — «человека советского», советской системы межличностных отношений и онтологического идеала, отгалкивающегося от представлений о коммунистическом обществе К. Маркса в противопоставлении индивидуалистическим идеалам западного типа (и здесь изображение альтернативной системы идет строго по трем уровням — эгоистические идеалы на антропологическом уровне, зачастую негативные модели этического идеала и индивидуалистический идеал на онтологическом уровне). Выдвигая данную конструкцию, автор отдает себе отчет в том, с какой критикой она может столкнуться, однако в данном случае рассматриваются идеальные модели, репрезентированные в художественно-футурологических работах определенного периода, а не их правдоподобие, степень приятия обществом или соответствие реальному положению вещей.

¹ Платонов О. Указ. соч. С. 290.

Среди других специфических черт конструкторов этого периода можно назвать доминирование онтологического идеала над этическим и слияние антропологического и онтологического идеала в первом виде моделей (основанных на репрезентации советского проекта), и доминирование антропологического идеала над онтологическим во втором типе конструкторов, а также полное нивелирование этических ценностей в нем же.

Таким образом, в ранее обозначенной схеме типовая советская художественно-футурологическая модель находится в ранее обозначенном квадрате близко к точке, обозначенной как «общество с доминированием общественного блага», а антимодель — в точке с доминированием идеала личного потребления. Последняя, как правило, получает название «мирового империализма».

Особняком в отношении данной схемы стоит гносеологический аспект и гносеологический идеал. Связано это с тем, что он не является обязательным элементом для классической культуры в целом. Однако роль его в художественной футурологии и особенно в направлении научно-технического романтизма весьма велика, и парадоксы гносеологического уровня тоже занимают в работах соответствующего направления особое место.

Художественная футурология 1950-х гг. на деле мало отражает мифологизированный образ, созданный соответствующей группой исследователей, выводящих на первый план события, связанные с протестной борьбой.

Некоторые аспекты ее тематического своеобразия хорошо подчеркивает Е. Брандис, один из критиков, стоявших на стороне поздней волны научно-технического романтизма. Его точка зрения тем более примечательна, что в большинстве случаев полемика между представителями двух направлений была столь же острой, как между сторонниками фантастики и ее противниками.

«Прежде всего, бросается в глаза значительное расширения круга тем и сюжетов и приближение их к запросам современности, — пишет он о фантастике этого десятилетия. — Изменившееся соотношение сил на международной арене и укрепление стран социалистического лагеря, огромные достижения советской науки и техники, неограниченные возможности дальнейшего всестороннего прогресса в период перехода от социализма к коммуниз-

му — всё это не могло не повлиять на научно-фантастическую литературу»¹.

Е. Брандис уже в статье 1959 г. тоже отмечает, что популярность художественной футурологии особенно возросла «в последние годы», и что читают ее все слои населения, в особенности молодежь².

Двумя годами ранее приближенность к пониманию фантастики как метафоры, предназначенной для первичного познания реальности, и, в первую очередь, будущего, демонстрирует К. Федин в статье «К звездам»³.

Е. Брандис выступает с критикой «теории предела», которая, по его словам, до последних лет ограничивала возможности футурологического конструирования пятилетним планом развития производства и при этом отмечает: «Самый факт существования социалистического строя, успехи советской промышленности, науки и техники создали все необходимые предпосылки для появления научно-фантастического романа нового типа, где и фантазия, и наука служат задачам коммунистического воспитания»⁴. Такой тип понимания художественной футурологии будет главенствовать в науке вплоть до начала 90-х гг. XX века.

Проводя подсчет достижений советской художественной футурологии начиная с 20-х гг. XX века, Е. Брандис говорит о том, что с 1917 г. было создано более 700 фантастических произведений. Преобладают среди них романы, повести и рассказы, хотя встречаются и научно-фантастические очерки, пьесы, киносценарии, поэмы и даже стихи.

Действительно, до 1960-х гг. фантастика в СССР является в первую очередь явлением литературным, хотя считать его исключительно таковым не совсем верно. Существует и несколько малоизвестных экранизаций, таких как фильмы «Аэлита» 1926 г. и «Мечте навстречу» 1935 г., космической фантастики и ряд более известных экранизаций произведений Ж. Верна. Тем не менее в литературе к этому времени фантастика уже становится массовым явлением

¹ Брандис Е. П. Советский научно-фантастический роман. — М., 1959. — С. 18.

² Брандис Е. П. Указ. соч. С. 3.

³ Федин К. К звездам // Правда. 12 октября. 1957.

⁴ Брандис Е. П. Указ. соч. С. 5.

с поправкой на то, что, как и пишет Е. Брандис, это фантастика не совсем того рода, к которой мы привыкли: она существует на грани реального и фантастического, как, например, приключенческо-фантастические повести А. Беляева. В 1920–30-е гг. в советской фантастике тем не менее уже формируются традиции антропологического оптимизма, которые станут ее визитной карточкой на протяжении следующего десятилетия. Советская фантастика 50-х гг. XX века отличается от прежней в первую очередь акцентом на глобальном проектировании, которое выражается в проектах глобального преобразования природы до 1956 г., а после 1957 г., с выходом романа «Туманность Андромеды» И. Ефремова, постепенно смещается к политическим проектам.

Е. Брандис приводит анализ работ ряда авторов 20–30-х гг. XX века, таких как А. Толстой, А. Беляев, В. Обручев и др., однако отсчет фантастических работ 1950-х гг., приведенных им, начинается ровно с 1957 г.

Здесь он называет переиздание романа В. Владкова «Аргонавты Вселенной» (1957), герои которого исследуют еще неосвоенную Венеру. Интересна заданная в названии отсылка к античной традиции, схожая с образностью романтизма XIX в., и некоторые детали сюжета, напоминающие сюжет романа Р. Стивенсона «Остров сокровищ». Таким образом, В. Владков одним из первых экстраполирует сюжет романтического романа-странствия в Космос, однако меняются ценности, являющиеся целью странствия: если в первом случае это клад, материальные блага, цель применения которых не ясна, то цель поисков героев В. Владкова, будучи материальной, скорее символизирует поиски общего блага, символом которого стала еще легендарная карело-финская Сампо, которую В. Владков, а вслед за ним и другие авторы, например, А. и Б. Стругацкие, помещают на Венеру. Венера в данном случае не только хранилище ресурсов и материальных благ, но и источник возможного благосостояния общества.

Годом ранее переиздается еще одна повесть 1930-х гг., «Тайна подводной скалы» Г. Гребнева (ранее издавалась под названием «Арткантия» (1938)).

В качестве одной из магистральных тем советской художественной футурологии 1950-х гг. Е. Брандис выделяет тему глобального проектирования. В первую очередь он говорит о проектировании естественно-научном, имея в виду сталинские планы

преображения природы, нашедшие отражение во многих романах 1950-х гг., и особенно ярко — в центральном произведении первого этапа развития научно-технического романтизма, «Туманности Андромеды» И. Ефремова.

«Мне кажется, — пишет сам И. Ефремов о функциональных задачах научной фантастики, — что мечта о приложении научных достижений к человеку, к преобразованию природы, общества и самого человека составляет сущность настоящей научной фантастики. Показ влияния науки на развитие общества и человека, отражение научного прогресса, овладения природой и познания мира в психике, чувствах, быту человека — вот главный смысл, значение в цель научной фантастики»¹.

Можно, однако, расширить сказанное им и уточнить, что эпохе 1950-х гг., как и сталинскому периоду советского проекта, в целом свойственно стремление к глобальным проектам. Именно поэтому глобальные проекты преобразования природы не только находят отклик в читательской среде, но и сливаются с главным глобальным проектом советской эпохи — проектом построения коммунизма.

И то и другое в 1950-е гг. выливается в ряд вариативных и в то же время схожих между собой идеальных конструктах советских фантастов.

Можно предположить, что именно отказ от глобального проектирования в 1950-е гг. приводит на следующем этапе к отказу и от научно-технического романтизма.

Ключевое отличие утопий 1950-х гг. от утопий предшествующего поколения отражено в словах М. Горького, на которые неоднократно приводят ссылку исследователи художественной футурологии этой эпохи: «Прежде всего — и еще раз! — наша книга о достижениях науки и техники должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенное преодоления трудностей и поиски верного метода. Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции»². То есть утопия в данном случае выступает не

¹ *Ефремов И.* Науки и научная фантастика // *Природа*. 1961. № 12. С. 41–47.

² *Горький М.* О темах. — М., 1933.

островом, оторванным от реальности, не идеальным конструктом, по определению недостижимым, а именно проектом, достижение которого должно быть очерчено достаточно четко, чтобы выглядеть реалистично. И этот критерий тоже наиболее ярко представлен в работе И. Ефремова, не только детально характеризующего представленный им проект, но и достаточно подробно (с учетом взятого им отрезка времени в тысячу лет) очерчивающего основные стадии его достижения.

Линию глобального естественно-научного проектирования воплощают и работы Г. Адамова. Так, в 1946 г. публикуется написанная им в 1938–1942 гг. повесть «Изгнание владыки», центральной темой которой становятся работы по отоплению Арктики. Продолжают тему преобразования природы А. Казанцев, Ф. Кандыба, Г. Гуревич, Г. Тушкан и др.

Романы этой тематики, изданные до 1956 г., как правило, републикуются в 1956–57 гг.: «Арктический мост» А. Казанцева (1946; 1958), его же «Полярная мечта» (1956, ранее публиковалась в 1952 г. под названием «Мол “Северный”»). Первая волна публикаций хронологически соотносится с подготовкой так и не вышедшей сталинской Программы КПСС 1948 г.

Если «Изгнание владыки», помимо темы природных преобразований, поднимает тему борьбы с обозначенной ранее системой антиидеала, воплощенной в романе в капиталистическом обществе, то «Полярная мечта» по своей пацифистской направленности ближе к советским настроениям 1950–60-х гг.: в центре сюжета строительство Северного мола — подводного тоннеля, через Северный полюс соединяющего СССР и США.

Работы этой волны позднее подвергаются жесткой критике представителей так называемого направления «философской фантастики», речь о котором пойдет позднее, в первую очередь за недостаток философского и актуального политического содержания, однако критики направления не учитывают тот факт, что для своей эпохи эти работы более чем актуальны, а сам факт глобального проектирования закладывал фундамент для проектирования политического.

Работы названной группы четко формулируют все три уровня идеала, а значит, обладают философским содержанием. Вменить им в вину можно только то, что они не ставят в фокус анализа проблему противопоставления идеалов разного уровня, но отказ причислять

их к рангу «философской фантастики» под этим предлогом выглядит субъективным.

Кроме того, работы этой группы обладают важным качеством (которое также подвергается критике позднее) — жестким научным обоснованием. Творцы глобальных природных проектов делают упор на естественно-научном обосновании, которое часто затрудняет восприятие работ для читателя, но оно же и становится своеобразным ограничением, не позволяющим научно-техническому романтизму вырваться за рамки художественной футурологии и выродиться в вольное фантазирование, что повсеместно происходит с фантастикой сегодня. Именно этот критерий, жестко ставившийся критикой и издательствами 1950-х — начала 1960-х гг., обеспечивал возможность анализа фантастических произведений названного периода как политических моделей, в то время как фантастика более поздних периодов решительно отступает от необходимости научного обоснования тезисов. Хотя это и облегчает работу автору, в ряде случаев давая возможность создать более удаленный прогноз, одновременно такое расширение критериев открывает дорогу массовому, недоброкачественному «продукту».

«Арктический мост» А. Казанцева сюжетно перекликается с «Туннелем» (1913) Б. Келлермана, и это еще одна характерная черта советской фантастики этого периода: часто она существует в рамках осознанной или неосознанной полемики с западными произведениями, дублируя их сюжеты, освещает их с другой стороны. Если западная художественная футурология моделирует негативные сценарии развития, то советская, исходя из тех же предпосылок, моделирует позитивные, основанные на представлениях об антропологическом оптимизме. Такие тенденции можно заметить в ранних работах И. Ефремова, повторяющих сюжеты западных фильмов 1930-х гг., а А. и Б. Стругацкие, комментируя свою работу над повестью «Далекая Радуга», откровенно говорят о том, что на них повлиял просмотр американского фильма «На последнем берегу». Однако философское содержание двух произведений кардинально различается.

Е. Брандис особо выделяет антропологический идеал, представленный в повести «Арктический мост»: Андрей Корнев, инженер и автор проекта «арктического моста», по словам Е. Брандиса, «привлекает своей монолитностью. С юношеских лет он неуклонно идет к поставленной цели, стойко перенося тяжелые разочарования

и неудачи»¹. Такой антропологический идеал более чем характерен для эпохи 1950-х гг., антропологический идеал этой эпохи воплощает индивид, лишенный сомнений и имеющий четкую иерархию приоритетов, главное для него — общественное благо, а наличие в сюжете этических дилемм только подчеркивает твердость его решений. Позднее подобный этический идеал будет подвергнут критике, его неоднократно обвинят в нежизненности и неправдоподобности, однако если обратиться к документальным свидетельствам, к воспоминаниям и мемуарам людей, которых можно было бы назвать «пятидесятниками» — К. Симонов «Глазами человека моего поколения», письма соответствующего периода А. Стругацкого — можно увидеть, что этот идеал пронизывал общество насквозь. Он был свойственен даже интеллигенции, для которой традиционно характерны этические метания и идейные сомнения. Столкновение идеалов разных эпох показывают А. и Б. Стругацкие в своей повести «Стажеры»: авторы моделируют три типа человека — коммуниста 1950-х гг., коммунара ХХII в. и промежуточное звено «шестидесятников», которое оказывается наиболее уязвимо к соблазнам и наветам, так как уже не застало жесткого идейного противостояния прошлых лет, но еще и не обрело уверенности в будущем, свойственной «коммунару».

Ряд авторов, таких как Ф. Кандыба и Н. Лукин, уделяют особое внимание преемственности научной традиции, что представляется столь же знаковым для эпохи, как и сама идея глобального проектирования: для реализации глобального проекта требуются усилия нескольких поколений и только закрепление в сознании масс концепта преемственности, ненепрерывности труда тех, кто не успевает увидеть этот проект, может позволить продвигаться вперед. С критикой этих идей на Западе выступают Р. Хайнлайн и А. Азимов, показывая в своих работах судьбу глобальных проектов спустя несколько поколений.

В. Сытин и Г. Гуревич затрагивают традиционную для западных антиутопий тематику ограниченности природных ресурсов, но также освещают ее в позитивном ключе. «Покорители вечных бурь» (1956) В. Сытина так же поднимают традиционную тему героизма советских летчиков, в то время как Г. Гуревич в повести «Подземная непогода» (1956) уже конструирует антропологический идеал

¹ Брандис Е. П. Советский научно-фантастический роман. — М., 1959. — С. 23.

новой эпохи — не военного, но ученого. Особое место в его работе занимает изображение труда человека этой профессии. Тема ответственности также присутствует в его работе.

Повести В. Захарченко и Б. Ляпунова открывают тему всеобщей автоматизации, которая впоследствии станет ключевой для конструирования центральных моделей общества будущего в начале 1960-х гг.

Хотя в целом художественную футурологию этого периода можно было бы назвать «литературой ответов», в противоположность последовавшему за ней поколению «фантастике вопросов», некоторые авторы, такие как В. Немцов и Г. Мартынов, затрагивают и неразрешимые вопросы политической этики.

Среди вопросов, традиционных для литературы этого периода, — этичность и неэтичность научно-технического прогресса, вопросы трудностей межкультурного взаимодействия («проблема контакта»). На Западе оба вопроса в большинстве случаев получают негативный ответ, так как западная цивилизация уже имеет негативный опыт промышленных революций, повлекших за собой тотальную безработицу, голод и болезни в среде малоимущих слоев населения, а также опыт колонизации Азии и Америки, ставший причиной фактической гибели традиционных культур.

Прогнозы советских писателей более оптимистичны — индустриализация в СССР проходит иным путем и, несмотря на миф о «жертвах сталинизма», как показывают опросы, приведенные ранее, воспринимается скорее в позитивном ключе. Таким образом, в сознании советского человека складывается принципиально отличное от западного отношение к прогрессу. Традиция же столкновения с другими культурами носит для России скорее покровительственный, мессианский характер, и отношение к ней советского человека разделяется между безразличием и одобрением, при небольшом проценте выступающих против¹. Ответное проникновение на территорию России/СССР также было редкостью, и в большинстве случаев российская культура демонстрировала большую упругость, отторгая попытки ассимиляции. Результатом такого исторического опыта становится и соответствующая позиция в анализе названных вопросов в фантастической литературе.

¹ См., напр.: *Опросы Ю. Аксютину о событиях в Венгрии.*

Первый вопрос затрагивают А. Казанцев в повести «Пылающий остров» (1940–1941, 1957) и Л. Лагин в романе «Патент АВ» (1947). «Лучи жизни» (1949) С. Розвала в самом своем названии содержат отсылку к традиционной американской идее «лучей смерти», реализованной, в частности, в одноименном фильме рубежа 1930–40-х гг. Повесть «Энергия подвластна нам» (1950) Э. Иванова посвящена уже не абстрактному оружию, а вполне конкретной проблеме двоякого использования атомной энергии.

Ряд авторов, следуя предложенным западными писателями путем, конструируют капиталистическую антиутопию — Н. Томан, Г. Гуревич, В. Иванов, — четко отграничивая ее при этом от позитивного сценария развития, представленного советским проектом. Таким образом, неверно говорить о том, что советские писатели обходили стороной угрозы будущего. Уже в 1950-е гг. традиция моделирования негативных сценариев была достаточно развита, однако так же, как американские антиутописты связывали ее с развитием советской онтологической модели, отечественные авторы связывали ее с онтологической моделью западного мира. Многие исследователи тем не менее по какой-то причине понимают эту традицию однобоко, либо игнорируя наличие капиталистических антиутопий в СССР, либо приписывая их государственному заказу, хотя те же выводы можно было перенести и на утопию западную. Так, общеизвестным фактом является то, что Д. Оруэлл сотрудничал с британской разведкой. Вызывает аналогичные подозрения творчество А. Кларка, местами уходящего в откровенную пропаганду проекта освоения Космоса, как нуждающегося в финансировании со стороны налогоплательщиков, и У. Ле Гуин, слишком усердно порой наполняющей свои модели узнаваемыми элементами западных стереотипов о советской реальности. Более удивительным, пожалуй, является тот факт, что западное позитивное прогнозирование развито весьма слабо, даже когда речь идет о моделях развития демократического проекта: из всей западной фантастики этого направления можно выделить разве что телекиноэпопею «Звездный путь», первый цикл которой был создан в 1964–1966 гг., в которой освоением космоса занимается «Земное содружество». Впоследствии, однако, возвращение к проекту происходит только в 1990-е гг. Развитие истории в «Звездном пути» тем не менее линейно: авторы не представляют никаких сведений о пути, который проходит «Земное содружество» на пути своего становления, то есть можно лишь

предположить, что в основе его формирования — экстраполяция существующих тенденций развития американской демократии в будущее. Тот же недостаток свойственен и негативному прогнозированию в его западном варианте: Г. И. Гуревич отмечает, что западные футурологи, хотя и используют количественные методы, призванные повысить точность прогноза, всего лишь экстраполируют в будущее существующие тенденции, никак не анализируя сущность исторического прогресса в его сложности и нелинейности, что и становится причиной недостаточной точности прогнозов¹.

Отечественный историк Е. Зубкова пишет в своем исследовании «Общество и реформы 1945–1964»: «Практика настоящего, опрокинутая в прошлое, приводит подчас к известным искажениям в оценках реформационных возможностей того или иного периода»². Признавая ограниченность техники «экстраполяции современных развитий общества, его потенциала на прошлый период», следует, по-видимому, идти до конца и признать неправомерным подобное «опрокидывание» тенденций современности в будущее. Составляя футурологический прогноз, необходимо учитывать в нем общие закономерности развития истории.

Среди наиболее обоснованных с точки зрения футурологического моделирования западных позитивных прогнозов можно назвать проект А. Кларка «Космическая одиссея» (1968), в которой автор исходит из склонности человека к насилию и закономерностей естественного отбора как двух двигателей исторического прогресса. Научный прогресс в модели А. Кларка обусловлен вмешательством извне: то есть фактически А. Кларк не считает человеческое существо способным к самостоятельному познанию или творческому акту. Модель будущего, предложенная А. Кларком, включает продолжающееся противостояние двух систем без анализа ценностных систем советской онтологической модели. В основе достигнутого благополучия лежит научно-технический прогресс и, в частности, блага, полученные в результате освоения Космоса. Однако антропологический идеал остается неизменен по отношению к идеалу первобытного человека — и в этом, как представляется, состоит

¹ Гуревич Г. И. Четыре путешествия на машине времени. — М., 1991.

² Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. — М., 1993. — С. 3.

одна из центральных мыслей книги. Кроме того, гносеологическая способность человека также остается неизменной. Фактически А. Кларк дает отрицательный ответ на вопрос о познаваемости Вселенной и это не случайная оговорка, а принципиальная позиция, последовательно аргументируемая автором на протяжении двух частей романа, одна из которых моделирует первобытное общество, а вторая — общество будущего. Таким образом, «позитивным» его прогноз назвать достаточно трудно.

Интересно и то, что здесь мы видим разделение западных моделей будущего на два типа: последовательно обоснованные негативные прогнозы (Д. Оруэлл и множество других) и слабо обоснованные позитивные прогнозы («Звездный путь»).

Значимым является и другое направление развития советской фантастики 1950-х гг. — антропологическое, которое в работах И. Ефремова и А. Казанцева трансформируется в поиски метакультуры, предшествовавшей формированию нынешнего многокультурного человеческого общества.

Антропологическую традицию в советской фантастике закладывает еще В. Обручев в своем романе «Земля Санникова». В 1950-е гг. ей наследуют романы Л. Платова «Архипелаг исчезающих островов» (1949) и «Страна семи трав» (1954).

Антропологическая традиция, традиция моделирования обществ, оторванных от остального мира — «Шангри-Ла», многочисленные версии романов об Атлантиде, — существует в этот период и на Западе, однако они, как правило, служат инструментом для изображения утопического конструкта, общества, живущего в единении с природой и/или обладающего мудростью древних, которую утратило современное человечество. Моделируя антропологически изолированные социумы, советские авторы, напротив, показывают их одичание и исторический регресс.

В то же время в работах А. Казанцева прародина человечества, погибшая планета Фаэна, предстает позитивным утопическим конструктом, а причиной ее гибели становится мировая война с применением атомного оружия — таким образом, А. Казанцев остается на позициях исторического оптимизма, но репродуцирует в своем творчестве злободневную политическую проблему противостояния двух систем в условиях обладания оружием тотального уничтожения.

Казанцев дает и еще одно объяснение своему интересу к прошлому и в частности предполагаемому контакту Земли с другими

цивилизациями в прошлом: «Если будет однозначно доказано, что инопланетяне побывали на Земле, это будет доказательством того, что цивилизации могут достичь, и достигают более высокого уровня, чем наша современная, и в своем развитии успешно преодолевают ядерный барьер, сохранив жизнь разумных существ на своей планете»¹, — пишет он.

То есть А. Казанцева интересует не тайна как таковая, а новое пространство для моделирования закономерностей исторического прогресса, продления знаний о логике развития цивилизации как в прошлое, так и в будущее. Ощущая в этом смысле недостаток эмпирического материала, которого не испытывали исследователи более ранних периодов, воспринимавших цивилизацию и обозримый мир, Ойкумену, только в пределах плоскости Земли, он вынужден обратиться к предположениям и метафорам, хотя в той же статье А. Казанцев особое внимание обращает на необходимость последовательного обоснования любых фантастических гипотез.

И. Ефремов идет дальше и большее внимание уделяет не собственно моделированию подобного утопического конструкта, а самому поиску теоретических оснований межкультурного взаимодействия, сходства различных культур и их различий, проявляющихся в эстетике женской красоты, танца, в развитии искусств. Его представления выглядят особенно актуальными в современной ситуации глобализации, так как концепт метакультуры, предложенный И. Ефремовым, предполагает не только объединение множества культурных оснований, препятствующих диалогу между представителями различных культур, в одну (путь глобализации), но и сохранение этих культур при включении их в общую систему единой мировой цивилизации.

И. Ефремов и три его построения — метакультура, антропологический идеал человека эпохи Кольца и онтологический конструкт утопии, представленный в романе «Туманность Андромеды», становятся центром притяжения, объединяющим многочисленные модели второго этапа развития научно-технического романтизма в СССР.

Находят отражение в творчестве И. Ефремова и глобальные проекты преобразования природы, характерные для эпохи.

¹ *Казанцев А.* Из Космоса в прошлое // НФ : Сб. науч. фантастики. — Вып. 12. — М., 1972. — С. 125–146.

В то же время И. Ефремов обходит стороной большую часть дискуссий эпохи — он не касается ни темы моральности прогресса, ни морали в политике, лишь фрагментарно затрагивая вопрос о приоритете общего над частным, не показывает его диалектичности, и в ранних своих произведениях дает однозначно положительный прогноз в вопросе о взаимодействии культур.

В более поздней его работе, романе «Час быка» (1968), впрочем, постановка вопроса становится более диалектичной.

В творчестве И. Ефремова четко прослеживается наследование идей Ф. Энгельса — как в отношении его антропологических и эстетических теорий, так и в его отношении к научному прогрессу. Диалектика отношений с прогрессом у И. Ефремова заключается не в его позитивных или негативных плодах для человечества, а в его гносеологическом аспекте, в вопросе о принципиальной познаваемости Вселенной, каковая, согласно Ф. Энгельсу, требует бесконечного времени.

Кроме того, концепт И. Ефремова оказывается наиболее обоснован с точки зрения теории и философии истории и потому требует отдельного, более детального исследования.

1.1.3. Глобальное проектирование в политической культуре СССР 1940–50-х гг.

Анализ общественных настроений 1950-х гг. несколько затрудняет тот факт, что социологические методы в этот период еще не были распространены в СССР в достаточной мере. Самые первые опросы в России были проведены Б. А. Грушиным только к 1960–1964 гг.

Существует несколько ретроспективных исследований Ю. Аксютин¹, однако информация, которую мы можем почерпнуть из них, отчасти обрывочна: Ю. Аксютин в своих исследованиях делал упор на анализе восприятия современниками мифологизированных событий политической истории, таких как смерть Сталина и XX съезд, в то время как спектр событий, формировавший имидж советского гражданина этого периода, куда обширнее.

¹ Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. — М., 2010.

При этом для данного исследования интересно не отношение общества к фигуре И. Сталина как таковой (что достойно отдельного исследования), а именно тип и характер общественного сознания страны в этот период.

В связи с этим приходится оговориться сразу, что данный параграф исследования будет сочетать в себе анализ социологических исследований в той мере, в которой они касаются нашей темы, и воспоминаний современников, среди которых наиболее часто будут встречаться имена А. и Б. Стругацких как одних из центральных фигур движения научно-технического романтизма. Впоследствии автор исследования надеется углубить изучение этого аспекта, обратившись и к личным документам их предшественников — И. А. Ефремова, А. Казанцева и др.

В 1952 году мексиканский археолог Альберто Рус Луилье случайно открыл под руинами давно известного ученым индейского города Паленке каменные храмы цивилизации неизмеримо более древней — цивилизации майя.

Влияние этого события, казалось бы, мало связанного с общественными настроениями в СССР, на деле легко читается в творчестве советских писателей-фантастов последующего десятилетия и, кстати, почти целиком выходит из сферы интересов писателей 1960-х гг.

Открытие храма ступеней в Паленке стало не просто открытием существования еще одного неизвестного науке племени — оно означало расширение знаний человека о мире еще на одну ступень в прошлое. Фактически, если открытие Руса и не стало новой научной революцией, то однозначно стало одним из первых импульсов к ней, поскольку, по принципу, выведенному в первой главе данного исследования, — одно открытие влечет за собой другое. Так же как окно Овертона, снимая один запрет за другим, разрушает ценностные представления общества, так и любое открытие, переворачивающее представления научного мира, влечет за собой новые прорывы.

Никем, однако, до конца не исследована научная революция 1950–1960-х гг. Отечественные исследователи на сегодняшний день проявляют больший интерес к дискуссии относительно цензурной практики в СССР, а западные в большей степени ориентированы на прикладную науку и потому делают упор на изучении следующего этапа научных открытий — изобретения микропроцессора в 1970-х гг.

Приходится, таким образом, исходить из тех немногих источников, которые возможно получить, не углубляясь в специальное историческое исследование и следуя за ними, рассмотреть ряд других формирующих общественные настроения событий.

Первым знаковым событием, во многом изменившим мир советского человека, стала смерть И. В. Сталина. Судя по ретроспективным опросам общественного мнения, она отразилась как болезненная утрата и так была воспринята подавляющей частью общества — до 85 %. По результатам опросов 1997 г.¹, смерть Сталина в тот период восприняло «болезненно» или «с жалостью в душе» от 25 до 50 % опрошенных (в 1997 г. это число составляло 25 %, в 1998 г. — 50 %, в 1999 г. — 45 %). Еще 10, 13 и 9% соответственно испытывали потрясение, находились в шоке, были угнетены, испытывали тревогу, страх или ужас. 15 % (1997), 22 % (1998) и 16 % (1999) восприняли это событие не только с жалостью, но как трагедию и невыносимую утрату. То есть от 50 до 85 % помнящих это событие восприняли его тогда негативно.

В общей сложности от 25 до 35 % опрошенных вспоминают, что плакали они сами или все вокруг них. Для 5–12 % опрошенных это было «всеобщее горе». Страх перед будущим испытали 18, 11 и 12 % опрошенных.

С той или иной степенью безразличия отнеслись к событию только 12 (1997), 9 (1998) и 6 % (1999) опрошенных. 8, 2, 5 и 3% опрошенных ощутили ожидание грядущих перемен к лучшему.

Таким образом, можно сказать, что 1) событие затронуло все слои населения и только 10% остались к нему равнодушны; 2) 21–28% опрошенных испытали в связи с этим событием страх перед будущим, 3–8,2% — «надежду на обновление». В общей сложности около 30% — около трети опрошенных — видело в этом событии глобальный поворот истории, остальные 70% восприняли смерть Сталина как смерть человека, не экстраполируя ее значение на политику.

Е. Ю. Зубкова, обращаясь к более позднему сюжету перезахоронения И. В. Сталина, приводит воспоминания ряда современников (И. Эренбурга, В. Стрелкова, А. Д. Сахарова), объединенных общим настроением «оцепенения» и страха. По мнению автора, прежде всего эта подавленность была обусловлена страхом перед пере-

¹ Аксютин Ю. Указ. соч. С. 24.

менами к худшему¹. А. Пыжиков, анализируя прессу 1953–1956 гг., приходит к выводу, что «преклонение перед великим вождем» продолжало существовать и после его смерти². В подтверждение этого он приводит выдержки из различных статей в «Правде». Тем не менее с этими авторами трудно согласиться: как мы видим, только 21–28% опрошенных испытали страх, и если более пристально рассмотреть формулировки, в целом отзывы о смерти И. В. Сталина скорее похожи на отзывы о смерти близкого, чем о смерти вождя. И это, в общем, позволяет сделать вывод, что общество воспринимало Сталина не как некое фараоноподобное (великое или ужасное) божество, но именно как близкого человека, товарища, которому поручена самая сложная и ответственная работа, с которой именно он справляется лучше всех.

Характерно в этом смысле письмо А. Стругацкого брату, написанное в 1953 г.: «Умер Сталин! Горе, горе нам всем. Что теперь будет? *[далее красным карандашом]* Не поддаваться растерянности и панике! Каждому продолжать делать свое дело, только делать еще лучше. Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму. Смерть Сталина — невосполнимая потеря наша на дороге на Океан, но нас не остановить. Эти дни надо пережить, пережить достойно советских людей!»³

Само отношение к И. В. Сталину также изменилось не настолько сильно, как это принято показывать. Так, например, известный «антисталинист» Г. Лукач уже в 1967 г. говорил: «В центральном для Советской России вопросе я стоял на стороне Сталина»⁴.

Надо сказать, что политические симпатии граждан после смерти И. В. Сталина оказались весьма полярны. Ни один из кандидатов на пост генерального секретаря не был достаточно популярен для создания нового мифа. На вопрос, кто из них «обладал наибольшими способностями и наибольшим правом руководить страной?»,

¹ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 104.

² Пыжиков А. Хрущевская «оттепель». — М., 2002. — С. 41.

³ Письмо А. Н. Стругацкого Б. Н. Стругацкому. 5 марта 1953 г. // Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. — М., 2008. — С. 175.

⁴ Лукач Г. История и классовое сознание. — М., 2003. — С. 88.

39–40 % опрошенных в 1998–1999 г. назвали Г. М. Маленкова¹. При этом Ю. Аксютин отмечает, что ровно половина мотивированных ответов в пользу Г. Маленкова апеллировала к более поздней его политической деятельности, то есть существуют основания полагать, что в 1953 г. его популярность не была бы так высока. 12–14 % опрошенных ответили, что отдали бы свои симпатии В. М. Молотову. 2–3 % опрошенных — Л. П. Берии, 3–6 % опрошенных симпатизировали другим кандидатам. Остальные по разным причинам не отдали предпочтение никому.

Таким образом, ни Л. П. Берия, первоначально считавшийся наиболее сильной политической фигурой после Сталина, ни тем более Н. С. Хрущёв (не набравший и 3 % голосов) не имели достаточной популярности среди граждан, чтобы занять пост верховного руководителя страны. Не имея точных данных, можно предположить, что эта тенденция продолжила существовать в последующие несколько лет. Перед Н. Хрущёвым, таким образом, на протяжении всего периода его правления стояла задача сформировать позитивный имидж, сопоставимый с имиджем его мифологизированных предшественников В. И. Ленина и И. В. Сталина. Возможно, с этой целью одна за другой проводились реформы, предпринимались попытки проведения политических актов, призванных интегрировать массы, объединить их вокруг нового сверхпроекта или же, напротив, используя практику создания культовых личностей 1930-х гг., показать себя «человеком из толпы»

В 1950-е гг. полным ходом продолжает идти индустриализация сельского хозяйства. Если в 1950 г. только 15 % колхозов пользовалось электроэнергией, то в 60 гг. XX века их было уже 71 %². То есть именно 1950-е гг. становятся для абсолютной массы сельского населения СССР периодом вступления в индустриальную эпоху с ее новыми символами и знаками. Отчетливо видны эти изменения в культуре — аграрная символика именно в этот период начинает постепенно сменяться индустриальной, хотя значение аграрной по-прежнему велико.

Еще одним прорывом, не только и не столько позволившим решить продовольственный вопрос, сколько воплотившим сози-

¹ Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. — М., 2010. — С. 33.

² Аксютин Ю. Указ. соч. С. 83.

дательные ожидания советского человека по освоению неизведанных земель, стало освоение целины. Более полумиллиона человек приняло участие в проекте, предложенном Н. С. Хрущёвым¹. Хотя это событие нельзя назвать всеобъемлющим в условиях многомиллионной страны, все же оно сформировало один из теговых мифов 1950-х гг. Уже в 1998–1999 гг. 43 и 40 % соответственно с энтузиазмом отзывались о проекте освоения целины. Еще 19 и 16 % опрошенных дали схожие ответы.

Только 2 и 7 % опрошенных затруднились дать однозначный ответ, и только 7,5 – 9 % ретроспективно свидетельствуют о том, что с самого начала не верили в проект.

Неоднозначными были сельскохозяйственные результаты целинного проекта, однако с точки зрения идеологической проект имел успех — заметную часть населения удалось вдохновить предложенным глобальным проектом.

Следующим мифом 1950-х гг. стало развенчание культа личности И. В. Сталина, и здесь тоже общественная память не столь однозначна, как принято считать. Из опрошенных в 1998–99 гг.² только 34 и 35 % опрошенных, то есть около трети, ответили, что поверили и одобрили. При этом о безоговорочной вере говорит еще меньше — 15 и 14 % соответственно. С оговорками поверили 9 и 11 % опрошенных. В то же время ровно столько же и даже чуть больше — 34 и 40 % опрошенных соответственно — не поверили и не одобрили доклад. Из них 11 и 20 % опрошенных не одобрили его полностью. Остальные опрошенные отреагировали с той или иной степенью двойственности.

То есть доклад Н. С. Хрущёва, строго говоря, произвел весьма двойственное воздействие. Многие из тех, кто вошел во вторую группу, «не поверивших», задавали риторический вопрос о том, не является ли он актом личной мести Н. С. Хрущёва И. В. Сталину. Этот же вопрос, впрочем, задавали и те, кто в целом доклад одобрил. Кроме того, среди «неодобивших» часто встречается точка зрения, что так в принципе недопустимо поступать по отношению к прежнему лидеру страны.

¹ Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. — М., 2010. — С. 87.

² Там же. С. 221.

Таким образом, доклад с позиции сегодняшнего видения ситуации можно признать неудавшимся. Он не произвел интеграции, подобной той, какой добился Хрущёв ранее посредством проекта освоения целины.

К 1957 г. симпатии граждан хотя и сдвинулись в сторону Н. С. Хрущёва, но абсолютного большинства он не набирал. Среди опрошенных в 1998 и 1999 гг.¹ 19 и 31 % соответственно отрицательно относились к попытке снять Хрущёва в 1957 г. 13,5 и 17 % хотели этого. 30,5 и 19 % опрошенных затруднились с ответом, 11 и 10 % не запомнили этого события вообще.

Возможно, поэтому понадобился новый проект, способный поднять его популярность: реализация начатой также при Сталине программы освоения Космоса.

4 октября 1957 г. на околоземную орбиту был запущен первый космический спутник Земли, положивший начало космической конкуренции между СССР и США.

Этот проект имел куда большую популярность, чем замысел развенчания культа И. В. Сталина и целина. 64 % опрошенных в 1998 г. и 87 % опрошенных в 1999 г.² отмечают, что испытывали тогда «воодушевление, радость, восторг, ликование». Гордость за страну испытали 49 % и 34,5 % опрошенных соответственно. Среди развернутых ответов преобладают такие: «Все были в диком восторге, ликовала вся Москва» и «Утерли нос всему загнивающему Западу!». То есть эмоциональный подъем не только охватил более половины населения, но и был сам по себе очень высок. Пожалуй, эмоциональность ответов в этом опросе превышает даже эмоциональность ответов на вопросы о Сталине.

Таким образом, идея, которая может объединить общество, была определена.

Данные опроса еще раз доказывают, что при исследовании этого периода существенен не анализ сельскохозяйственных реформ, в целом вызывавших умеренную реакцию у респондентов, и не анализ политических интриг внутри Кремля и ЦК. Даже женевская попытка примирения с Западом вызвала у масс куда меньший

¹ *Аксютин Ю.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. — М., 2010. — С. 294.

² Там же. С. 306.

отклик, чем космический проект. К сожалению, данные об этом аспекте общественных настроений весьма скудны.

Среди историков, занимающихся исследованием периода «оттепели», событие, ставшее толчком к формированию научно-технического романтизма как идейного течения, охватившего все слои населения к началу 1960-х гг., кратко упоминает Ю. Аксютин. Последствия его в одной из глав своей монографии «Общество и реформы. 1945–1964» рассматривает Е. Зубкова. Вовсе не касается А. Пыжиков.

Запуск космического спутника, который оказался не замечен российскими историками, по достоинству оценили не только советские, но и западные очевидцы: «...наша страна понесла поражение в эпическом соревновании XX века», — пишет в ответ на сообщение о запуске спутника «Нью-Йорк Геральд Трибьюн». «Мы не ждали советского спутника, — признает журнал «Форчун», — и поэтому он произвел на Америку и Эйзенхауэра впечатление нового технического Перл-Харбора».

В СССР фотографии спутника появились на передовице «Правды». Газеты день за днем приводили подробные данные о наблюдениях за спутником. Радио транслировало его сигналы.

Е. Ю. Зубкова верно отмечает, что запуск спутника произвел переворот в сознании советских граждан, однако суть этого переворота видит в том, что почувствовав себя частью Вселенной, советский человек почувствовал себя и гражданином мира¹. Освобождение от «психологического гнета», по ее мнению, стало причиной зарождения нового состояния духа, состояния сознания, склонного к сомнениям, раздумьям, новым чувствам и новым потребностям. Хотя с рядом ее выводов — а именно с тем, что запуск спутника породил существенно новое состояние сознания, не столько массового, сколько индивидуального для каждого человека, — хочется согласиться, тем не менее необходимо, во-первых, уточнить ряд моментов, во-вторых, развести два разных состояния, свойственных разным категориям населения и пробужденных разными процессами.

Что касается первого, то, как было сказано еще в начале главы и как отчасти можно видеть из откликов американской прессы,

¹ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. — М., 1993. — С. 158.

состояние духа не появилось одновременно. Первые импульсы грядущей революции в массовом сознании были намечены еще открытиями А. Р. Луиле и, возможно, множеством других открытий, упоминания о которых сегодня трудно найти. Это и тотальная индустриализация сельского хозяйства, и успехи оборонной промышленности (которые тем не менее не до конца вписывались в ожидания населения, уже ориентированного женевскими переговорами на мирное разрешение противостояния). 1950-е гг. порождают идеологический накал, сходный с постреволюционным накалом 1920-х гг., который остается не замечен историками, погруженными в анализ одной лишь только стороны советской мысли — мысли узкополитической, связанной с перестановками внутри правительства и реакцией на экономические реформы, вопросами репрессий и протестных движений, не имевших глобального масштаба. Многие из перечисленных событий не разбираются в данном параграфе подробно, однако именно им посвящена большая часть работ по этому периоду¹.

Схожие наблюдения делает и В. В. Шапинов: «В истории господствует дурной стиль, — пишет он, — рассматривать «сталинский» период развития советского общества, а шире — развития мировой революции — с точки зрения издержек классовой борьбы. Все ли жертвы и репрессии были оправданы? Все ли подсудимые на московских процессах были виновны? Мы не можем позволить себе роскошь превращать историю социализма и борьбы классов в плохой детектив, где есть виноватые и невинные. На основе сегодняшнего анализа можно оценивать только правильность и неправильность общей политической линии руководства ВКП(б) и Коминтерна в тот период, а не средства и методы, которыми она проводилась»².

¹ См., например: *Аксютин Ю.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010; *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы 1945–1964. — М., 1993; *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. — Новосибирск., 2000; *Пыжиков А.* Хрущевская «оттепель». — М., 2002; *Фирсов Б. М.* Разномыслие в СССР. 1940–1960-е гг. — М., 2008. и др.

² *Шапинов В. В.* Империализм от Ленина до Путина. — М., 2007. — С. 34.

Соглашаясь с первой частью его построения, нужно все же отметить, что в рамках политологического и политико-философского исследования кажется уместным так же анализировать и соотношение использованных средств по отношению к поставленным целям, а также сами использованные технологии с точки зрения их эффективности и неэффективности, как бы мы не оценивали их с точки зрения морали.

Нужно отметить, что история культурной жизни этого периода в работах ранее упомянутого круга историков неразрывно связана с именами И. Эренбурга, Б. Пастернака, А. Твардовского, но ни один учебник истории литературы XX века не включает в себя те произведения, которыми на самом деле жил советский человек этого периода — фантастику И. Ефремова, Г. Мартынова, А. Казанцева, Г. Гуревича.

И здесь мы переходим ко второму тезису: следует различать два народившихся в 50-е гг. XX века идейных течения, два «новых состояния духа» — состояние, устремленное к познанию, и состояние, устремленное к сомнению. Схожие на первый взгляд, они, по существу, в корне различны.

Во-первых, последнее из них, стремление к сомнению, как верно замечает перечисленный круг историков, порождено либерализацией общества в период правления Н. С. Хрущёва. В основе его, как будет видно из последующих параграфов, лежит настроение узкой группы интеллигенции, в число которой входила в основном творческая богема (причем не вся, а оказавшаяся за пределами мейнстрима) и общественные деятели, близкие к гуманитарным наукам, — в основном писатели и журналисты.

Первое из названных течений, порожденное стремлением к познанию, более характерно для естественно-научной среды, однако охватывает после запуска спутника все слои общества и достигает своего пика к середине первой половины 1960-х гг., в то время как второе, будучи более локальным, развивается медленнее и своего пика достигает уже в 1970–80-е гг.

Два этих течения, будучи близкими по своей социальной основе, часто пересекаются в одних и тех же «салонах»¹, часто овладевают одними и теми же людьми на разных этапах их становления,

¹ См. первое исследование автора: *Черняховская Ю. С. Братья Стругацкие. Письма о будущем.* — М., 2016.

но по природе своей тем не менее остаются в корне различными. Одно из этих течений порождено глубинным стремлением созидать, другое — глубинным стремлением разрушать. И то и другое зарождаются как результат действия окна Овертона, но становятся откликом на разные события: движение «сомнения» становится откликом на череду политических арестов, смертей и развенчаний и в последующие годы сливается с полностью противоположным ему идейно «мещанством». Движение «познания» становится откликом на события научно-технической революции, начиная с открытия города майя и заканчивая полетом Ю. Гагарина в 1961 г. Отдельного осмысления заслуживает вопрос, почему дальнейшие события научно-технической жизни, например, полет В. Терешковой, уже не имели такого воздействия. Второе идейное течение — собственно линия развития феномена научно-технического романтизма.

Надо иметь в виду, что научно-технический романтизм периода его генезиса — 1952–1961 гг. — заметно отличается от научно-технического романтизма 1960-х гг.

«Личная жизнь, — пишет Е. Зубкова об общественных настроениях и культурной политике 1950-х гг., — воспринималась как своего рода приложение к производственному процессу, и хотя время революционной романтики, отложившее «чувства» до победы мировой революции, давно прошло, его наследство прочно сидело в умах, создавая целую систему неформальных нормативов поведения для каждого»¹.

Хочется оспорить сразу несколько пунктов данного положения.

Во-первых, трудно увидеть личную жизнь как приложение к борьбе за общественные идеалы в таких культовых произведениях эпохи (постреволюционной и постсталинской), как «Аэлита» А. Толстого (впервые издан в 1923 г., повторно — в 1937) и «Два капитана» В. Каверина — романа, написанного в 1938–1944 гг. и заново актуализированного фильмом 1956 г. Напротив, в названных произведениях социальные стремления прочно сливаются с личным.

¹ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. — М., 1993. — С. 121.

В-вторых, революционный накал в силу названных ранее причин в 1950-е гг., как представляется автору исследования, напротив, переживает новый подъем.

И, в-третьих, трудно согласиться с оценочной стороной положения — Е. Зубкова явно симпатизирует сторонникам приоритета личного над общим, а такой приоритет вовсе не является этически однозначным.

Однако согласиться с ней следует в том, что в конце 1950-х гг. дискуссия об общем и личном разгорелась особенно остро.

Научно-технический романтизм 1950-х гг. полностью отрешен от вопросов общего и личного, вернее, этот вопрос в нем однозначно решается в пользу общего. По большому счету, научно-технический романтизм 1950-х гг. вообще не ставит этических дилемм, за что впоследствии получает массу нелицеприятных отзывов от научно-технических романтистов второго поколения, 1960-х гг.

Научно-технический романтизм 1960-х гг. во многом насыщается идеями приоритета личного. По крайней мере вопросы о соотношении личного и общественного, целей и средств, гуманизма в политике занимают в нём центральное место на протяжении большей части десятилетия.

В итоге ось полемики в среде самих адептов течения проводит разграничение между ними, которое в 1966 г. во многом становится причиной «разгрома» одного из его поднаправлений¹. Властные структуры, в свою очередь, это разделение и зарождение нового, «критического научно-технического романтизма» с каждым годом воспринимают с все большим скепсисом, так как высказываемые последователями течения идеи опасно близки к идеям второй из названных ранее генераций — инакомыслящих. Представляется, однако, необоснованным, сводить эти два течения воедино, так как вплоть до самого распада СССР представители научно-технического романтизма, такие как А. и Б. Стругацкие, не поддерживали течение диссидентов и выступали с критикой как его, так и его новых союзников — «мещан».

¹ См. более раннее исследование автора: *Черняховская Ю. С. Братья Стругацкие. Письма о будущем.* — М., 2016.

Раздел 1.2. ПОПЫТКИ СИНТЕЗА ПРОЕКТНОСТИ «ОБЩЕСТВА ПОЗНАНИЯ» С УСТАНОВКАМИ «ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ»

1.2.1. Третья программа КПСС: традиции и новшества. Реформы Н. С. Хрущёва

Период правления Н. С. Хрущёва оставил о себе весьма противоречивые воспоминания современников. Противоречивые как в плане оценок, так и в плане выделения достижений более значимых и менее значимых.

Таблица 3

**Какие из событий, случившихся за годы его пребывания
у власти (1953–1964), больше всего вам запомнились?
(опрос Левада-центра, март 2016 г.)¹**
(несколько вариантов ответа)

	сен.06	сен.11	сен.14	мар.16
Запуск первого спутника, полет Гагарина	58	52	48	48
Освоение “целины”	40	36	32	37
Дорогостоящие и малоуспешные эксперименты в сельском хозяйстве (внедрение кукурузы и пр.)	42	38	37	35
Начало массового жилищного строительства (“хрущевки”)	39	34	29	32
Разоблачение преступлений Сталина	32	28	26	23
Дефицит продуктов питания, очереди за продуктами	34	27	21	23
Прекращение массовых репрессий, реабилитация жертв политического террора и “наказанных” народов	27	21	20	21
Отстранение от власти и казнь Берии (1953)	24	17	18	16

¹ Опрос Левада-центра: «События эпохи Хрущёва». 29.03.2016. — <https://www.levada.ru/2016/03/29/sobytiya-epohi-hrushheva/> (дата обращения: 11.07.2022).

Окончание табл. 3

	сен.06	сен.11	сен.14	мар.16
Размещение на Кубе ракет с ядерными зарядами (Карибский кризис 1962 г.)	19	17	16	16
Разрушение храмов, борьба с религией	16	15	13	16
Обещание “построить коммунизм” за 20 лет (1961)	25	21	14	15
Укрупнение колхозов, ликвидация “неперспективных” деревень	18	12	10	13
Сооружение Берлинской стены (1961)	10	12	11	11
Поддержание относительно терпимой общественно-политической атмосферы в стране (“оттепель”)	12	13	10	11
Попытки нормализовать отношения со странами Запада (“мирное сосуществование”)	12	8	9	9
Ограничения/запредельные налоги на ведение личного подсобного хозяйства	18	7	7	8
Шумные нападки на некоторых писателей, художников, ученых	7	6	6	8
Подавление массовых волнений в Новочеркасске (1962)	8	6	4	8
Подавление восстания в Венгрии (1956)	9	7	6	7
Перетряска органов государственного управления (совнархозы, разделение партийного аппарата)	6	4	4	4
Другое	3	2	2	1
Затрудились ответить	4	18	17	15

По мнению ряда исследователей, наиболее важным достижением Н. С. Хрущёва является либерализация общества после смерти И. В. Сталина и проведение ряда реформ, направленных на поднятие уровня жизни населения.

Как видим из данных приведенного опроса, эту позицию разделяло менее четверти опрошенных, и она в целом отражает не настроения общества — и фиксированное позиционирование определенных элитных групп. Более того, по данным Левада-центра от февраля 2017 года, отношение к Сталину в современном обществе намного лучше, чем к «разоблачившему» его Хрущёву: если в отно-

шении первого (Сталина) по этому опросу 46 % испытывали уважение, восхищение и симпатию (негативные чувства разделяли лишь 21 %), то в отношении второго (Хрущева) положительные чувства были лишь у 28 %, а 17 % он внушал неприязнь, раздражение, страх, отвращение и ненависть.

В то же время, как будет видно далее, в памяти современников больший след оставили формулировка Третьей программы ЦК КПСС, запуск первых космических аппаратов и целина.

То есть, анализируя деятельность Н. С. Хрущёва с целью выявить катализаторы общественных настроений и изменений в прогнозах художественной футурологии, мы можем выявить три основных направления его деятельности: реформы, направленные на повышение уровня жизни, космическая программа, подготовка Третьей программы партии. К ним можно добавить не менее значимое для изменения общественных настроений изменение курса во взаимоотношениях с США и более локальный, чем ранее названные, проект освоения целины. Что же касается либерализации, то единственным способом верифицировать ее существование является анализ воспоминаний современников, которому будет посвящен следующий параграф.

Некоторые изменения претерпела и идеологическая составляющая: как отмечает ряд исследователей и в частности А. Пыжиков¹, на смену концепту «диктатуры пролетариата» пришел концепт «общенародного государства». Одновременно задача строительства коммунизма обрела хронологические рамки.

Принятая XXII съездом КПСС в 1962 г. Программа строительства коммунизма провозгласила окончательную победу социализма.

«Треть человечества строит новую жизнь под знаменем научного коммунизма. Первые отряды рабочего класса, вырвавшиеся из-под гнета капитализма, облегчают победу новым отрядам своих братьев по классу. Мир социализма расширяется, мир капитализма сужается. Социализм неизбежно придет повсюду на смену капитализму. Таков объективный закон общественного развития. Империализм бессилен остановить неодолимый освободительный

¹ Пыжиков А. Хрущевская «оттепель» 1953–1964. — М., 2002. — С. 115.

процесс»¹, — гласила она, и этот фрагмент примечателен в двух аспектах.

Во-первых, как будет видно далее, он был воспринят настолько глубоко, что А. и Б. Стругацкие в своих статьях пересказывали его почти дословно, говоря о победе общества познания и зарождении общества потребления на Западе.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что в данном фрагменте речь идет именно о научном коммунизме — то есть на официальном, общегосударственном уровне декларируется возможность перестройки общества именно на основе научных изысканий.

Конечно, весь утопический конструкт коммунизма изначально строился на научной основе. Однако Третья программа актуализирует эту тему по-новому, и, учитывая ранее названный аспект, носители и репрезентаторы идеологии цитировали ее почти дословно — подобная формулировка не могла не иметь влияния на читателей, в число которых вошла большая часть граждан СССР.

Первым импульсом перехода научно-технического романтизма от стадии конструирования естественно-научных проектов с социальным значением к обоснованию необходимости и поиску возможностей перестройки общества стала публикация романа «Туманность Андромеды» И. Ефремова в 1957 г. Окончательным же завершением формирования научно-технического романтизма социально-политического типа представляется возможным считать публикацию Третьей программы КПСС, которая закрепила этот подход на официальном уровне.

Предшествовавшим ее принятию событием стал нашумевший в отечественной историографии и публицистике XX съезд КПСС.

В общественном сознании тема XX съезда связана прежде всего с докладом «О культуре личности и его последствиях», но более важным результатом съезда стало принятие резолюции «О подготовке новой программы Коммунистической партии Советского Союза». Реже вспоминают другие вопросы, решавшиеся в рамках съезда.

Так, в числе прочего, съезд осудил практику отрыва «идеологической работы от практики коммунистического строительства», «идеологического догматизма и начетничества». Тогда же прозвучала мысль о многообразии форм перехода государств к социализму.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1969. — С. 5.

Было отмечено, что «могут быть созданы условия для проведения мирным путем коренных политических и экономических преобразований». Решение «о многообразии форм перехода к социализму» означало, в определенном смысле, призыв к различного рода футурологическому проектированию и прогнозированию, в первую очередь о перспективах развития социализма и о том, как будет выглядеть будущее коммунистическое общество.

С этого события, по мнению В. Кайтоха¹, начинается пропаганда строительства утопии в научной фантастике.

Нельзя трактовать подобный призыв однозначно как заказ или однозначно как «разрешение» писать фантастику. Фантастика, в том числе утопическая, существовала и ранее: так, «Гость из бездны» Г. Мартынова был написан еще в 1951 г. Вернее было бы говорить о том, что постановление КПСС в той мере, в какой оно могло быть донесено до возможных «исполнителей», актуализирует тему утопии, отошедшую на второй план в период 1930-х — начала 1950-х гг.

Однако в самой постановке вопроса видится противоречие, так как речь в постановлении идет о прогнозировании, так как речь идет о «многообразии» и о рекомендации моделировать не только конечный результат, но и «пути» развития социализма и перехода к коммунизму. В то же время очевидно, что речь идет только о прогнозах перехода к коммунизму, но никак не о прогнозах победы США в идеологической войне или, тем более, полного поражения человечества — то есть прогнозах постапокалиптического направления. Можно таким образом сказать, что решение XX съезда подталкивает художественную футурологию к вполне конкретному типу прогнозирования — моделированию позитивных сценариев развития СССР, путей этого развития и возможных результатов.

В среде писателей, в то же время, уже вскоре возникает разногласия, так как толчок превращается в ограничение — многие увлекательные и философские сюжеты лежат в пограничной зоне и потому соответствуют предложенному жанру лишь отчасти.

Вопросы, связанные с формированием представлений о параметрах общества будущего, находились в центре внимания

¹ *Кайтох В.* Братья Стругацкие // Стругацкий А. Стругацкий Б. Бессильные мира сего. — М., 2003; *Скаландис А.* Братья Стругацкие. — М., 2008. — С. 437–438.

и XXII съезда КПСС. Образы нового общества включали в себя не только и не столько черты общества изобилия, сколько представления о новых общественных отношениях и новом человеке, его новой морали.

Принятая на съезде новая Программа КПСС включала три задачи коммунистического строительства: 1) создание к 1980 г. материально-технической базы коммунистического общества; 2) создание параллельно с этим и в результате этого новых общественных отношений; 3) формирование нового человека, общие характеристики которого описывались в «Моральном кодексе строителя коммунизма», содержащемся в новом уставе КПСС.

Обозначенные в программе условия построения и черты коммунистического общества (общества будущего) можно разделить на следующие группы: 1) экономические условия, которые могут обеспечить столь мощное развитие производительных сил (в частности кибернетики и автоматики), чтобы обеспечить человечество доступными для всех благами; 2) политические изменения (ликвидация классов и прослоек, замена государства общественным самоуправлением, основанным на самодисциплине); 3) последствия экономических и социальных перемен для жизни отдельных личностей (всестороннее развитие каждого, воспитание в людях естественной потребности в труде).

П. Вайль и А. Генис выделают три блока в партийной программы КПСС, обеспечившие ей всенародную популярность: 1) Построение материально-технической базы коммунизма. Этот комплекс положений был призван обеспечить благополучие без стяжательства. Его популярность гарантировалась неприязнью общества к «мещанству». 2) Создание новых производственных отношений. Новые производственные отношения предусматривали принцип соучастия. Труд не разделялся с досугом, он должен был стать основным интересом человека. 3) Воспитание нового человека. Основными чертами такого человека становятся нетерпимость к «враждебным проявлениям», искренность, добросовестный труд, коллективизм, борьба с «проявлениями противоположных тенденций». Искренность должна была быть агрессивной, отрицая принцип невмешательства. До принятия программы съездом партии ее проект был вынесен на всенародное обсуждение (практика публичного обсуждения важных партийных и государственных решений была введена при Н. С. Хрущёве) и вызвал интерес у широкой

аудитории. Таким образом, Третья программа партии не является в чистом виде партийным документом — анализ документов по ее подготовке, хранящихся в фондах РГАСПИ, показывает, что финальный текст в значительной мере аккумулировал предложения задействованных в подготовке организаций, представлявших достаточно разные группы населения.

Третья программа партии охватывала все стороны экономической, заметную часть политической и часть культурной жизни. Однако к теоретическому тексту требовался конкретный материал, позволяющий представить общество будущего в деталях, сделать этот образ осязаемым, а цель достижимой. Сам Н. С. Хрущёв не стремился лоббировать свое личное видение будущего. «Дело ведь не только в слове «коммунизм», — говорил он. — Мы стремимся к лучшей жизни, к самой прекрасной жизни на земле, чтобы человек жил без нужды, чтобы он всегда имел работу, которая ему по душе, чтобы не думал с тревогой о завтрашнем дне <...>»¹. Между тем увидеть картину будущего хотели многие современники. Так формировался не только политический, но и социальный запрос.

Не многим позже, в декабре 1963 г. на пленуме ЦК КПСС Хрущёв отметил: «Без фантазии, основанной на реальном фундаменте, нельзя жить... Необходимо предвидеть будущее, размышлять, намечать дальнейшие пути»².

Идеологическая и издательская практика определялась «Задачами партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры», включенными в Программу КПСС. В области идеологии формулировалась установка на «теоретическую разработку и своевременное практическое решение новых проблем, выдвигаемых жизнью», которые декларируются партией как «необходимое условие успешного движения общества к коммунизму». «Теория и впредь должна освещать путь практике, помогать выявлению и преодолению препятствий и трудностей, мешающих успешному коммунистическому строительству», — говорилось в Программе³. Таким образом, в этом документе в идеологию закладывался не

¹ Хрущёв Н. С. Социализм и коммунизм. Из выступлений 1956–1963 гг. — М., 1963. — С. 98.

² Там же. С. 100.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1969. — С. 118.

только утопический элемент, но и критический. Вопреки распространенному мнению, КПСС не только не требует на этом этапе исключительно позитивного изображения действительности, но и центр внимания переносит на необходимость «обращать внимание на трудности, стоящие на пути построения коммунизма», и выявлять «препятствия и трудности, мешающие успешному коммунистическому развитию».

В Программе партии содержатся установки, поощряющие дальнейшее распространение теории научного коммунизма, в результате чего с 1964 г. начинается его преподавание как специальной научной дисциплины в системе высшего образования. Таким образом, осмысление этой теоретической проблематики в художественной форме начинается в произведениях литераторов заметно раньше, чем данная дисциплина стала развиваться в академическом формате.

Наряду с формированием всеобъемлющего политического проекта, представленного Третьей программой КПСС, на XXI съезде КПСС (1959 г.) были провозглашены «полная и окончательная победа социализма в СССР» и начало развернутого строительства коммунизма. Было принято решение в течение семи лет ликвидировать тяжелый физический труд, проведя комплексную механизацию производственных процессов в промышленности, строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве и торговле. Планируются замена и модернизация устаревшего оборудования, внедрение новых высокопроизводительных процессов, быстрое развитие электрификации страны, автоматизация и дальнейшая специализация производства, всемерное использование достижений и открытий науки и техники, особенно в области радиоэлектроники, радиоактивных изотопов, полупроводников и ядерной энергии, превращение строительного производства в механизированный поточный процесс сборки и монтажа зданий¹.

НТР и ее достижения (модернизация производства путем его автоматизации и механизации, постепенный переход к новым ис-

¹ Постановление пленума 1959 г. «О работе партийных и советских организаций и советов народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1986. Т. 9. — С. 438–447.

точникам энергии) позволяют достичь определенного роста уровня жизни.¹ Кроме того, в 1950–1960-е гг. советское правительство проводит ряд акций, направленных на повышение уровня жизни населения.²

Принимается решение о расширении производства товаров широкого потребления, осуществляется переход к промышленному домостроению и форсированному решению жилищной проблемы, проводится сокращение рабочего дня, упорядочивание заработной платы и т. д.³

Ю. В. Аксютин высказывает точку зрения, что за счет сокращения численности вооруженных сил на 1,2 млн человек, проведенного в середине 1950-х гг., Н. С. Хрущёв освободил финансовые средства для реализации крупномасштабной программы жилищного строительства⁴. За 9 лет (с 1956 по 1964 гг.) было построено 767 млн кв. м. жилья⁵. В 1957 г. законодательно было определено, что нормальным жильем для семьи должна являться отдельная квартира⁶. Если в 1950 г. свои жилищные условия улучшили 5,3 млн человек, то в 1957 г. — 10,1 млн чел., в 1959 г. — 12,6 млн⁷.

Указом от 8 марта 1956 г. на один час был сокращен рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни⁸. До конца 1960-х гг. рабочий день вновь сократился с 8 до 7 часов, как это было до войны.

¹ «Непрерывное расширение и совершенствование производства на базе передовой техники в целях наиболее полного удовлетворения растущих потребностей общества, систематического повышения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества» // Вопросы экономики. 1957. № 11. С. 105.

² Подробнее социальную политику этого периода рассматривает В. А. Шестаков: *Шестаков В. А.* Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е — середине 60-х годов. — М., 2006.

³ *Пыжиков А.* Указ соч. С. 262.

⁴ *Аксютин Ю.* Указ соч. С. 428.

⁵ Народное хозяйство СССР в 1964 г. : Статистический сборник. — М., 1970. — С. 538.

⁶ *Аксютин Ю.* Указ соч. С. 428.

⁷ Народное хозяйство СССР в 1964 г. : Статистический сборник. — М., 1970. — С. 545.

⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. Т. 5... С. 478–483.

В результате рабочая неделя сократилась с 42 до 41 часа. Затем был осуществлен переход на 5-дневную рабочую неделю с 8-часовым рабочим днем и двумя выходными. Юридически продолжительность рабочей недели при этом осталась прежней (41 час), но фактически она стала 40-часовой. Администрация по согласованию с профсоюзом могла восполнить эту разницу, сокращая время обеденного перерыва или смещая графики сменности¹.

XXI съезд КПСС принял решение о постепенной отмене налогов с населения. 7 мая 1960 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих». Он начал приводиться в жизнь путем постепенного повышения необлагаемого минимума налогов (до 60 руб.) и уменьшения налога с низкой зарплаты². Этот акт сразу же стал темой шумной пропагандистской компании³.

В 1956 г. был принят новый закон о пенсиях, распространивший гарантии на материальное обеспечение в старости фактически на всех рабочих и служащих, занятых в государственном секторе экономики. Для них был установлен самый низкий в мире возрастной порог ухода на пенсию (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин), увеличен размер пенсий, что привело впоследствии к резкому увеличению количества пенсионеров. Уже в 1960 г. их насчитывалось 20 миллионов, причем размеры пенсионного пособия каждого из них были в 5 раз выше, чем в довоенном 1940 г.⁴

Развилась и конкретизировалась линия сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС на повышение материальной заинтересованности колхозников и других сельских жителей в производстве сельскохозяйственной продукции⁵. *Тема материальных способов поощрения*

¹ Максимов А. Л. Перевод рабочих и служащих промышленных предприятий на сокращённый рабочий день. — М., 1965. — С. 100.

² Марьяхин Г. Л. Очерки истории налогов в СССР. — М., 1964. — С. 100.

³ Аксютин Ю. Указ соч. С. 428.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1965 г. : статистический сборник... С. 569.

⁵ Подробнее см.: Аксютин Ю. Указ соч. С. 430.

*трусда вообще активно развивается в политико-экономической дискуссии последующих десяти лет.*¹

Активно обсуждается так называемая «проблема противоречий и их роли в жизни социалистического общества»: иными словами, ставится вопрос об угрозе формирования общества потребления. В рамках дискуссии высказываются две точки зрения: сторонники одной видят специфическое противоречие социализма в противоречии между безоговорочно растущими потребностями народа и достигнутым уровнем производства. Сторонники другой точки зрения утверждают, что социалистическому строю это «основное противоречие» вообще не присуще. Последняя группа, критикуя роль противоречий как движущей силы общественного прогресса, утверждают, что для социалистического общества таким источником развития является единство интересов, единство и сплоченность партии, единство и сплоченность всех сил социализма².

Конфликт этот особо важен для данного исследования потому, что подтверждает существование проблемы потребления в философских работах этих лет. Ученые, однако, как можно видеть из предыдущего положения, разделились на две группы: предупреждающих об угрозе и отрицающих ее существование.

С 1958 г. государство прекратило выпуск внутренних займов, но и одновременно отсрочило на 20 лет выплату по всем своим прежним обязательствам³.

Улучшение жилищных условий и увеличение доходов населения сопровождалось увеличением и изменением потребительского спроса. Объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли возрос с 68 млрд рублей в 1958 г. до 105 млрд рублей в 1965 г. Быстро росла продажа товаров длительного поль-

¹ См., напр.: *Гатовский Л.* Социалистический принцип материальной заинтересованности и использования товарно-денежных отношений // *Коммунист.* 1959. № 1. С. 70; *Юровицкий О.* Материальные и моральные принципы производства // Там же. 1960. № 12. С. 29; *Сухаревский Б.* Экономическое стимулирование предприятий // Там же. 1964. № 15. С. 27–32. Другую позицию представили: *Мальшев П., Соболев В.* О научной основе изучения социалистической экономики // *Коммунист.* 1961. № 8. С. 82–88.

² *Вопросы философии.* 1958. № 16. С. 86.

³ *Аксютин Ю.* Указ соч. С. 431.

зования хозяйственного и культурно-бытового назначения. Если в 1960 г. население приобрело 4 млн радиоприемников, 1,5 млн телевизоров, около 1 млн стиральных машин и 0,5 млн холодильников, то в 1965 г. — соответственно 5,3, 3,3 и 1,5 млн¹. В 1960 г. на 1000 человек населения приходилось 125 радиоприемников, к 1965 г. это число возросло до 165, число телевизоров на 1000 человек населения с 1960 г. по 1965 г. возросло с 22 до 68, швейных машин — со 107 до 144, стиральных машин — с 13 до 59, холодильников — с 10 до 29, пылесосов — с 8 до 18². Вместе с тем для ряда современников, в частности А. и Б. Стругацких, повышение уровня жизни населения — процесс амбивалентный: это не только решение острых социальных проблем, но и одновременно вызов, заключающий в себе угрозу «размывания» ряда ключевых ценностей. В своих опасениях А. и Б. Стругацкие были не одиноки: вновь, как и в 1920-е годы, в советском медийном дискурсе актуализировалась тема «бытового разложения». Советское общество находилось тогда в переходном состоянии: оно решило задачи выживания, в том числе и физического, но вместо движения по пути возвышения потребностей и создания «общества познания»³, начало, повторяя путь западных стран, осуществлять стратегию потребления, воспроизводя и проблемы последних. А. и Б. Стругацкие тоже по-своему участвовали в этом дискурсе.

Самым ощутимым результатом НТР, формировавшим общественные настроения конца 1950-х — 1960-х гг., стало освоение Космоса. Строго говоря, космическая программа СССР берет свое начало еще в 1922 году, когда при РККА была основана газодинамическая лаборатория. В 1933 году лаборатория вошла в состав Реактивного института при Наркомате тяжелой промышленности СССР, а с 1955 года по 1991 гг. работу всех предприятий и научных организаций, занятых созданием ракетно-космической техники, координировало Министерство общего машиностроения СССР.

Среди успехов космической программы СССР — запуск первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года, запуск

¹ XX съезд КПСС и его исторические реальности. — М., 1991. — С. 172.

² Там же. С. 562.

³ Термин принадлежит С. Б. Переслегину.

3 ноября 1957 второго спутника с живым существом на борту, первый полет человека в космос 12 апреля 1961 года и первый выход человека в открытый космос 19 марта 1965 года, создание на орбите Земли многомодульной орбитальной станции «Мир».

Наравне с названными объективными факторами формирования общественных настроений, которые на сегодняшний день в историографии если и упоминаются, то только вскользь, А. Пыжиков анализирует более подробно некоторые другие.

Так, подробно анализируется в его работе вопрос о критике культа личности и всевозможных аспектах доклада Н. С. Хрущёва на XX съезде.

Отмечает он тот факт, что последствием XX съезда стало активное увеличение публикаций ранее не востребовавшихся историков и «политологов» — насколько этот термин может быть применим к характеризующей эпохе.

Так, в 1957–1959 гг. выходит в свет пятитомник избранных философских произведений Г. В. Плеханова¹. Подготавливается ряд пособий для вузов и публикуется ряд более локальных исторических исследований. Открывается журнал «Вопросы истории КПСС». Такой подъем исследовательской и публицистической активности А. Пыжиков связывает с тем, что в названный период на некоторое время был расширен доступ к архивам.

Для нас же более интересна другая тенденция, выделенная А. Пыжиковым: «Показательно, — пишет он, — в этом смысле осознание многими обществоведами приоритета темы человека. Она фактически заново осваивала творческое пространство на философском поле исследований». Открывается полемика с трактуемой теперь в огрубленном виде характеристикой советского человека как винтика в системе государства². Таким образом, открывается пространство для отступления от приоритета общего в контексте дискурса общего и частного.

Отмечая, что таким образом «преодолевается взгляд на человека как на одушевленное орудие производства, обладавшее суммой необходимых профессионально-технологических навыков для выполнения тех или иных операций», А. Пыжиков констатирует, что

¹ Пыжиков А. Хрущевская «оттепель» 1953–1964. — М., 2002. — С. 73–75.

² О Сталине и сталинизме // История СССР. 1989. № 4. С. 107.

следующим шагом неизбежно должен был подвергнуться сомнению и «тезис о творческом характере всякого труда в процессе коммунистического строительства». И далее, говоря о новом понимании творчества человеком наступающей эпохи, А. Пыжиков смешивает воедино сразу три направления дальнейшего развития философской мысли: «рост культурно-технического сознания людей», что само по себе уже предполагает две различных тенденции, получивших воплощение в движениях «физиков» и «лириков», и «улучшение условий их труда, быта и отдыха», которое становится в итоге воплощением третьей тенденции, тенденции развития общества потребления¹.

Тенденции, охватившие массовые настроения второго периода развития научно-технического романтизма, таким образом, противоречивы.

С одной стороны, мы можем говорить о том, что в тренде остается тема глобального проектирования, которое связывается теперь уже не только с проектами естественно-научными, но прежде всего с проектами общественно-политическими.

Продолжает нарастать романтизация науки, как в области ее возможностей по механизации и автоматизации производства — заметного компонента экономики общества будущего, так и в области главного ее достижения — выхода в Космос.

Одновременно в начале 1960-х гг. набирает обороты так называемый спор «физиков и лириков», отголоски которого можно наблюдать и теперь. Сами же носители идей научно-технического романтизма считают главной угрозой своему проекту нарастающие тенденции формирования общества потребления.

1.2.3. Смещение акцентов в советском научно-техническом романтизме: от естественно-научного конструирования к социальному

Научно-технический романтизм начала 1960-х гг. не только формируется под влиянием новой политической и социальной реальности, но и становится своеобразной второй волной осмысления предложенной ранее утопии.

¹ Среди исследователей современников эту концепцию разрабатывает и С. А. Маневич. См.: *Маневич С. А. О ликвидации различий между умственным и физическим трудом // Вопросы философии. 1961. № 9. С. 17–27.*

Так, к примеру, польский фантаст и футуролог С. Лем, в 1950-е гг. выступавший как носитель чистого, утопического научно-технического романтизма, в начале 1960-х гг. проводит переосмысление собственных идей.

В 1956 г., за год до выхода «Туманности Андромеды» И. Ефремова, С. Лем моделирует свою коммунистическую утопию и относит ее к XXXII веку. Он отдает свою дань романам-странствиям и теме взаимодействия культур, а затем в 1961 г. в «Возвращении со звезд» снова обращается к теме глобального проектирования, но на сей раз его сценарий развития человечества более диалектичен: герои, вернувшиеся из межзвездного странствия встречаются на Земле мир «благополучный, унылый и застывший, как вздыбившаяся и вдруг окаменевшая волна»¹. «В этом мире нет никаких конфликтов, никаких противоречий — ни в личной, ни в общественной жизни. Всё до последней мелочи механизировано, люди почти полностью вытеснены из сферы производства и управления всевозможными автоматами и роботами, исполняющими любую прихоть любого человека». Е. Брандис и В. Дмитриевский видят в этой модели сценарий развития тенденции потребления, победы мещанства, символический результат отказа человечества от путешествия к звездам — материального воплощения пути познания.

«Там, где все достается без труда, — пишет относительно своей исследовательской задачи сам С. Лем, — все ценности утрачиваются. Правда, мир без риска — это мир без страха, но зато и без смелости. И, наконец, человек, если его одним усилием преобразить в ангела, превратится в существо, которое заодно освободится не только от страданий и трагедий, но также и от надежд и стремления достигнуть более трудной цели».

И хотя эта развилка также намечается в прогнозировании научно-технического романтизма 1960-х гг., все же более важным является другое: роман С. Лема ставит вопрос о том, что станет движущей силой общества в дальнейшем, когда утопия будет достигнута, предлагает осмыслить противоречия общества будущего, и советские научно-технические романтисты активно включаются в дискуссию.

¹ Брандис Е., Дмитриевский В. Путешествие в страну фантастики // Библиотека современной фантастики в 15 т. — М., 1965. Т. 1. — С. 18.

Своеобразным ответом на роман С. Лема становится написанный годом позже сборник новелл А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век», в котором Стругацкие моделируют уже не просто коммунистическую утопию, но общество познания — общество, движущей силой которого становится стремление к познанию. Это и их ответ на вопрос относительно движущей силы общества будущего, и постановка нового вопроса: Стругацкие проводят размежевание между двумя дальнейшими сценариями развития человечества, сценарием, ведущим к обществу потребления, и сценарием, ведущим к обществу познания.

Проявление этих двух тенденций А. и Б. Стругацкие видят в формировании двух новых человеческих типов.

Первый из них — это «массовый научный работник»¹. И здесь имеет смысл вспомнить приводившиеся ранее опросы А. Грушина, наглядно показавшие, как изменяется состав населения: основным орудием производства становится ЭВМ. «Массовый научный работник» с большими или меньшими оговорками может восприниматься как предобраз человека общества познания. Однако следует уточнить, что А. и Б. Стругацкие хорошо понимали неоднозначность этого человеческого типа, указывали на снижение количества мотивированных научных работников при общем росте их количества и ни в коем случае не уходили в технократизм и оправдание элитарности этой группы населения.

В то же время, продолжая мысль, А. Стругацкий пишет: «Если представить массового научного работника как некий горизонтальный пласт общества, то ниже речь пойдет о пласте (или срезе, если угодно) по вертикали. Эпоха НТР породила новый тип массового человека, уже не связанного принадлежностью к определенным профессиональным или социальным группировкам, а объединенного признаками совсем иного рода. Я имею в виду Массового Сытого Невоспитанного Человека — болезнь, которой страдают многие капиталистические страны и к микробам которой мы тоже не должны быть беспечны... Сравнительно недавно маститые моралисты были убеждены, что как только массовый человек будет полностью

¹ *Стругацкий А.* Новые человеческие типы (Выступление на «круглом столе» «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР».) / Фрагмент авторизованной стенограммы // Вопросы философии. 1976. № 10; Вопросы литературы. 1976. № 11.

удовлетворен материально, он неизбежно и автоматически начнет отдавать все силы беспредельному духовному развитию. Но оказалось, что это не так. В схеме «работа — материальное насыщение — духовный рост» был упущен (или игнорирован) чрезвычайно существенный момент. Дело в том, что пределы материального насыщения есть функция не только и не столько физиологии, сколько психологии. Аппетит к материальным благам человек получает при рождении. Аппетит к благам духовным возникает только при правильном воспитании. Скачок в уровне материального обеспечения, вызванный НТР, не был подкреплён колоссальной и кропотливой воспитательной работой и застал население многих развитых стран врасплох. Так появился Массовый Сытый Невоспитанный Человек»¹.

Второй человеческий тип уже является непосредственным воплощением развития сценария потребления, и в последующие несколько лет А. и Б. Стругацкие по большей части разрабатывают эту развилку исторического прогресса и ее возможных перспектив в таких, в частности, работах, как «Хищные вещи века» и отчасти «Понедельник начинается в субботу». Надо сказать, что первый же негативный прогноз Стругацких, по всей видимости, сбился, и теперь уже проблема общества потребления открыто и регулярно ставится в политологии и социологии.

Две названных ранее работы А. и Б. Стругацких представляют собой еще и две наметившиеся тенденции в трансформации научно-технического романтизма.

Первая из них, «Полдень, XXII век», намечает путь развития утопической мысли, в которой все большее внимание уделяется уже не трудовому подвигу, а личному комфорту. В дальнейшем А. и Б. Стругацкие будут более детально рассматривать характерный для эпохи вопрос соотношения личного и общественного в таких работах, как «Трудно быть богом», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» — во всей его диалектичности, однако сама утопия А. и Б. Стругацких, составившая базу для их дальнейшего творчества, уже характеризуется заметной переориентацией на частные

¹ *Стругацкий А.* Новые человеческие типы (Выступление на «круглом столе» «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР».) / Фрагмент авторизованной стенограммы // Вопросы философии. 1976. № 10; Вопросы литературы. 1976. № 11.

интересы и декларацией необходимости обеспечения не только общего блага, но и личных свобод. Для А. и Б. Стругацких эти две ценности являются воплощением одного общественного порядка, в то время как в ходе дальнейшего развития политической мысли все более традиционным становится их противопоставление.

Второе направление, намеченное в работах А. и Б. Стругацких этого периода, — осмысление противоречий общества будущего в их диалектичности. Можно выделить и третье — анализ негативных сценариев развития, которые расцениваются авторами как ответвления от «торной дороги истории». Эти два направления получают большее распространение уже в политической мысли научно-технического романтизма третьего периода.

Ефремов в этот период также несколько меняет свою позицию в отношении сущности научной фантастики, указывая теперь на необходимость выходить за рамки исключительно научно-технической тематики. «Научная фантастика поднялась на новую ступень и стала вровень с обычной художественной литературой. В своих лучших произведениях она прослеживает влияние достижений науки на материальную структуру общества и духовную жизнь человека. Или же обрисовывает воображаемое развитие научных открытий, зародыши которых возникают сегодня, и ведет читателя к пониманию возможностей, заложенных в социальных явлениях настоящего», — пишет он. И далее: «Совершенно очевидно, что аспекты видения будущего могут и должны быть столь же многообразны, как сама реальная жизнь, и столь же необъятны и неисчерпаемы, как человеческое познание мира. Только наивные и невежественные люди могут воображать, что, переступив некий порог будущего, человечество решит все проблемы существования. Окружающий мир бездонен по сложности своего устройства и ставит перед нами все более сложные задачи. Неизбежное распространение человечества в Космос, бытие людей на грани необъятной бесконечности Вселенной, наконец, контакт с иными звездными цивилизациями — все это проблемы такой чудовищной сложности: научной, социальной, философской, что для успешного их разрешения понадобятся легионы выдающихся умов»¹. Поле исследования фантастов, таким образом, в интерпретации Ефремова становится будущее во всем

¹ *Ефремов И.* Миллиарды граней будущего // Комсомольская правда. 1966. 28 января.

его многообразии, начиная с самого момента стыковки научно-технического прогресса и прогресса социального, который характерен для научно-технических революций и промышленных переворотов, и заканчивая глобальным проектированием, в том числе прогнозированием будущего в масштабах тысячелетий.

И. Ефремов, однако, предельно осторожно меняет направление своих исследований и минимально отходит от ранее сконструированной концепции мира Кольца, основное внимание на протяжении первой половины 1960-х гг. уделяя детальной разработке не столько самого проекта или его ответвлений, сколько методов его достижения — так, в романе «Лезвие бритвы» он более детально развивает свою антропологическую концепцию и особое внимание уделяет исследованию анализа возможностей человеческого сознания.

В свою очередь А. Казанцев остается на прежних позициях. В собственном творчестве он более глубоко погружается в идеи поиска предцивилизации, а в общественной и публицистической позиции продолжает твердо стоять на требовании научности. Его отношения с молодым поколением фантастов складываются неоднозначно — последние, А. и Б. Стругацкие в особенности, часто нелестно отзываются об А. Казанцеве, хотя основное разногласие между ними пролегал по вопросу о научности, необходимости последовательного обоснования позиции, и сами А. и Б. Стругацкие при этом отчасти заимствуют его идеи в собственном ключе: если А. Казанцев год за годом поэтапно моделирует и ищет доказательства своей гипотезы о предцивилизации, то Стругацкие просто вводят в свое творчество образ цивилизации Странников, не предлагая для ее существования никакого обоснования.

Представляется, что в этих двух подходах можно увидеть специфику восприятия цивилизационного вопроса представителями двух поколений — докосмического и космического. Для А. Казанцева возможность освоения человеком Космоса не является непреложной истиной, ее нужно доказывать. Для А. и Б. Стругацких она естественна и очевидна. Отчасти эта уверенность и приводит к коллизиям последующих лет — Космос перестает восприниматься как чудо, и для следующего поколения, поколения 1970–80-х гг., он уже обыденная реальность и бесполезное для повседневной жизни открытие.

Несмотря на то что тема противостояния двух систем, как показывает опрос А. Грушина, малопопулярна среди масс, фантасты

тем не менее несколько раз высказываются в отношении нее в публицистике. Тема эта, однако, в отличие от западной фантастики, по большей части оторвана от анализа угроз новой мировой войны.

«Современная научная фантастика, — пишут М. Емцев и Е. Парнов, — поистине дитя нашего космического и атомного века, века так называемых «малых войн», в которых угнетенные нации отстаивают свои права на человеческое существование, века победы социализма над большей частью земного шара»¹.

Интересный анализ географического распределения очагов фантастики приводят те же М. Емцев и Е. Парнов: более двух третей потока научно-фантастической литературы, согласно приводимым им данным, приходится на долю США, СССР и Англии, то есть мировых держав, наиболее активно включенных в противостояние проектов. И в то же время выделяют ее популярность в Японии, на Кубе, в Аргентине, и в то же время она малоразвита в Бразилии, Италии, Швеции, ФРГ. М. Емцев и Е. Парнов опровергают прямую связь развитости фантастического жанра с успехами научного прогресса, ссылаясь на последние три страны. Опираясь на имеющиеся данные, можно все же увидеть здесь связь, но более опосредованную: возможно, всплески популярности зависят не только от научно-технического прогресса, но и от готовности к социальным переменам.

Научно-технический романтизм второй волны не ограничивается только лишь сферой литературы.

Помимо множества фильмов, романтизирующих образ ученого, аспиранта, научного сотрудника (Шурик из «Кавказской пленницы» наилучшим образом воплощает в себе все его качества), начинается сниматься и научная фантастика.

В 1962 г. выходит один из первых отечественных научно-фантастических фильмов «Планета бурь», который, правда, наследует скорее идеям фантастики 1950-х гг. «Планета бурь» хотя и не отличается красочностью спецэффектов западного кинематографа этих лет, тем не менее привлекает внимание западных плагиаторов, которые большую часть ее кадров используют для создания «собственного» фильма о путешествии на Венеру.

¹ *Емцев М. А., Парнов Е.* География фантастики // Библиотека современной фантастики в 15 томах. — М., 1966. Т. 5. — С. 5.

Примерно тогда же экранизируется «Человек-амфибия» — повесть А. Беляева, написанная в 1930-е гг., но крайне точно ложащаяся в настроения научно-технического романтизма 1960-х гг.

В 1967 г. выходит куда более масштабная экранизация «Туманности Андромеды» И. Ефремова, технически выполненная на уровне наиболее зрелищных голливудских фильмов этого периода. Фильм удачно передает античный колорит творчества И. Ефремова и практически создает или актуализирует на экране уже созданный И. Ефремовым миф, эпос нового времени о человечестве, покорившем силы природы и космос.

Примерно в те же годы выходит фильм-спектакль «Солярис» — первая малоизвестная экранизация романа С. Лема.

Пьесы по мотивам фантастических произведений ставятся повсеместно.

Появляется ряд песен космической тематики, часть которых в 1971 г. вбирает в себя сборник в честь годовщины полета Ю. Гагарина «Созвездие Гагарина».

Космическая тематика активно развивается в живописи, но в то же время эта живопись практически не имеет возможности быть представленной в галереях — в основном это открытки, иллюстрации и обложки к научно-фантастическим романам. В «большой» живописи научная фантастика срастается с абстракционизмом, который немало увлекает, к примеру, А. Стругацкого — и, возможно, поэтому Стругацкие особенно остро воспринимают скандал в Манеже.

В последнем срастании вообще кроется парадокс, который окажет заметное влияние на проблему актуализации космической тематики уже в 1990–2000-е гг.

1.2.4. Ценностная структура политического сознания индивида в СССР первой половины 1960-х гг.: новые тенденции.

«Общество познания» и «общество потребления»

Если оценки 50-х гг. XX века в исторической памяти россиян до сих пор не удается оценить однозначно, то начало 1960-х гг. всем без исключения современникам запомнилось как время безусловного подъема общественных настроений.

«...Полет Гагарина и возведение Берлинской стены, разоблачение культа личности и первая конференция неприсоединившихся

стран, «новая волна» в фантастике и хрущевская «оттепель», убийство Кеннеди и Вьетнамская война, «Битлз» и китайская «культурная революция», студенческие волнения во Франции и конец «пражской весны», Вудсток и первые люди на Луне... «Андрей Рублёв» Тарковского, «Космическая одиссея» Кубрика, «Теорема» Пазолини... Постструктурализм и психоделические эксперименты, теология мертвого бога и системный подход, битники и контркультура, Кастанеда и теорема Белла о нелокальности...»¹, — такой перечень образов приводит В. Кузнецов, вспоминая эту эпоху.

Схожий круг проблем очерчивают П. Вайль и А. Генис: среди образных заголовков их монографии «60-е. Мир советского человека»²: «Фундамент утопии: Коммунизм, Космос, поэзия», «Куба», «Сибирь», «Наука», «Романтика», «Марш энтузиастов».

Наиболее значимым проектом, из формировавших картину мира советского человека 1960-х гг., становится выход Третьей программы партии — в имажинарном представлении большинства ее читателей вносившей построение коммунизма в план ближайших 20 лет. Среди пунктов программы, которые П. Вайль и А. Генис в своих воспоминаниях выделяют особо: «строительство коммунизма — то есть общества, смыслом которого является творческое преобразование мира»³.

Строго говоря, эти представления были не совсем верны, так как в Программе КПСС речь шла о построении «материальной базы коммунизма», однако важен в данном случае не этот нюанс, а специфика восприятия носителей.

По результатам опросов, проводившихся Ю. Аксютиным уже в 1998 и 1999 гг.⁴, на вопрос «Как вы вообще тогда относились к идее создания общества всеобщего равенства и благоденствия?» 51 % (1998 г.) и 53 % (1999 г.) ответили, что «они верили в коммунизм». Однозначный ответ «не верили» дали только 18,5 % (1998 г.) и 16 % (1999 г.). Остальные ответы распределяются в различной

¹ Кузнецов В. Понять науку в контексте культуры // Кун Т. Структура научных революций... С. 4.

² Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М., 1988.

³ Там же. С. 13.

⁴ Аксютин Ю. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. — С. 413–417.

степени выражения сомнения: «сомневалось» 5,5 % (1998 г.) и 2 % (1999 г.), «никогда не задумывалось» 2,5 % (1998 г.) и 2 % (1999 г.), 17 % (1998 г.) и 17,5 % (1999 г.) отказались отвечать или не смогли дать ответ.

На вопрос «Верили ли вы обещанию построить коммунизм через 20 лет, т. е. к 1980 г.?» ответило положительно 37 % из тех 53 %, что дали положительный ответ на первый вопрос. «Не поверили» в сроки осуществления программы 26 % (1998 г.) и 39 % (1999 г.) опрошенных, 5 % выразили сомнения.

Таким образом, можно говорить о том, что Программа КППС тем или иным образом вошла в имаджинарные представления поколения и заняла свое место в сознании 70 % опрошенных. Среди них 50 % положительно оценивали идею построения коммунизма, около 18 % — отрицательно. Отдельного осмысления заслуживает феномен 17 %, не способных дать адекватный ответ на вопрос. Автор данного исследования склонен видеть в этом свойство разорванности сознания, заштампованности мышления и результат манипуляции сознанием последующих лет.

Наряду с этим большая часть сторонников строительства коммунизма не воспринимала Программу как непосредственный план действий (63 % опрошенных видели в ней скорее своеобразный манифест).

П. Вайль и А. Генис вспоминают о том, как выход Третьей программы КПСС актуализировал тему утопии в сознании советского человека. «Обсуждение Программы в советской периодике практически не обходилось без этого слова, — пишут они, — «утопия», хотя оно прежде носило явно негативный оттенок. Теперь слово и само понятие были реабилитированы: то, что раньше обозначало «несбыточную мечту», оставило за собой только значение «изображения идеального общественного строя». Вовсю мелькали имена Томаса Мора и Кампанеллы».¹ Т. Кампанелла, по дальнейшим воспоминаниям П. Вайля и А. Гениса, особое внимание привлекал тем, что первым трактовал труд как «дело чести и насущную потребность человека», так же привлекло их внимание и выглядит созвучным эпохе то, что Кампанелла предлагал отказаться от метода наказания в пользу метода переубеждения и трудового воспитания —

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М., 1988. — С. 13.

тоже актуализировавшегося в СССР этой эпохи. П. Вайль и А. Генис отмечают, кроме того, созвучие государственной символики СССР с символами, использованными Т. Мором: серп, молот, колосья.

Они же отмечают еще один характерный для советского проекта в целом ценностный аспект: «Советский народ всегда что-то строил, попутно что-то разрушая».

Представляется рациональным, формируя триаду ценностей советского человека 1960-х гг., наряду со стремлением к утопии назвать стремление к созиданию. В качестве же третьего элемента может быть названо познание.

Программа партии тем не менее не появилась на пустом месте. Ее восприятию способствовал фундамент, выстроенный из множества других, перечисленных ранее компонентов.

Один из них — Космос.

По мнению П. Вайля и А. Гениса, российское коллективное сознание основывалось на двух главных символах: войне и храме¹.

Если народная война реинтерпретировалась в массовом сознании, превратившись в образ Великой Отечественной войны, то храмы утратили свой сакральный смысл, в то время как запрос на сакральный объект, устремленный в небо, остался. Советская эпоха породила собственный ряд таких сакральных архитектурных образов, многие из которых на сегодняшний день оказались забыты, как, например, ДК и Дома съездов. Помимо рядовых «храмов», были возведены и монументальные, вошедшие в мифологическое сознание советского, а затем и российского человека: Магнитка, Днепрогэс, сталинские высотки, Останкинская башня. То, что некоторые из названных объектов носят утилитарный характер, не может умалять их символического значения. Все эти объекты объединяет одна общая черта — стремление вверх, присущее человеку с древних времен (Вавилонская башня), богоборчество, в котором воплощается стремление к преодолению среды, покорению природы.

Космос стал наибольшим символическим рывком в этой сфере. Покорение неизвестного, превращение хаоса в логос — таким стало его значение в сознании советского человека на долгие годы.

Еще один тег эпохи, который называют П. Вайль и А. Генис — поэзия.

¹ 1 Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М., 1988. — С. 22.

Действительно, фамилии Б. Пастернака, Е. Евтушенко, В. Высоцкого, А. Твардовского можно увидеть в воспоминаниях современников почти так же часто, как фамилию Н. Хрущёва, и не реже, чем фамилии авторов исторических романов-эпопей, таких как М. А. Шолохов и К. М. Симонов.

Эта триада еще раз возвращает нас к мысли о репрезентации идей романтизма. Во-первых, сходны формы мысли, характерные для этих двух эпох, — идеальное конструирование воплощается в исторических романах, поэзии, попытках конструирования нового эпоса.

Во-вторых, особое значение еще в 1950-е гг. приобретает образ вождя, позволяющий конструировать представления о почти вассальской, рыцарской верности ему. Этот образ получает сильнейший удар при развенчании культа личности в 1956 г. Его новое восприятие можно видеть в фильме «Илья Муромец» того же года (и снова мы видим масштабную попытку реконструкции эпоса): «Богатырь Святогор, сойди к нам с гор», — обращаются к культовому образу прошлого героя фильма, но Святогор отказывает, и на его место приходит новый культ, в фильме воплощенный в Илье Муромце, в реальной жизни — в претендовавшем на эту роль Н. Хрущёве.

Култ Н. С. Хрущёва, однако, оказался куда менее сакральным, чем култ И. В. Сталина, и уже в начале 1960-х гг. при первых же ошибках нового лидера он дает трещину.

«Героями дня опять стали Киров и Ежов, Фрунзе и Ягода», — пишут П. Вайль и А. Генис¹: «рыцари» революции.

Динамика странствия в имаджинарном сознании эпохи воплотилась как в представлениях о космосе, так и в актуализировавшейся дискуссии «об экспорте революции» или — «о вмешательстве и невмешательстве», о судьбах «братских» народов, в качестве одного из которых на данном этапе выступил «свободный остров Куба».

Углубившись еще немного в истоки европейского романтизма и проведя аналогию между кельтско-английской мифологией, легшей в основу европейского образного мышления XVIII–XIX веков, и романами-странствиями XX века, можно заметить, что характерный мифический образ островов активно репрезентуется в мифологии XX века в образах неоткрытых планет. Острова в мифологии

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М., 1988. — С. 22.

и литературе романтизма — расположенные в океане хаоса социально-политические конструкты, воплощающие в разных случаях мечты людей (кельтские мифы) или критическое модели, используемые для осмысления современного общества («Странствия Гулливера» Д. Свифта). Подобные конструкты литература и кинематограф научно-технического романтизма традиционно помещают в космос — таким образом, место хаоса, непознанного пространства океана, занимает непознанное межзвездное пространство, и так же, как странствовал между островами герой кельтских мифов, зачастую странствует между планетами герой фантастического романа.

Существующий наполовину в реальности, наполовину в имажинарном сознании образ Кубы как далекого острова, где победила революция, заново актуализирует идеи революции в «других мирах» и репрезентуется в виде множественных произведений научно-технического романтизма, ставящих вопрос об экспорте революции, проблемах вмешательства, путях исторического прогресса на «далеких островах» в хаосе Космоса.

Характерно, что образ врага, еще один важный элемент имажинарного сознания любой эпохи, в 1960-е гг. ослабевает. Если одной из центральных проблем американского искусства в начале 1960-х гг. остается угроза атомной войны, то в сознании советского человека она отсутствует почти полностью.

Так, опрос, проведенный Б. А. Грушиным¹ в мае 1960 г., показал, что 96 % респондентов на вопрос «Удастся ли человечеству предотвратить войну?» ответили положительно. При этом 26 % опрошенных связывали это с «экономической, политической, оборонной мощью СССР», еще 21 % — с «экономической, политической, оборонной мощью лагеря социализма», 13,9 % — с «плодотворностью внешней политики КПСС, советского государства», 7,3 % — с «наличием в СССР развитой военной техники, в том числе реактивной, связанной с освоением космоса», что в сумме составляет 50 % — на 2 % больше, чем 48 % ответивших, что причиной этому станет «размах движения сторонников мира во всем мире». Тем не менее можно видеть, что ответы разделились почти поровну между представлениями о международном стремлении к миру во всем мире и пред-

¹ Грушин Б. А. Четыре жизни России. Эпоха Хрущёва. — М., 2001. — С. 69.

ставлениями о военной и политической мощи СССР как гаранта этого мира.

П. Вайль и А. Генис вспоминают, напротив, о фактах, подтверждающих дружественные настроения между СССР и США.

Еще одним воплощением стремления к познанию и созиданию, странствию и превращению хаоса в логос стало освоение и электрификация восточных районов — Сибири и целины. «25 марта 1963 года. Десять часов утра. Штурм Енисея начался»¹, — подобные заголовки, с их категоричностью и пафосом, весьма характерны для эпохи начала 1960-х гг. «Не Братскую ГЭС строили молодые энтузиасты, — весьма точно замечают П. Вайль и А. Генис, — а обещанный Лениным и Хрущёвым коммунизм»².

Продолжает жить в мифологическом сознании эпохи «Великая война». П. Вайль и А. Генис, однако, высказывают версию, что образ этот сильно пострадал с развенчанием культа личности Сталина³ — И. В. Сталин в советском имаджинарном существовал среди прочего как образ полководца-победителя, генералиссимуса. Представим, к примеру, что английские романтисты проведут развенчание культа личности короля Артура. Вряд ли возможно сделать это, не подорвав доверие к самой идее Круглого стола. Так и развенчание И. В. Сталина, хотя и сопровождалось тщательными усилиями по сохранению сопутствующих ленинских идей, но не могло не стать первым актом десакрализации ценностей, открывшим окно Овертона.

Ценностный мир поколения 60-х гг. XX в. объемно отражен в соответствующем исследовании Б. А. Грушина⁴. По результатам его опроса, событием века названа Октябрьская социалистическая революция (39%), выход Программы КПСС 1961 г. (данные не сохранились), личностью века — В. И. Ленин (98%), подвигом века — полет Ю. Гагарина в космос (67%), научным открытием века — расщепление атомного ядра (60%), изобретением века — искусственный спутник Земли (41%) и далее: характерным орудием

¹ Даниленко Л. Огни в устье Илима // Сибирские огни. 1963. № 1.

² Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М., 1988. — С. 82.

³ Там же. С. 88.

⁴ Грушин Б. А. Четыре жизни России. Эпоха Хрущёва. — М., 2001. — С. 391.

труда — электронно-вычислительная машина (28%), характерным предметом быта — телевизор (45%), произведением художественной литературы — книги М. А. Шолохова (данные не сохранились), художественным фильмом — «9 дней одного года» М. И. Ромма, произведением живописи/скульптуры — «Перекуем мечи на орала» Е. В. Вучетича (данные не сохранились), произведением архитектуры — Кремлевский дворец съездов в Москве (43%).

Среди перечисленных объектов наследия можно увидеть три тенденции.

Во-первых, мифологизацию достижений науки как в мире идеального (полет в Космос и запуск спутника), так и в мире повседневности (основным орудием производства опрошенные видят уже не орала, а ЭВМ, а наиболее типичным предметом быта становится телевизор, а не книга).

Во-вторых, заметную роль играет тема разоружения, борьбы за мир.

В-третьих, центральное место в ценностном мире советского человека занимают конструкты, связанные с утопией, — образ В. И. Ленина как идеолога и вождя практического конструирования утопии, образ Программы КПСС как сакрального текста утопического конструирования.

Мы видим среди ценностей ранее упоминавшиеся исторические романы-эпопеи М. А. Шолохова, почтение к которым загадочным образом переплетается с любовью к локально реалистическому, на первый взгляд, сюжету фильма «9 дней одного года».

Надо сказать, что второе место в списке исторических событий с небольшой разницей в 3% заняли события, связанные с историей освоения Космоса (36%). Второе место в списке научных открытий после расщепления атома — теоретические идеи прорыва в Космос К. Э. Циолковского. Второе и третье место среди изобретений века — атомный реактор (25%) и ЭВМ (10%). Второе и третье место среди орудий труда — станок с программным управлением (19%), сельскохозяйственные машины (10%). Второе место среди скульптурных произведений — «Рабочий и колхозница» В. И. Мухиной. Вторым среди архитектурных сооружений стало здание МГУ на Ленинских горах в Москве.

Из приведенных данных можно сделать следующие обобщающие выводы.

Во-первых, значение научно-технических достижений в имажинарных представлениях человека 1960-х гг. несоизмеримо с представлениями сегодняшними. Современному человеку, привыкшему к демонстрации массовой фантастики в кинотеатрах и на книжных стендах, трудно представить, какое сакральное значение имеет для человека выход в космос, не сконструированный на страницах книг, а ставший событием реальной истории.

Во-вторых, тенденции научного романтизма разделяются на три направления, среди которых космическое, атомное и направление компьютеризации. В представлениях человека 1960-х гг. они еще слиты воедино и воплощены в соответствующих пунктах программы КПСС об автоматизации и механизации, однако впоследствии становится видно, что происходит расщепление этих трех путей развития науки:

- направление компьютеризации становится центральным, в то время как направление освоения Космоса сходит со сцены, а направление романтизации атомных достижений занимает свое локальное место в развитии техники, но на сегодняшний день не приводит к глобальным социальным или политическим изменениям;
- направления освоения Космоса и компьютеризации — это своего рода два способа освоения мира: экстравертное, т. е. освоение мира вокруг, и интровертное, т. е. освоение виртуальных реальностей. Можно предположить, что именно доминирование второго привело к формированию современного информационного общества, в то время как доминирование первого стало бы причиной формирования общества познания, смоделированного И. Ефремовым и А. и Б. Стругацкими.

В-третьих, символика нового технократического мифа в сознании опрашиваемых органично слита с традиционной аграрной символикой, воплощенной в монументальной скульптуре и литературе, — и та и другая становятся знаками превращения хаоса в логос, познания и созидания, освоения новых земель и планет. Подобное же освоение воплощает в себе установку на строительство утопии: особенно явственно видна эта дуалистичность в утопии И. Ефремова.

На сегодняшний день популярна точка зрения об оторванности советской системы образов от традиционно русской, но анализ конкретного материала очевидным образом опровергает ее.

Для понимания образа жизни советского человека 1960-х гг. может быть полезен анализ социологических данных, приведенный Б. А. Грушиным в опросе «Объем и структура свободного времени горожан»¹, однако, поскольку конкретного материала для темы данного исследования он не содержит, автор данного исследования пришел к решению не останавливаться на нем подробнее.

Воплощением этического идеала эпохи становится образ ученого, неразрывно связанного с особым способом освоения мира — наукой.

«В глазах общества ученые обладали решающим достоинством — честностью, — вспоминают П. Вайль и А. Генис. — Она же — искренность, порядочность, правдолюбие»². В этой характеристике не только обоснование популярности образа ученого, но и некая попытка перечисления центральных этических ценностей эпохи. Наука, вспоминают П. Вайль и А. Генис, располагала к себе однозначностью: «Дважды два должно равняться четырем вне зависимости от принципов того, кто считает». Образ ученого сочетает в себе элитарность и эгалитарность — им может стать каждый, но не каждый становится.

И именно на этом участке столкновения науки и этики достигается нового состояния феномен научно-технического романтизма.

«Наука казалась тем долгожданным рычагом, — пишут П. Вайль и А. Генис, — который перевернет советское общество и превратит его в утопию»³.

Мифологизация науки и общественно-политический идеал, сформулированный в Третьей программе КПСС, таким образом, становятся основой нового представления об историческом прогрессе и мире будущего, наиболее полно сформулированном в центральной работе А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век». Наряду с этим, сформулированная утопия имела другие характерные чер-

¹ Грушин Б. А. Четыре жизни России. Эпоха Хрущёва. — М., 2001. — С. 491.

² Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М., 1988. — С. 100.

³ Там же.

ты, основанные на имаджинарных представлениях начала 60-х гг. XX в.: покорение природы, дальние странствия, стремление ввысь, в космос, и одновременно слабо сформулированная антитеза врага, угасание героики 1950-х гг. и постепенное обращение от приоритетов общего к приоритетам частного.

Раздел 1.3. ДЕАКТУАЛИЗАЦИЯ СУВЕРЕННО-ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПРОЕКТНОСТИ И УТВЕРЖДЕНИЕ УСТАНОВОК «ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ». ДИСПЕРСИЯ КУЛЬТУРНО-ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОЛЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

1.3.1. Конфликт 1966 года. Политическая борьба вокруг научно-технического романтизма: акторы и мотивации

Говоря о переломных моментах, исследователи истории художественной футурологии в СССР называют разные сроки. В. Кайтох констатирует, что к 1966 г. в отношениях А. и Б. Стругацких и власти наступает резкое похолодание¹. Б. Н. Стругацкий в «Комментариях» называет первой датой, связанной с этим процессом, 1962 г. — выставку в Манеже и следующей ключевой датой — 1968 г. — события в Чехословакии. Реже среди переломных для А. и Б. Стругацких событий они упоминают процесс Синявского — Даниэля.

С. Бондаренко, являющаяся одним из ведущих специалистов и биографов, осуществившая масштабную публикацию источников из личного архива Б. Стругацкого, говорит о «кампании власти против А. и Б. Стругацких» 1966–1968 гг. Вместе с тем, отвечая на вопросы С. Бондаренко в одном из интервью, Б. Стругацкий упоминает, что говорить следует скорее о кампании 1972 г.

Таким образом, если основываться на материалах исследовательской литературы по вопросам творчества А. и Б. Стругацких, временные границы перелома в отношениях писателей с властью достаточно расплывчаты, но сопоставимы с периодом сворачива-

¹ *Кайтох В.* Братья Стругацкие // Стругацкий А., Стругацкий Б. Бессильные мира сего. — М., 2003; *Скаландис А.* Братья Стругацкие. — М., 2008.

ния процессов социального проектирования в СССР. Если говорить о документальных подтверждениях такого перелома, то, прежде всего, необходимо отметить, что в личных источниках периода 1960-х г., главным образом в письмах А. Стругацкого, речь идет о том, что, несмотря на изменение отношения А. и Б. Стругацких к личности Н. С. Хрущёва, действия первого секретаря, направленные против абстракционистов и повлекшие возмущение всей интеллектуальной элиты, непосредственно против фантастики направлены не были. То есть проблема эта лично А. и Б. Стругацких не коснулась, но она изменила формат диалога власти и интеллигенции — и это было отмечено А. и Б. Стругацкими.

Отношения А. и Б. Стругацких с властью всегда развивались неровно, даже основное утопическое произведение «Полдень, XXII век» в процессе публикации столкнулось с длительной редактурой. Поэтому сложно выделить начальный момент конфликта А. и Б. Стругацких с властью, отталкиваясь от частоты публикаций или наличия положительной или отрицательной критики. Хронологически следующие после «Полудня» по срокам написания романы «Трудно быть богом» и «Хищные вещи века» прошли в публикацию относительно легко, несмотря на то, что содержали явный антиутопический элемент и аллюзии на современность, которые через несколько лет, в связи с изменившейся конъюнктурой, были замечены критиками. Написанная следующей повестью «Улитка на склоне», которую часто приводят как пример запрещенных произведений А. и Б. Стругацких, изначально не предназначалась для публикации, но даже несмотря на это, была опубликована в конце 1966 г. в сопровождении множественной отрицательной критики. При этом достаточно гладко прошла публикация веселой сатиры на современность — повести «Понедельник начинается в субботу», однако при попытке опубликовать ее продолжение — «Сказку о Тройке» — А. и Б. Стругацкие столкнулись с трудностями.

Обладея всей этой информацией, необходимо признать, что, во-первых, не существует строгой хронологической последовательности нарастания конфликта в отношениях А. и Б. Стругацких с властью. Во-вторых, прохождение произведений в печать зачастую не отражает степени их критической направленности в отношении практики советского проекта. Тем не менее можно выделить исторические события, с которыми хронологически совпадает ужесточение цензуры в СССР. И в большей степени здесь следует говорить

не о последних годах правления Н. С. Хрущёва и его борьбе с абстракционизмом, а о приходе к власти Л. И. Брежнева. При этом следующий этап нарастания конфликта действительно совпадает с чехословацким кризисом, но имеет и внутренние причины.

К середине 1960-х гг., когда советская научная фантастика превращается чуть ли не в самый действенный инструмент пропаганды и популяризации коммунистических идей и образов коммунизма — удар по ней наносится из недр политической власти, от тех людей и структур, партийной обязанностью которых, казалось бы, являлось развитие и популяризация этих идей и образов.

Проблемы с публикацией фантастики оказались связаны с появлением двух документов — Постановления ЦК ВЛКСМ «О недостатках в выпуске научно-фантастической литературы издательством «Молодая гвардия» (1965 г.) и последующей запиской Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, подписанной А. Н. Яковлевым и призывающей Отдел пропаганды ЦК КПСС обратить внимание на «опасные» тенденции в развитии фантастики (1966 г.)¹. В течение двух лет после появления последнего документа сменяется кадровый состав «Молодой гвардии», ограничиваются возможности публикации фантастики вообще и молодых авторов в особенности. К 1968 г. кружок писателей-фантастов, сформировавшийся вокруг Стругацких в 1960-е гг., распадается. В 1970-е гг. публикация фантастики становится почти невозможной. Рукописи фантастических произведений распространяются только через публичные чтения на семинарах или «из рук в руки» — самиздатом. Социальная тематика теряет актуальность в связи с разочарованием в проекте Третьей программы КПСС, в сочетании с издательскими проблемами этот фактор приводит к обращению фантастов к антиутопической тематике и сближает многих из них с диссидентским движением. Вступить в Союз писателей СССР для писателя-фантаста становится практически невозможно.

Таким образом, к концу 1960-х гг. в СССР постепенно происходит сворачивание процессов социального проектирования, и возврат к ним не происходит до начала 1980-х гг.

Почему Яковлев и его группа в партийном руководстве нанесли этот тяжёлый удар по философской фантастике коммунистической ориентации — наверное, заслуживает некоего иного анализа. Но слож-

¹ Записка Отдела пропаганды ЦК КПСС. 5 марта 1966 // Бондаренко С. П., Курильский В. М. Неизвестные Стругацкие... С. 481.

но не соотносить это со словами Яковлева, написанными им позднее во вступительной статье к изданию к так называемой «Черной книге коммунизма»: «После XX съезда вверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. <...> Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще <...>»¹.

Если так — несложно понять, почему триумф фантастики в СССР был ему и таким, как он, не нужен — и опасен.

К середине 1960-х гг. рассказы и повести писателей-фантастов все еще публиковались в основном на страницах молодежных журналов: «Смена», «Вокруг света», «Техника — молодежи», «Искатель». Вопрос об учреждении «профильного» издания обсуждался начиная с 1954 г.² После этого он поднимался писателями-фантастами неоднократно, однако к 1966 г. так и остался нерешенным. Отношение А. Н. Стругацкого к такому изданию отражено и в многочисленных письмах 1964—1966 г., с подобными предложениями он несколько раз обращался в Союз писателей, пробовал писать в Главлит³. Именно с постановки вопроса о специализированном журнале научной фантастики начинается обсуждение проекта постановления о фантастике ЦК ВЛКСМ в 1965 г.⁴

Контекст, в котором А. Н. Стругацкий рассказывает брату о своей борьбе за права фантастики, позволяет говорить о том, что в тот период фантастика еще находится под покровительством власти, однако критикой, издательствами и Союзом писателей зачастую отодвигается в сторону как развлекательная литература⁵. Эта ситуа-

¹ Яковлев А. Н. Большевизм — социальная болезнь XX века / Вступительная статья к кн. «Черная книга коммунизма». — М.: «Три века истории», 2001.

² РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 296. Л. 2.; РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 302.

³ Письмо А. Н. Стругацкого в Госкомитет по печати. 20 января 1965 г. // Бондаренко С., Курильский В. Указ. соч. С. 285.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 68. Д. 132. Л. 69—86.

⁵ Письмо А. Н. Стругацкого Б. Н. Стругацкому. 21 января 1965 г. // Бондаренко С., Курильский В. Указ. соч. С. 287.

ция достаточно парадоксальна, тем не менее она выглядит именно так. Можно предположить, что решения идеологических структур не всегда или не в полном объеме реализуются на местах, т. е. в издательствах. Издательства и журналы в этот период находятся не только под влиянием партии. Важное значение имеет мнение Союза писателей, признанных мастеров пера, публицистов. Позиция последних определяется как субъективными литературными вкусами и установками, так и социальными факторами. Одним из подобных факторов стала смена поколений внутри писательского сообщества, конфликт маститых писателей и «начинающих». Хотя к 1965 г. А. и Б. Стругацкие к последним относились уже с натяжкой, они работали бок о бок с такими мэтрами фантастики, как И. А. Ефремов и А. П. Казанцев. Произведения Стругацких, написанные более простым языком, основанные на сюжетах нового типа, часто оказывались для современного читателя более привлекательными. Если И. А. Ефремов относился к подобным вещам с пониманием, то А. П. Казанцев был настроен против молодых писателей достаточно агрессивно. Старшее поколение не только имело влияние в СП, редакциях и в среде литературных критиков, его представители относились к уже непопулярной у читателей школе научно-технической фантастики¹. Подобные конфликты были характерны и в отношениях фантастики с «большой литературой», которая в данном случае играла роль «старшего», более признанного в среде редакторов и критиков течения.

Внутренний конфликт по поводу площадки для публикации научной фантастики стала первым импульсом, потребовавшим к 1965 г. вмешательства ЦК ВЛКСМ. Сигналом к активизации Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ послужило письмо, подписанное писателями-фантастами А. Колпаковым, Ю. Котляром, Г. Чижевским². Фамилия Г. Чижевского не встречается в документах, связанных с конфликтами предыдущего десятилетия в среде фантастов. А. Колпаков, автор романа «Гриада», неоднократно критиковался подсекцией фантастики и приключений МО СП в 1958–1964 гг. и обвинялся в плагиате³.

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 156–167.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 168.

³ Напр.: Протокол № 14 заседания комиссии по научно-фантастической и приключенческой литературе. 8 марта 1960 — 16 декабря 1960 г. // РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 2. Д. 31. Л. 12.

Таким образом, к середине 1960-х гг. сложилось несколько конфликтных линий, в которых принимали участие писатели-фантасты. На протяжении более чем десяти лет существовал конфликт за издательские площадки фантастики с «большой литературой». С 1956 г. назревал и постепенно разворачивался конфликт между представителями различных течений внутри фантастики, в котором основная ось противостояния проходила между философским и научно-техническим направлениями. Набирал обороты конфликт между поколениями фантастов, представители старшего поколения занимали решающие должности внутри Союза писателей, а «молодые» уже завоевали собственную аудиторию и консолидировались на базе издательства «Молодая гвардия». Последние две конфликтных линии во многом совпадали. На фоне указанных конфликтов отдельные писатели, не пользовавшиеся покровительством ни одной из группировок, не попадавшие в рамки течений, оказывались за бортом издательской деятельности, однако достаточно свободно публиковали в газетах критические статьи. Среди таких писателей наиболее заметным оказался Ю. Котляр.

Деятельность критиков в этот период имеет смысл проанализировать отдельно. В этой среде к середине 1960-х гг. сложилось несколько групп. Е. Брандис и В. Дмитриевский, Р. Нудельман, В. Ревич¹, а также сами писатели-фантасты (А. Громова, А. и Б. Стругацкие, А. Днепров)² активно публиковали статьи в поддержку философского направления фантастики. Особое внимание следует

¹ Брандис Е., Дмитриевский В. Будущее, его провозвестники и лжепророки // Коммунист. 1964. № 2.; Дмитриевский В. Встречи с грядущим // Звезда. 1964. № 9; Нудельман Р. Возвращение со звезд // Техника — молодежи. 1964. № 5. С. 24—25; Нудельман и вечный бой! // Стругацкий А., Стругацкий Б. Далекая Радуга. — М., 1964. — С. 328—334; Ревич В. Прекрасно быть человеком // Вечерняя Москва. 1964. 16 сент.

² Громова А. Золушка // Литературная газета. 1964. 1 февр.; Громова А. Герои далеких радуг: заметки о творчестве Стругацких // Комсомольская правда. 1964. 26 дек. С. 3; Стругацкий А., Стругацкий Б. Через настоящее — в будущее // Вопросы литературы. 1964. № 8 (август); Стругацкий А., Стругацкий Б. Нет, фантастика богаче! // Литературная газета. 1964. 3 дек. С. 2; Днепров А. На перекрестках фантастики // Молодой коммунист. 1964. № 2.

уделить статьям А. Громовой, которые являются своеобразной программой, декларацией принципов философской фантастики.

В 1964 г. философское направление еще поддерживается и представителями ЦК ВЛКСМ. 11 июля 1964 г. в журнале «Коммунист» была опубликована статья И. Сеничкина «Журнал молодых коммунистов» в поддержку научной фантастики¹.

Критикой этого направления занимались в основном маститые критики, специализирующиеся на «большой литературе», такие как Л. Коган или А. Бочаров². Деятельность последней группы авторов приводила к постановке вопроса о необходимости профессионализации критики в области фантастики на собраниях СП, потому что критики широкого профиля, как правило, слабо ориентировались в различиях между фантастическими течениями и не интересовались ее содержанием, критикуя лишь формальные стороны — язык, научность, соответствие установкам партии. При этом к фантастике применялись те же мерки, что и к «большой литературе», без учета различий в художественном методе.

Научно-техническое направление в критике к моменту начала работы над проектом постановления представлено слабо, в 1964 г. не было опубликовано ни одной статьи В. И. Немцова и А. П. Казанцева. Активно публикуются два автора — Г. Альтов и Ю. Котляр. Г. Альтов, сам будучи писателем-фантастом, придерживается критической позиции по отношению ко всему этому жанру, считая, что современная фантастика не производит образцов, достойных называться «большой литературой». В связи с этим он выступает против организации специального журнала. Основным объектом критики для него являются «халтура и плагиат в фантастике», в первую очередь его выступления направлены против А. Колпакова, Ю. Котляра, М. Емцева и Е. Парнова³.

¹ *Сеничкин И.* Журнал молодых коммунистов // *Коммунист*. 1964. № 11 (июль). Бондаренко считает, что эта фамилия может быть соотнесена с фамилией заведующего сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС И. Сенечкина // Бондаренко С. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966. — М., 2009. — С. 226.

² *Коган Л.* Обедненный жанр // *Известия*. 1964. 23 ноября. С. 4; *Коган Л.* Фантастика должна быть богаче // *Литературная газета*. 1964. 17 дек. С. 2; *Бочаров А.* Умный товарищ писатель. 1964. 13 дек.

³ *Альтов Г.* А будет хуже... // *Литературная газета*. 1964. Февр.

Ю. Котляр объектом критики выбирает практическую деятельность группы фантастов философского направления, сложившейся вокруг издательства «Молодая гвардия»¹. Конфликт философского направления с Ю. Котляром, по-видимому, имеет истоки в заседаниях Совета по научно-фантастической литературе 1964 г. Тогда А. Стругацкий, перечисляя начинающих авторов-фантастов — В. Михайлова, Г. Голубева, М. Емцева и Е. Парнова, А. Днепрова, Ю. Котляра, назвал произведения Ю. Котляра «единственной неудачей» среди них². Его поддержала А. Громова, а Е. Парнов выступил в защиту Ю. Котляра. Тем не менее в ноябре того же года Ю. Котляр публично обвинил именно М. Емцева и Е. Парнова в искажении идеи коммунизма³. Конфликт получил развитие уже в виде писем в ЦК ВЛКСМ⁴.

Впоследствии Ю. Котляр повторно обращался в ЦК ВЛКСМ с просьбами ускорить принятие решения о фантастической литературе⁵, что позволяет предположить, что именно он был инициатором первого письма. Ю. Котляр характеризовал ситуацию, сложившуюся в среде фантастов как монополию группировки, сложившейся вокруг редакции фантастики и приключений «Молодой гвардии»: «С каждым годом тематика книг по фантастике, выпускаемых этой редакцией, мельчает, а их идеологическая направленность становится все более неясной. Деловой партийный принцип отбора произведений был заменен протекционизмом. Печатают в основном Громову и Стругацких»⁶.

Об этой же ситуации, но в других терминах, вспоминают многие соратники А. и Б. Стругацких и сам Б. Стругацкий. Они говорят о многочисленных творческих кружках, сложившихся в 1960-х гг., одним из которых и стала группа сотрудников, критиков и писателей, работавших в отделе фантастики и приключений издательства «Молодая гвардия». Лидерами этого кружка выступили А. Громова

¹ *Котляр Ю.* Фантастика и подросток // Молодой коммунист. 1964. № 12.

² РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 3. Д. 783. Л. 6.

³ Там же. Д. 781. Л. 14.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 162–168.

⁵ Там же. Л. 169–175.

⁶ Там же. Л. 162–168.

и А. Стругацкий. В публицистике представители этого кружка активно отстаивали положение фантастики как философской литературы. Находясь у рычагов управления публикациями в одном из крупнейших издательств фантастической литературы в СССР, они ставили себя в положение своеобразного фильтра, который пропускал в печать только фантастику нового, философского типа. При этом они, с одной стороны, отвергали научно-техническую фантастику, в которой фантастический элемент был самоцелью, и находились в конфликте с представителями старого поколения фантастов, таких как В. И. Немцов. С другой стороны, они вступали в конфликт с независимыми писателями, которые, так же как и представители философского течения, хотели свободно публиковать свои произведения.

Ю. Котляр многократно упоминается А. Стругацким в письмах как представитель враждебного направления научно-технической фантастики и специалист по «фантастической халтуре». Безусловно, необходимо иметь в виду, что это мнение является субъективным. В своем письме 1965 г. (более точную дату установить не удалось) Ю. Котляр характеризует действия редакции «Молодой гвардии» как неэтичные, сообщает, что произведения, которые издаются в редакции, рецензируются не профессиональными критиками, а представителями той же группы, таким образом, создается круговая порука, при которой авторы пишут взаимно положительные рецензии, но не допускают в печать тех, кто не состоит в кружке. По его мнению, художественная ценность произведений в этом процессе не имеет значения. При этом он приводит как пример рецензии на повести М. Емцева и Е. Парнова, состоящих в кружке, и на собственный рассказ¹. Обе рецензии написаны А. Стругацким. Несмотря на то что художественная сторона рецензируемых произведений А. Стругацким оценивается примерно одинаково, произведение М. Емцева и Е. Парнова им рекомендовано к печати, а работа Ю. Котляра — нет.

«Обстановка в редакции «ФПП»² создаётся нездоровая, — писал Ю. Котляр. — Все авторы, не мыслящие одинаково с группой Стругацких — Громовой, отлучаются. Одних отлучают по вкусовым соображениям, других — за принципиальные критические высту-

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 163–168.

² ФПП — редакция фантастики, приключений и путешествий издательства «Молодая гвардия».

пления против идейной путаницы или литературных недостатков в творчестве А. и Б. Стругацких, Парнова, Громовой». Ю. Котляр обвинял А. Стругацкого в протекционизме для родственников (жена писателя работала в «Молодой гвардии»); Р. И. Нудельмана — в недостаточном профессионализме, а Объединение молодых писателей-фантастов называет «вотчиной А. Громовой»¹.

Более подробно Ю. Котляр и соавторы разбирают идеологическую направленность произведений оппонентов, подводя итог такому анализу следующими словами: «Мы далеки от мысли обвинить Стругацких в преднамеренной идеологической диверсии. Они могли скатиться в идеологическое болото и по неведению, и по ошибке. Но зато не могут ссылаться на неведение т. Жемайтис и аппарат редакции... по должности «ведать» обязаны»². В конце письма писатели просят ЦК ВЛКСМ «разобраться в том, что происходит в редакции «ФПП» «Молодой гвардии»³.

Позже Ю. Котляр еще неоднократно обращался в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ с просьбой ускорить рассмотрение дела (в архиве сохранились несколько писем и почтовых карточек за апрель–август 1965 г.)⁴. В одном из писем автор пишет, что группировка Стругацких «в издательствах порочит Котляра как доносчика»⁵. Подобные конфликты внутри писательской среды (в том числе среди писателей-фантастов), в 1960-е гг. не редкость. Так, на одном из заседаний Союза писателей В. И. Немцов на несколько лет отлучил от печати Г. Альтова, публично объявив его в склонности к абстракционизму. Неоднократно вступали в конфликты В. И. Немцов и А. Н. Стругацкий. Активно развивалась борьба между старым и новым поколением фантастов, между представителями философского и научно-технического течения. Большая часть таких столкновений проходила на заседаниях Союза писателей, на различных конференциях и в печати — в виде критических статей. Ю. Котляр выводит внутренний конфликт на политический уровень, обращаясь за помощью в ЦК ВЛКСМ.

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 163–168.

² Там же. Л. 163–168.

³ Там же. Л. 168.

⁴ Там же. 169–174.

⁵ Там же. Л. 175.

Письма А. Стругацкого и Ю. Котляра рассматривались в ЦК ВЛКСМ в комплексе. В течение более чем года велось расследование по этому вопросу. В архивном деле сохранились вместе с проектом будущего постановления о фантастике рецензии на произведения А. и Б. Стругацких, А. Громовой, Ю. Котляра, М. Емцева и Е. Парнова, справки о гонорах писателей. Эти документы в целом подтверждают фактическую часть письма Ю. Котляра. Среди изданий «Молодой гвардии» преобладают публикации группы сторонников философской фантастики.

Среди проектов Постановления о фантастике встречаются черновики трех вариантов. Проекты решений и подготовительные документы не имеют подписи, потому установить их авторство не представляется возможным.

Можно выделить четыре группы проблем, которые поднимаются в проекте. Первая — это проблемы, связанные с учреждением специализированного периодического издания научной фантастики. Признавая возрастающее влияние научной фантастики на «формирование сознания и идейной убежденности молодого поколения»¹, в первом варианте Постановления поручается Отделу пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ подготовить предложения о «возможности преобразования приложения к журналу «Вокруг света» «Искателя» в самостоятельный ежемесячный журнал научной фантастики»².

Во втором варианте Постановления отмечается ведущая роль авторов утопической фантастики — И. Ефремова («Туманность Андромеды»), А. Днепрова («Уравнение Максвелла»), А. и Б. Стругацких («Путь на Амальтею») — в этом процессе³. Позиция об учреждении журнала остается неизменной⁴.

В третьем варианте перечисление заслуг утопической фантастики снова отсутствует. Остается неизменным пункт об учреждении журнала⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что необходимость учреждения журнала не вызвала острых дискуссий, однако для фи-

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 9.

лософского направления этот пункт стал поражением. Редакция журнала «Искатель» их взглядов на фантастику не разделяла и, по всей видимости, была полностью подконтрольна ЦК ВЛКСМ.

Ко второй группе проблем, отраженных в проекте Постановления, относится анализ идейного содержания произведений философской фантастики. Среди произведений, в которых допущены идейные «просчеты и ошибки»¹, в первом варианте проекта фигурируют повесть А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века» (1965), повести М. Емцева и Е. Парнова «Уравнение с бледного Нептуна» и «Душа мира» (1964).

«Весьма расплывчата философская концепция этих произведений. Они лишены четкой классово-окраски, в них много чистого фантазирования без достаточной научной аргументации», — отмечается в документе. Авторы критикуются за то, что они «сходят с позиции философии, допуская проявления признаков идеализма, мистики, теоретических положений, не обоснованных наукой»². Практически дословно эта позиция повторяется во втором и третьем варианте Постановления³.

Третья группа проблем — издательская деятельность «Молодой гвардии» и ее сотрудников. В первом варианте Постановления деятельность редакции фантастики, приключений, путешествий при «Молодой гвардии» оценивается положительно. В проекте отмечаются заслуги редакции в развитии научно-фантастической литературы, а также деятельность сложившегося при редакции литературного объединения. Вместе с тем делается оговорка, что «в последние годы в издательстве вышло несколько произведений, идейное содержание которых вызывает серьезные возражения»⁴.

Как «явно ненормальная» характеризуется практика издательства, когда «ограниченный круг лиц выступает в качестве авторов, составителей, переводчиков и рецензентов»⁵. Второй и третий вариант Постановления повторяют эту позицию с минимальными изменениями⁶. Необходимо заметить, что практика рецензирования

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 1.

² Там же. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 5.

произведений ближайших коллег была обусловлена недостатком критиков, специализирующихся на фантастике.

Четвертая группа проблем — конкретные меры, которые следует принять в отношении авторов и сотрудников издательства, упомянутых в документах. В первом варианте Постановления за выпуск «слабых в идейном отношении книг» предлагается «строго указать» главному редактору «Молодой гвардии» Осипову¹. Предлагается «обязать руководство издательства принять необходимые меры по укреплению редакции подготовленными и высококвалифицированными кадрами». Редакция газеты «Комсомольская правда», журналов «Смена», «Молодая гвардия», «Сельская молодежь», «Техника — молодежи», «Вокруг света» предписывается впредь «более строго подходить к отбору произведений научной фантастики для публикации на своих страницах, глубоко и принципиально оценивать каждое новое произведение этого жанра, адресованное молодому читателю»².

Во втором варианте Постановления помимо этого предлагается объявить выговор заведующему редакцией фантастики, приключений, путешествий при «Молодой гвардии» С. Г. Жемайтису. Снимается, а затем восстанавливается часть Постановления, обязывающая руководство издательства «принять необходимые меры по укреплению редакции подготовленными и высококвалифицированными кадрами»³. При работе над третьим вариантом Постановления снимается пункт о наказании по отношению к В. Осипову⁴.

Таким образом, во всех вариантах остается практически неизменным решение об учреждении специального журнала. Основные разночтения можно видеть в оценках деятельности «Молодой гвардии» (признании ее заслуг перед литературой или полном их отрицании), а также идеологических характеристиках утопической фантастики как жанра. Кроме того, в разных вариантах текста варьируются кадровые меры по отношению к «Молодой гвардии».

К проекту Постановления прилагаются справка о состоянии фантастики на 1966 г.⁵ и письмо редакции «Молодой гвар-

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 2.

² Там же. Л. 2–3.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 10–24.

дии» в ЦК ВЛКСМ¹. Эти два документа становятся своеобразной декларацией позиций литобъединения при «Молодой гвардии» и их противников в ЦК ВЛКСМ. Справка в значительной мере повторяет коллективное письмо в ЦК ВЛКСМ писателей Ю. Котляра, А. Колпакова и Г. Чижевского. В отличие от последних составитель справки признает, что положение в фантастике меняется и фантастика «теперь занимает довольно заметное место в литературе многих стран мира, повышается ее роль в духовной жизни общества»².

Этот фрагмент текста, повторяющийся практически во всех документах дела, носит двоякий характер. Указывая на повышение роли фантастики, авторы проекта Постановления не столько отмечают ее положительную роль, сколько констатируют, что теперь фантастику необходимо включить в зону внимания партии.

Автор справки отмечает возникновение и развитие клубов любителей научной фантастики в Москве при Доме детской книги, при Доме ученых в Харькове, в Доме пионеров г. Баку и в некоторых других городах³.

Характеризуя заслуги «Молодой гвардии», составитель справки положительно оценивает романы И. Ефремова «Туманность Андромеды», «Юрта ворона», «Лезвие бритвы»; «Уравнение Максвелла» и «Формула бессмертия» А. Днепрова, «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Далекая Радуга» А. и Б. Стругацких; «Ошибка Алексея Алексеевича», «Падает вверх» А. Полешука; «Звездные дневники Ийона Тихого» С. Лема; сборники «Фантастика-1963» и «Фантастика-1964» под редакцией А. Стругацкого и некоторые другие произведения. Таким образом, можно говорить о том, что признание получают авторы всех трех направлений.

Среди достоинств изданий «Молодой гвардии» в справке отмечается, что «значительная часть посвящена грядущему коммунистическому обществу, грандиозным достижениям науки будущего», а «во многих произведениях делается, и весьма успешно, попытка создать образ человека будущего»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 25–35.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 11.

Положительно оценивается деятельность объединения фантастов при редакции «Молодой гвардии»¹. «Ядром» объединения составитель справки называет А. Г. Громова, А. Н. Стругацкого, С. Ф. Гансовского, А. П. Днепрова (Мецкевича), А. Л. Полещука, Е. И. Парнова, М. Т. Емцева. Среди соратников объединения — Ярова, Муслина, Зубкова, Мирера, Ливенштейна, Биленкина, Перельмана. Отмечает он и тот факт, что литобъединение действует в союзе с «Комсомольской правдой» и журналом «Техника — молодежи».

Однако далее составитель переходит к критике того же круга лиц (А. Громова, А. Стругацкий, А. Полещук, А. Мецкевич, Е. Парнов, М. Елизеев, Р. Нудельман, Н. Гальперина, В. Ревич, С. Гонсовский) за нарушение профессиональной этики. Он отмечает, что помимо названных фамилий в литобъединение входит около 40–50 человек, в т. ч. 25 активно пишущих литераторов². Таким образом, речь в документе идет о критике лишь части активистов объединения.

Подвергая детальной критике произведения писателей философского направления, автор справки противопоставляет их работам тех же авторов. При ближайшем рассмотрении оказывается, что философская фантастика — оборотная сторона фантастики утопической.

Критике подвергаются повести М. Емцева и Е. Парнова «Уравнение с бледного Нептуна» и «Душа мира» за налет мистицизма, неясность философских идей³. Повести «Попытка к бегству» и «Трудно быть богом» А. и Б. Стругацких критикуются за декларацию позиции «невмешательства», исторический пессимизм⁴. Отмечается в справке недостаток кадров в редакции, необходимость создания специализированного периодического издания, конфликт поколений внутри писательского сообщества⁵. В целом справка выглядит достаточно выдержанной, не содержит прямых выпадов против философского направления в фантастике.

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 12.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 18–19.

⁴ Там же. Л. 20–21.

⁵ Там же. Л. 23–24.

В ответ на критику со стороны ЦК ВЛКСМ редакция «Молодой гвардии» формулирует принципы философской фантастики и своей издательской политики. Частично эти принципы уже излагались в публицистике А. Громовой и А. и Б. Стругацких.

1. Советская фантастика есть часть литературы социалистического реализма, использующая классический прием введения в произведения элемента необычного и небывалого или невозможного с точки зрения современных представлений о мироздании.
2. Философская фантастика занимается разработкой в художественных образах вопросов научного коммунизма и диалектического материализма.
3. В силу огромного интереса к упомянутым темам и вопросам, разрабатываемым фантастикой, со стороны широкого читателя и в особенности молодежи, фантастика является мощным оружием идеологической борьбы и воспитания нового человека. Она учит молодежь бороться, искать, мечтать, ненавидеть все косное, консервативное, мелкое, восстанавливает против себялюбия, потребительства и эгоизма. Именно поэтому редакция считает своим долгом всячески способствовать развитию этого вида литературы.
4. Целью литобъединения при «Молодой гвардии» является создание условий для свободного и компетентного обсуждения теоретических и практических вопросов современной фантастики, для обмена мнениями по поводу новых, еще не опубликованных произведений и для приобщения редакционных работников Москвы к фантастической литературе¹.

Постановление ЦК ВЛКСМ о научно-фантастической литературе было принято 11 марта 1966 г. В его окончательном варианте утопическая фантастика не упоминается². Заслуги «Молодой гвардии» перечисляются в сокращенном варианте. Кроме того, меняется название Постановления — вместо Постановления Секретариата ЦК ВЛКСМ «О выпуске научно-фантастической литературы издательством «Молодая гвардия» появляется Постановление Секретариата

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 1208. Л. 25, 28.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 68. Д. 1208. Л. 32–33.

ЦК ВЛКСМ «О недостатках в выпуске научно-фантастической литературы издательством «Молодая гвардия». Таким образом, характер решения меняется с нейтрального на негативный.

В Постановлении выносятся выговор С. Г. Жемайтису и предупреждение В. О. Осипову, руководству издательства поручается укрепить редакцию подготовленными и высококвалифицированными кадрами. Сохраняются рекомендации к периодическим изданиям, публикующим фантастику.

При этом пункт об учреждении специального журнала исчезает, а на его месте появляется поручение «Отделу пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ подготовить и внести в бюро ЦК предложения по усилению контроля за опубликованием научно-фантастической литературы в комсомольских газетах и журналах и выпуском книг издательством «Молодая гвардия»¹.

Очевидно, на каком-то этапе рассмотрения дела материалы его были переданы в Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, потому что записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, очень близкая по содержанию к Постановлению Секретариата ЦК ВЛКСМ, появляется 5 марта 1966 г. за 6 дней до вынесения окончательного решения².

Записка очерчивает близкий круг проблем. Она критикует, по выражению автора — А. Н. Яковлева, «социальную» или «философскую» фантастику. То есть категория утопической фантастики (ранее считавшаяся идеологически выверенной) здесь уже не рассматривается.

А. Н. Яковлев так характеризует фантастику в СССР, какой ее хотели бы видеть в ВЛКСМ: «Советская научная фантастика всегда отличалась своими прогрессивными тенденциями, твердо стояла на основах научного мировоззрения, смело вторгалась в сложные и малоизученные жизненные проблемы»³. Он присваивает ей такие качества, как высокий гуманизм, глубокая вера в силу человеческого разума, «оптимистический взгляд в будущее человечества, неизменно связанное с победой и торжеством коммунистических идеалов».

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 68. Д. 1208. Л. 33.

² Записка отдела пропаганды ЦК КПСС, 5 марта 1966 // Известные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М. — Донецк, 2009. — С. 481.

³ Там же. С. 482.

Такой идеальный и в известном смысле идеализированный образ фантастики является смещением установок по отношению к разным ее направлениям. Хотя гуманизм и антропологический оптимизм можно увидеть в научно-технической фантастике 1930–1950-х гг., эти ценности выражены в ней достаточно формально. Что же касается утопической фантастики, то, по мере усиления внимания к социальному проектированию, она все более отходит от соблюдения требования научности, обозначенного в первой части характеристики А. Н. Яковлева. Таким образом, произведения, полностью соответствующие данному описанию, достаточно немногочисленны — под него подходят разве что такие крупные коммунистические утопии, как «Туманность Андромеды» И. Ефремова и «Гость из бездны» Г. Мартынова. Но даже и эти авторы в более поздних работах отступали от заданного Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС канона.

Фантастику середины 1960-х гг. А. Н. Яковлев упрекает в отдалении от реальных проблем науки, техники и общественной жизни. Здесь можно наблюдать то же смещение требований: фантастики, близкой одновременно и к проблемам техники, и к проблемам общественной жизни, не существовало практически никогда. Автор записки полагает, что «идеологическая направленность» советской фантастики стала все более притупляться. Действительно, произведения А. и Б. Стругацких середины 1960-х гг. можно трактовать по-разному. Проектируя общественные модели, они сознательно или бессознательно оставляют открытым вопрос — является ли эта модель иносказательным воплощением социалистического общества, капиталистического, или вовсе абстрактна. Этот вопрос Б. Стругацкий частично проясняет в «Интервью длиною в годы»¹, где он дает расшифровку ряду задумок писателей 1960-х гг. Однако более поздняя интерпретация не меняет того факта, что читательская аудитория в значительной мере видела в их произведениях критику социалистического общества. Таким образом, обвинение А. Н. Яковлева имело под собой основания.

Следующий упрек А. Н. Яковлева в адрес фантастики философского направления заключался в «антропологическом пессимизме» ряда произведений этого литературного жанра. По его мнению, философская фантастика показывает «бесперспектив-

¹ Стругацкий Б. Н. Интервью длиною в годы. — М., 2009.

ность дальнейшего развития человеческого общества, крушение идеалов, падение нравов, распад личности»¹. Здесь, по всей видимости, имеет место непонимание автором записки задач, которые ставит перед собой философская фантастика. «Жанр научной фантастики для отдельных литераторов стал, пожалуй, наиболее удобной ширмой для легального протаскивания в нашу среду чуждых, а иногда и прямо враждебных идей и нравов», — резюмирует А. Н. Яковлев.

Список авторов, представляющих и популяризирующих философскую фантастику, в записке А. Н. Яковлева заметно сокращен. Среди соратников течения философской фантастики А. Н. Яковлев называет А. Громова, Р. Нудельмана, З. Файнбурга, А. и Б. Стругацких, а ее основателем считает С. Лема. Последнего он остро критикует за социальный пессимизм, неверие в силу человеческого разума и обвиняет его и его последователей «в противоборстве с идеями материалистической философии»². Посвятив критике творчества С. Лема два абзаца (приблизительно 10% полного текста документа), А. Н. Яковлев основное внимание уделяет подробному рассмотрению идейных недостатков произведений А. и Б. Стругацких. Повести «Попытка к бегству» и «Трудно быть богом» подвергаются критике за «антропологический пессимизм»: неспособность коммунаров решить проблемы других цивилизаций, по мнению автора записки, должна отвратить советского человека от задач построения спроектированного А. и Б. Стругацкими будущего. Кроме того, условный политический строй антиутопического проекта, обрисованного в повести «Трудно быть богом», лишен классового подтекста. Особое внимание уделяется критике повести «Хищные вещи века». Модель общества потребления, спроектированная А. и Б. Стругацкими, критикуется за «высокомерное пренебрежение к материалистической философии», бесклассовость, «неуважение к... Человеку»³. Отдельно подвергается критике конструкт «массовой идеологии», который во введении к повести А. и Б. Стругацкие обозначают как ключевой для понимания текста.

¹ Записка отдела пропаганды ЦК КПСС. 5 марта 1966 // Известные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М. — Донецк, 2009. — С. 482.

² Там же. С. 482–483.

³ Там же. С. 487.

В записке А. Н. Яковлева определяется комплекс практических мер, по сути штрафных санкций, по отношению к авторам и издателям научно-фантастической литературы (все они войдут в текст Постановления ЦК ВЛКСМ): редакции журнала «Коммунист» поручено «опубликовать обстоятельную критическую статью авторитетного автора об ошибочных тенденциях в современной научно-фантастической литературе»; ЦК ВЛКСМ поручено «рассмотреть вопрос о работе издательства «Молодая гвардия» по изданию научно-фантастической литературы и принять меры по укреплению издательства более квалифицированными кадрами»; Комитету по печати при Совете Министров предлагается «навести надлежащий порядок в издании литературы по научной фантастике»; Союзу писателей рекомендуется «обсудить вопрос об ошибочных тенденциях в современной научно-фантастической литературе и принять меры к улучшению работы с литераторами, работающими в этом жанре». Решено также «обратить внимание редакторов газет и журналов, директоров издательств на неправильные тенденции в современной научно-фантастической литературе» на очередном информационном совещании в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС¹.

Как отмечают в своих воспоминаниях Д. Пушкарь и С. Чарный, на практике меры были в значительной степени смягчены Ю. Мелентьевым и И. Чхиквишвили (зав. сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС в 1966 г.)².

Хронологические рамки создания обоих документов — записки А. Н. Яковлева и Постановления ЦК ВЛКСМ «О недостатках в выпуске научно-фантастической литературы издательством «Молодая гвардия», а также сравнительный текстологический анализ их содержания, позволяют говорить о том, что записка появилась незадолго до (или вскоре после) создания последнего варианта проекта Постановления. Можно реконструировать следующую схему взаимодействия

¹ Записка отдела пропаганды ЦК КПСС. 5 марта 1966 // Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М. — Донецк, 2009. — С. 491.

² Пушкарь Д., Чарный С. Гнев богов: рукописи, как известно, не горят. Доносы — тоже // Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М. — Донецк, 2009. — С. 611; Справка ЦК КПСС: меры в связи с запиской Отдела пропаганды ЦК КПСС // Там же. С. 610.

двух инстанций: Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ и Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. Первый и второй варианты проекта Постановления создаются в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ под влиянием писем Ю. Котляра и А. Стругацкого, затем (до или после создания третьего варианта проекта) материалы передаются для согласования в Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС. После рассмотрения проекта Постановления в ЦК КПСС характер документа меняется, в нем усиливаются критический момент и штрафные санкции в отношении редакции «Молодой гвардии» и представителей направления философской фантастики. Постановление в окончательной редакции корректируется и принимается в соответствии с мнением Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Таким образом, принципиальный поворот в развитии фантастики в СССР был совершен в 1966 г., и непосредственное влияние на него оказала записка А. Н. Яковлева. Хотя в последующие годы произошло еще два столкновения А. и Б. Стругацких с партийным аппаратом (в 1968 г. в связи с публикацией повести «Сказка о Тройке» в альманахе «Ангара» и в 1972 г. в связи с публикацией в эмигрантском издании «Грани»), они не имели того же поворотного значения и явились скорее локальными конфликтами.

Разработка проекта Постановления сопровождалась бурными дискуссиями относительно сущности фантастики. В защиту Стругацких выступает А. Громова со статьей «Молнии будут служить добру»¹: она оспаривает обвинение в антинаучности повести «Трудно быть богом». Стругацкие и их сторонники декларируют уже названные принципы философской фантастики в статьях «Главное — на земле», «О чем пишут фантасты?», «От фантастики научной к фантастике художественной» (И. Соловьёв), «Художественная «душа» и научные «рефлексы» (В. Ревич), «Почти такие же...» (К. Андреев)².

¹ Громова А. Молнии будут служить добру // Литературная Россия. 1965. 26 марта. С. 11.

² Стругацкий А., Стругацкий Б. Главное — на земле // Ленинградская правда. 1965. 12 марта; Стругацкий А., Стругацкий Б. О чем пишут фантасты? // Знание — сила. 1965. № 6. С. 40–41; Соловьёв И. От фантастики научной к фантастике художественной // Литературная Россия. 1965. 26 марта; Ревич В. Художественная «душа» и научные «рефлексы» // Молодая гвардия. 1965. № 4; Андреев К. Почти такие же... // Литературная газета. 1965. 27 мая. С. 3.

Достаточно объективным выглядит анализ тенденций развития фантастики, который дают А. Урбан и В. Коптилов¹. В ответ Емцов и Парнов публикуют статью «Наука и фантастика» в журнале «Коммунист»².

В № 10 журнала «О литературе для детей» публикуется подборка статей о фантастике, включившая в себя материалы представителей различных направлений: Е. Брандиса, М. Лазарева, В. Журавлёвой, А. и Б. Стругацких, Г. Гора, Е. Званцевой, И. Майзеля, А. Шалимова³. Подборка оказывается достаточно представительной. Можно предположить, что таким образом ВЛКСМ производит своеобразное «зондирование», пытаясь определить положение вещей внутри писательского и читательского сообщества.

В конце 1965 г. выходит еще несколько статей о фантастике: О. Битова, В. Травинского, М. Ляшенко, И. Соловьёва, Е. Брандиса и В. Дмитриевского⁴. В целом в 1965 г. издания еще открыты для публикации различных литературных позиций.

¹ Урбан А. Фантастическая или философская? // Нева. 1965. № 7. С. 172–178 (июнь–июль); Коптилов В. Окно в грядущее // Радуга. 1965. Август.

² Емцев М., Парнов Е. Наука и фантастика // Коммунист. 1965. № 15. С. 64–73. (август).

³ Брандис Е. О научной фантастике наших дней // О литературе для детей: вып. 10. — Л.: Дет. лит., 1965. — С. 112–129; Лазарев М. Ответственность фантаста // О литературе для детей: вып. 10. — Л.: Дет. лит., 1965. — С. 193–203; Журавлёва В. Трудности роста // О литературе для детей: вып. 10. — Л.: Дет. лит., 1965. — С. 204–214; Стругацкий А., Стругацкий Б. Фантастика — литература // О литературе для детей: вып. 10. — Л.: Дет. лит., 1965; Гор Г. Мир без потолка // О литературе для детей: вып. 10. — Л.: Дет. лит., 1965; Званцева Е. Так что же такое научная фантастика // О литературе для детей: вып. 10. — Л.: Дет. лит., 1965; Майзель И. Трудно быть человеком // О литературе для детей: вып. 10. — Л.: Дет. лит., 1965; Шалимов А. Жанр или метод // О литературе для детей: вып. 10. — Л.: Дет. лит., 1965.

⁴ Битов О. Далеко-далеко от Арканара // Учительская газета. 1965. 9 октября; Травинский В. Фантастика и человек // Известия. 1965. 24 ноября; Ляшенко М. Без прицела // Литературная Россия. 1965. 26 ноября; Соловьёв И. Будь готов к неожиданному // Литературная Россия. 1965. 26 ноября; Брандис Е., Дмитриевский В. Мир будущего в научной фантастике. — М., 1965.

Надо отметить, что полемика в статьях зачастую обращена к спорам относительно литературных качеств произведения — язык, научность повествования, достоверность использованных фактов и возможность использовать фантастические допущения. Вокруг последнего вопроса, в частности, дискуссии разворачиваются на протяжении всей первой половины 1960-х гг. Не отходит он в сторону и после принятия Постановления 1966 г., однако ряд исследователей считает, что литературоведческие споры имеют политический подтекст¹.

Ситуация в критике меняется в январе 1966 г. 12 января газета «Известия» публикует статью Д. Еремина «Перевертыши» с критикой деятельности А. Синявского и Ю. Даниэля, и в следующем номере — статью В. И. Немцова «Для кого пишут фантасты», в которой автор критикует образ будущего человечества, созданный А. и Б. Стругацкими в повести «Попытка к бегству»². Кроме того, он считает негативные стороны человеческой природы, показанные писателями в повести « Хищные вещи века » излишне привлекательными, а «Трудно быть богом» критикует за наличие натуралистично изложенных интимных сцен. Подводя итоги, он констатирует отсутствие идейного и художественного роста А. и Б. Стругацких в течение десятилетия.

Климат в издательствах резко меняется. В ответ на выступление В. И. Немцова в «Известия» направляется поток статей (В. Володин, Р. Нудельман) и писем (Н. Галь, В. Ревич, Ю. Манин) в защиту А. и Б. Стругацких и их соратников, однако ни одно из них не публикуется³. В поддержку А. и Б. Стругацких выступает «Комсомольская правда» и ряд других изданий, публикующих научную фантастику⁴. «Комсомольская правда» планирует провести дискуссию

¹ См., напр.: *Кузнецова А. В.* Рецепция творчества братьев Стругацких в критике и литературоведении: 1950–1990-е гг. : диссертация... канд. фил. наук: 10.01.01. — М., 2004. — С. 191.

² *Еремин Д.* Перевертыши // *Известия*. 1966. 12 января; *Немцов В. И.* Для кого пишут фантасты? // *Известия*. 1966. 18 янв. С. 6.

³ *Володин В.* Фантастика не пророчество // *Бондаренко С.* Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966... С. 453; *Нудельман Р.* Фантастика и современность // Там же. С. 507; *Галь Н.* Письмо в редакцию газеты «Известия». 20 января 1966 // Там же. С. 456 и др.

⁴ *Ган В.* Верните душу людям! // *Знание — сила*. 1966. № 2. С. 48; *Куклин Л.* Фантастика и философия // *Смена*. 1966. 15 марта.

между фантастами, однако, идея так и не осуществляется. В защиту А. и Б. Стругацких в январе 1966 г. в «Комсомольской правде» выступает И. А. Ефремов¹. Еще одна его статья выходит в газете «Литературная Россия» в начале февраля². И. Ефремов опровергает обвинения в адрес ранней повести А. и Б. Стругацких «Далекая Радуга», которая на общем фоне переосмысления отношения к философской фантастике упрекалась в «антигуманизме». Кроме того, он вступает в прямую полемику с В. Немцовым, оспаривая каждый из пунктов его обвинений в адрес повести «Трудно быть богом».

«Комсомольская правда» и другие молодежные издания стараются обойти стороной идейно-политическое содержание работ А. и Б. Стругацких. Поддержка, которую они оказывают писателям, опосредована — так, например, несколькими месяцами позже, в мае 1966 г. редакция «Комсомольской правды» предлагает А. и Б. Стругацким опубликовать крупную статью о Ж. Верне. В ситуации, когда их произведения отказываются публиковать многие издательства, редакция «Комсомольской правды», напротив, даже настаивает на публикации статьи.

Е. Брандису и В. Дмитриевскому удается опубликовать статью в «Литературной газете», в которой они пытаются раскрыть сатирический смысл повести «Хищные вещи века»³. Ранее В. Немцов высказал обвинение в преклонении А. и Б. Стругацких перед материальными благами в этом же произведении.

За статьей Е. Брандиса и В. Дмитриевского тут же следует разгромная статья М. Федоровича, где творчество А. и Б. Стругацких критикуется с позиций экономики и идеологии⁴. Автор считает недостаточно проработанным социальное устройство антиутопического общества, смоделированного А. и Б. Стругацкими в повести «Хищные вещи века». Впрочем, эта статья уже не производит должного эффекта, как и последующая статья Ю. Францева в газете

¹ *Ефремов И.* Миллиарды граней будущего // Комсомольская правда. 1966. 28 января. С. 3.

² *Ефремов И.* Сражение за будущее // Литературная Россия. 1966. 4 февр.

³ *Брандис Е., Дмитриевский В.* Фантасты пишут для всех! // Литературная газета. 1966 г. 1 февр. С. 3.

⁴ *Федорович М.* Не только занимательное чтение // Литературная газета. 1966. 10 февр. С. 3.

«Известия», автор которой упрекает А. и Б. Стругацких в противоречии с основами исторического материализма — он считает неприемлемым при моделировании антиутопического общества в повести «Трудно быть богом» объединять в нем элементы феодализма и фашизма¹.

Стругацким предлагается возможность реабилитироваться, которую они отчасти и используют, публикуя или подготавливая ряд лишенных политической и идеологической проблематики статей².

К маю 1966 г. курс партийных изданий в отношении фантастики снова меняется. Опала снимается, публикуется ряд статей в поддержку философской фантастики (А. Громовой, Ю. Кагарлицкого), подписана в печать повесть А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне»³.

Равновесие сохраняется до 1968 г. когда наступает новый переломный момент в диалоге власти и интеллектуальной элиты — чехословацкий кризис. Первым следствием этих событий лично для А. и Б. Стругацких стала приостановка съемок фильма «Трудно быть богом»⁴. Вскоре после этого был остановлен выпуск двух номеров альманаха «Байкал» — 1 и 2 за 1968 г. В обоих номерах по частям должна была публиковаться «Улитка на склоне». Хотя причиной остановки номеров была статья А. Белинкова «Сдача и гибель советского интеллигента», публиковавшаяся в том же номере, «Правда Бурятии» отозвалась на инцидент критикой «Улитки на склоне»⁵.

Упомянутые здесь политические события, такие как события в Манеже и Чехословакии, ставшие своеобразным штампом в научной литературе, посвященной периоду «оттепели», а также их функционирование в общественном сознании современников, будут более подробно рассмотрены далее.

Хотелось бы, однако, упомянуть еще одну деталь. Несмотря на то что Постановление требует введения жестких кадровых перестав

¹ Францев Ю. Компас фантастики // Известия. 1966. 25 мая.

² Напр.: Стругацкий А., Стругацкий Б. Об умных и веселых людях // Пионерская правда. 1966. 22 марта.

³ Письмо А. Н. Стругацкого Б. Н. Стругацкому. 8 мая // Бондаренко С. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966... С. 532.

⁴ Скаландис А. Братья Стругацкие... С. 329.

⁵ Там же. С. 331.

новок в издательстве «Молодой гвардии», нам доподлинно известно, что редколлегия «Библиотеки современной фантастики» изменилась минимально. В 1966 г. в нее входят К. Андреев, А. Громова, И. Ефремов, С. Жемайтис, Е. Парнов, А. Стругацкий — то есть она полностью состоит из группы «философской фантастики» Громова — Стругацкого. Через некоторое время к ним присоединяется Г. Гусев (этот человек не упоминается в других документах, связанных с работой группы). В 1968 г. редколлегию покидают А. Громова, Е. Парнов, К. Андреев, Г. Гусев, вместо них в редакцию входят Э. Араб-Оглы, И. Бестужев-Лада, Ю. Кагарлицкий, В. Милютенко. Библиотека начинает выходить реже, но сохраняет тематическую направленность. Впоследствии изменения в редколлегии минимальны: в 1972 г. В. Милютенко заменил И. Авременко. Сохраняя направленность и новый состав редакции, «Библиотека современной фантастики» выходит до 1980 г.

Одновременно две других серии, издающие фантастику, «Фантастика» и «Библиотека советской фантастики» тоже сохраняют приблизительно прежний состав редакции и издаются до начала 1990-х гг.

То есть никаких свидетельств о реальных кадровых перестановках и тем более их связи с Постановлением у нас нет.

В то же время само Постановление, его положение в папке с документами (оно полностью оторвано от тематического окружения и является единственным так или иначе затрагивающим деятельность редакции «Молодой гвардии» в архиве ВЛКСМ), а также его оформление (отсутствие печати машинистки, например) ставят ряд вопросов, наиболее простой из которых можно сформулировать следующим образом: если на Постановлении нет даты его создания, то какие основания мы имеем для того, чтобы утверждать, что эти страницы были напечатаны в 1966 г.?

1.3.2. Политическая культура в СССР во второй половине 1960-х гг.: тенденции стагнации

Вторая половина шестидесятых годов XX в. знаменуется упадком научно-технического романтизма, и хотя большинство очевидцев именно к этому периоду относят падение интереса к научной фантастике, представляется, что корни процесса следует искать глубже.

В качестве поводов к разочарованию в глобальном проекте называют обычно ряд событий, малосвязанных между собой — разгром выставки абстракционистов Н. С. Хрущёвым в 1962 году (то есть речь здесь идет еще о самом начале 1960-х гг.), процесс Синявского — Даниэля, ввод войск в Чехословакию.

Вести дискуссию относительно сути этих событий представляется бессмысленным, так как ей посвящено уже достаточно книг. Более важным кажется очертить круг вопросов, составивших имиджинарное советского человека уже в этот период.

Юрий Аксютин приводит свой список политических событий, сформировавший критическое отношение к политическому курсу СССР, и включает в них ввод войск на Кубу (который в освещении П. Вайля и А. Гениса выглядит скорее позитивно), строительство Берлинской стены, разрыв с Китаем, сложности диалога с США¹ — все эти события происходят еще в первой половине 1960-х гг.

Наравне с этим и Ю. Аксютин и Б. Грушин приводят свои опросы, показывающие рост уровня жизни населения в первой половине 1960-х гг. Согласно данным Ю. Аксютин, средняя заработная плата в промежутке с 1953 г. по 1964 г. выросла с 679 до 987 (в до-реформенных рублях) руб.² Хотя на питание к 1964 г. по-прежнему уходит 40 % бюджета рабочего, структура питания меняется в лучшую сторону: на 70 % выросло потребление мяса, на 34 % — масла, на 29 % — рыбы. Число граждан, получивших отдельные квартиры в 1960-е гг., тем не менее с каждым годом уменьшается, хотя ежегодные данные превышают данные по 1950-м гг.: в промежутке с 1950 г. по 1960 г. число получивших отдельные квартиры в течение года выросло с 5,3 млн до 12,6 млн, а затем за последующие 3 года упало с 12 млн (1960 г.) до 10,3 млн (1964 г.).

То есть мы наблюдаем противоречивый процесс: при постоянном росте уровня жизни темпы этого роста год от года снижаются, при этом стабильно оставаясь более высокими, чем в 1950-е гг. Представляется, что подобное противоречие стало одной из причин, запустившей психологические процессы недовольства внутренней политикой КПСС. С одной стороны, 1950-е гг., пробуждая ожидания, порождают созидательный накал, который воплощает себя

¹ Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. — М., 2010. — С. 406.

² Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 428.

в 1960-е гг., однако запросы потребителей растут по мере получения новых материальных ценностей, а существующее производство не успевает их удовлетворять. Хочется заметить, что проблема это красочно отражена в работе А. и Б. Стругацких 1963 г. «Понедельник начинается в субботу», где авторы наглядно противопоставляют идеальные конструкты человека потребления как олицетворения ценностей нарождающегося общества потребления и человека познания как олицетворения идеального конструкта общества познания.

Стругацкие в эти годы много пишут о противоречиях общества потребления, суть которых, в числе прочего, заключается в следующем: человека общества потребления невозможно материально удовлетворить. Любой акт удовлетворения материальных потребностей порождает в нем новые материальные потребности.

Именно этот механизм срабатывает и в 1960-е гг.: рост уровня жизни уводит интересы масс от проблем созидания и познания к проблемам потребления, данные о которых будут приведены далее.

Ряд современников, и П. Вайль и А. Генис в том числе, указывают на то, что 1960-е гг. стали временем дискуссий.

«Возможно ли появление различных мнений в отдельные периоды, особенно на переломных этапах?» — задал риторический, по своей форме, вопрос Н. С. Хрущёв, выступая с заключительной речью на XXII съезде КПСС, и тут же дал ответ: «Возможно»¹.

Фраза эта стала сакраментальной не только для П. Вайля и А. Гениса, которые приводят ее в своей книге как обоснование зарождения свободы полемики в 1960-е гг., но и для ряда общественных деятелей, понявших ее сходным образом. Для определенной части населения, имеющей доступ к ресурсам публикации, еще XX въезд стал сигналом к критике социализма, поэтому апелляция П. Вайля и А. Гениса к XXII съезду вызывает вопросы. Впрочем, и на XXII съезде звучали призывы «к всесторонней критике социалистического строя». Важно отметить, что публикации этой группы осуществлялись в ограниченном количестве изданий, прежде всего, это «Новый мир» А. Твардовского. В остальных же изданиях, по признаниям самих очевидцев, их отказывались публиковать, что и стало причиной их недовольства существующим строем. Сходная ситуация, кстати, наблюдалась через несколько

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М., 1998. — С. 160.

лет и в отношении нашумевшего в диссидентской литературе Постановления о фантастике 1966 г., которое на поверку оказывается результатом столкновения двух литературных группировок в их борьбе за издательскую площадку — редакцию «Молодой гвардии». Собственно, только это издательство и претерпело изменения в результате серии жалобных писем в ЦК ВЛКСМ и принятия Постановления¹.

Так или иначе, возникновение дискуссии, как уже говорилось ранее, по принципу окна Овертона не только движется по нарастающей, но и порождает идейное течение диссидентства. Диссиденты склонны приписывать к своим сторонникам всех авторов и публицистов, хотя бы единожды высказывавшихся в прессе с критикой советской политической или социальной практики, а также позиционируют себя как защитников всех пострадавших от «антинародного режима». История, впрочем, не знает случая, когда диссидентам удалось бы кого-то из пострадавших защитить. Конфронтация их с правящим режимом достаточно красноречиво показана в романе А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров», где диссидентство предстает под маской «выродков» — беспомощной и вечно оппозиционной группировки, которая не нашла себя в условиях общества манипуляции, не смогла проникнуть в ряды элиты и от того была вынуждена выступить против нее. Роман, впрочем, тут же был истолкован диссидентами как выступление в свою защиту, а его авторы зачислены в ряды диссидентов.

В состав группировки диссидентов, или «инакомыслящих», как они сами предпочитали называть себя, входила по большей части интеллигенция, на которую еще недавно делали ставку власть и общество, правда, не совсем та, которая выступала этическим идеалом предыдущих пяти лет.

Если идеал научно-технического романтизма — ученый, посвятивший жизнь борьбе за знания, то в ряды инакомыслящих, как правило, входят представители журналистики, различных литературных и художественных групп, выпавших из мейнстрима, — то есть диссидентство представляет собой некую литературную субкультуру со своими средствами массовой информации, адептами и другими институтами субкультурной жизни.

¹ Подробнее см.: *Черняховская Ю. С.* А. и Б. Стругацкие. Письма о будущем. — М., 2016.

Тем не менее упомянутое смешение двух типов людей, занятых интеллектуальным трудом, приводит к смещению значения термина «интеллигенция» и как итог — к массовому разочарованию в этой социальной группе.

Интересы масс смещаются от идеального конструирования в сторону обыденности, чему способствует, собственно, и установка новых политических лидеров на консерватизм.

Место Космоса в имажинарных представлениях советского человека занимает спорт, на место культа единственного вождя приходит разногласие как результат поиска нового харизматического лидера. Несмотря на все достижения, которые приписывают Н. С. Хрущёву современники, никто не ставит его в один ряд с В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

Так, к примеру, в 1964 г. к юбилею Н. С. Хрущёва был организован показ биографического фильма «Наш дорогой Никита Сергеевич», который, как сказали бы сегодня, провалился¹. Фильм видели 15 % опрошенных в 1998 г., и 20 % опрошенных в 1999 г. «Можно сказать, насильно, перед демонстрацией художественного фильма», — уточняет В. К. Бушуев. Впрочем, нельзя сказать, что практика принудительного показа была масштабной, так как еще 66 % и 70 % соответственно не видели фильма вообще.

Фильм вызвал положительную реакцию всего у 3 % и 4,5 % опрошенных соответственно, столько же отнеслись к фильму равнодушно, а 6,5 % и 12 % — скептически. Причину такой реакции, как представляется, можно увидеть в следующем, положительном, в общем-то, отзыве на фильм: «Фильм показал все стороны деятельности этого человека, показал его простым и понятным».

«Простой и понятный» Н. С. Хрущёв не мог занять в имажинарном сознании место всенародного героя И. В. Сталина, мифологизированного при жизни и помещенного в Мавзолей после смерти. Политика Н. С. Хрущёва, тоже положительная, была направлена на удовлетворение материальных запросов населения, но для создания материального благополучия требовался героический накал стахановского движения. Как итог, имидж «простого и понятного» Н. С. Хрущёва вошел в диссонанс с ожиданиями масс, которые разделились между ожиданием подвига, новой революции, и ожидани-

¹ Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. — М., 2010. — С. 548.

ем получения социальных квартир. Однако политика Н. С. Хрущёва, возможно, и стала фактором, обусловившим поворот в пользу второго направления развития СССР.

Если верить П. Вайлю и А. Генису, место К. Симонова в сознании масс занимает А. Солженицын¹, место героического романа-эпопеи — роман-разоблачение.

Опросы Ю. Аксютина, проведенные в 1998 г. и 1999 г. показывают, однако, что в 1960-е гг. повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» довелось прочитать только 24 % опрошенных по данным 1998 г. и 30 % опрошенных по данным 1999 г.² Только 14 % (1998) и 16 % (1999) всех опрошенных говорят о том, что повесть произвела на них сильное впечатление.

Схожие результаты дает детальный анализ опроса Ю. Аксютин относительно нашумевшего разгрома выставки в Манеже³. Не имели мнения об этом, оставались нейтральными, не понимали, о чем идет речь, не обратили внимания или были не в курсе 31 % (1998) и 26 % (1999) опрошенных. Затруднились с ответом 8 % опрошенных. Не запомнили этого события вообще 16 % (1998) и 14 % (1999) опрошенных. Еще 2 % (1998 г.) и 4 % (1999 г.) «полагали, что правы и не правы были обе стороны». То есть, резюмируя, можно сказать, что 57 % опрошенных в 1998 г. и 52 % в 1999 г. отнеслись к событиям в Манеже с той или иной долей равнодушия, не увидели в них проблемы вообще.

Среди остальных опрошенных мнения разделились приблизительно поровну: 12 % опрошенных в 1998 г. и 22 % опрошенных в 1999 г. ответили, что их «предпочтения находились на стороне власти» и что, считая Хрущёва правым, они поддержали его обвинения. Считали, что Хрущёв не прав, и были на стороне тех, кого обвиняли соответственно 19 % и 22 % опрошенных.

Среди прочих, представляющих несомненный интерес ответов, особое внимание привлек такой ответ рабочего В. Н. Проскурина: «Среди интеллигенции было много врагов». То есть, если и стали события в Манеже знаковыми для формирования ценностной кар-

¹ *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. — М., 1998. — С. 246.

² *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. — М., 2010. — С. 474.

³ Там же. С. 496.

тины мира советского человека второй половины 1960-х гг., то влияние их было весьма неоднозначным: наравне с 19/22 %, в которых действия Н. С. Хрущёва вызвали неприязнь, есть и 12/22 % опрошенных, в которых к тому времени неприязнь вызывала уже сама интеллигенция. Зато интерес представляют еще два опроса, проведенных Ю. Аксютиним, посвященные волнениям в Новочеркасске¹ и засухе 1963 г.², которые показали, что вопросы ухудшения питания интересуют население куда больше, чем борьба с инакомыслием. А от 3 % до 7 % опрошенных, по свидетельству Ю. Аксютина, даже обвиняют в засухе советскую власть³.

П. Вайль и А. Генис вспоминают о том, что вторая половина 1960-х характеризуется всплеском религиозного сознания,⁴ в котором, впрочем, скорее можно увидеть некие попытки консервативного заигрывания с национальной традиционной культурой, чем искреннюю веру — в моду входит атрибутика национальных промыслов (финифть, гжель, иконы), происходит всплеск интереса к белогвардейской тематике и эмиграции, который в определенной субкультурной среде наблюдается и до сих пор.

Интерес к эмиграции 1920-х гг. приводит к новому всплеску эмиграции, который связан, прежде всего, с диссидентской субкультурой.

«Быть может, — пишут П. Вайль и А. Генис,⁵ — история 60-х — это история трансформации метафоры «коммунизм» в метафору «империя».

В свете последних выводов можно предположить, что трансформация эта, прежде всего, происходит в сфере имаджинарного, но именно эта трансформация в итоге становится причиной стагнации и недовольства, отказом от «революции» как идеи.

Образ ученого теперь ассоциируется не с К. Циолковским, а с А. Сахаровым, одновременно воплотившем в себе надежды, связанные с открытием расщепления атома, и разрушившим их. Теперь

¹ *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР. — М., 2010. — С. 524.

² Там же. С. 527.

³ Там же. С. 535.

⁴ *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. — М., 1998. — С. 160.

⁵ Там же. С. 278.

честность ученого заключается не в познании на благо общества, а в отказе от познания ради его же блага, а такая позиция уже гораздо более похожа на технократический пессимизм Запада.

Окончательным ударом по идее «утопии» П. Вайль и А. Генис, как и ряд их современников, называют ввод танков в Чехословакию в 1968 г. «Разгром «пражской весны» стал настоящей трагедией для России, но тот факт, что кризис коммунизма наступил в один конкретный день, давал и некоторое облегчение»¹, — пишут они. И тут же, в соседних строчках, оговариваются: «На самом-то деле 60-е еще продолжались. Еще выходил «Новый мир» Твардовского, еще подписывались письма протеста, еще предстояли демонстрации, еще никто не покидал никогда Россию».

Начавшись как эра научно-технического романтизма, 1960-е трансформировались в имаджинарном сознании в эру протеста ради протеста. Не падение уровня жизни, не отступление от строительства коммунизма и не стагнация оказываются в фокусе критики, а именно запрет протеста ради протеста. И несостоявшаяся «пражская весна», таким образом, символизирует не отказ от утопии, за каковой ее часто пытаются выдать, а конец эры протеста ради протеста.

Б. Грушин в 1968 г. провел специальное исследование, зафиксировавшее реакцию рабочих на ряде предприятий на доклад на партийном собрании по теме ввода войск в Чехословакию.

Основной задачей исследования было выявление степени взаимодействия рядовых граждан с каналами СМИ, степень влияния доклада на опрашиваемых и степень их обратной реакции — публикации и письма в СМИ и др.

Первое, что замечают наблюдатели — явка слабая, интерес к теме слабый².

По итогам собраний опрашиваемым был предоставлен перечень вопросов, среди которых интерес вызывают ответы на следующие.

На вопрос «Чье мнение чаще всего выражается в материалах, публикуемых на страницах центральной и местной прессы?» 39%

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М., 1998. — С. 310.

² Грушин Б. А. Четыре жизни России. Эпоха Брежнева. — М., 2006. — С. 263.

и 35 % соответственно ответили — журналистов, авторов материалов, 28 % в обеих категориях — редакции в целом, 52 % и 53 % соответственно — руководителей органов управления и только 24 % и 29 % — широких масс населения. То есть, если доля партийной прессы по представлениям читателей составляла чуть более 50 %, то остальные 50 % почти поровну разделяются между мнением «широких» масс и узкой группы представителей интеллигенции, имеющий доступ к каналам публикации. 25–30 % всей прессы страны работало на узкую субкультурную группу, позиционировавшую себя как контрэлита. При этом результат действий этой группы на протяжении двадцати лет был мизерным. Никто из ее сторонников не может назвать реальных достижений «инакомыслящих», только описывает гонения на них со стороны власти.

Само существование такой контрэлиты, программным тезисом которой является «протест ради возможности протестовать», заставляет вспомнить практику «цветных революций» уже куда более позднего времени, когда западными агентами успешно эксплуатировались заложенные советской культурой на постсоветском пространстве имаджинарные представления о протесте, революции как ценности новейшего времени.

При этом на вопрос «Какое или какие из предложенных определений вы бы выбрали для характеристики сегодняшнего депутата?» 48 % опрошенных Б. Грушиным дают ответ: «Избранник народа, представляющий и выражающий волю избирателей на сессиях Совета, в исполнительных органах, в прессе». Ещё 25 % отвечают: «Человек, занятый преимущественно оказанием помощи отдельным избирателям, обращающимся к нему с личными просьбами, жалобами». Остальные ответы более нейтральны, а сама формулировка вопроса допускает два ответа, потому напрямую просуммировать результаты мы не можем, и тем не менее очевидно, что 48 % опрошенных видят позитивный образ власти, считают представителей власти представителями народа. В опроснике Б. А. Грушина присутствуют и другие вопросы, позволяющие более полно увидеть картину. Перечислять их все не имеет смысла, однако можно вкратце привести результаты контент-анализа писем граждан в городскую прессу: 32 % касаются вопросов охраны общественного порядка, 23 % — строительства и распределения жилья, 11 % — благоустройства города и коммунального обслуживания.

Научно-технический романтизм, таким образом, полностью покидает массовое сознание, сменившись вопросами устройства быта.

Ещё продолжают полеты в Космос. Еще публикуется фантастика — продолжает выходить, к примеру, серия «Библиотечка научной фантастики», стартовавшая в 1961 г., снимаются едва ли не первые советские фильмы о Космосе: «Москва — Кассиопея» в 2-х частях и «Большое космическое путешествие», но именно эти два фильма как нельзя лучше показывают конец эры массового научно-технического романтизма, выродившегося в диссидентство в конце 1960-х гг. Если первый из них передает настроение наивной веры в космический полет, то второй уже ясно говорит — никакого полета нет.

В перспективе для более глубоко изучения проблемы имело бы смысл рассмотреть еще несколько опросов Б. А. Грушина, посвященных росту уровня жизни в первой и второй половине 1960-х гг., потребительской практике второй половины 1960-х гг. и социальному составу протестных движений второй половины 1960-х гг., однако ввиду ограниченности объема исследования приходится на сегодняшний день такой анализ отложить и резюмировать собранный материал.

Космос еще продолжает жить в имаджинарном сознании в начале 1970-х гг., но поколение 1980-х уже полностью отказывается от него. Технократический оптимизм полностью трансформируется в пессимизм, а на смену научно-техническому романтизму приходит консерватизм и обращение к истории.

Следует особо выделить, что названная субкультурная группа сторонников «протеста ради протеста» и сегодня не только фокусирует свое внимание исключительно на проблемах протестной политики в 1960-е гг., но и ограничивает возможности обращения к более существенным аспектам проблемы эпохи 1960-х, наиболее значимой из которых является проблема переориентации общества от общества познания к обществу потребления.

Наконец, необходимо упомянуть еще одну антитезу 1960-х гг. которую на сегодняшний день детально исследовать не удалось, но которая, как представляется, имела важное значение для отступления научно-технического романтизма.

Научно-технический романтизм на протяжении всей первой половины 1960-х гг. противопоставлял себя нарождающимся

тенденциям общества потребления и именно в потребительстве видел основную угрозу обществу познания.

Однако научно-технический романтизм в значительной мере может быть сопоставлен и с движением технократизма, получившим распространение в эти же годы. Для обоснования позиции последнего можно исследовать следующий фрагмент исследования, опубликованного В. А. Брюхановым в 1959 г.

«Развитие техники непосредственно сказывается на развитии философии в качестве материального результата успехов познания. Маркс неоднократно определял технику с этой стороны. Он называл ее «овеществленной силой знания», а процесс производства соответственно — «материально-творческой и предметно-воплощающей наукой». Ленинское положение о том что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его», несомненно, охватывает, в частности, и технику в свете вышеопределенных определений К. Маркса.

Техника как воплощение творческой силы знания с необходимостью противостоит идеалистическому, а особенно религиозному миропониманию. Через технику наука заостряет свою непримиримую противоположность религии. Это заострение выражается в следующих моментах.

Техника демонстрирует силу человеческого знания, а религия, имея одним из своих исторических корней бессилие человека перед природой, постоянно проповедует бессилие науки в познании природы.

Техника существует как совокупность средств для творческого преобразования предметов и процессов природы человеком, в религии же, наоборот, человек не имеет права изменять то, что «сотворено» богом. Наконец, применение техники означает присоединение человеком к своим естественным органам новых органов, что опять-таки происходит «вопреки Библии».

Эти особенности техники делают ее действенным оружием для атеистической пропаганды в широких народных массах. Когда, например, человек видит свет лампы, которая питается током, получаемым от электростанции, он необходимо убеждается в силе знания даже при отсутствии у него самой научной подготовки»¹.

¹ Брюханов В. А. Мировоззрение К. Э. Циолковского и его научно-техническое творчество. — М., 1959.

Очевидно, что В. А. Брюханов чрезмерное значение придает борьбе технических идей с религиозными ценностями, однако в изображенной им антитезе можно увидеть два отличных от названного подтекста: во-первых, это противопоставление техники иррациональным формам мышления, а во-вторых — гуманитарным знаниям, представленным в данном случае религией.

В то же время В. Брюханов очень точно определяет мировоззренческое значение феномена техники, выделяя два его аспекта: роль техники как метода созидания, возводимого в культ, и значение техники для формирования рационального мышления, следующим шагом на пути становления которого становится рост роли познания в имаджинарном сознании индивида.

Последние два аспекта сближают технократическую позицию В. Брюханова с позицией научно-технического романтизма, в то время как первые два скорее отдаляют от него.

Одновременно радикализм позиции технократом первой половины 1960-х гг. приводит к зарождению так называемой дискуссии «физиков и лириков», которая уже упоминалась ранее. Лирики в определенном смысле «одерживают верх».

Как видно из анализа работ научно-технических романтистов, это течение никогда не видело серьезной угрозы в течении «лириков», и «лиризация» общества таким образом оказалось не предсказанной ими, но реально воплотившейся тенденцией.

О лиризации говорит и весь набор ранее обозначенных факторов: рост интереса к художественной культуре, наделение культуры сверхфункциями по формированию массового сознания, заметный уклон в крайние формы гуманизма, которые «сахаровцы» часто выражают формулой Достоевского: «Счастье всего мира не стоит слезы на щеке невинного ребенка». Представляется, что слабые стороны этой позиции либо очевидны, либо требуют отдельного детального рассмотрения, которому мог бы быть посвящен отдельный параграф работы. Однако, так или иначе, после победы лирического направления, реально одержавшим верх оказывается не оно, а тенденции общества потребления, которым ранее пытался противостоять научно-технический романтизм.

Различные аспекты этого парадокса, безусловно, требуют отдельного осмысления.

1.3.3. Философия политики в художественной футурологии периода трансформаций научно-технического романтизма

В 1965 г. запускается выпуск «Библиотечки научной фантастики», и знаково в своем роде то, что выходить она начинает с двух произведений И. Ефремова — «Туманность Андромеды» и «Звездные корабли».

Фактически Ефремов объединяет в себе два течения — старую фантастику и новую, а для фантастов нового поколения занимает место отца-основателя. Во введении к первому тому «Библиотечки» редакторы сборника называют его «признанным авторитетом и главой новой, «интеллектуальной школы» советской НФ»¹.

В редколлегии сборника изначально входят К. Андреев, А. Громова, И. Ефремов, С. Жемайтис, Е. Парнов, А. Стругацкий. Все имена становятся знаковыми в сфере научно-технического романтизма второго поколения. Эти и еще несколько авторов, редакторов, публицистов образуют так называемую группу Громовой — Стругацкого, которая впоследствии декларирует зарождение «философской фантастики» и в качестве ответной реакции от партии получит Постановление 1966 г.

Уже во введении к первому тому редакторы отказываются от первой функции, которую принято приписывать научной фантастике — от претензии на предвиденье.

«Элемент научного предвиденья существовал и будет существовать в научно-фантастической литературе, — пишут они, — существовал и будет существовать в художественно-фантастической литературе. Но это отнюдь не служит выражением общеобязательного, определяющего признака НФ. Если исходить из такого требования, то пришлось бы признать несостоятельными подавляющее большинство произведений, и среди них — немало первоклассных. Предвиденье в НФ скорее лишь частный случай. Точно предусмотреть какое-то конкретное научное достижение будущего, пожалуй, еще труднее, чем сделать расчет траектории космической ракеты, направляемой к определенной точке звездного неба. Разумеется, это не исключает того, что некоторые прогнозы писателей-фантастов становятся предметом раздумий крупных ученых и в какой-то

¹ Брандис Е., Дмитриевский В. Путешествие в страну Фантастики // Библиотека современной фантастики. Т. 1. — М., 1965. — С. 21.

форме находят свое подтверждение. Но правильность предвиденья сама по себе не может служить критерием оценки научно-фантастической книги¹».

То же самое пишут они и в отношении популяризаторских функций научной фантастики, которую до того на протяжении долгого времени воспринимали лишь как канал пропаганды достижений научно-технического прогресса. «Популяризаторское направление в НФ в наше время не является ведущим, — пишут они. — На первый план выдвигаются социально-психологические, этические или философские проблемы. Фантастические положения позволяют создавать необычные коллизии и доводить конфликты до самого высокого накала. Современные писатели всё чаще используют фантастический вымысел не для обоснования тех или иных гипотез, а в качестве литературного приема, облегчающего постановку и решение определенных идейных и художественных задач».

Из этих двух тезисов мы видим две специфических особенности фантастики нового поколения.

Если говорить о ее соотношении с фантастикой 1950-х гг., то группа Громовой — Стругацкого проводит жесткое размежевание с фантастикой непосредственно научной, отмечает ее философское и историко-политическое значение и впоследствии не допускает авторов первого поколения в свои ряды. Если в брошюре Е. Брандиса, вышедшей двумя годами ранее, основной упор делается на необходимость соблюдения научного критерия в фантастике, и вслед за ним годом позже эти же тезисы повторяет И. Ефремов, то группа Громовой — Стругацкого заранее отказывается от соблюдения этого критерия, как и от следования путем прогнозирования, и заявляет о том, что в основе представляемой им фантастики будет лежать философия и социальный конфликт.

Этот отказ тем не менее представляется не совсем искренним — впоследствии А. и Б. Стругацкие неоднократно вернутся к теме прогнозирования уже в своих художественных произведениях. Сам факт отказа выглядит попыткой отказаться от ответственности и необходимости объяснять, видят ли они будущее человечества именно таким.

¹ Брандис Е., Дмитриевский В. Путешествие в страну Фантастики // Библиотека современной фантастики. Т. 1. — М., 1965. — С. 7.

Вторая особенность связана с размежеванием фантастики и литературы мейнстрима и становится в перспективе предметом такой же масштабной борьбы в среде писателей и публицистов, как и противостояние по вопросу о научности фантастики. Этому поколению фантастов постоянно приходилось доказывать, что фантастика не только средство осмысления реальности, но, по крайней мере, вообще явление литературной жизни. Они добились значительных успехов, существенно расширив круг публикаций фантастики на ближайшие несколько лет, но удержать позиции так и не смогли, и сегодня научная фантастика так же выпадает из поля зрения наук, как и тогда.

«Современная фантастическая литература, — пишут Брандис и Дмитриевский, — воплощает в себе и надежды и тревоги человечества: мечту о светлом будущем и предупреждение о грозящих бедах и катастрофах. Отсутствие жизнеутверждающих идей нередко приводит — мы имеем в виду западную литературу — к злобному, человеконенавистническому пасквилю или к откровенному эскапизму — бегству от действительности в иллюзорный мир. В лучших своих произведениях НФ всегда злободневна, связана с волнующими проблемами современности, хотя эту связь иной раз и нелегко уловить. Фантастический образ по природе своей гиперболичен, основан на большем или меньшем преувеличении реальных возможностей. Если он используется не в иллюстративных целях, то открывает второй план — иносказание, аллегорию. И как бы фантастический образ не отклонялся от эмпирической жизненной правды, он требует соотношения с действительностью».¹

Напрашивается мысль привести еще ряд цитат из статьи, ставшей фактически тезисной для нового типа фантастики, так как ее авторы фактически выводят фантастику не только на уровень литературы, но и на уровень новой, метафорической формы науки и подробно обосновывают эту позицию, однако в силу ограниченности пространства приходится отказаться от этой идеи и ограничиться лишь одним главным критерием, которым редколлегия сборника заменяет прежний подход научности фантастики: «...всё, что способствует расцвету человеческой личности, расширяет ее кругозор, воодушевляет высокими идеалами, возвышает ее морально и интел-

¹ Брандис Е., Дмитриевский В. Путешествие в страну Фантастики // Библиотека современной фантастики. Т. 1. М., 1965. — С. 8–9.

лектуально, совершенствует эстетическое восприятие окружающего, помогает острее видеть добро и зло в мире и острее реагировать на них, словом, все, что возвышает истинно человеческое в человеке...» — этой цитатой из «Правды» (21 февраля 1965 г.) они отграничивают пределы интересующей их фантастики.

Редколлегия акцентирует внимание и на необходимости включить в круг осмысления не только утопическую, но и антиутопическую фантастику, не только советскую, но и западную: «Если подойти с этим широким критерием к современной фантастике Запада, то многие книги, принадлежащие перу серьезных писателей, заслуживают пристального внимания. В сумрачных видениях автоматизированного, обезчелоченного мира, в романах, называемых «предупреждениями» или «антиутопиями», звучит тревога за судьбы мира и человека, искреннее желание найти выход из тупика... Но при этом негативное, критическое начало, как правило, подавляет всякие попытки конструктивного подхода к будущему»¹.

Последний тезис представляется особенно значимым, так как позволяет понять диалектичность подхода «философской фантастики», которую раз за разом упускают из вида защитники обоих подходов к анализу фантастики — коммунистического и либерального.

Оставаясь на позициях исторического материализма, представители движения считают необходимым включить в поле анализа не только позитивные, но и негативные сценарии развития, чтобы предотвратить существующие угрозы, однако они не согласны с западными футурологами как научного, так и художественного направления, прогнозирующими только негативное будущее для человечества, и особый упор делают на необходимости осмысления негативных сценариев в позитивном ключе.

Среди западных авторов они предлагают обратить внимание на работы Р. Брэдли, А. Азимов, А. Кларка и Д. Уиндома.

Однако «философская фантастика» отмежевывает себя и от западного направления развития фантастической мысли по следующему принципу: «... неспособность, неумение, а может быть, нежелание представить будущее иначе, нежели как прямое продолжение настоящего, — характерная черта творчества буржуазных писателей-фантастов. Они не в состоянии вообразить ничего, что говорило бы

¹ Брандис Е., Дмитриевский В. Путешествие в страну Фантастики // Библиотека современной фантастики. Т. 1. М., 1965. — С. 9.

о качественных изменениях общественных отношений, и ничего, что свидетельствовало бы об изменении духовного мира человека будущего, его морали, его философии. Герои большинства (*западных*) произведений меньше всего борцы за будущее. Поэтому их поступки и свершения, отнесенные даже на тысячелетия вперед и разворачивающиеся пусть даже на галактических трассах, — всего лишь повторение привычек, надежд и тревог сегодняшнего «усредненного» человека... Отношение к человеку и есть та демаркационная линия, которая разделяет два ведущих направления в мировой НФ: англо-американское и советское»¹. Характерно, что географическое расположение школ фантастической мысли соответствует географическому положению двух мировых глобальных проектов — советского и американского. И, таким образом, представляется невозможным отделить фантастику от политической мысли и политического проектирования как таковых — фантастика оказывается на этом этапе непосредственным их порождением и продолжением. Глобальное проектирование подразумевает осмысление будущего с его проблемами и перспективами, и функцию эту выполняет научная фантастика. В то же время, если научная фантастика одновременно метод познания перспектив развития и способ популяризации глобальных проектов, то очевидна и неизбежность конкуренции мировых держав на этой арене, стремление, в рамках информационной войны, покрыть своим виденьем ситуации как можно большую аудиторию — не с коммерческими или какими либо иными сиюминутными целями, а с целью контроля над политическим сознанием завоеванной аудитории.

На рубеже 1964–1966 гг. в советскую фантастику проникает тема страха перед будущим.

Собственно, сложно сказать, можно ли работы этой тематики относить к научно-техническому романтизму, хотя нельзя происходящие процессы охарактеризовать и простым словом «разочарование».

Одним из первых, кто затронул тему «шока от будущего», был Абэ Кобо в своей повести «Четвертый ледниковый период» (в СССР опубликована в переводе А. и Б. Стругацких в 1965 г.), затем уже были Э. Тоффлер и вся западная футурологическая школа.

¹ Брандис Е., Дмитриевский В. Путешествие в страну Фантастики // Библиотека современной фантастики. Т. 1. — М., 1965. — С. 16.

Интересно, что А. и Б. Стругацкие читали «Четвертый ледниковый период» еще в японском издании и хронологически это было раньше, чем была закончена (или даже начата) работа над их утопией. И хотя работа Абэ Кобо глубоко затронула А. Стругацкого, сами писатели обращаются к ней, лишь исчерпав набор более, по всей видимости, актуальных для них тем — темы устройства общества познания и его противостояния с обществом потребления.

«Вторжение будущего в настоящее. Испытание пригодности человека для будущего. Непреходящая враждебность повседневной обыденщины в отношении будущего», — так характеризует содержание повести Абэ Кобо А. Стругацкий.¹ И почти так же будет охарактеризован основной конфликт его собственной повести «Гадкие лебеди», которая пишется в эти годы, но так и не будет опубликована до середины 1970-х гг.

Другая работа, где А. и Б. Стругацкие рассматривают столкновение будущего и настоящего, принципиальную непознаваемость будущего и трагическую судьбу тех, кто для этого будущего непригоден — «Улитка на склоне».

И в то же время в отличие от Э. Тоффлера и его сторонников А. Стругацкий твердо уверен: «Будущее и только будущее является высшим и единственным судьёй настоящего. Судьей неподкупным и строгим. И чтобы смело глядеть в глаза этому судье, нужно отрешиться от представления о непрерывности обывательского бытия, нужно осознать свою ответственность и жить, работать, бороться на основе этого осознания»². Строки эти своей тональностью и фатальностью напоминают многие декларации прежних романтистов, с той лишь разницей, что в них нет обреченности.

С началом выхода «Библиотеки современной фантастики» фокус интересов самих фантастов смещается с конструирования утопии к изучению творчества западных фантастов. В серии публикуют Абэ Кобо, Станислава Лема, Рэя Бредбери — но публикаций отечественных авторов в первые годы практически нет, за исключением, разве что, программного романа И. Ефремова «Туманность Андромеды».

¹ *Бережкова С.* От переводчика // Библиотека современной фантастики. Т. 2. — М., 1965. — С. 6.

² *Бережкова С.* Указ. соч. С. 7.

Кроме того, Постановление «О фантастике» 1966 г. к 1968 г. существенно меняет состав редакции «Молодой гвардии» — основной публикационной площадки группы Громовой — Стругацкого.

Генерация их последователей расценивает Постановление как «разгром» философской фантастики вообще, однако Постановление можно считать только разгромом «философской фантастики», представленной одной группой писателей и публицистов, получивших влияние в эти годы.

После распада группы в 1968 г. судьба фантастики в целом не совсем ясна и причина этого в первую очередь в том, что вся аналитика и все исследования советской фантастики у нас были связаны с узкой группой последователей этой школы.

В 1960-е гг. это были работы Е. Брандиса, В. Дмитриевского, А. Громовой, А. и Б. Стругацких и др. Позднее — кружка исследователей творчества А. и Б. Стругацких, известных как «людены». Признавая немалую роль и первых и вторых как в осмыслении фантастики, так и в сохранении ее наследия, в публикации ранее недоступных источников, все же приходится выразить сожаление, что остальная часть наследия научно-технического романтизма фактически исчезла из культурной среды.

Мы, однако, достоверно знаем, что в конце 1960-х — 1970-е гг. публикуются работы А. Казанцева, в которых автору удалось, наконец, наиболее полно выразить годами волновавшую его идею «предкультуры» — «Фаэты».

В 1968 и 1970 гг. выходят еще два романа И. Ефремова, среди которых и вторая знаковая его вещь, вторая часть дилогии о мире Кольца, «Час быка», где Ефремов показывает и другую, неутопическую альтернативу развития общества — «мир, в котором каждому свое». Мир благополучия для всех, где властью обладают лишь немногие.

Сами А. и Б. Стругацкие продолжают публиковать повести, развивая направление анализа «тупиковых ветвей истории», причем в 1970-е гг. создаются наиболее сложные и критические по отношению к советскому проекту произведения — «Град обреченный», «Хромая судьба».

Было бы однобоко говорить о том, что эра научной фантастики в СССР заканчивается с выходом Постановления 1966 г. И в то же время где-то в этот период заканчивается эра научно-технического романтизма, потому что дальнейшие работы всех перечисленных

авторов уже мало связаны с тематикой взаимодействия научного прогресса и законов истории, роли познания в историческом прогрессе и строительства утопии познания.

В 1967 г. Клубом любителей фантастики МГУ был проведен опрос трех групп читателей: литераторы (Л), журналисты (Ж), читатели (Ч). Опрос проводился среди трех возрастных групп: школьники (Ш) — 15 лет, студенты (С) — 20 лет, исследователи (И) — 32 года¹.

Пятерку самых читаемых авторов в Москве и Ленинграде среди всех групп составили С. Лем, А. и Б. Стругацкие, Р. Брэдбери, А. Азимов, И. Ефремов.

Наибольший коэффициент читательского восприятия среди всех трех групп имел роман А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом». По этому параметру в пятерку также входят С. Лем, А. и Б. Стругацкие, Р. Брэдбери, Р. Шекли.

В 1967 г. на вопрос «Как вы относитесь к современной научно-фантастической литературе?», предпочитают ее среди других жанров ответили 17 % студентов, 14 % научных работников, 17 % школьников, 16 % литераторов и 9 % журналистов. Ответ «Читаю наравне с другими жанрами» дали 72 % школьников, 69 % студентов, 70 % научных работников, 75 % литераторов и 82 % журналистов.

«Другие жанры» предпочитали 11 % школьников, 14 % студентов, 16 % исследователей, 11 % литераторов, 9 % журналистов.

На вопрос «Что вы прежде всего ищите в фантастике?» 50 % школьников ответили: «логику построения тайны», 46 % — рассказ о поведении человека в необычайных, фантастических обстоятельствах, 38 % — острый сюжет, 34 % — рассказ о будущем звездоплавания, кибернетики и других технических наук, 30 % — описание повседневной жизни людей будущего и еще 30 % — изображение будущего, его структуры, социальных проблем, 28 % — «парадоксальность, неожиданный взгляд на знакомые вещи» и столько же «новые технические идеи», 16 % — размышления о социальных последствиях развития науки.

Надо отметить, что узость одних формулировок и широта других отчасти затрудняют анализ опроса, но социологических

¹ Савченко В. Фантаст читает письма // Фантастика-1967. — М., 1968. — С. 400–408; Клуб любителей фантастики МГУ. От Москвы до Витима // Фантастика-1967. — М., 1968. — С. 400–408.

данных относительно этого периода истории очень немного, и каждый опрос ценен уже фактом своего существования. Во многих из названных формулировок можно узнать «штампы» литературной критики о фантастике тех лет, то есть тезисы, повторяющиеся из раза в раз. Таким образом, набор ответов представляет собой своеобразный спектр точек зрения участников дискуссии о фантастике.

Из данных по первой группе опрошенных можно видеть, что для младшей группы опрошенных основной интерес, несмотря на споры специалистов, представляет острый сюжет и необычайность сеттинга, а также детективная интрига. На втором месте — различные аспекты описания утопии, на третьем — научно-технический элемент (и здесь снова взгляд 30 % читателей отличается от взгляда, который пропагандируют фантасты второй волны в прессе — научность все же имеет заметное значение). Для 28 % опрошенных фантастика привлекательна возможностью взглянуть на ситуацию свежим взглядом, и этот ответ отчасти перекликается с тезисом о том, что романтизм в любом его проявлении является способом осмыслить новую реальность. Ответ, связанный с осмыслением проблем научно-технического прогресса, наименее популярен, хотя и набрал больше 10 %.

Среди студентов 70 % ищут в фантастике свежий взгляд и парадоксальность, 50 % — размышления о социальных последствиях развития наук, 41 % — рассказ о поведении человека в необычных обстоятельствах, 38 % — изображение будущего, его структуры, социальных проблем будущего, 30 % — острый сюжет, 25 % — логику раскрытия тайны, 19 % — новые технические идеи, 14 % — рассказ о будущем звездоплавания, кибернетики, биологии и прочих наук, 14 % — описание повседневной жизни и поведения людей в будущем.

Таким образом, можно сказать, что для группы «студенты» «увлекательная» составляющая фантастики, вопреки устоявшемуся сегодня мнению, в большинстве случаев не слишком значима. 70 % студентов ищут в ней свежего взгляда, то есть, возможно, свежих философских идей. Заметное количество читателей этой группы — 50 % — заинтересовано темой осмысления последствий научно-технического прогресса. Интерес к утопической составляющей здесь тоже выше, чем среди школьников — 38 %, а вот интерес к научной составляющей не слишком высок и располагается в промежутке между 10 и 20 %. Можно сказать, что эту группу интересует в первую очередь «гуманитарная» составляющая фантастики: философская и социальная.

Среди исследователей 62 % ищут в фантастике парадоксальность, 60 % — размышления о социальных последствиях развития наук, 41 % — изображение социальной структуры и социальных проблем будущего, 33 % — острый сюжет, 32 % — рассказ о поведении человека в необычайных обстоятельствах, 26 % — логику раскрытия тайны, 19 % — новые технические идеи, 15 % — описание повседневной жизни людей в будущем, 14 % — рассказ о будущем наук.

Доля заинтересованных в увлекательной составляющей фантастики среди старшей группы читателей, таким образом, выше, чем у средней, и в меньшей степени (хотя и в весьма высокой, 62 %) эту группу интересует философский компонент.

Интересно, что картина взглядов литераторов на фантастику заметно отличается.

Только 16 % литераторов придают значение острому сюжету, только 6 % — детективной составляющей, зато 25 % — поведению человека в необычайных обстоятельствах. Однако даже последний ответ не набрал и трети голосов.

67 % литераторов считают важным в фантастике свежий взгляд, философский компонент, и в этом «предложение» почти совпадает с «запросом». 70 % считают интересными размышления о социальных аспектах научного прогресса.

53 % литераторов испытывают интерес к социальному устройству и социальным проблемам будущего, 25 % — к повседневной жизни человека в будущем.

Интерес к научной составляющей — 12 и 3 %.

Таким образом, отказ литераторов от научной и увлекательной составляющих выглядит слишком резким, читателя она все же интересует.

Однако видна в целом направленность интересов фантастов: для них задача стоит, прежде всего, в том, чтобы поделиться философскими идеями и прочитать о них у других авторов. При этом «критическая» составляющая философии будущего их интересует больше, чем утопическая, но и интерес к утопическому компоненту очень высок — 53 и 25 %.

При этом от виденья обеих групп отличаются оценки критики.

30 % критиков считают, что в фантастике главное — острый сюжет, 18 % — детективная составляющая, 58 % — поведение человека в необычайных обстоятельствах.

При этом 64 % журналистов считает главным свежесть взгляда, 64 % — размышления о социальных последствиях прогресса, 54 % — изображение структуры будущего и его проблем.

Научной составляющей внимание уже практически не уделяется: 6 %.

Критики, таким образом, понимая философский смысл фантастики, все же преувеличивают значение ее как развлекательной литературы даже по отношению к оценкам школьников.

На вопрос «Чего, по вашему мнению, недостает современной фантастике?» 35 % школьников ответили — принципиально новых фантастических идей. 26 % — приключений, 23 % — ярких характеров, 23 % — социальной сатиры, 20 % — умения показать будущего человека и его новые черты, 19 % — художественной изобразительности в изображении мира науки, 15 % — предвиденья будущих научных проблем, 14 % — смелости в постановке общественных проблем, 9 % — предвиденья социальных последствия развития науки.

Таким образом, можно сказать, что недостаток современной им фантастики школьники, то есть поколение, которому в 1967–1968 гг. было 15 лет, видят в первую очередь в недостатке увлекательности — 35 и 26 %. 23 и 19 % говорят о художественных недостатках фантастики.

Далее интересно, что это поколение мало озабочено осмыслением проблемы прогресса — как технического (15 %), так и социального (9 %) его аспектов, зато заметную долю составляют те, кто хотел бы увидеть больше социальной сатиры (23 %, впоследствии именно это поколение будет применять к фантастике термин «эзопов язык») и смелости в осмыслении общественных проблем (14 %). В то же время и доля тех, кто считает недостаточной утопическую составляющую, среди них не менее высока — 20 %.

Это то поколение, которому было 5 лет в год запуска спутника и 10 в год полета Ю. Гагарина. Космический прорыв уже не имеет для них значения и воспринимается как обыденность. У них еще сохраняется интерес к модному жанру фантастики, но они уже ищут способ повернуть фантастику к проблемам повседневности. Утверждение это, однако, не абсолютно: такие стремления испытывают 23 % опрошенных, в то время как немногим меньше, 20 %, интересуются проблемой человека будущего. Вопрос состоит в том, почему в итоге возобладала первая тенденция, но это вопрос уже для другого исследования.

Далее приблизительно схожи ответы студентов: 48 % сожалеют о *недостатке* принципиально новых фантастических идей, 44 % — художественной убедительности и 43 % — ярких характеров, 42 % — смелости в постановке общественных проблем, 31 % — социальной сатиры, 30 % — предвиденья социальных аспектов развития науки, 29 % — умения показать человека будущего, 23 % — предвиденья будущих научных проблем, 11 % — приключений.

Высокий процент присутствия первого варианта ответа, как представляется, говорит об усталости от фантастики, которой к тому времени издается огромное количество. Кроме того, в этой группе еще выше доля заинтересованных в смелой постановке общественных проблем (что можно трактовать двояко в идеологическом плане, но однозначно означает интерес к философской составляющей фантастики) и социальной сатире (31 % вместо 23 %). Высок интерес и к социальным аспектам научного прогресса, утопической теме, науке будущего — то есть к традиционным темам научной фантастики 1960-х гг., а вот запрос на приключения предельно низок.

Отсюда можно выдвинуть предположение, что эта категория с одной стороны, еще преемствует идеям научно-технического романтизма, с другой стороны, именно она служит средой зарождения интереса к сатире, злободневности, а более младшая аудитория просто «перенимает моду».

Однако данные опроса старшей группы дают другой результат: 38 % также говорят о недостатке новых идей, 27 % — о недостатке предвиденья будущих научных проблем — эта доля выше, чем у предыдущих групп, что подтверждает высказанную гипотезу о возрастной дифференциации интереса к научно-техническому романтизму. 40 % говорят о недостатке осмысления социальных результатов технического прогресса и это снова подтверждает ранее высказанную гипотезу. Но 58 % опрошенных этой группы говорят, что фантастике не хватает смелости в постановке общественных проблем, и 37 % говорят о недостатке социальной сатиры. Оба показателя заметно выше, чем в младших группах.

То есть на критическое осмысление, причем уже не только будущего, но и современности, ориентировано в 1967 г. в первую очередь поколение, которому в год запуска спутника было 20 лет. Среди них очень высока доля тех, кто интересуется общественными проблемами вообще, что естественно, но и очень высока, почти 40 %, доля тех, кого можно было бы назвать «разочаровавшимися». Все

еще испытывая интерес к техническому прогрессу, они постепенно переориентируются на проблемы сегодняшние и переориентируют младшие поколения. Кроме того, 41 % представителей этой группы, группы «исследователей», говорит о недостаточно достоверном изображении в фантастике мира науки, что тоже может говорить об определенной усталости от социальной среды, которая заметно отличается от той, что изображается в утопиях об «обществе познания». Впрочем, интерес к человеку будущего здесь тоже выше, чем в младших группах — но незначительно. Можно предположить, что впоследствии влияние критически настроенной части этой группы на настроения младших групп усилилось, что и привело к полному разочарованию.

Впрочем, можно выдвинуть и другую версию. Ответы последней социальной группы в целом более критичны по всем показателям, а ответ о недостатке решимости в постановке общественных проблем можно интерпретировать как стремление к той четкости, которая была в фантастике 1950-х.

Существует гипотеза о том, что на писателей влияет критика, и в частности критика влияла на фантастов 1950-х гг., вынуждая их писать утопическую фантастику, а не критически осмысливать недостатки существующего строя. Однако данный опрос показывает, скорее, как влияло на авторов мнение читателей и в особенности последней, более «серьезной» группы, так как в 1970-е гг. фантастика, к примеру, А. и Б. Стругацких, серьезно поворачивает в сторону обозначенного ранее запроса. В то же время многие авторы, такие как А. Казанцев, продолжают работать в собственном ключе.

Далее литераторы фактически соглашаются с тезисом о недостатке в фантастике новых научных идей (39 %) и это уже можно интерпретировать как признание в разработанности всех аспектов результатов прошедшей в 1950-е гг. НТР. Сравнительно невысока доля тех, кто считает необходимым предвидеть развитие науки — 16 %, и при этом очень высока доля тех, кто считает недостаточным предвиденье социальных результатов НТР — 36 %. Первое достаточно естественно, так как «предвидеть» открытия невозможно; как неоднократно писали фантасты 1960-х гг. в своей публицистике, их можно лишь «случайно предугадать». Второе же, социальные последствия, все-таки до некоторой степени предсказать можно, и здесь высокий процент можно интерпретировать как разочарование в собственных попытках прогнозирования — к 1968 г. социаль-

ные процессы в СССР заходят на новый виток, и становится ясно, что построения утопии за 20 лет не будет.

Фантасты не считают своей задачей убедительно изображать мир науки (19%) или писать о приключениях (еще 19%), но признают недостаточную яркость характеров в фантастике — 56%.

И далее наблюдается сильное разделение: 72% литераторов считают, что фантастике не хватает смелости в постановке общественных проблем. Но только 25% считают, что фантастике недостает социальной сатиры. То есть эти два ответа означают для опрашиваемых кардинально разные вещи. Для фантастов, очевидно, общественные проблемы — это проблемы осмысления общества будущего и проблемы осмысления социальных аспектов научного прогресса, и проблемы изображения нового человека, которая, кстати, интересует литераторов заметно больше, чем сатира — соответственный ответ дали 42% опрошенных. Возможность посредством фантастики написать сатиру на современное общество для них в лучшем случае представляет треть возможностей жанра, в то время как даже возможность конструирования этического идеала — две трети. Последний подсчет весьма условен, так как опрашиваемые имели возможность давать два и более варианта ответа, и тем не менее позволяет яснее увидеть соотношение долей и понимание опрашиваемыми сути вопроса.

Последний пункт, как представляется, служит некой межевой чертой между интересами авторов и читателей. Фантасты хотят продолжать заниматься осмыслением проблем общества будущего, которые по-прежнему их занимают, социальным прогнозированием и идеальным конструированием. Аудитория в то же время настроена на переориентацию к повседневной жизни. Проблемы научно-технического прогресса отходят для нее в сторону. Научно-технический романтизм, на десять лет захватив умы всех слоев населения, отходит в сторону и остается лишь локальным течением, субкультурой. Естественно, что после достижений начала 1960-х гг. активистами это отступление воспринимается как конец.

В 1968 г. выходит всемирно известный кинопроект «Космическая одиссея», созданный в соавторстве А. Кларком и С. Кубриком, который декларирует принципиальную непознаваемость Вселенной — герой фильма, встретив неземную цивилизацию, понимает ее ничуть не лучше, чем питекантропы в первой части фильма. Этот поворот в определенной степени отражает финальную стадию развития

научно-технического романтизма и отказ от одного из главных его постулатов — принципиальной познаваемости Вселенной. В 1970 г. выходит и русский перевод романа А. Кларка. Роман публикуется без концовки и предваряется вступительным словом И. Ефремова, который старается повернуть его идейное содержание в другую плоскость.

В конце 1960-х гг. в СССР публикуется первый перевод «Хоббита» Д. Р. Толкиена, и это явление тоже можно считать до некоторой степени знаковым — обоснованность утопии полностью теряет значение, и внимание значительной категории читателей переключается на познание несуществующих миров. Наравне с Д. Р. Толкиеном публикуются работы К. Саймака.

В конце 1960-х даже А. Казанцев, один из главных поборников научности фантастики, в своих статьях «Кристалл воображения» и «Нет без фантазии наук!» отступает от требования соотнесения фантастики с наукой и переходит на позицию создания видимости научности.

В начале 1970-х гг. в СССР выходит два фильма, ярко отражающих две стадии развития научно-технического романтизма 1960-х гг.: «Москва — Кассиопея» и «Большое космическое путешествие».

«Москва — Кассиопея» не только, как следует из названия, ставит эти два географических объекта на один уровень, проводит между ними черту. Первая часть фильма наполнена романтизмом юношества, стремящегося к дальним странствиям, к звездам. Вторая часть оказалось неудачно рассыпчатой, и все странствие как бы закончилось ничем. Зато ответом на поставленный в первой части вопрос звучит основная идея фильма «Большое космическое путешествие» — не было никакого странствия, все это лишь обман и эксперимент над доверчивыми подростками.

В конце 1970-х гг., когда на Западе наступает эра «ролевого фэнтези», выходит киноэпопея Д. Лукаса «Звездные войны». Формируя, наконец, тот эпос, запрос на который существовал все прошедшие годы, Д. Лукас уже показывает его как события, которые происходили «давным-давно в далекой галактике», и этим подводит под идеями научно-технического романтизма черту.

Фантастика 1980-х гг. если вывести за рамки ее массовую, основанную на повседневных страхах составляющую, уже наполнена не верой в грядущее, а тоской по так и непокоренным звездам.

«Молодая гвардия» в промежутке между 1962 и 1993 гг. выпустила три комплексных серии научной фантастики: «Фантастика», «Библиотека советской фантастики», «Библиотека современной фантастики». Первая серия была запущена в 1962 г., вторая — в 1965. Обе включали в себя по большей части произведения советских авторов, причем самых разных поколений. Третья была запущена в 1966 г., в ее редколлегию вошли деятели группы «философской фантастики», и в первые годы в серии публиковались в основном произведения западных авторов. В 1968 г. (возможно, как результат пересмотра кадрового состава издательства) А. Громова покинула редколлегию, однако там осталась значительная часть прежних редакторов, в том числе С. Жемайтис и А. Стругацкий. Серия переориентировалась на советскую фантастику, хотя в ней же позднее были опубликованы работы А. Азимова и К. Саймака. Так или иначе, все три серии продолжали существовать до рубежа 1980–1990-х гг. «Библиотека современной фантастики» перестала выходить в 1980 г., «Фантастика» — в 1991, «Библиотека советской фантастики» — в 1992. Только тогда в судьбе советского научно-технического романтизма была окончательно поставлена точка.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Советский научно-технический романтизм становится исторически высшей точкой утверждения данного политико-философского феномена, обеспечившим решение задач синтеза культурной суверенности страны с культурно-цивилизационной интеграцией достижений мировой и национальной культуры. Получив политическую и кадровую основу реализации своих установок в виде партии большевиков, ее руководства, российской инженерии и промышленного пролетариата, научно-технический романтизм оказался воспринят и массами, и задачами прорывного технологического развития страны.

Прорыв индустриализации и культурной революции, переход в новую технологическую эпоху соответствовали романтизированным установкам данного политико-философского феномена, а установки данного феномена обеспечивали решение задач, стоявших перед страной.

Установки научно-технического романтизма на глобальное преобразующее проектирование, романтизация ценностей познания и созидания обеспечили и создание промышленного потенциала страны в 1920–1930-е гг., и морально-психологическое превосходство над фашистской Германией, ставшие основой Победы в Великой Отечественной войне. Научно-технический романтизм, приобретший качества субъектности в единстве политической воли руководства страны, настроений общества и развивающейся политико-философской концепции, выступил в качестве мировогодемиурга как в плане воздействия на политическое мироустройство, так и в переходе к реализации трех миропреобразующих проектов: 1) проекта преобразования природы как глобального преобразования непосредственно окружающего земного мира, 2) проекта освоения атомной энергии как распространения своего деятельностного начала на устройство внутренней организации материи, 3) космического проекта как субъектности освоения внеземного мира.

В период после 1945 г. научно-технический романтизм в стране проходит три этапа.

Первый — примерно до середины 1950-х гг.: существует единство политико-философского концепта, романтизированных настроений общества и политического курса страны, ценности общества познания и созидания явно доминируют над ценностями потребления, разворачивается осуществление преобразующих проектов. Второй — до середины 1960-х: в целом (с оговорками) сохраняется единство политико-философской ориентации, романтизации общества и курса страны, хотя преобразующая проектная деятельность частично сворачивается (отказ от Плана преобразования природы), ценности общества потребления уравниваются с ценностями познания и созидания. Третий — с середины 1960-х гг.: курс руководства страны приходит в противоречие с романтизированным политико-философским концептом и соответственными настроениями общества, ценности познания и созидания начинают замещаться ценностями потребления.

На этих этапах наиболее ярко и наиболее последовательно смыслы, цели, ценности и идеальные конструкты научно-технического романтизма утверждаются и артикулируются в классических художественно-футурологических конструктах классической советской научной фантастики (А. Казанцев, И. Ефремов, А. и Б. Стру-

гацкие), которые в период расцвета советского научно-технического романтизма создают его основные идеально-конструирующие произведения, а в период начинающейся деструкции данного феномена, вызванного отказом руководства от глобальной проектной политики, первыми осознают опасность подобного разрыва и создают серию предупреждающих произведений, описывающих последствия подобной деструкции.

Глава 2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СУВЕРЕННО-ИНТЕГРАЦИОННОГО ФЕНОМЕНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

Взаимодействие начал антропологического оптимизма, социально-политического сциентизма и гуманистического технократизма, реализующееся в триединстве политической воли, утвердившихся в обществе настроений и ожиданий, выраженной в метафорической форме развивающейся политико-философской концепции, образует три основных пласта общего конструкта суверенно-интеграционного феномена научно-технического романтизма.

Первым становится общее антропологическое основание, включающее: а) романтический компонент как определенное оптимистически-романтическое мечтательное умонастроение, создающее эмоционально-возвышенное мироощущение; б) складывающийся на основе этого контур ценностных оснований, предполагающих приоритет ценностей познания, установки на активистское волевое начало борьбы за утверждение своих ценностных оснований в создании мира, отвечающего представлению о возвышенном как раскрытии потенциала идеально-возможных смыслов человеческого существования; в) ориентацию на признание приоритетной роли научно-технического развития в преобразовании мира и создании новой материально-технической базы социума.

Второй пласт общего конструкта научно-технического романтизма образует альтернативное идеальное конструирование, то есть создание и реализация политико-философского идеала будущего, включающий в себя: а) конструкт будущего устройства, его идеальную политическую модель, подразумевающую аксиологию, ценностные основания свободного труда, политическую организа-

цию сциентически-партиципаторного типа, целеполагание с антропологическим идеалом человека созидающего, развернутое в разное политическое время, и систему адаптации, с одной стороны, своим центральным звеном имеющую гуманистический сциентизм общества познания, с другой — систему метакультуры как во внешнем контуре отношений с другими цивилизациями, так и во внутреннем, предполагающем синтетическое единство культур Земли; б) диалектический политико-философский реализм (критический утопизм) будущего, предполагающий при разрешении проблем настоящего неизбежность наличия в будущем новых проблем и противоречий; в) политико-философский концепт прогресса, включающий в себя философский прогрессизм, рассматривающий прогресс как имманентное свойство восходящего саморазвития социума, исторический детерминизм как историческую predeterminedность общего направления развития, реализуемую инвариантно посредством воли людей — и неоднозначность отношений человека и общества с будущим как с точки зрения ограничения готовности к его узнаванию, так и с точки зрения последствий возможного страха перед проблемами будущего или препятствиями на пути движения к нему.

Третий пласт общего конструкта научно-технического романтизма образует общий политико-философский реализм научно-технического романтизма, рассматривающий применительно к разному политическому времени ряд универсальных проблем политической жизни: а) политической философии власти в диалектике ее средств, целей и смыслов; б) политической этики ответственности, в противопоставлении романтизма идеализированного эмоционального негодования несовершенством мира и романтизма ответственности его сознательного преобразования; в) политико-философского осмысления угроз социально-смысловой дезинтеграции социума.

Раздел 2.1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВИДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ОТНОШЕНИЙ С МИРОМ В РАМКАХ КОНСТРУКТА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА

Вызревая в своем внутреннем созревании и своей способности воздействовать на мир посредством наполнения своим содержанием воли и поведения людей в их практической деятельности, про-

ходя через практику революционно-преобразующей деятельности, в первую очередь в России/СССР, научно-технический романтизм как духовный феномен выступает в соединении трех компонентов, определяющих свойственную ему аксиологию и антропологию: а) человека в его романтичности, эмоционально-возвышенном отношении к действительности, которая рассматривается как наполненная особым смыслом, содержащим некий превосходящий обычные представления идеал, подлежащий освобождению и реализации в сознательной деятельности человека; б) ценностного идеала, который в своем превосходящем значении подлежит для своего освобождения и реализации познанию человеком и погружению в волевое начало последнего, требующее постоянного проявления воли в противостоянии с ограничивающей идеал действительностью как в познании, так и в преобразовании, в этом процессе определяющем приоритетную значимость ценности познания и созидания над значимостью потребления; в) материальной способности решать вопросы реального преобразования реального мира, состоящей в расширяющемся научно-техническом развитии.

***Романтически-антропологический компонент
научно-технического романтизма***

Общий антропологический оптимизм, характерный для научно-технического романтизма в целом, в рамках оформленного конструкта последнего приобретает форму его романтически-антропологического компонента. Последнее предполагает особое отношение человека к миру как началу, создающему человека, но пребывание в котором для человека невозможно без соотнесения себя с рождающимися в его отношениях идеалами. Мир дан в ощущениях, но подвержен изменениям самим человеком в соответствии с идеалами его сознания, которые выступают как более значимые, чем сам человек или имеющийся мир, то есть человек реализуется в приведении мира (частью природного, в большей степени — социального) в соответствие с идеалом, достойным того, чтобы рассмотреть его как созданное человеком особое высшее начало. В этом отношении речь, конечно, идет о «прометеевом человеке», призванном к устранению несовершенства мира и утверждению в нем идеала с особым, превосходящем обыденность смыслом.

Человек научно-технического романтизма ощущает себя как живущего смыслом утверждения мечты, и сама его практика осознается не как обеспечение своей жизнедеятельности, а сама жизнедеятельность имеет смысл и может осуществляться как некое восторженно-эмоциональное оптимистически-альтруистическое единение себя с идеалом. Любой вызов окружающей его действительности он воспринимает не как угрожающую деструкцию, но как повод для утверждения своей способности ей противостоять и гармонизировать мир, и само состояние вызова и ответа на вызов воспринимает как свое естественное состояние, воспринимая перенапряжение как потребность и возможность раскрытия своего личностного потенциала.

Особо, как представляется, нужно обратить внимание на развернутость этого ощущения человека в единстве его романтичности в политическом времени. Речь идет о том, что данное ощущение не ограничивается актуализированной необходимостью момента, не является сугубо инструментальным средством решения форс-мажорной задачи, оно, скорее, саму встающую сиюминутную задачу воспринимает как средство для своего проявления. То есть в произведениях научно-технического романтизма оно не принадлежит исключительно настоящему политическому времени, но помещается как в политическое время прошлого, так и в обращенности в будущее, выступает как: а) советский романтизм реальности; б) исторический романтизм; в) футурологический романтизм, соединяя в итоге политическое время прошлого, настоящего и будущего.

Первый, советский, романтизм реальности раскрывается как романтизм фронтиров современного авторам времени: у А. П. Казанцева это тема освоения Севера в цикле рассказов «Георгий Седов»¹ второй половины 1940-х гг., статья «Романтика познания» 1959 г.², у И. А. Ефремова — цикл ранней геологической романтики 1940-х гг., включая его переход к теме космоса в рассказе «Звездные корабли», та же в соавторстве написанная статья «Романтика

¹ См., напр.: *Казанцев А. П.* Против ветра. — М.: Молодая гвардия, 1950.

² *Ефремов И. А., Казанцев А. П., Соболев Л.* Романтика познания: (О недостатках серии Географгиза «Путешествия, приключения, фантастика») // Комсомольская правда. 1959. 11 января.

познания», у А. и Б. Стругацких — формально сказочная повесть «Понедельник начинается в субботу».

Второй, исторический, романтизм, обращающий эмоционально-возвышенное мироощущение в прошлое, обрисован у А. П. Казанцева в рассказе «Взрыв» 1946 г. с трактовкой истории Тунгусского метеорита 1908 г. как атомного взрыва космического корабля, давшей новый вариант его классического романа «Пылающий остров» и завершившей его творчество уже на рубеже XXI в. дилогией «Звезда Нострадамуса» о судьбе провидцев будущего разных времен; у И. А. Ефремова в произведениях «Путешествие Баурджеда» (1953), «На краю Ойкумены» (1949), «Лезвие бритвы» (1963), «Таис Афинская» (1972), у А. и Б. Стругацких — в какой-то степени «Отягощенные злом» (1987).

Третий, собственно футурологический, романтизм находит выражение у А. П. Казанцева в повестях «Лунная дорога» (1960), «Планета бурь» (1959–1962), «Сильнее времени» (1973); у А. и Б. Стругацких — «Страна багровых туч» (1957), «Путь на Амальтею» (1960), «Стажеры» (1962).

В данном случае распространение начала романтичности как соотношения человека с миром, характеризуемого эмоционально-возвышенным состоянием, на прошлое, настоящее и будущее имеет свои определенные различия. В первом случае перенос этого состояния на прошлое утверждает и подтверждает истоковую природную естественность этого состояния человека как высшего и ему имманентного, его родовое отличие. И. Ефремов переводит научно-технический романтизм из плоскости романтизации производственно-созидательного могущества человека, меняющего мир природы, в плоскость романтизации социально-созидательного могущества.

В этом отношении представляется не случайным, что И. А. Ефремов в «Путешествии Баурджеда» и «На краю Ойкумены», обращается к временам эпохи Древнего Египта и ранней античности, в романе «Таис Афинская» — к времени расцвета античности и Александра Македонского, А. и Б. Стругацкие в фоновой части «Отягощенных злом» — к первым векам христианства и первому расколу в исламе, а А. П. Казанцев в трилогии «Клокочущая пустота» (1983–1986) и дилогии «Звезда Нострадамуса» (1996–2000) протягивает единую нить связи между временами Нострадамуса, Т. Кампанеллы, П. Ферма и последующими веками. В каждом из этих обращений человек рассматривается как выходящий за пределы по-

вседневного горизонта, вступающий в отношения с миром, заведомо большим его повседневного опыта, содержащим в своем большем, чем человек, начале заведомо большие смыслы, познание которых позволяет человеку преодолевать вызовы этого мира.

Во втором случае, в фиксации эмоционального мироощущения во времени настоящего, научно-технический романтизм обращен в отношения с миром фронта. Север у А. П. Казанцева, наука у А. и Б. Стругацких, открытия геологических артефактов у И. А. Ефремова выступают как сферы уже не просто ответа на вызовы большего мира и преодоление угроз, а как переход «человека-познавшего-смыслы-мира» в наступление, и преобразование самого мира в соответствии с этими открытыми смыслами. Если в историческом романтизме, романтизме, обращенном в прошлое, научно-технический романтизм видит утверждение и возвышение человека в большем по отношению к нему мире через познание этого мира, осмысление себя как его естественной части, то в советском романтизме реальности он мир рассматривает как часть овладевшего смыслами человека и его практики, воспринимающего мир как начала, равного в противостоянии и подлежащего исправлению.

В «Путешествии Баурджеда» (1946, 1953) И. Ефремов ставит вопрос о моральном аспекте идеального конструирования и диалектически рассматривает плюсы и минусы глобального проектирования для судьбы государства. События романа происходят в Древнем Египте, но реалии жизни героев очень точно перекликаются с популярными в историографии сюжетами советской жизни начала 1950-х гг. Это не политическая сатира, оба пласта повествования выглядят одинаково реалистично и обоснованно с точки зрения той эпохи, в которой рассматривает их читатель. Таким образом, Ефремов выходит еще и на уровень обобщения, выхода из плоскости реальных политических событий того или иного периода и переходит к осмыслению общих закономерностей, в данном случае закономерностей развития идей глобального проектирования и отказа от них¹.

Среди многочисленных работ этого направления можно выделить «Пылающий остров» А. Казанцева, сочетающий в себе сразу три характерных для эпохи тенденции: 1) акцент на глобальном проектировании и преобразовании природы; 2) переход к новому

¹ *Ефремов И.* На краю Ойкумены. Путешествие Баурджеда // Ефремов И. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. Кн. 1. — М., 1989. — С. 19, 20, 25.

типу этического идеала — от идеала воинского патриотизма, свойственного роману-эпопее 1950-х гг. к идеалу ученого-созидателя; 3) научно-технический прогресс А. Казанцев рассматривает как средство примирения двух проектов, двух культур, СССР и США и, таким образом, из плоскости строго научного прогнозирования переходит к прогнозированию социально-политическому, но производит его в ключе научно-технического романтизма: залог будущего благоденствия он видит в развитии науки, неразрывно связанном с приближением индивида к этическому идеалу. Интересно, что тема противостояния двух миров в этот период находит отражение и в массовой культуре США, но не получает философского осмысления, а выражается лишь в актуализации романа Г. Уэллса «Война миров».

Третий, футурологический романтизм, как эмоционально-возвышенное отношение, обращенное в будущее, обретает некое разделение. С одной стороны, он выступает как видение будущего мира, пронизанного романтически-деятельностным отношением, мира, превращающегося в акт творения человека научно-технического романтизма. Такое отношение предполагает степень человеческого могущества, в которой он сам переступает черты человечности, обретая характеристики абсолюта. Но, обретая черты абсолюта, человек лишается своей эмоциональной возвышенности, а тогда утрачивает антропологичность как основу научно-технического романтизма, то есть лишается того, что делает его могущественным. Человек обретает могущество в своем слиянии с научно-техническим романтизмом, но попытка отказаться от той или иной его составной разрушает это слияние и обесмысливает претензию на абсолютность.

Возможно, именно эту трагедию А. и Б. Стругацкие показывают как на примере 13 ученых из «Далекой Радуги», пытавшихся срастить себя с машинами и обретших, как Камилл, всезнание, но лишившихся воли и чувств, так и на примере утративших человечность люденов из повести «Волны гасят ветер»: порочность разрыва антропологического, сциентического и технократического начал.

Поэтому в футурологическом, обращенном в будущее романтизме сохраняется, выступает и отдельно акцентируется его другая ипостась: романтичность человеческих отношений людей будущего как в отношении их эмоциональной возвышенности

приключенческих отношений с миром (А. П. Казанцев «Планета бурь», А. и Б. Стругацкие «Страна багровых туч»), так и романтичности личных отношений другом с другом (А. П. Казанцев «Лунная дорога», «Сильнее времени»; И. А. Ефремов — пары Фай Родис и Грифт Рифт, Тор Лик и Тивиса Хенако, Вир Норин и Сю-Те из «Часа Быка»).

Вместе с этим романтичность наполняет собой их комплексное мироощущение будущего, которое выступает как реализация сегодняшнего эмоционально-возвышенного, создание утопии в смысле принятия вызова на построение нового мира.

На фоне описанного процесса успешная реализация атомного и космического проектов и успех электротехнической составляющей Плана преобразования природы (выполнение задач строительства гигантских электростанций и создания избытка электроэнергии), появление ощущение всемогущества человека в отношениях с миром, оформляя завершенность полноценного успеха научно-технического романтизма, развивает его интеллектуальную субъектность до уровня существования в трех интеллектуальных воплощениях.

1. Романтизация цели, наиболее полно выраженная в «Туманности Андромеды» (позитивная модель) и «Часе Быка» (проблемная модель) И. Ефремова.
2. Романтизация процесса отражена А. и Б. Стругацкими: «Полдень, XXII век» — позитивная модель, цикл «Проклятых миров» — проблемная модель («критическая утопия»).

В отличие от модели Ефремова, Стругацкие рисуют мир романтизации процесса: мир, по внешней организации почти полностью повторяющий контуры модели «Туманности Андромеды», мир, в котором просто интересно и хотелось бы жить. Для людей сохранен только интересный творческий труд, неинтересный отдан «киберам». Общество состоит не из людей будущего, созданных в результате длительного развития, общество состоит из почти сегодняшних людей, таких, которых сегодня немного, но какими просто станут все. Их практически не волнуют ценности потребления — им интересен их труд и их работа, но при этом остаются за кадром цели их жизни и развития общества. Они живут познанием и радостью его процесса.

3. Романтизация средств и условий: позитивная модель — произведения научно-технической апологетики, проблем-

ная модель — «Фазты» А. Казанцева, проблематика поиска и создания метакультуры.

Модель романтизации средств и условий — в значительной степени модель «чистой научной фантастики», сосредоточенной собственнно на описании научно-технических открытий и достижений. Она практически не обращалась к утопическому конструированию. Романтизации подлежали открытия как таковые — и описание захватывающих возможностей, которые они открывали. Лучшие произведения направления ограничивались конструированием глобальных научно-технических проектов, вписывая их в условия уже существующего социума, не рассматривавшегося в развитии.

Позитивная модель этого направления выражена в романах А. П. Казанцева конца 1930-х — 1950-х гг.¹, одновременно остающегося последовательным противником «фантастики ближнего прицела», всячески поддерживая космическую фантастику и космическую тематику, сохраняя этот пласт романтизации научно-технического прогресса.

Сама увлеченность космической темой фантастики, соединенной с проблематикой метакультуры, приводит его к созданию проблемной модели этого направления, предложенной в романе «Фазты», детальная работа над которым заняла более полутора десятков лет. В ней А. П. Казанцев, с одной стороны, показал планетарную катастрофу, к которой приводит научно-технический прогресс в классово разделенном обществе, а с другой — вслед за И. Ефремовым поставил вопрос метакультуры, без объединения людей в которой, по его мысли, сам по себе научно-технический прогресс окажется средством глобального разрушения.

Иначе говоря, для научно-технического романтизма тип чело- века романтически созидающего, живущего в пространстве возвышенного мыслится как имманентно присущее человеческой природе нормальное состояние, противостоящее искаженному ненормальному повседневному.

Особое значение, как представляется, в общем концепте научно-технического романтизма имеет обращение к теме космоса.

¹ См.: «Пылающий остров», «Арктический мост» (1946), «Мол “Северный”» ((1952); 1956 г. — «Полярная мечта»), «Льды возвращаются» (1964).

Сама по себе она воспринимается как привычная и естественная для XX в., однако представляется, что для научно-технического романтизма она обладает отдельным политико-философским значением. Существует определенная традиция разделения в рамках подходов философии политического пространства политико-цивилизационных моделей на «цивилизации моря» и «цивилизации суши» («борьба Левиафана с Бегемотом»), описанные К. Шмиттом¹. Согласно его гипотезе, иконографию пространства восточных цивилизаций определяет стихия суши (земли), а западных — стихия моря (воды), теллуократии и талассократии. Идея заключается в том, что качественная организация обоих пространств определяет как специфические формы государственного устройства, так и особенности политических культур. Не затрагивая вопрос о тех или иных аспектах этой версии и рассматривая ее как интересную гипотезу, можно сказать, что в той степени, в какой ее можно принять как инструментальную версию, можно сказать, что подход научно-технического романтизма исходит из снятия подобного противопоставления в третьем варианте видения политического пространства и политической иконографии: своего рода стихии неба и цивилизации космоса как открытого вечного пространства, предполагающего постоянную политическую и волевою устремленность не к динамике как таковой (цивилизация моря), а к постоянному восхождению реализации возвышенного.

Если исходить из того, что номос земли отражает неподвижность и устойчивость суши, пространство, где можно четко зафиксировать политические границы, структуры и традиции, что можно считать питательной средой консерватизма политических культур Востока, то номос моря воплощает подвижность и непостоянство водной стихии, не поддающееся структуризации, утверждению границ, и утверждает динамичность и непостоянство границ и норм.

Покрывая и снимая обе эти ограниченности, номос космоса (неба) отражает устойчивость тенденций, целенаправленное движение, имеющее своей целью преобразование мира, но не произвольно-ситуативное, а реализующее осмысленные идеалы и конструкты

¹ См.: *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря // *Элементы.* № 8. — М., 2000, а также в книге: *Дугин А. Г.* Основы геополитики. — М., 1997. — С. 528.

развития, устремленность на постоянное познание мира и его восхождение к идеалу.

***Контур ценностных оснований социума
научно-технического романтизма***

В рамках концепта научно-технического романтизма человек рассматривается существующим в своем постоянном отношении акта творения с окружающим миром: в отношениях исторической романтичности человек видится как еще открывающий для себя мир, в советской романтичности реальности он рассматривается как вступивший с ним в деятельностный диалог, познающий его в своем воздействии и преобразовании его, в романтичности будущего человек, убедившись в своем понимании мира и власти над ним, начинает самому миру открывать для него скрытые возвышенные смыслы. В первом случае мир выглядит как больший по отношению к человеку, во втором они в своем познающем диалоге равны, в третьем человек воспринимается как деятельностно больший, чем мир.

Однако и в этом случае, с одной стороны, смыслы, открываемые человеком в мире для себя и для самого мира, рассматриваются как большие по отношению к ним обоим. С другой стороны, мир остается большим по отношению к человеку-в-себе, но человек становится большим в своем отношении как человека-для-себя, они в своей относительной «большести» или «меньшести» постоянно меняются местами, в этой игре близости и расстояния представляя постоянное узнавание и бесконечный процесс познания друг друга, что для человека научно-технического романтизма становится: а) проблемой выбора познания как ценностной основы своего овладения миром и комфортного ему социума; б) утверждением волевого начала как энергетической интенции утверждения ценностей в мире (как социально-политическом, так и естественном) и основы утверждения антропологического оптимизма; в) вместе становящихся философско-политической тканью аксиологии антропологического оптимизма.

То есть, если выше мы имели основание говорить о романтически-антропологическом компоненте научно-технического романтизма, в данном случае о нем как чувствующем деятельностном разуме, вбирающем в себя мир как таковой, в данном ценностно-

волевым воплощении мы можем говорить о нем как сциентически-романтическом компоненте научно-технического романтизма.

Проблема выбора ценностных доминант ставится И. А. Ефремовым уже в нечасто вспоминаемом «Путешествии Баурджеда», первой части дилогии «Великая дуга», формально отнесенной к ранней истории Египта (IV династия), в которой вступивший на трон фараон ставится перед выбором приоритетов своего правления между тремя вариантами: продолжение правления в ценностных доминантах предшественника — ценности силы и власти; отказ от глобальных проектов в пользу улучшения положения народа (общество потребления) либо возврат от доминирования бога Ра как бога могущества, силы и власти к приоритету бога Тота, бога мудрости, знаний, покровителя библиотек, ученых и мирового порядка (общества познания). Попытка выбора в пользу общества потребления приводит к нарастанию требований, дезорганизации и недовольства. Попытка выбора пути познания кончается убийством фараона сторонниками продолжения культа власти, что в итоге завершается восстанием, которое возглавляет Баурджед, выбранный в свое время свергнутым фараоном для осуществления базовой миссии новой политики. Восстание оказывается подавлено, но жрецы Тота сохраняют знания, собранные Баурджедом, для будущих поколений.

В чем-то идея коррелирует с древнеегипетской мифологией, согласно которой Ра, обладавший высшей силой, ослабев, столкнулся с наступающим хаосом и кровопролитием, остановить которое смог, только опередившись на мудрость Тота, что и спасло мир и людей от гибели. Книга была издана в 1953 г., но считается, что написал ее Ефремов значительно раньше, еще в период подготовки проекта Программы партии 1948 г. и осмысления выработки новых приоритетов развития. Формируется постулат, согласно которому власть и могущество, существующие ради себя самих, останавливают развитие общества, но смена приоритета государственного могущества на приоритеты общества потребления ведет лишь к гипертрофии потребления и разрушению общества, преодолеть противоречие можно только выбором ценностей общества познания и превращения познания и созидания в содержание и цель общественного развития.

Соответственно, особое место в концепции И. Ефремова занимает концепция нового человека или конструирование этического идеала. Отличительными чертами человека эры Кольца являются «широкое образование и интеллигентность, отличное физическое

воспитание»¹, он быстро овладевает новыми навыками, что позволяет ему работать в разных сферах.

Особое внимание во всех своих работах И. А. Ефремов уделяет понятию красоты, ее антропологическому значению². И. Ефремова интересует красота каждой расы и каждой нации, т. к. по идеалу красоты он берется определить специфические условия формирования его носителей. И. Ефремов считает, что чем труднее и дольше эволюционный путь организма, тем более тонко разработана целесообразность его приспособления к окружающим условиям жизни, то есть красота³.

Проблема выбора ценностей и ситуации выбора детализируется А. и Б. Стругацкими особенно в повести «Понедельник начинается в субботу» (образ гипертрофированного потребления и могущества «человека-удовлетворенного-полностью», всё желающего и всемогущего в потреблении и ведущего к уничтожению мира), «Стажерах», «Трудно быть богом» (диалог Руматы с Будахом о бесперспективности попыток решить проблемы общества путем обеспечения роста его потребления), «Хищных вещах века» (модели общества, где материальное удовлетворение и комфорт без изменения ценностей самого человека ведут к личностной и социальной деградации).

Проблема выбора как такового сама по себе оказывается проблемой воли — как в отношении признания наличия необходимости выбора, так и в отношении готовности его осуществить. Однако в отношении ценностного выбора между приоритетами потребления и познания сложность углубляется проблемой отказа от комфортности покоя и потребления, ориентацией на постоянное преодоление. Состояние демиуржества, предлагаемое человеку научно-техническим романтизмом, предполагает постоянное противостояние как с неудовлетворяющим его состоянием мира, так и с любым достигнутым им состоянием. Ценностной потребностью признается неудовлетворенность как константа созидания.

Для себя они все более отчетливо начинают приходить к выводу, что нужна, как они определяют в своих произведениях, «позитивная реморализация» — постепенная подготовка пересмотра фило-

¹ *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды // Собр. соч. в 5 т. Т. 3. — М. : Молодая гвардия, 1987. — С. 44–49.

² Там же. С. 56–57.

³ Там же. С. 55–56.

софских, социальных и моральных представлений, осуществляемая с нарастающей активностью. Задачей такой «реморализации» должно было стать предупреждение отставания массовой психологии от «гигантских изменений, происходящих в мире». И для ее осуществления они считают необходимым «сосредоточить все усилия общества на воспитании Завтрашнего Человека, Космического Человека, Человека Коммунистического»¹.

Это оказывается производным как от самого уровня саморазвития феномена научно-технического романтизма, который в своем третьем, выходящем за собственные рамки состоянии приобретает роль созидającego и поглощающего мир абсолюта, так и неизбежным последствием его антропологической романтичности как эмоционально-возвышенного мироощущения воплощающего его человека, ощущающего свою самореализацию и значимость в выявлении абсолютных смыслов и утверждении в мире абсолютных идеалов, что требует постоянного разрыва своей границы с миром и постоянного преодоления его сопротивления, то есть постоянного, в абсолют возведенного напряжения, состояние которого становится нормой «человека-утверждающего-смыслы в мире».

Проектирование идеального будущего выступает в советском научно-техническом романтизме как его центральный концепт и база формирования политической философии научно-технического романтизма.

Ведущим инструментом данного проектирования выступает стратегическое планирование, используемое как в плане идеального конструирования желаемых черт и контуров цели, так и в постановке самой цели, выработке средств движения к ней и обладающее началом директивной власти в осуществлении практического политического и экономического курса общества. Наиболее полным воплощением подобного начала становятся глобальные проекты 1950-х гг.: природопреобразующий, атомный, космический — как вдохновлявшиеся концептами научно-технического романтизма, отраженного в произведениях художественной футурологии, так и сами выступавшие его вдохновляющим источником. Успехи данных проектов одновременно и воплощали собой, и расширенно воспроизводили, и утверждали в действительности начала и качества

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Контакт и пересмотр представлений / Саймак К. Всё живое. — М. : Мир, 1968.

романтизации, выразившиеся в трех ее видах: романтизация цели; романтизация процесса; романтизация средств и условий, с разной мерой акцентировки и доминирования выраженные в произведениях трех направлений советского научно-технического романтизма эпохи.

Стратегическая доминанта, выраженная данным политико-философским феноменом, предполагала само начало стратегичности как детерминированное естественными законами развития природы и общества. Данное положение предполагало и имело своим необходимым предикатом философскую концепцию прогресса как основу формирования идеального политического конструкта научно-технического романтизма, также с разной акцентировкой и в разных моделях выраженной в трех философских направлениях советского научно-технического романтизма: моделях прогресса И. Ефремова, А. и Б. Стругацких и А. Казанцева.

Складывающийся таким образом романтический прогрессизм, скрепленный сциентическими идеями стратегического целеполагания, естественным образом основным содержанием, интенцией и формой имеет создание идеального конструкта научно-технического романтизма, предложенного в тех или иных вариантах в произведениях Ефремова, Казанцева и Стругацких, лидеров, воплощавших три составные части политической философии научно-технического романтизма.

И. А. Ефремов во многом этому посвящает уже изданную в 1949 г. «На краю Ойкумены», основной метафорой которой становится, с одной стороны, признание мира как неизмеримо большего и полного угроз для человека, но с другой, подчиняющегося его воле, способности дойти до «конца Ойкумены» (то есть максимально представимого мира) — и понять его относительность. Одновременно как значимость и необходимость реализации человеческой сущности полагается способность к завершенности действия, доминанта доведения начатого до конца.

У А. и Б. Стругацких данное начало закладывается практически во все произведения о мире Полудня: судьбе возвращающегося для продолжения борьбы в прошлое Саула («Попытка к бегству»), отказе Руматы оставаться бесстрастным наблюдателем («Трудно быть богом»), всей проблеме прогрессорства, по мысли Б. Стругацкого заключающегося в том, что люди, чувствующие несовершенство мира, не могут мириться с его несовершенством, даже отдавая

себе отчет в том, насколько малы их шансы в каждом конкретном случае повлиять на обстоятельства. Особо это отношение волевой устремленности к достижению цели, даже если она кажется абсолютно нереальной, А. и Б. Стругацкие выразили в моменте повести «Далекая Радуга», когда совершается безнадежная попытка создать убежище, способное спасти людей от надвигающейся катастрофы. Всем абсолютно понятно, что попытка обречена, но в итоге оказывается удачной: воля людей, устремленных к недостижимой по всем расчетам цели, противопоставляется и оказывается выше знания — начала, лишённого воли.

В произведениях А. П. Казанцева идея целеустремленного волевого противостояния угрозе проходит практически от первого романа 1941 г. «Пылающий остров» до завершающих произведений конца 1990-х гг. «Донкихоты Вселенной» и «Спустя тысячелетие», причем здесь особую роль играет трилогия «Клокочущая пустота» середины 1980-х гг., сводящая в единой логике волевого начала Т. Кампанеллу, Сирано де Бержерака, П. Ферма и кардинала Ришелье.

Как считает Г. Лассуэлл, политические мотивы во многом рождаются в сети межличностных связей, которые традиционно считались сугубо частными, неполитическими; отношение индивида к политике обусловлено преимущественно психологическими механизмами его личности, и, значит, для обеспечения политической стабильности весьма важно сохранение психологического равновесия индивида¹. Согласно теории Г. Лассуэлла, индивиды вступают между собой в отношения власти, их частные установки и устремления являют собой основу целостного политического про-

¹ См., напр.: Лассуэлл Г. «Психопатология и политика» (1930), «Мировая политика и личное чувство надвигающейся опасности» (1935), «Политика: кто получает что, когда и как» (1936), «Мировая пропаганда революции» (1939, соавт. Д. Блюменсток), «Власть и личность» (1948); «Власть и общество. Структура политического анализа» (1950, соавт. А. Каплан); «Науки о политике» (1951, соавт. Д. Лернер); «Сравнительное изучение элит» (1952, соавт. Д. Лернер, И. Ротэелл); «Будущее политической науки» (1963); «Всемирный справочник политических и социальных индикаторов» (1964, соавт.); «Революционные элиты мира» (1965, соавт. Д. Лернер); «Мировые приоритеты» (1977); «Печать власти» (1979, соавт. М. Фокс) и др.

цесса — общего движения «политических атомов», соединяющихся и разъединяющихся, сталкивающихся в борьбе и т. д.

Лассуэлл предложил довольно точный психологический портрет сторонника демократии, среди качеств которого выделяются открытость личности, критичность мышления, способность ориентироваться на несколько ценностей сразу, доверие к окружающим и т. д.

Подобным же образом может быть сконструирован и портрет носителя политической философии научно-технического романтизма. Доминирующими чертами в таком случае станут открытость, комплексность мышления и видение мира как единого целого, пусть и включающего в себя множество элементов. А доминирующими ценностями, в свою очередь — познание как основа прогресса, созидание, т. е. борьба с хаосом посредством его преобразования в логос как антитеза борьбе человека с человеком, умеренное мессианство как способ реализации врожденной склонности человека к экспансии посредством помощи представителям других цивилизаций. Борьбу в качестве объяснения процессов, происходящих в политической сфере, постулировали, в частности, К. Маркс (борьба классов), Р. Дарендорф (пытавшийся противопоставить марксизму теорию социального конфликта, где главный признак классов — отношения господства и подчинения, а не собственности), Л. Козер, К. Шмитт (выдвинувший теорию, в которой политика представлена в виде особого типа социального отношения «враг — друг» или по древнейшему показателю «свой — чужой») и др.

Три названные характеристики ценностной системы научно-технического романтизма объединяет одна общая черта: все они подразумевают в качестве основы отношений внутри полиса не борьбу человека с человеком, а сотрудничество человека с человеком в борьбе с внешними угрозами, среди которых можно выделить, соответственно, три: 1) борьба с непознанным, 2) борьба с несозданным и 3) борьба с регрессом.

Тот факт, что научно-технический романтизм исходит из положения о сотрудничестве субъектов политики внутри полиса, а не их борьбы за власть и господство, усложняет рассмотрение философской концепции научно-технического романтизма, так как наличие в ней политической сферы становится неочевидным. Хотя К. Шмитт писал, что к сфере политического относятся вопросы не только противостояния субъектов политики, но и их кооперации:

«Политическое может извлекать свою силу из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или в культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода, и в разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения»¹. И Т. Парсонс полагал политическую подсистему, благодаря своей опоре на власть, связанной со способностью обеспечивать организацию людей для эффективного коллективного действия ради достижения общих целей.

Названные три параметра определяют и три аспекта осмысления политической философии научно-технического романтизма: 1) осмысление проблем отношений полиса и науки, полиса и техники; 2) осмысление проблем отношений полиса и природы (т. е. пространства несозданного, неструктурированного, первородного хаоса, неподвластного человеку); 3) осмысление проблем отношений полисов с различными базовыми цивилизационными основаниями: полиса с полисом менее развитым, полиса с полисом более развитым (в том числе настолько, что его узнавание становится невозможным), полиса с полисом, основанным на кардинально отличной цивилизационной базе (в том числе настолько, что узнавание и понимание становятся невозможными).

В моделях научно-технического романтизма можно видеть сильное влияние утопистов эпохи Великой французской революции, гуманистических идей Морелли. Так, к примеру, Морелли высказывает положение, схожее с одной из ключевых позиций проекта будущего научно-технического романтизма: «Истинная политическая свобода человека состоит в беспрепятственном и безбоязненном пользовании всем, что может удовлетворить его естественные и, следовательно, законные желания». Единственным путем достижения такой подлинной свободы он считает восстановление общественной собственности. Поэтому первый закон будущего общества для него гласит: «В обществе ничего не

¹ Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли в 5 томах. Т. 2 / Под ред. Т. А. Алексеевой. — М., 1997. — С. 301.

будет принадлежать отдельно или в собственность кому бы то ни было, кроме тех вещей, которыми он будет действительно пользоваться для своих нужд и удовольствий или для своего повседневного труда»¹, — равно как и его регулятивных социальных установок. Кроме того, Морелли выступает за строгую цензуру и государственный надзор за науками и искусством, за тотальную регламентацию жизни, деятельности, помыслов, вкусов, одежды, семейного положения каждого члена общества, обосновывая это тем, что интересы общества стоят выше интересов личности: «Целое стоит больше, чем часть, даже наилучшая; все человечество стоит больше, чем наилучший из людей, и нация заслуживает предпочтения пред самой почтенной семьей и самым уважаемым гражданином»². А также влияние ряда взглядов Сен-Жюста³, в частности, его представлений о гражданской ответственности: «Каждый человек, достигший 21 года, должен объявить в храме, кто его друзья, и быть им преданным всю жизнь. Если человек совершит преступление, его изгоняют вместе с друзьями. Тот, кто скажет, что не верит в дружбу или что не имеет друзей, подлежит изгнанию»⁴. Как и в концепции И. Ефремова, исключение из общины, лишение звания гражданина считаются самыми суровыми и самыми распространенными наказаниями у Сен-Жюста⁵.

В то же время неверно было бы говорить, следуя за выводом Т. С. Стяжкиной⁶, что советская утопическая традиция заимствует тоталитарный компонент французской утопической мысли эпохи Великой французской революции.

Так, концепции И. Ефремова уже чужды уравнительно-унифицирующие подходы Мелье, который считает необходимым «со-

¹ *Морелли*. Кодекс природы. — М., 1947. — С. 102.

² *Морелли*. Указ. соч. С. 54.

³ Т. С. Стяжкина отмечает также, что «Сен-Жюст подробно разрабатывает особенности дружбы и связанных с ней отношений как специфических социальных институтов. Таким образом, он пытается достичь прочной сплоченности граждан, которая, с его точки зрения, является гарантом стабильности и успешного функционирования общества». (*Стяжкина Т. С.* Указ. соч. С. 59.)

⁴ *Сен-Жюст Л. А.* Речи. Трактаты. — СПб., 1995. — С. 298.

⁵ Подробнее см.: *Стяжкина Т. С.* Указ. соч.

⁶ *Стяжкина Т. С.* Указ. соч. С. 64.

обща пользоваться одной и той же или сходной пищей, иметь одинаково хорошую одежду, одинаково хорошие жилища, одинаково хороший ночлег и одинаково хорошую обувь; с другой стороны, должны все одинаково заниматься делом, т. е. трудом или каким-нибудь другим честным и полезным занятием»¹. Мелье считает также одной из необходимых ступеней на пути становления общества равенства и счастья строгую регламентацию повседневной жизни, стандартизацию как внешнего вида, так и внутреннего мира людей, которые могут быть достигнуты путем унификации и стандартизации предметов его повседневного потребления.

Подобные черты выделяет в философских концепциях русского космизма Е. В. Введенская, называя имена Н. Ф. Фёдорова, К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского², характеризуя последние как определенное явление «прометеизма»: «Утопические идеи Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского могут быть определены как прометеизм, поскольку власть над пространством и временем, покорение природы, бессмертие мыслятся ими с позиции человека, обладающего эти идеями, а также человека, подобного богам, “овладевшего огнем” и способного одним поступком изменить ход истории и культуры»³; как вера в силу и власть человека над природой: «прометеизму свойственна вера в безграничную творческую силу и власть человека над природой»⁴ с элементами синтеза утопических и научных идей: «своеобразие взглядов Федорова, Циолковского и Вернадского состоит в том, что они стремились достичь симбиоза утопических и научных идей. Идеал будущего состояния социоприродного универсума дается ими в единстве со стратегией его достижения, то есть проективно, с присущими им верой в неограниченную мощь научного знания и культивирова-

¹ Мелье Ж. Завещание. — М., 1954. — С. 43.

² «В то время как традиционные утопии в большей степени ориентированы на создание идеального общественного устройства на Земле, утопии Федорова, Циолковского и Вернадского направлены на коренное преобразование всего природно-мирового порядка». (Введенская Е. В. Утопические идеи в философии русского космизма: Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский: дис. ... к.ф.н.: 09.00.03. — М., 2007. — С. 12.)

³ Введенская Е. В. Указ. соч. С. 12.

⁴ Там же.

ния науки»¹, проявления динамики сдвига старой утопии в сторону науки: «утопические идеи в философии русского космизма имеют определенную динамику развития в сторону научной концепции и технократической реальности. В религиозно-философской утопии Федорова намечена лишь тенденция к научному осмыслению реальности будущего развития человечества, и его проект в целом является утопическим. В технократической утопии Циолковского содержится научно обоснованная аргументация развития универсума, хотя его учение об обществе будущего и носит утопический характер. Учение о ноосфере Вернадского представляет собой уже не утопический проект, а научно сформулированную материалистическую концепцию, хотя и не лишенную утопических черт»² при проявлении стремления к обеспечению безопасной и упорядоченной жизни: «стремление общества к безопасной и упорядоченной жизни само по себе не является исходным феноменом политики, а ее необходимой предпосылкой: до тех пор, пока обществу в качестве враждебной силы не противопоставлено другое общество, политики как таковой не существует. Потребность в обеспечении безопасности во все времена была одной из главных для человека, в связи с чем силы людей употреблялись, прежде всего, на эту цель. По мере усложнения общественных отношений и роста населения менялась иерархия общественных угроз: если в первобытное время наибольшие опасности исходили от природы, то впоследствии главным «врагом» общества оказалось другое общество. Соответственно, наиболее важным делом стало поддержание мира, обеспечение обороны и ведение войны, что требовало больших материальных и мыслительных усилий и привело к появлению протогосударственных структур и иерархий, усилению общественной дифференциации и комплексности»³.

Роль научно-технического развития в отношениях человека и мира в концепте научно-технического романтизма

В рамках подхода научно-технического романтизма противостояние человека как субъекта познания смысла и идеала и остального мира как объекта, одновременно хранящего в себе выявляемые

¹ Введенская Е. В. Указ. соч. С. 12–13.

² Там же. С. 13.

³ Иванов Е. О. Указ. соч. С. 16.

человеком смыслы и подлежащего воздействию на него в соответствии с этими смыслами, — не равновесно. Объективная реальность больше субъективности человека как части этой реальности. Одновременно человек наблюдает мир как относительно равный себе в той степени, в которой он постольку вмещается в его сознание. Но ощущает смыслы, которые для него выглядят как большие по отношению и к нему, и к миру, а потому скованные сиюминутной реальностью мира и подлежащие своему высвобождению в творческом преобразовании мира.

Человек научно-технического романтизма в своем наблюдении меньше объективно познаваемого им мира, но в своем раскрытии больших смыслов и претензией на демиуржество в то же время больше этого мира. Как таковой он сам по себе не имеет возможности высвобождения смыслов и преобразования мира, но в своем действии и практике он, стремясь к равновесию, уравнивает свои отношения с миром, достраивая себя до мира в превращении себя в особый мир путем создания уравнивающего его субъектность с объектностью мира третьего, научно-технического начала. В его научно-сциентической составляющей человек-познавший-смыслы-мира делает мир частью своего сознания, одновременно в инструментально-техническом плане делая его частью своего действия, одновременно создавая политические формы власти над своей коллективной практикой и своим воздействием на мир.

Итоговым базовым тезисом научно-технического романтизма является тезис о ключевой роли науки и техники, а также ученых и интеллигенции как основных носителей этих ценностей, в преобразовании современности в идеальный конструкт, одновременно выступающий в роли основы философии научно-технического романтизма и источника противоречий современного общественного развития.

Это не значит, однако, что научно-технический романтизм можно идентифицировать с технократизмом и с подходом сугубой рационализации общественно-политических систем. Напротив, теоретики научно-технического романтизма осознают всю диалектичность проблемы и необходимость ограничения влияния научного сектора на остальные сферы жизни полиса. Поиску этой границы уделяется в рамках учения немалое влияние, в частности, можно выделить три аспекта проблемы, выявленных научно-техническим романтизмом: видение науки и техники как основы построения

общества будущего; проблему соотношения рационального и иррационального в науке и в управлении; проблему места интеллектуалов в политике, взаимоотношений науки и политики.

Научно-техническое развитие встает между романтичностью человека, то есть его эмоционально-возвышенным мироощущением, и миром, вписывая последний в контуры ценностных оснований социума научно-технического романтизма. Таким образом, соединяя романтизированного человека с подчиняемым им в его возвышающем осмыслении миром, научно-техническое развитие определяет системные контуры иного типа социума, становясь основанием перехода от идеального политического конструирования альтернативности к ее материализуемому конструкту.

Фундирующим тезисом научно-технического романтизма является тезис о ключевой роли науки и техники, а также ученых и интеллигенции как основных носителей этих ценностей, в преобразовании современного общества в идеальный конструкт: «Всякая технология, в сущности, просто продолжает естественное, врожденное стремление всего живого господствовать над окружающей средой или хотя бы не подчиняться ей в борьбе за существование»¹.

Видение науки и техники как основы построения общества будущего.

В 1990-е гг. Б. Стругацкий напишет, что идея автоматического порождения научно-техническим прогрессом социального, зародившаяся в недрах XIX в., «века пара и электричества», не имеет определенного автора и порождена успехами «первой НТР и головокругительными победами второй». По его мнению, эта идея оказалась простой и доступной, что и сделало ее привлекательной, только уже и в XX в. она не оправдала себя. Собственно, и о самом этом веке Б. Стругацкий пишет, как об уходящем, оставляя «руины великих идей и прекрасных иллюзий. Новых идей и новых иллюзий он, кажется, не породил. Зато породил много новых страхов»².

И. Ефремов также выделял решающее значение фактора науки: «Современная наука настолько проникла во все области жизни общества, что стала решающим фактором в развитии производи-

¹ Лем С. Сумма технологии. — М.: Мир, 1968. — С. 329.

² Стругацкий Б. Улитка на склоне столетия // Собеседник. — М., 1992. № 39.

тельных сил»¹, в котором отрешившийся от религии человек видит единственную опору создания нового общества: «именно в науке современный человек, отрешившийся от религиозных представлений о мире, видит единственную реальную опору как для построения нового, справедливого общества, так и “для души”, для понимания своего места и значения в жизни»².

Социальную основу общества эпохи Кольца составляют ученые³. Счастьем для человека И. Ефремов считает труд, но «только творческий, соответствующий врожденным способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся»⁴.

Профессию человек получает через станцию распределения работ. Трудные работы, связанные с физическим трудом, заняты:

«Перед тем как приступить к работе, кандидат проходит психофизическое испытание в Академии Психофизиологии Труда»⁵, — туда активно стремится молодежь⁶.

Важным фактором трудоустройства и гарантией отсутствия социальных конфликтов в этой области является психологическая предрасположенность человека к тому или иному виду профессиональной деятельности. Интересно, что позднее С. Лукьяненко выдвинет похожий концепт в конструкторе мира «Звездной тени», однако в его интерпретации он уже будет атрибутом общества абсолютной свободы, и его этическая оценка при этом будет неоднозначна.

В то же время романтическое начало А. и Б. Стругацких постоянно противостояло идее чистого технократизма. С их точки зрения, одно лишь развитие естественных наук и технического прогресса еще не является достаточным условием для прогресса социального. Напротив, оно грозит переходом к диктатуре технократизма и отставанию культурной и моральной сфер развития человечества. Необходимым условием прогресса для А. и Б. Стругацких является познание обществом законов собственного развития. Осознав их,

¹ *Ефремов И.* Наука и научная фантастика // Фантастика-1962 / Сб. сост. Андреев К. К. — М.: Молодая гвардия, 1962. — С. 473.

² *Ефремов И.* Наука и научная фантастика / Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Ефремов И.* Туманность Андромеды... С. 165.

⁶ Там же. С. 166.

прогрессоры получают возможность целенаправленно воздействовать на развитие общества, уберегая его от возможных тупиков истории и направляя на основной путь прогресса.

Для выхода из стадии диктата технократизма Аркадий и Борис Стругацкие предлагают усилить гуманитарный акцент в великой теории воспитания. Система образования должна готовить не будущих работников, не энциклопедистов и не ученых-естественников. Хотя двигателями научно-технического прогресса в первую очередь являются математика, физика, биология, химия, чистого научного прогресса недостаточно для создания идеального общества. Необходимо воспитание морали и нравственности людей, а такое воспитание может дать только культура¹.

Соотношение рационального и иррационального в науке и в управлении

И. Ефремов, как и некоторые другие представители направления (например, А. Казанцев), ставит своей непосредственной задачей найти материалистическое обоснование всему иррациональному, фантастическому в мифологическом смысле этого слова.

Тематику продолжают разрабатывать Д. Биленкин («Обыкновенная минеральная вода»), Д. Жуков, противопоставляя естественное движение жизни техническому прогрессу, и в определенном смысле высказываются в дискуссии «физиков и лириков» в пользу последних (1964). Тему угроз технократизации разрабатывает А. Днепров в ряде работ (в частности, «Случайный выстрел», «Ферма Станлю» 1964), продолжая линию техноскептицизма, затрагивает более актуальную уже на сегодняшний день проблему — проблему стандартизации и массовизации производства, приводящей уже не только к производству стандартной продукции, но и стандартных животных, и стандартных людей: «И вдруг я стал замечать, что на моем пути стали часто попадаться очень похожие друг на друга люди, что они одинаково одеты и говорят об одном и том же. Очень похожие молодые мамы нянчат совершенно одинаковых младенцев. С экранов кино на меня смотрят одинаковые актеры и актрисы,

¹ Стругацкий А. Рецензия на повесть Н. Разговорова «Четыре чепурки» // Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. ... С. 12.

почти тождественные лица и фигуры мелькают на обложках журналов и книг»¹.

В. Савченко в работе «Алгоритм успеха» обращается к той же теме, но, в отличие от А. Днепрова, предлагает и альтернативу обществу стандартизации: с его точки зрения стандартизация невозможна в творческой деятельности, и, значит, единственный способ ухода от общества стандартизации — это переход к обществу творческого созидания.

В. Григорьев в рассказе «Алгоритм успеха» также обращается к проблемам взаимоотношения изобретателя и технического прогресса, но, скорее, в аспекте современных ему — и актуальных по сей день — проблем научно-исследовательской среды.

Анализом процесса творчества, научного и художественного, занимаются в своем рассказе «Путешествие к эпицентру дискуссии» Г. Альтов и В. Журавлёва.

Интересен прием, который использует в своих работах Р. Подольский: тему научного открытия, взаимоотношений ученого с социумом он экстраполирует не в будущее, а в некое альтернативное прошлое, в человеческую историю, которой не было нигде и никогда, но которая могла бы быть. В его работах нет мистики, но можно увидеть некоторую протоформу фэнтези и альтернативной истории в том смысле, в котором последние жанры ориентированы на осмысление реальности посредством метафоры несбыточного.

Научно-техническое развитие в общем конструкте научно-технического романтизма обладает многофункциональным значением, выступая как процесс взаимоотношения романтизации и сапиенизации, обеспечивающий материальную основу их взаимодействия, и становясь его процессом и результатом, реализующим и раскрывающим человека в его творческом потенциале.

В первом, общем рассмотрении научно-техническое развитие создает материальную базу изобилия, позволяющего человеку выйти из подчинения необходимости обеспечения своего существования и сделать развитие своей творческой потенции сутью и целью своей деятельности.

Однако анализ работ позволяет сказать, что значение этой составляющей для них значительно глубже. Строго говоря, сама ка-

¹ Днепрова А. Ферма Станлю // Фантастика-1964. — М. : Молодая гвардия, 1964. — С. 179.

тегория материального изобилия для авторов научно-технического романтизма выступает как инструментально-обеспечивающая, но не ценностная: если у А. и Б. Стругацких в «Полдне» общество и выглядит как обладающее изобилием материальных благ: «Прежняя цель коммуниста — изобилие и душевная и физическая красота — перестала быть целью. Теперь это реальность»¹ (по факту эти блага не носят характер жизненной ценности), то у И. А. Ефремова в «Туманности Андромеды» достаточно определенно говорится о том, что в Эру Общего Труда в результате развития новых производственных технологий («упрощение вещей») и достижения этапа «первого изобилия», позволяющих решить проблему недостатка продуктов потребления, последнее утрачивает значение социальной престижности и люди переходят к мягкому разумному самоограничению в этой сфере:

«Скоро люди поняли, что труд — счастье, так же как и непрестанная борьба с природой, преодоление препятствий, решение новых и новых задач развития науки и экономики. Труд в полную меру сил, только творческий, соответствующий врожденным способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся — вот что нужно человеку. Развитие кибернетики — техники автоматического управления, широкое образование и интеллигентность, отличное физическое воспитание каждого человека позволили менять профессии, быстро овладевать другими и без конца разнообразить трудовую деятельность, находя в ней все большее удовлетворение. Всё шире развивавшаяся наука охватила всю человеческую жизнь, и творческие радости открывателя новых тайн природы стали доступны огромному числу людей».²

При этом А. П. Казанцев в намного более поздней книге «Спустя тысячелетие» описывает распад и деградацию земной цивилизации как результат устремленности к наращиванию потребления.

В их понимании ведущее значение для человека научно-техническое развитие играет как сфера расширенной творческой самореализации. А. П. Казанцев, начинавший свою деятельность как инженер-изобретатель, рассматривает этот аспект почти во всех своих произведениях, начиная с «Пылающего острова» и «Арктического моста». У Стругацких тема самозначимости творческой само-

¹ *Бондаренко С.* Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом». — Донецк : Сталкер, 2005. — С. 300.

² *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды... С. 45.

реализации заложена как центральный момент большей части глав «Полдня» и особо акцентирована в повести «Понедельник начинается в субботу», у Ефремова это во многом оказывается центральным компонентом его системообразующей «Лекции Веды Конг». Творческая самореализация, таким образом, у классиков научно-технического романтизма выступает как некое базовое ценностное основание их политико-философских представлений.

Одновременно в данном концепте научно-техническое творчество выполняет интеграционную функцию, объединяя людей в процессе реализации «больших проектов», подобных созданию на основе новых технических решений скоростного «арктического моста» между СССР и США, либо «мола “Северный”» («Подводное солнце») — проекта отделения от ледяной зоны искусственно подогреваемой теплой прибрежной зоны вдоль арктического побережья СССР. У Стругацких интегрирующее значение совместной деятельности выделяется как применительно к мобилизационным условиям в сюжете создания убежища в «Далекой Радуге», так и в текущих — в увлеченности и единстве персонажей «Понедельника». Ефремов особо выделяет интеграционную роль совместной деятельности в выделении трех эпох, сменяющих Эру Разобщенного Мира: Эры Мирового Воссоединения, Эры Общего Труда и Эры Встретившихся Рук¹.

Одновременно в научно-техническом романтизме особо рассматривается роль целеполагания и целедостижения научно-технического развития, при дегуманизации которых это развитие приводят к социальным и техногенным катастрофам: у Казанцева в «Пылающем Острове», «Льды возвращаются», гибели планеты в «Фаэтах», вырождения общества «антисталинского социализма» в трилогии «Возвращения в грядущее»; у Стругацких в катастрофе на «Далекой Радуге», трагедии планеты Надежда в «Жуке в муравейнике»; у Ефремова в судьбе погибшей даже не от военного использования атомной энергии, а от увлечения ее мирным использованием планеты Зирда в «Туманности Андромеды», в катастрофическом вырождении планеты и общества Торманса в «Часе Быка», то есть в последствиях научно-технического прогресса в приобретении им характера дезинтегрирующего процесса вне гуманистической идеологии.

¹ Термины предложены И. А. Ефремовым в романе «Туманность Андромеды».

Таким образом, мы можем говорить, что для классиков научно-технического романтизма базовые основания видения отношений человека с миром, выражая единство составных частей научно-технического романтизма, выступает как триада переплетающихся и взаимодействующих ценностных оснований романтически-антропологического компонента как эмоционально-возвышенного отношения к миру как в его ощущении, так и в его подчинении выявленным в нем идеалам, смыслам, приоритетам познания и созидания как ценностным основаниям социума реконструируемого мира, обеспечиваемым достижениями научно-технического прогресса и собственно процессом научно-технического развития, выполняющим функции производства базовых образцов социума, его интеграции в деятельность, целеполагания, ограниченного рамками гуманистической идеологии и адаптации к многообразию условий мира.

Выводы по разделу

Соответственно, в представлениях научно-технического романтизма, человек выступает как носитель смыслов и ценностей данного феномена, главное звено их реализации в преобразовании мира и как внутренняя главная ценность этого же политико-философского феномена.

Романтически-антропологический компонент научно-технического романтизма выступает как: а) советский романтизм реальности; б) исторический романтизм; в) футурологический романтизм, соединяя политическое время прошлого, настоящего и будущего, то есть предполагает развернутость как эмоционально-возвышенного отношения к миру в прошлое, выступающее основанием настоящего, в настоящее, выступающее основанием будущего, и собственно в будущее, сознательно моделируемое и создаваемое в рамках преобразующей деятельности человека как носителя смыслов и целей научно-технического романтизма на основании багажа знаний и достижений, накопленных в прошлом.

Политическое действие человека научно-технического романтизма включает в себя эмоционально-возвышенное отношение к целям этого действия, используемым средствам и самому процессу созидательно-преобразующей деятельности.

Контур ценностных оснований социума научно-технического романтизма предполагает выбор ценностей познания и созидания,

сохранение и поддержание созидательно-волевого начала, установки на преодоление в отношениях с миром, конструирование идеального будущего как центральный концепт данного феномена.

В рамках данного контура осуществляется осмысление проблем отношений полиса и науки, полиса и техники; проблем отношений полиса и природы; проблем отношений полисов с различными базовыми цивилизационными основаниями.

С точки зрения подходов научно-технического романтизма основой романтизированной-преобразующей деятельности, реализующей эмоционально-возвышенное отношение к миру, является научно-техническое развитие, выступающее одновременно как процесс и результат деятельности человека, обеспечивающей потребности материального потребления, но, что для данных подходов намного более важно, обеспечивающей возможности его расширенной творческой самореализации.

Раздел 2.2. ИДЕАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА¹

Идеальная политическая система будущего

В целом мы можем сказать, что для общего видения научно-технического романтизма модель политического устройства будущего основывается на следующих предпочтениях: создание условий для развития полной самореализации личности; свобода как неперемное условие жизни человека; всеобщее участие граждан в управлении общественными делами и принятии стратегических решений; объединение людей в решении общих задач человечества; приоритет ценностей познания и созидания над ценностями по-

¹ Ряд тезисов, использованных в параграфе, апробирован в монографии Ю. С. Черняховской «Братья Стругацкие. Письма о будущем», а также в статье Ю. С. Черняховской «Идеалы общества познания в презентации А. и Б. Стругацких» // *Философия политики и права*. Т. 7. — М., 2016. — С. 180–197 и использован в учебном пособии: *Никлаус А. А., Черняховская Ю. С., Черняховский С. Ф. Духовно-нравственное воспитание средствами гуманитарно-художественного знания*. — М., 2015.

ребления; метакультурность как единство разнообразия и граждан Земли, с одной стороны, и внеземных цивилизаций — с другой.

Речь идет о сциентически-партиципаторной модели общества, которая наиболее полно описана у Ефремова в «Туманности Андромеды» и у Стругацких в «Полдне». Нужно отметить, что А. П. Казанцев своей модели политической организации общества будущего не предлагал, в частности, как мы можем предположить, потому что не создавал отдельной футурологической модели. Одновременно можно предполагать, что, ориентируясь в значительной степени на технократические аспекты проблем и их социальных последствий, он в большей степени акцентировал внимание не на институтах, а на внеинституциональных сторонах политического процесса. В той степени, в которой у него присутствует описание принятия крупных решений в обществе будущего (устройство политической организации Земли в земной части «Фаэтов», общество, описанное в будущем, в первой книге трилогии «Возвращение в грядущее» «Тайна нуля» (1988) и ряде других произведений), его представления по этому вопросу не имели сильных отличий от представлений И. Ефремова и А. и Б. Стругацких.

Учитывая, что во многих произведениях А. П. Казанцева присутствует положительная апелляция либо отсылка к «Городу Солнца» Т. Кампанеллы, и именно с подобной моделью он связывает надежду на возрождение земной цивилизации в романе «Спустя тысячелетие» (1997), можно говорить о его предпочтениях подобного рода.

Одновременно так же сциентически-партиципаторную политическую модель будущего (с сильным акцентом на психолого-этические моменты) рисуют и авторы двух других, наравне с Ефремовым и Стругацкими, крупных утопий 1960-х гг.: Г. Мартынов в «Госте из бездны» (1951–1962) и Г. Гуревич в «Мы — из Солнечной системы» (1965).

Политико-теоретическую составляющую научно-технического романтизма образовали его базовые политико-философские основания, представленные в работах советской художественной футурологии, во-первых, предлагавших и разрабатывавших не только отдельные аспекты учения, но и комплексные модели политических систем, и, во-вторых, тех, в первую очередь И. Ефремова, А. и Б. Стругацких и А. Казанцева, представлявших три направления отечественного научно-технического романтизма, чья позиция

в процессе становления прошла три стадии: 1) конструирование политического идеала; 2) разработка соответствующей политической теории; 3) осознание ограниченности выдвинутой теории, определение ее внутренних противоречий и поиск путей выхода из кризиса.

Политологический анализ концептуальных произведений данных авторов и их последователей позволяет выделить в конструктах как постановку самой проблемы политического в политической философии научно-технического романтизма, так и трактовку модели организации власти описанных ими моделей будущего, а также оптимистически ориентированные модели политической системы, в основном несущие общие черты сциентизма, партиципаторной демократии, гуманистического технократизма и обладающие признаками внеинституционального правления, т. е. начала доминирования политической культуры над политическими институтами.

Описанная в произведениях классики советского научно-технического романтизма политическая культура идеального конструкта научно-технического романтизма в своей основе опирается на политическую культуру общества познания, несущую в себе доминанты аксиологических начал, выработанных в ходе истории становления и развития научно-технического романтизма.

В исследовании была использована и проанализирована широкая база источников, включающая десятки работ авторов, активно работавших в период расцвета научно-технического романтизма¹. Однако основное внимание было решено уделить тем, кто, как выше и говорилось, во-первых, создал комплексные модели политических систем, и, во-вторых, тем трем классикам, И. А. Ефремову, А. и Б. Стругацким и А. П. Казанцеву, представляющим три составные отечественного научно-технического романтизма, чья позиция прошла, как представляется, законченное трехстадийное становление: 1) конструирование политического идеала; 2) разработку соответствующей политической теории; 3) определение внутренних противоречий этого идеала и поиск их разрешения.

В целом сциентизм и партиципаторность является их общей чертой. В то же время есть отличия. У И. Ефремова высшими ин-

¹ Среди них — Г. Гор, А. Днепров, Ю. Цветков, А. Громова, С. Иличевский, А. Глебов, Л. Логин, Г. Альтов, А. Балабуха, К. Булычев, Е. Войскунский и И. Лукодянов, А. Днепров, С. Жемайтис, В. Савченко и др.

станциями принятия решений являются два равноправных совета: экономики и звездоплавания, где первый отвечает за экономику и производство, второй — за дальние поисковые проекты, связанные с познанием неизведанного. У А. и Б. Стругацкого высшая инстанция — Земной совет с доминированием в нем врачей и педагогов. При этом в первом случае советы не принимают самостоятельных решений, они рассматривают и утверждают решения профильных академий, которые ведут исследования жизненно важной проблематики и разрабатывают текущие непосредственно управленческие и практические решения: пределов знания, производительных сил, стохастики и предсказания будущего, направленных излучений, психофизиологии труда, среди которых ведущую роль играет Академия горя и радости, занимающаяся главным для этой цивилизации — исследованием уровня счастья в обществе¹. То есть окончательные решения советов в реальности всегда ограничены, с одной стороны, профильными научными разработками, с другой — контролем за их гуманитарно-антропологическим составяющим.

У Стругацких выработка и принятие решений сосредоточены в совете, ориентированном на доминирование сциентизма, однако огромную роль играют структуры системной безопасности: комиссия по контактам, занятая исследованием других цивилизаций и развитием контактов в ними (КОМКОН-1), и комиссия по контролю, отвечающая за безопасность и этичность научных исследований и технических экспериментов (КОМКОН-2). Обе модели предполагают всеобщее участие, сциентизм и повышенную роль ученых, однако Ефремов через роль Академии горя и радости усиливает антропологический момент и значение категории счастья, Стругацкие через роль КОМКОНов — задачу обеспечения безопасности общества.

¹ «...подсчете горя и счастья в жизни отдельных людей, исследования горя по возрастным группам. Затем следовал анализ изменений горя и радости по этапам исторического развития человечества. Какова бы ни была разнокачественность переживаний, в массовых итогах, обработанных методами больших чисел — стохастики, получались важные закономерности. Советы, направлявшие дальнейшее развитие общества, обязательно старались добиваться лучших показателей. Только при возрастании радости или ее равновесии с горем считалось, что развитие общества идет успешно». (Ефремов И. А. Туманность Андромеды... С. 205–206.)

Концепция человека культуры и общества научно-технического романтизма требует создания соответствующей теории воспитания. И. Ефремов считал, что, хотя основа способностей дается врожденными свойствами человека, «они могут пропасть без тонкой отделки человеческой души, создаваемой учителем»¹. Однако он в большей степени разрабатывает систему образования, чем конкретные педагогические приемы: «Работа философа над проблемой образования предполагает осмысление онтологических, гносеологических, аксиологических начал образования»².

Схожее, отмечает А. В. Петров, постулировал П. Рикёр: «В антропологическом проекте Рикёра человек выступает как субъект культурно-исторического творчества, жизнь которого определяется его способностями (*l'homme capable*)»³.

Романтизм Стругацких исходит из того, что талант есть у каждого человека, и каждый талант может быть развит в интересах общества: «Это очень важный момент. Это фундаментальная проблема, стоящая перед Теорией Воспитания. Как найти в молодом человеке его талант, его умение делать что-то лучше других. Такой талант есть в каждом здоровом человеке, если иметь в виду все возможные сферы приложения рук, ума или души. Талант портняжить или слесарить, талант решать абстрактные задачи, просто талант к сопереживанию, равно необходимый и медработникам, и писателям. Подросток мучается, шарахается из стороны в сторону, всячески изгаляется и выдрючивается, прежде всего потому, что им владеет почти инстинктивное желание самоутвердиться, выделиться, стать самостоятельной и совершенно особенной личностью, но свой главный талант он, как правило, обнаружить в себе сам, без посторонней помощи, не способен. Вот он и ломится в открытые двери, толпой валит по проторенным дорожкам, хватается то, что ближе всего лежит: поярче и помоднее вырядиться; погромче заорать — желательно с применением технических средств; похлеще выразиться...

¹ *Ефремов И.* Туманность Андромеды... С. 204.

² См.: *Сазина И. В.* Философ в Школе диалога // *Философский век.* Альманах. Вып. 25. История философии как философия. Ч. 2. — СПб., 2003. — С. 142.

³ *Петров А. В.* Учение о «человеке способном» в философской антропологии Поля Рикёра : дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.13. — СПб., 2015. — С. 3.

Не в силах обнаружить в себе талант, он стремится заменить его каким-нибудь блестящим, ярко раскрашенным “протезом”¹.

Утверждение, что человека формирует воспитание, а не наследственность, вообще является позицией, характерной для советского социального проектирования. «Мы знаем, что способности людей различны. Людей вообще ни к чему не способных нет в природе, если, конечно, иметь в виду людей обычных. Развитие же способностей во многом зависит от воспитания»². Именно этот подход предполагал включение в задачи построения коммунизма задачу формирования нового человека³.

«Высокая теория воспитания», на создание которой они возлагали свои надежды, должна уметь находить талант в подростке и возвращать этот талант наиболее эффективным и естественным способом: «...как быть с неприятными, традиционно малоаппетитными профессиями? Два обстоятельства внушают определенный оптимизм в этом вопросе. Во-первых, человеческие пристрастия и склонности воистину безграничны. А во-вторых, человек всегда делает хорошо ту работу, которая у него “идет”, и чем лучше у него получается, тем с большим удовольствием и самоотдачей он трудится»⁴. Причем о самой школе того времени Б. Стругацкий спустя годы отзывался более чем скептически: «Моя школа была заповедником непрекращающейся зубрежки, где не учили ничему, кроме зубрежки, зубрежки и зубрежки. Нас учили читать тексты, но и в мыслях у Школы не было учить нас читать книги. Нас настропаляли ловко сдавать экзамены, но палец о палец не ударяли, чтобы научить нас думать... школа научила меня только писать и считать, да еще сдавать бесконечные экзамены»⁵.

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Вопросы остаются / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч в 11 т. — М., 2007. Т. 11. — С. 409.

² Материалы по теоретическим вопросам в связи с построением коммунистического общества в нашей стране. В области народного образования. Л. 2, 26.

³ Материалы о построении коммунизма, программных задачах и путях их реализации... Л. 5; Материалы о коммунистическом воспитании трудящихся и о преодолении пережитков капитализма в сознании людей. Л. 22.

⁴ Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким).

⁵ Стругацкий Б. О реформах образования // Коммерсантъ. 23 октября. 2011. — URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/823349-echo> (дата обращения: 12.07.2022).

Романтизированная образовательная модель, представленная в цикле «Полдень», основана прежде всего на том, что ученика следует вооружить познавательным методом и дать ему свободу для познания мира. Роль же куратора заключается в первую очередь в том, чтобы мягко направлять ученика в нужное русло, иногда давая ему простор для эксперимента, а иногда ограничивая его, если эксперимент заходит слишком далеко.

В полисе, ориентированном на строительство глобального проекта, кризис идентичности разрешается посредством формирования единой метакультуры, носители которой, сохраняя индивидуальные особенности и ценности встроженных культур, четко осознают приоритет перед ними ценности общего блага / глобального проекта. Возможные внутренние линии конфликтов в социуме снимаются через общую идентификацию и решение проблем и конфликтов с внешней средой.

Базовой отправной мировоззренческой основой философии И. Ефремова еще в ранних работах становится цивилизационная атмосфера Античности, истоков европейской культуры и отголосков Золотого века, утраченных знаний человечества. Первый цикл его рассказов получил соответствующее название «Эллинский секрет» (1942–1943). В центре, однако, не столько проблема поиска протокультуры как таковой, сколько проблема сведения на диалектических основаниях мистических явлений, существующих в сказаниях и легендах, отражающих обыденное сознание моряков (которым был в молодости и И. Ефремов), и характерного материалистического понимания действительности. Для него материализм не формальность, не элемент «двоемыслия», как любят утверждать иные исследователи эпохи. И. Ефремов, как и другие представители направления (например, А. Казанцев), ставит задачей найти материалистическое обоснование всему фантастическому в мифологическом смысле этого слова.

Эти поиски имеют и другую грань. Для И. Ефремова и А. Казанцева мир в определенном смысле всеедин: одновременно допуская существование разнообразия, предполагает возможность объяснения его единой рационалистической парадигмой¹.

¹ *Ефремов И.* Лезвие бритвы // Ефремов И. А. Собр. соч. в 5 т. Т. 4. — М. : Молодая гвардия, 1987. — С. 8.

И. Ефремов поднимает и разрабатывает предельно актуализировавшуюся сегодня проблему взаимодействия культур, отразившуюся в политико-философских концепциях глобализации и мультикультурализма и не нашедшую решения ни в одной из ныне существующих доктрин.

Так, И. Б. Фан, к примеру, пишет: «Обратной стороной глобализации гражданства становится процесс его дифференциации внутри государств, связанный с распространением “мультикультурализма”, требующего реализации прав граждан в соответствии с принципами культурной идентичности меньшинств. Гражданское общество вытесняется децентрированным мировым сообществом, наступает эпоха постгражданского общества. Возникает проблема жизнеспособности конституционного устройства и статуса гражданина национального государства, так как под напором глобальных процессов, включая усиление миграции, размываются институты и формы реализации прав гражданина». «Нарастает расхождение сознания денационализированных элит и национального самосознания рядовых граждан конкретных государств». «Массовый гражданин превращается в глобального потребителя, теряющего политическую автономию». «Результатом новых форм и технологий контроля над индивидом со стороны элит становится “конструируемый” индивид как пассивный участник политической жизни, замкнувшийся в частной сфере». «Глобальные процессы, происходящие в современном мире, непосредственным образом отражаются на содержании гуманизма как общечеловеческой идеологии и духовной ценности всех его составляющих элементов. Его реализация в данных условиях предполагает не только необходимость существенных ограничений и контроля над деятельностью человека, воспитание высокого морального сознания, но и поиск духовных ориентиров, наличие которых предполагает значимость гармоничного формирования личности».

Ту же проблему затрагивает М. В. Егунова: «Выступая на первый план в период откровенного преобладания техницизма и технократизма во всех областях человеческой жизнедеятельности, гуманистический аспект генезиса и функционирования индустриального и постиндустриального общества предопределяет перелом в трактовке ценностей значимости индивидуального бытия личности».

З. И. Латыпова в свою очередь пишет: «Сегодня в российском социокультурном пространстве все острее чувствуется потребность

преодоления стереотипов и догм прежнего типа социальности, ликвидации разрыва между политической практикой и общечеловеческими морально-этическим нормами. Такая потребность обусловлена необходимостью решения фундаментальных проблем современного общественного развития, которые тесно связаны с таким феноменом, как тотальное потребительство, порой замещающее собой многие иные формы социальной деятельности». И далее: «Известно, что проблема ценностей в предельно широком значении неизбежно возникает в эпохи трансформации социокультурной традиции и дискредитации прежних идеологических устоев общества. Поэтому основные трудности решения ценностных проблем состоят в том, что по способам своего бытия они имеют многоуровневый характер. Ценности существуют и функционируют объективно в практике реальных социальных отношений и субъективно осознаются и переживаются людьми как понятия, нормы, императивы, цели и идеалы, которые, в свою очередь, через сознание и духовно-эмоциональное состояние индивидов и социальных общностей оказывают обратное воздействие на все сферы человеческой жизни»¹.

Следуя этим путем, в дальнейшем И. Ефремов обращается к вопросам эстетики, формирования различных культур и поиску путей их взаимодействия в едином политическом пространстве Земли будущего. И. Ефремов, следуя за Ф. Энгельсом, обосновывает романтическую эстетику человеческого тела и эстетику вообще как результат подсознательного восприятия человеком целесообразности тех или иных предметов и в первую очередь самого человеческого тела, справедливо полагая, что эстетика не существует вне романтики и романтизм невозможен без своего эстетического восприятия².

Обосновывая по пунктам каждый из канонов красоты, сформировавшийся в сознании людей в разные эпохи³, и рассматривая в критическом ключе бытующие на тот момент в творческой среде

¹ *Фан И. Б.* Указ. соч. С. 3–4; *Егунова М. В.* Онтологические аспекты тоталитарной личности: опыт философского анализа : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.01. — Оренбург, 2010. — С. 3–4; *Латыпова З. И.* Формирование ценностных приоритетов человека в условиях становления общества потребления : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11. — Уфа, 2012. — С. 3–4.

² См.: *Ефремов И.* Лезвие бритвы... С. 66.

³ Там же. С. 100–115.

формальные эстетические концепты¹, И. Ефремов переходит к осмыслению культуры и искусства как производной от эстетических идеалов различных национальных культур:

«Чем труднее и дольше был путь слепой животной эволюции до мыслящего существа, тем целесообразнее и разработаннее высшие формы жизни и, следовательно, тем прекраснее... Давно уже люди Земли поняли, что красота — это инстинктивно воспринимаемая целесообразность строения, приспособления к определенному назначению. Чем разнообразнее назначение, тем красивее форма»², — переходя к осмыслению роли искусства³.

На третьем этапе осмысления И. Ефремов обращается к анализу возможностей существования кардинально различных эстетических представлений и культур. Для моделирования такой возможности он использует область непознанного пространства — космоса, который с популярной среди теоретиков 1960–1970-х гг. точки зрения может стать средой, порождающей различные, неспособные к взаимодействию и взаимопониманию культуры. Причина — кардинально различные условия формирования культур. Аргумент в пользу возможности такого формирования — историческая практика взаимодействия цивилизаций на разных континентах Земли, опыт европейской колонизации Индии и Америки, пропитавший творчество западных фантастов и футурологов:

«Красота тела — лучшее выражение расы через поколения здоровой, чистой жизни. В каждой расе в древности была своя отточенность, своя мера прекрасного, выработавшаяся в условиях дикого существования»⁴.

Тут стоит заметить, что И. Ефремов исходит из поливариантности эстетического идеала, а значит, и из поливариантности искусства, неразрывно связанного с эстетическим идеалом. В то же время он приходит к выводу, что, во-первых, никакая разница в среде не может привести к формированию культур настолько различных, чтобы понимание между ними было невозможно⁵. Только то существо,

¹ См.: *Ефремов И.* Лезвие бритвы... С. 114–118.

² *Ефремов И.* Туманность Андромеды... С. 172.

³ Там же. С. 279.

⁴ *Ефремов И.* Туманность Андромеды... С. 244.

⁵ *Ефремов И.* Сердце Змеи // Ефремов И. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. — М.: Молодая гвардия, 1987. — С. 422.

которое столь же высокоорганизованно и разносторонне развито, как человек, могло достичь развития науки, достаточного, чтобы выйти в космос. В этом построении одновременно кроется и его ответ на дискуссию «физиков и лириков», дискуссию о необходимости развития этических идеалов или научно-технического прогресса. Из вышеприведенной цитаты следует, что только органичное развитие обеих сторон человеческой природы, логической и этической, может привести к прогрессу, достаточному для дальнейшего продвижения исторического прогресса. Развитие только одной стороны человека принципиально невозможно¹. Там же И. Ефремов прогнозирует, что эта идея распространится в век расщепления, вскоре после второй великой революции, и тогда же приоритетом общества станет воспитание нового человека:

«Только низшие формы жизни очень разнообразны; чем выше, тем они более похожи друг на друга»².

Эти антропологические построения легко экстраполируются и на культуру, которая, как следует из других построений И. Ефремова, также является продуктом целесообразного развития человеческого общества. Культура в данном случае понимается в широком смысле — не только как совокупность продуктов человеческой деятельности, но и как политическая культура индивида, его ценностная система. Она, в свою очередь, становится основой для взаимодействия социальных групп. То есть культура общества будущего — метакультура — по определению едина, как представляющая собой обобщенный и разносторонне развитый вариант синтеза существующих сегодня культур.

Общество, смоделированное И. Ефремовым, если и похоже на антиутопические проекты «универсализации», то только в своих экономических аспектах. Именно культура общества Кольца многообразна и сохраняет в себе все черты включенных в нее культур: включаясь в общую структуру метакультуры, отдельные культурные конструкты становятся частью целого, перестают быть инородным объектом, который должен быть ассимилирован и унифицирован. Каждое отдельное культурное течение воспринимается как элемент общей метакультуры и имеет право на сохранение своих индивидуальных черт. Соответственно и носители метакультуры отдельные

¹ *Ефремов И.* Туманность Андромеды... С. 220.

² *Ефремов И.* Сердце Змеи... С. 423.

культурные течения воспринимают не как инородные или враждебные и не как девиантные, отличные от единого канона, но включают их в свое виденье мира во всем его многообразии.

И. Ефремов выходит на важнейший уровень синтеза идей многообразия и единства, опережая развитие дискуссии не менее чем на 50 лет, снимая поляризацию позднейших дискуссий, в которых сохранение культурной автаркии противопоставляется мультикультурализму, где первый подразумевает сохранение только автохтонности собственной культуры и неприятие альтернативных культур, а второй — идею толерантности и примирения с необходимостью сосуществовать в одном социуме с представителями враждебных культур. Его концепт интегрирует все культуры в одну, не лишая их самобытности. Ключевым становится восприятие культур, отличных от собственной, внутренней культуры, как своих, а не как чужих.

Концепт метакультуры И. Ефремова можно так же рассмотреть, как следующую стадию развития интегративного характера культуры, принятого в СССР: подкультуры включаются в метакультуру путем взаимопроникновения, соотнесения существующих в них концептов со схожими концептами соседней, но одновременного обогащения метакультуры новыми, отличными от ранее известных носителям господствующей культуры концептов, в итоге путем развития и сближения культур путем их взаимообогащения. Мультикультурность выступает в двух измерениях: как внешняя (отношения внутри Великого Кольца с мирами-союзниками внутри межзвездного сотрудничества) и внутренняя, составляющая синтетическое единство культур Земли.

***Политико-философский реализм
и контуры критического утопизма***

Научно-технический романтизм в своем эмоционально-возвышенном ощущении мира и ощущении своей миссии и возможности преобразования мира исходит из своего могущества во всех внешних соприкосновениях с ощущаемым и преобразуемым в мире. Уравнивание человека и мира через познание и научно-техническое развитие убеждает его в своем могуществе по отношению к природе; scientизм и познание законов общественного развития — в его возможности преобразования и ускорения развития социумов, которые

он может встретить на своем пути; антропологический оптимизм — в неограниченных возможностях человека как такового и его же просветительской обязанности улучшать встречаемые общества, отстающие в своем развитии от прогрессирующей Земли и способности людей других планет воспользоваться открытым им знанием; внутреннее триединство гуманизма и сциентизма — в неразрывности установки на прогресс и базовые гуманистические ценности.

При этом его ощущение развития убеждает его в неизбежности противоречивости, невозможности существования идеала без его жизненности, следовательно, и противоречивости. Научно-технический романтизм стал возможен лишь при обогащении взаимоотношения рационализма и эмоционализма пониманием диалектики как таковой. Все классики советского научно-технического романтизма — марксисты, для них явление невозможно без его внутренней противоречивости, поэтому так или иначе они приходят к вопросу о противоречивости любого явления, а потому и любого проявления силы.

В основе его в качестве комплексной политико-философской концепции лежит принятие трех специфических базовых тезисов: а) проблемы преемственности в научно-техническом романтизме, б) проблемы распределения ресурсов в полисе, основанном на научно-техническом романтизме; в) проблемы метакультуры — ответ на проблему идентичности в полисе, основанном на научно-техническом романтизме.

Последний конфликт в рамках концепции научно-технического романтизма может быть представлен одним из трех продуктивных конфликтов: 1) конфликтом с природой как пространством хаоса, освоение которого происходит посредством созидания; 2) конфликтом с непознанным, освоение которого происходит посредством познания; 3) конфликтом с полисами, кардинально отличными по своей ценностной системе от научно-технического романтизма, и конструкт внешней угрозы «антигорода».

К этой теме обращается И. Ефремов в «Туманности Андромеды», когда полис принимает единогласное решение отказаться от процветания сегодняшнего в пользу проекта Первой межзвездной экспедиции.

Ф. Кандыба в романе «Горячая земля» (1950) развивает, с одной стороны, тему единства политического времени, в частности, в научной преемственности поколений (проект основан на записях

геолога, погибшего во время Великой Отечественной войны, выходя на проблему внедрения в массовое сознание идей глобального конструирования, так как подобные конструкты рассчитаны, как правило, на несколько поколений, и главный из них, естественно, сам советский проект): поколение, которое вкладывает в проект труд, силы и жизнь, само, возможно, не увидит его плодов, что допустимо считать впоследствии одной из причин упадка идей глобального проектирования. Однако идея преемственности проекта и идеалов снимает этот момент. Ф. Кандыба выстраивает взгляд на ситуацию как бы с высоты, постулируя характерную для всего рассматриваемого феномена связь и единство политического времени: предлагая взгляд с точки зрения исторического процесса, позволяющий проникнуться мыслью о том, что без их вклада невозможно светлое будущее их потомков, так же как их работа невозможна была бы без использования вклада предшественников: созданное прошлым знание становится основой и богатством развития будущего.

Развитие и обогащение темы преемственности научных идей Е. Брандис отмечает во многих произведениях советской научно-фантастической литературы. Идею преемственности научных идей продолжает Н. Лукин в романе «Судьба открытия» (1951, 1958), противопоставляя судьбы двух талантливых ученых, инженера, жившего до революции, и советского химика, который находит записную книжку своего предшественника и считает своим нравственным долгом продолжить его опыты. Оба занимаются изысканиями в одной области. Преследуемый царскими властями «наставник» умер, так и не закончив дело, которому отдал жизнь, но труд его не пропал даром и в новых общественных условиях принес благие плоды. «Наследник» успешно решает проблему получения углеводов искусственным путем. Помимо обращения к проблеме преемственности Н. Лукин выдвигает идею позитивной истории, связи между наследием прошлого и настоящего, даже если это прошлое принадлежит устаревшему, с точки зрения современности, общественному укладу. Идеи, которые в прошлом не смогли дать ростки в силу отсталости самого общества, в настоящем могут стать катализаторами глобальных позитивных общественных трансформаций.

В. Крапивин в рассказе «Я иду встречать брата»¹ рассматривает проблему наследования в аспекте ее обращенности в будущее:

¹ Фантастика-1964. — М., 1964.

потеря близких объединяет героев — мальчика, чей брат отправился в межзвездную экспедицию, и космонавта, который вернулся из нее. Оба знают, что уже не увидят своих родных, но общность потери становится основой для объединения, один становится братом другому. Таким образом, В. Крапивин проводит прямую, связующую людей разных эпох (при условии существования обоих в системе ценностей научно-технического романтизма), и экстраполирует идею братства «не по крови» вперед во времени. Эта идея «некровного братства» также представляется системообразующей для ценностной системы научно-технического романтизма в сегодняшних условиях. Она становится основой для объединения полиса на базе идей общего блага, так как сам полис рассматривается в качестве семьи, и интересы его проецируются в иерархию интересов каждого индивида соответствующим образом.

Противоположный, обращенный в далекое прошлое аспект проблемы разрабатывает А. Казанцев: в течение более десяти лет он занимается разработкой темы «протокультуры» — культуры, легшей в основу различных цивилизаций современной Земли. Вычленив в них единые основания¹, А. Казанцев пытается смоделировать эту предцивилизацию. А. Казанцев конструирует три этапа развития цивилизации: протоцивилизация прошлого заходит в тупик, однако наследие ее становится основой для современной цивилизации Земли. На третьем цивилизация Земли выходит на новый уровень социального развития и оказывает помощь остаткам предцивилизации, погибающим на Марсе. Идея наследования и преемственности замыкается в круг: наследуя, полис Казанцева создает настоящее и будущее, не только замещая место предцивилизации, но и, опередив ее в этическом плане, оказывая ей помощь. До определенной степени это построение опровергают А. и Б. Стругацкие, которые заявляют о принципиальной непознаваемости такой протоцивилизации, а одновременно и о неузнаваемости будущего, таким образом разрывая единую линию прогресса, выстроенную А. Казанцевым. А. и Б. Стругацкие декларируют его антигуманизм.

В зарождающемся виде проблема противоречивости будущего общества заложена уже в замысле «Гостя из бездны» Г. Мартынова (1951), у И. Ефремова она поставлена в теме неизбежного выбора

¹ Наряду с ним в разное время это делал и ряд других ученых, например, Д. Кэмпбелл.

и его последствий в «Путешествии Баурджеда» (1953) и теме возможной утраты интереса к жизни в линии Дара Ветра в «Туманности Андромеды», но в развернутом виде она осмысливается уже А. и Б. Стругацкими в произведениях, продолжающих базовый роман «Полдня», начиная с «Далекой Радуги» (1962) и «Попытки к бегству» (1963) вплоть до последнего «Волны гасят ветер» (1985–1986), а у Ефремова акцентированно поставлена в предисловии и ряде фрагментов романа «Час Быка» (1968).

Диалектический сциентизм постоянно ставит перед ним вопрос о двойственности утверждаемых начал и представление об ответственности за его равновесие с заложенными в нем идеалами, о рождаемых его возможностями противоречиях: между возрастающим научно-техническим могуществом и естественным состоянием мира; между его возможностями познания и управления обществом и готовностью конкретного общества к подобному изменению; между моральной невозможностью для человека этого мира оставить без помощи страдающих людей отстающего в своем развитии общества и его же моральными ограничениями на использование того инструментария, который необходим для реального действия в подобном обществе; между ценностью восходящего развития социума и неизбежным разрушением ценностей предыдущего состояния.

Противоречие между возрастающим научно-техническим могуществом и естественным состоянием мира в произведениях научно-технического романтизма проявляется в трех отношениях.

Угроза реакции окружающего мира на нарушение природного статус-кво целенаправленным либо экспериментальным воздействием на его состояние, что рассматривается в первую очередь А. и Б. Стругацкими в повести «Далекая Радуга», где проводимые масштабные эксперименты приводят к катастрофической реакции энергетических полей планеты.

Угроза экологической катастрофы в результате бурного стихийного развития промышленности и энергетики социума: с подобного сюжета мертвой планеты Зирда, погибшей в результате мирного бурного развития атомной энергетики, И. Ефремов практически начинает первую из концептуальных утопий в период расцвета научно-технического романтизма — «Туманность Андромеды». Подобный же итог описывает А. П. Казанцев в последней книге этого ряда — «Спустя тысячелетие».

Об угрозе уничтожения планеты в ходе ядерной войны предупреждает И. Ефремов в «Сердце Змеи» и прологе «Туманности Андромеды», о ней в публицистике пишут А. и Б. Стругацкие и касаются ее в «Парне из преисподней», ее затрагивает А. П. Казанцев уже в «Пылающем острове», начиная с первого издания 1941 г., и адресно описывает ее в «Фаэтах» («Гибель Фаэны», 1973).

Противоречие между основанной на познании законов общества возможностью вмешиваться в развитие иных цивилизаций и правом этих цивилизаций на собственный путь в истории, готовностью конкретного общества к изменению осмысливается в наибольшей степени А. и Б. Стругацкими, которые ставят этот вопрос практически во всех произведениях, начиная с «Попытки к бегству» (1963) и до «Отягощенных злом» (1987).

Обозначенный конфликт в рамках концепции научно-технического романтизма может быть представлен одним из трех ранее названных развивающих конфликтов: 1) с природой, пространством хаоса, осваиваемого созиданием; 2) с непознанным, осваиваемым в процессе познания; 3) с полисами, ценностно иноподобными миру научно-технического романтизма.

Конфликт с природой

В большинстве случаев (и до определенного времени) конфликт человека и природы обозначается как базовый конфликт того или иного произведения, на основе которого происходит консолидация. Пример первого — рассказ «995-й святой» Ю. Цветкова: группа землян объединяется для терраформирования других планет. Один из героев гибнет, и обстоятельства заставляют другого, вернувшись на Землю, взять его имя и остаток жизни прожить с ним: общее благо важнее индивидуальной идентификации, ему же посвящена повесть «Черный столб» Е. Войскунского и И. Лукодянова и ряд других — модели отношений индивидов в полисе и полисов между собой. Примером объединения полисов на основе глобального проекта терраформации может служить «Арктический мост» А. Казанцева (освоение Арктики объединяет между собой СССР и США)¹. Темы освоения Арктики, пустынь и океана долго сохраняют особое значение для научно-технического романтизма.

¹ См.: Казанцев А. П. Арктический мост. — М.: Детгиз, 1959.

Борьбу с дикой природой кладут в основу консолидации полиса на разных этапах И. Ефремов, А. и Б. Стругацкие, Г. Гуревич.

С течением времени подход к этому вопросу усложняется и перестает быть однозначным. В своей наиболее позитивной форме он выражен К. Андреевым¹: «Человек борется с природой, но сам он часть природы, ее высшая форма». Вопрос о последствиях такой борьбы ставит Д. Биленкин в рассказе «Обыкновенная минеральная вода»: «Где-то в глубокой каверне создались условия, необходимые для зарождения жизни... как вдруг скрежещущий бур ворвался в каверну, хлынула в нее промывочная вода, и тонкий, только что зарождающийся процесс прекратился. Вынесенные на поверхность остатки этой жизни для буровиков не более чем “органические загрязнения”»².

Конфликт с непознанным

Тему борьбы с непознанным советские фантасты затрагивают неоднократно, хотя бы потому, что более чем в половине случаев их герой, модель антропологического идеала, — ученый³.

Мир Полудня не только желателен — он естественен как продукт прогресса. Но он не может быть его конечным пунктом. Это стадия, которая будет длиться достаточно долго, но которая сама будет иметь свои проблемы и свое будущее: «Коммунизм — это последняя и вечная битва человечества, битва за знание, битва бесконечно трудная и бесконечно увлекательная. И будущее — это не грандиозная богадельня человечества, удалившегося на пенсию, а миллионы веков разрешения последнего и вечного противоречия между бесконечностью тайн и бесконечностью знания»⁴.

¹ Андреев К. Бег времени // Фантастика-1963. — М.: Молодая гвардия, 1963.

² Биленкин Д. Обыкновенная минеральная вода // Фантастика-1964. — М.: Молодая гвардия, 1964.

³ См., напр.: Парнов Е., Емцов М. Уравнение с бледного Нептуна // Фантастика-1963. — М.: Молодая гвардия, 1963; Днепров А. Когда задают вопросы... // Фантастика-1963; Савченко В. Алгоритм успеха // Фантастика-1964; Жуков Д. Рэм и гений // Фантастика-1964.

⁴ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. От бесконечности тайн к бесконечности знаний // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 11. — М., 2007. — С. 502.

Постоянное поступательное развитие в этом обществе гарантируется тем, что предметы познания, в отличие от предметов потребления, бесконечно разнообразны, и насыщения ими произойти не может.

Однако, принимая в качестве базового тезиса необходимость познания и его значимую роль как для прогресса, так и для консолидации полиса, научно-технический романтизм ставит вопрос о том, где проходит граница, за которой познание теряет гуманность. Многократно повторяется им сюжет о допустимости принесения собственной жизни в жертву познанию, и разные авторы дают на него разные ответы. Так, в частности, его затрагивают Б. Зубков и Е. Муслин. Герой рассказа совершает открытие, способное толкнуть производство на десятки лет вперед, однако, открытые им бактерии оказываются смертельно опасны для человека. Его антипод, ученый-гуманист, стоит на позиции необходимости отказа от использования технологии, изоляции открытия и лаборатории: ученый-гуманист, как и ученый-фанатик, готов пожертвовать своей жизнью ради выполнения собственного медицинского долга, но считает невозможным ради развития производственных сил жертвовать жизнями других людей¹. Схожий вопрос, но относительно допустимости экспериментов над человеческими чувствами, ставит Р. Казакова в рассказе «Эксперимент»².

Конфликт с социумами, не основанными на политической культуре научно-технического романтизма

В рамках его в конечном счете можно увидеть три аспекта: 1) отношения развитого полиса с менее развитыми полисами; 2) отношения развитого полиса с полисами, близкими ему по технологическому уровню развития, но качественно отличными по уровню развития культуры (и здесь снова под культурой понимается вся совокупность аксиологических установок полиса, а не только ее материальный аспект); 3) отношения развитого полиса с полисами, настолько превосходящими его в развитии, что узнавание становится невозможным. Конфликт наиболее активно разрабатывают

¹ Зубков Б., Муслин Е. Вечная машина // Фантастика-1965. — М. : Молодая гвардия, 1965.

² Казакова Р. Эксперимент // Фантастика-1965.

А. и Б. Стругацкие, И. Ефремов, и А. Казанцев, а также ряд менее известных авторов.

Внешнеполитическая доктрина идеального конструкта А. и Б. Стругацких близка к аналогичной доктрине СССР своим романтико-просветительским покровительственным отношением. Проблема прогрессорства, экспорта революции, вмешательства/невмешательства в ход истории является одним из центральных моментов в политико-философских конструктах А. и Б. Стругацких.

Проблемы вмешательства/невмешательства в историческую судьбу менее развитых полисов рассматриваются начиная с 1962–1963 гг. в серии произведений: «Попытка к бегству», где герои сталкиваются с обществом на раннефеодальном этапе развития; «Трудно быть богом», где свой выбор приходится делать сотруднику Института экспериментальной истории, находящемуся в обществе, примерно адекватном уровню европейского развития XV–XVI вв.; «Обитаемый остров», где герои действуют на планете и в стране, пережившей атомную войну, на этапе развития, схожем с серединой земного XX в., и аналогично — в повести «Парень из преисподней», причем в последних двух произведениях речь идет уже о том, что они называют термином «прогрессорство» — деятельность по ускорению исторического прогресса отсталых обществ.

В «Попытке к бегству» авторы на примере построенной ими модели демонстрируют, что импульсивное вмешательство может нести гибель и несчастье тем, кому субъект действия пытается оказать помощь. Подробнее тему А. и Б. Стругацкие раскрывают в повести «Трудно быть богом». Четыре работы условно можно считать соответствующими четырем уровням рассматриваемых проблем.

Именно у них проблема морального выбора «прогрессоров» звучит наиболее драматично, выходя на особый экзистенциальный уровень в названии одной из ключевых книг «Трудно быть богом» и фиксируясь в «Интервью длиной в годы» (2007) Б. Стругацкого. Для Стругацких эта проблема многопланова и имеет несколько измерений: само право на вмешательство в судьбу другого социума; последствия вмешательства в непонятные для тебя условия, оцениваемые по общим критериям исторического развития; моральный выбор между спорным действием и отстраненным бездействием при виде страданий людей чужого социума; психологические последствия для самого «прогрессора», вынужденного использовать в своем действии средства, осуждаемые его же моралью; отношение

собственного социума к людям, во имя ценностей данного социума неизбежно вынужденных использовать для него же неприемлемые средства. Во всех случаях выбор остается трагичным, ответственность ложится тяжестью и драмой на личность и совесть осуществляющего выбор, и суть выбора в конечном счете оказывается в проблеме сохранения человеком своей человечности.

В более общем виде вопрос решается И. Ефремовым в «Часе Быка», обретя свои уровни: недопустимость примирения с инферно (в понимании И. Ефремова — состояние общества, в котором оно подчинено слепой игре на выживание, господству наиболее примитивных природных инстинктов, лишено возможности восходящего развития) в любых обстоятельствах; предельная нежелательность применения силы при вмешательстве в развитие чужого социума; максимальное содействие внутренним силам социума, способным на противостояние с инферно; незначимость своей жизни в борьбе за избавление социума от инферно:

«Мы оба, посвященные в знание, о каком нет и понятия здесь, не можем жить и быть свободными, пока есть несчастные. Как переступить порог высшей радости, когда тут целая планета в инферно, захлестываемая морем горя? Что против этого моя жизнь, ваша и всех нас?»¹ — и рождаемого им горя; необходимость применения силы, если неприменение ведет к более тяжелым последствиям; право социума самому выбирать пути борьбы против инферно.

А. П. Казанцев рассматривает тему вмешательства в его вынужденных, форс-мажорных аспектах, когда для активного начала его произведений практически не остается иного выхода. В основном этот момент рассматривается в его более поздних работах: «Донкихоты Вселенной» (1988), когда экспедиция землян оказывается на планете с совмещенными признаками земной истории XIV–XVI вв., где кризис развития начинает угрожать неизбежной социальной катастрофой, а также «Спустя тысячелетие» (1997), когда перед вернувшейся экспедицией встает вопрос реускорения развития деградировавшей до первобытного уровня земной цивилизации. В общем виде для А. П. Казанцева можно выделить два аспекта вопроса: вмешательство в жизнь социума возможно и необходимо для предупреждения катастрофы социума, использование насилия

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка // Ефремов И. А. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. — М. : Молодая гвардия, 1989. — С. 248.

в борьбе с реакцией и злом необходимо и оправданно (начиная еще с «Пылающего острова» во всех изданиях книги — от довоенного, где их носителями выступает Западная Европа, до последних послевоенных, где их носителями выступают США и мировая олигархия), поскольку реакция и зло имманентно являются носителями враждебной силы. Зло подлежит уничтожению, а поработанные им люди — освобождению и просвещению.

Противоречие между ценностью восходящего развития социума и неизбежным разрушением ценностей предыдущего состояния вытекает из общего, свойственного научно-техническому романтизму в его рациональной составляющей представления об исторической обусловленности аксиологии социума и классовом характере морали. Отсюда изменение условий жизни в ходе исторического прогресса ведет как к смене доминирующих в обществе групп, так и изменению доминирующих ценностных установок. При этом научно-технический романтизм в его эмоциональной составляющей сохраняет связь с историческими корнями его генезиса и включает в признание известной значимости любых ценностных оснований, значимых для человека. Неотвратимо поступательный характер прогресса ведет к созданию новых ценностей и разрушению значительной части ценностных представлений прошлого, что рождает противоречие и трагедию ценностного подчас для одних и тех же людей. Противоречие возникает в драматическом выборе человека между значимым для него привычным и обреченным — и значимым для него утверждением внутренних смыслов преобразуемого им мира. В наиболее четком виде Б. Стругацкий формулирует эту дилемму в «Интервью длиною в годы» (2007), комментируя смысл проблематики «Улитки на склоне» (написана в 1965 г.; полная публикация в СССР 1988 г., т. е. осмыслена Стругацкими еще в середине 1960-х), и она затрагивается при описании трагедии героя повести «Парень из преисподней» (1971).

В другой плоскости этот же вопрос совместимости/несовместимости психологического мира человека XX в. с миром будущего даже в случае общих для них ценностных оснований ставится еще Г. Мартыновым в «Госте из бездны» (1951–1962).

При этом для научно-технического романтизма, имманентно включающего в себя эмоциональную и гносеологическую связь с прошлым, эта выявленная дилемма решается после снятия этого противоречия через включение ключевых базовых ценностных

оснований прошлого в актуализированный ценностный ряд будущего. Для данного феномена создание нового мира предполагает не уничтожение старого, а высвобождение заложенных в нем и скованных им сущностных смыслов.

У И. Ефремова это звучит в обращении к теме наследия единой крито-индской культуры в «Туманности Андромеды», обращении к сущностному в человеке в «Лезвии бритвы» (1959) и «Таис Афинской» (1972), а аксиологический мир будущего рассматривается как результат векового преодоления человеком круга инферно, прорыв возвышенно-человеческого через низменно-животное («Час Быка»).

Препятствия на пути движения в будущее

Характерный для научно-технического романтизма постулат постоянного преодоления сдерживающих начал движения в будущее, посыл высвобождения возвышенных смыслов из низменной реальности сам по себе предполагает признание препятствий на пути движения в будущее: мир несовершенен не в силу его внутренней порочности, а в силу сковывающих его кругов инферно, ограничения возвышенного низменным, требующих преодоления социумом и человеком имеющихся конкретных для каждого этапа конкретных препятствий.

Если всегда считалось, что для утопий характерно описание идеального мира при абстрагировании от вопроса о путях движения к нему, научно-технический романтизм явно выходит за эти пределы, а Стругацкие, обратившись к теме препятствий, практически первыми поставили вопрос о препятствиях на пути от социализма к коммунизму.

Применительно к эпохе расцвета художественной классики научно-технического романтизма (1950–1960-е гг.) А. и Б. Стругацкие фиксируют эти препятствия в публицистике 1960-х и серии сатирических произведений от «Стажеров» (1962), «Хищных вещей века» (1965), «Сказки о Тройке» (1968, 1969) до «За миллиард лет до конца света» (1976).

У А. П. Казанцева тема рассматривается в трех вариантах: проблема нравственного раскола в условиях борьбы мировых олигархических групп в «Фаэтах», проблема раскола при выборе приоритетов возрождения цивилизации после гибели Фаэны и проблема раскола

«физиков и лириков», призывом к преодолению которого является его трилогия 1980-х гг. «Клокочущая пустота», включившая в себя романы «На острие шпаги» (1984), «Колокол Солнца» (1985), «Иностранец» (1986).

Концентрированно проблему формулирует И. Ефремов во вступлении к «Часу Быка»:

«Немалое число научно-фантастических произведений, от мелких рассказов до крупных романов, где Счастливое коммунистическое будущее достигнуто как бы само собой... Своим романом мне хотелось возразить таким произведениям... Невообразимая сложность мира и материи, потребует исполинской работы для существенных шагов в познании... Переход к бесклассовому коммунистическому обществу и полное осуществление мечты основоположников марксизма о “прыжке из царства необходимости в царство свободы” не просты и потребуют от людей высочайшей дисциплинированности и сознательной ответственности за каждое действие»¹.

Для утверждения идеалов научно-технического романтизма в его борьбе за высвобождение и утверждение смыслов и идеалов возвышенного в человеке: а) исходным препятствием становятся реалии общества потребления, гипертрофии потребления, в котором стремление человека к самореализации реализуется через реализацию в потреблении как основной жизненной ценности; б) сопутствующей ей оказывается замена реализации в творчестве — квазиреализацией во влиянии, выражающейся в нарастающей бюрократизации общества; в) замещение духовного возвышающего развития тиражированием образцов массовой культуры, уводящее восприятие и развитие человека от погружения в большие смыслы к погружению в упрощенно-развлекательное.

А. и Б. Стругацкие выделяют две характерные черты будущего человека: любовь к труду, активная жизненная позиция и интерес ко всему, что происходит вокруг, соответственно, идеи об ограниченном рабочем дне в идеальном обществе Стругацкие решительно отвергают: «Странно было слышать разговор о четырехчасовом рабочем дне. Уже сейчас есть люди, которым не хватает суток для творчества»,² — расширяя понятие труда, признавая необходимым

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 6–7.

² *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Человек нашей мечты: встреча писателей-фантастов.

и то, что сегодня можно было бы назвать домашним трудом и трудом интеллектуальным: «Важно понимать: ситуация меняется. Лозунги, что труд облагораживает, а кто не работает, тот не ест, в экономически наполненном обществе теряют смысл. А если вы хотите созерцать, думать? А если вы хотите сидеть дома и воспитывать детей? Понятие работы меняется. Как меняются все понятия...»¹. Уже в 1987 г. они комментируют этот аспект мира Полудня в статье «Вопросы остаются»². Как метод борьбы с обществом потребления Стругацкие видят и систему воспитания: «Мещанин в человеке будет уничтожен. Он не выдержит борьбы с развивающейся экономикой и наукой о воспитании человека в человеке»³. Человечество, по их мысли, уже способно вполне удовлетворить материально каждого из своих членов. И если это не имеет места, то только благодаря укоренившемуся способу несправедливого распределения в странах, где еще не построен социализм. Придет час, когда материальные блага перестанут быть объектом борьбы. Уровень науки того периода и темпы ее развития позволяют писателям предполагать, что это состояние будет необходимо достигнуто. «Если войны не будет, то рано или поздно человечество вступит в новый этап своего развития, когда материальное изобилие перестанет быть проблемой, как никогда не был проблемой, скажем, воздух»⁴.

Второе препятствие на пути к обществу познания — массовая культура. Противостояние примитивизма как ее сущностной составляющей — началу возвышенного как сущностной характеристике романтизма. По их мнению, опасность гипертрофии потребительских ценностей — в первую очередь в создании массовой культуры, опускающей ее до минимизированного и легкодоступного уровня, когда ее достижения начинают работать не на развитие духовного мира и интеллекта человека, а на его примитивизированное развлечение: «Скачок в уровне материального обеспечения, вызванный НТР, не был подкреплён колоссальной и кропотливой воспитатель-

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Прогноз // Огонек. 1989. № 52.

² Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким).

³ Стругацкий А., Стругацкий Б. Через настоящее — в будущее // Вопросы литературы. 1964. № 8.

⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б. От бесконечности тайн к бесконечности знаний // Собр. соч. Т. 11. С. 502.

ной работой и застал население многих развитых стран врасплох. Так появился Массовый Сытый Невоспитанный Человек»¹. Она приведет к катастрофе, если развитие культуры и морали будет отставать от развития материального благополучия и материальных потребностей.

По их мнению, уже тогда, в 1970-е гг., пришло время от решения материальных проблем обратиться к решению проблем культурных, а от удовлетворения физиологического голода — к удовлетворению духовного, превращающегося в устремление большинства.

«Преимущество духовного голода» перед материальным Аркадий и Борис Стругацкие видели в двух аспектах: во-первых, объекты духовного голода гораздо более разнообразны; во-вторых, удовлетворение духовных потребностей лишь разжигает и углубляет тягу к ним, новому обществу не будет грозить никакой застой, и оно будет развиваться прогрессивно и с ускорением². Эту же мысль они повторяют в статье «Знакомые черты будущего»³.

Более того, они отмечают обратное: повышение уровня благосостояния, по их наблюдениям, вело к снижению культурного уровня в СССР. Угроза массовой культуры ставит под сомнение их антропологический оптимизм. В какой-то момент они приходят к выводу, что представлявшаяся им картина не так проста, и насколько обоснован был их тезис, что человек обязательно будет становиться добрее, не говоря о том, что изначально было ясно отсутствие прямой зависимости этого от увеличения количества материальных благ.

Опасность общества потребления и распространения массовой культуры для Стругацких имеет и свое социальное выражение: это те, кого они определяют как «Массового Сытого Невоспитанного Человека», «мещанина» или «кадавра, не удовлетворенного желудочно». Люди получили доступ к материальным благам, но культура их осталась на прежнем феодальном уровне. На протяжении 1960-х гг. распространение этой социальной группы Стругацкие считают

¹ Стругацкий А. Новые человеческие типы // Вопросы философии. 1976. № 10; Вопросы литературы. 1976. № 11.

² Стругацкий А., Стругацкий Б. Человек и общество будущего... С. 579.

³ Стругацкий А., Стругацкий Б. Знакомые черты будущего // Наука и религия. 1986. № 4.

главной угрозой на пути создания общества познания, с которой призывают активно бороться¹.

«Массовый сытый человек» — «стадо пожирателей вкусной еды, для которых главное в жизни — поменьше думать и побольше развлекаться»: в представлении Стругацких и были тем, что утвердилось как социальная опора общества потребления и носитель массовой культуры, двух основных препятствий на пути реализации идеального конструкта Стругацких. Их устранение требует целенаправленной политики в первую очередь по просвещению и воспитанию со стороны общества и власти. Подобная политика возможна, если носители власти являются носителями противоположного идеала и обладают, с одной стороны, целями, с другой — способностями противостояния данным началам.

«Трудно быть богом» анализирует аспект противостояния власти и культуры, «Второе нашествие марсиан» предупреждает о незримой бюрократизации как неосознанном, почти не проявляющемся, но окутывающем всё начале.

По их мысли, бюрократизации подвергается и сам коммунистический идеал, и процесс движения в будущее. Первый в том отношении, что идея свободного труда как естественной потребности человека превращается в идею исполнения любых указаний власти. Второй — в обесмысливании самой организации такого движения. Противопоставление в повести «Улитка на склоне» леса как метафоры непознанного будущего и управления как пытающегося его постичь настоящего. Управление в повести создано для познания леса, но не может решить задачу и потому, что большая часть его работы связана с абсолютно иррациональной внутренней деятельностью, претендующей на рациональность, но лишенной какого-либо смысла. Целью деятельности управления становится существование управления, а не выполнение им задач, ради которого оно создано.

Стругацкие, так или иначе, ощутили и поставили вопрос о том, что описываемое ими властное начало, даже когда субъективно ощущает необходимость движения общества к более высокому уровню общества познания, объективно не может этот переход обеспечить: потому что само стремление создать общество, где каждому человеку созданы все условия для все более полного развития, осознает только как общество, где человеку создаются условия все большего

¹ Напр., таким призывом является роман «Хищные вещи века».

потребления. Не понимая, что человек может работать и приносить пользу обществу потому, что ему это интересно и отвечает его потребности, оно уничтожает данное делание и данную потребность.

Наращение критичности отношения Стругацких к существовавшей власти и было вызвано ее несоответствием данным требованиям, вызванным, с одной стороны, недостатком бережного отношения к культуре, с другой — воспроизведением в ней начал, препятствовавших строительству коммунизма.

Решающую роль в его достижении должна сыграть великая теория воспитания. Хотя теория воспитания — в первую очередь именно педагогическая концепция, связанная с воспитанием детей, определенное содействие развитию нравственности должна оказывать и литература. Причем Аркадий и Борис Стругацкие ставят своей задачей не столько передачу каких-либо нравственных ценностей, сколько обучение людей анализу: «Мы должны заставить людей думать глубже, мыслить шире, воспитывать отвращение к грязи и невежеству». И далее: научить контролировать слепые инстинкты, привить убеждение в том, что другой человек — его товарищ и друг, а цель его жизни — познавать на благо людей, дать как можно больше пищи для утоления духовного голода человечества¹.

См. также: «К сожалению, мало кто из них отдает себе отчет в том, что искусство, являясь наряду с наукой основным методом познания действительности, призвано совершать поистине титаническую работу в области перевоспитания людей в коммунистическом духе, что без искусства никогда не будет коммунистического человека, а выйдет в лучшем случае добросовестный ограниченный инженер американского типа, не желающий от жизни ничего, кроме развития по своей узкой специальности, и на все остальное взирающий лишь с точки зрения потребительской, самодовольный мещанин без вкуса, без способности к тонкому чувству, без творческого воображения»².

Без нее, великой теории воспитания, с точки зрения научно-технического романтизма, данные факторы в условиях увеличения свободного времени, политического раскрепощения и быстрого

¹ *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Человек и общество будущего... С. 579.

² *Стругацкий А.* Письмо матери от 8 апреля 1962 // Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. ... С. 539. *Стругацкий А.* Рецензия на повесть Н. Разговорова «Четыре чтырки»... С. 12.

доступа не всегда подготовленных масс к возрастающему объему культурных благ приводят к замещающему удовлетворению: а) потребности в познании и создании — потреблением; б) потребности в утверждении себя на фоне мира — обретением мелочной власти над согражданами; в) потребности в ощущении и реализации возвышенного — зрелищно-развлекательным.

Массовый сытый человек, массовая культура и массовая бюрократизация, кроме частных проблем, несет в себе опасность более общего плана в двух отношениях.

Первое — разрушение романтичности, т. е. опасность отказа от восприятия мира с позиции эмоционально-возвышенного мироощущения. Разрушение готовности к смысловому целеполаганию означает отказ от целевой доминанты преобразования мира в соответствии со смыслами идеального политического конструирования.

Второе — разрушение единства рационального и эмоционального, раскол социальной составляющей движения научно-технического романтизма, компонентов гуманитарно-эмоционального и технорационального начал самого феномена.

Таким образом, разрушаются два базовых принципа, выступающие для научно-технического романтизма смыслооснованием созидания будущего.

Первый — стремление к познанию, обеспечивающее технический и социальный прогресс. Второй — единство сапиенистического и романтического, ориентированное, прежде всего, на создание разумного политического устройства, — но разумного политического устройства и самоорганизации людей, живущих не ради потребления и прибыли, а ради созидания и романтической увлеченности миром и творчеством, основанного на познании законов социального развития.

Видение прогресса и его сущностных начал в концепте научно-технического романтизма

В своем осмыслении и конструировании мира научно-технический романтизм видит политический идеал будущего общества как вытекающий из познания прошлого, как решение проблем прошлого, но лишенный абсолютности и предполагающий свое дальнейшее развитие, с одной стороны, но и предполагающий преодоление препятствий для своего достижения.

С точки зрения данного политико-философского феномена, развитие и восхождение являются постоянными атрибутами существования социума, то есть атрибутом социума является прогресс, постоянное движение в будущее, что в своем политико-философском осмыслении включает в себя: а) философский прогрессизм как признание естественности и неизбежности поэтапного развития социума, восходящего от одной ступени своего развития к другой, более высокой; б) исторический детерминизм как неотвратимость прогресса, который может быть ускорен либо замедлен действиями людей, и его определенное безразличие к их морали и ценностям; в) проблему узнавания будущего, связанную с тем, что, даже когда человек стремится к будущему, пытается понять и познать, он достаточно часто не может его узнать и понять, когда это будущее с ним встречается; г) вытекающую из этого проблему страха перед будущим и его последствия.

Всем направлениям научно-технического романтизма характерен философский прогрессизм как признание естественности и неизбежности поэтапного развития социума.

И. Ефремовым прогресс изначально понимается как «противоречивая история развития производительных сил вместе с формированием идей, искусства, знания, духовной борьбы за настоящего человека и человечество», общая идея которого описана в «Лекции Веды Конг» («Туманность Андромеды»)¹. Ко времени написания «Часа Быка» он развивает видение прогресса концепцией освобождения от инферно («подлинный прогресс, то есть подъем из инферно»)² и тезисом о «пороге Синед Роба», согласно которому общество, не обеспечившее свое моральное благополучие, обречено самоуничтожиться, достигнув рубежа выхода в межзвездный космос³.

Для А. и Б. Стругацких он фигурирует в их публицистических статьях, постулатах и деятельности Института экспериментальной истории («Трудно быть богом») и упоминаемой в «Обитаемом острове» теории исторических последовательностей⁴.

¹ *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды... С. 38–51.

² *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 287.

³ Там же. С. 273–274.

⁴ *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Обитаемый остров // Собр. соч. в 11 т. Т. 5. — М., 2001. — С. 445.

А. П. Казанцев рассматривает прогресс в первую очередь как развитие производства:

«Гор Зем не переставал строить грандиозные планы технических свершений, которые некому было здесь исполнять: не было ни мастерских, ни помощников, а потому не могло быть прогресса, цивилизации»¹, — в сочетании развития техносферы с политическими условиями социума справедливости, описывая гибель Фаэны как результат искаженных политических условий, соперничества двух олигархических сверхдержав в условиях, когда появление первого на планете государства, основанного на «учении Справедливости», оказалось недолговечным и было замещено олигархическим режимом «учения ненависти».

Для всех классиков научно-технического романтизма прогресс видится как естественное состояние общества, но для сциентизма Стругацких он в большей степени определяется действиями исторических последовательностей, хотя двигателями научно-технического прогресса в первую очередь являются математика, физика, биология, химия, чистого научного прогресса недостаточно для создания идеального общества, необходимо воспитание морали и нравственности людей, а такое воспитание может дать только культура²; для Ефремова — процесс совокупного развития производительных сил совместно с формированием идей, искусства, знания, духовной борьбы и освобождения человека из-под порабощения природно-низменным, для Казанцева — в первую очередь он равнозначен научно-техническому прогрессу, но при создании адекватных идейно-политических условий.

Можно сделать вывод, что для каждого из них прогресс означает не отбрасывание прошлого и не автоматическую смену настоящего противостоящим ему будущим с автоматическим отрицанием традиционности. Научно-технический романтизм, обращая фокус своего внимания на политическое время будущего, последнее рассматривает как, с одной стороны, вырастающее из достижений прошлого, с другой — создаваемое действиями настоящего, поэтому его можно рассматривать как соединяющий политическое время прошлого, настоящего и будущего. У И. Ефремова, среди

¹ Казанцев А. П. Фаэты. — М., 1998. — С. 125.

² Стругацкий А. Рецензия на повесть Н. Разговорова «Четыре четьрки»... С. 12.

прочего, это выражается в самом чередовании тем исследования: «Путешествие Баурджеда» (1953) и «На краю Ойкумены» (1949) — прошлое, проблема базового ценностного выбора, «Туманность Андромеды» (1957) — идеал и ценности будущего, «Сердце Змеи» (1958) — обращенные в будущее проблемы настоящего, «Лезвие бритвы» (1959–1963) — сущностные основания природы человека во времени от прошлого к настоящему, «Час Быка» (1968) — тематика единства и общих законов истории, перенесенное в будущее предупреждение об угрозах отказа от восхождения к нему от настоящего, «Таис Афинская» (1972) — прошлое, сохранение сути человечности на фоне смены эпох. Отдельно можно обратить внимание на символическую переключку названий обращения к прошлому и обращения к будущему: если первые произведения, обращенные в прошлое, имеют общее название «Великая дуга», то обращенные в будущее — «Великое кольцо», то есть, по мысли И. Ефремова, в прошлом, в начале истории человеческой цивилизации, начинается выход человека и его сознания за рамки привычного замкнутого мира («Путешествие Баурджеда» и «На краю Ойкумены»), в будущем — до открытого союза высокоразвитых внеземных цивилизаций («Туманность Андромеды», «Сердце Змеи» и «Час Быка»).

Для Стругацких фокус, безусловно, перенесен в будущее, причем, начиная с описания рассвета («Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры»), конца XX — начала XXI в., они достаточно быстро переносят внимание на XXII в. Однако уже во втором произведении цикла «Полдня», «Попытке к бегству» (1962), они формулируют постулат единства прошлого и будущего, которым ее заканчивают: никто не имеет права на подарок в виде счастья будущего, не выполнив свой долг в прошлом. «Понял, что не может здесь в ласковом и теплом мире отсиживаться, пока там, в его настоящем мире, стреляют и льется кровь, — вернулся, чтобы выполнить свой долг»¹.

Для А. П. Казанцева с его научно-техническим инженерным мышлением связь прошлого, настоящего и будущего приобретает своего рода инженерно-механический характер: все они существуют

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству // Собр. соч. в 11 т. Т. 3. — С. 102. См.: Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. — М.: АСТ. 2009. — С. 156.

одновременно в рамках описанного им в «Иномирах» и затронутого в «Возвращении в грядущее» многомерного кристаллического пространства, в определенных условиях допускающих взаимопроникновение. Главное в конструкции — взаимосвязь, невозможность разделенного существования. В каком-то смысле наиболее развернуто состояние описывается в последней книге «Звезда Нострадамуса» (2000), в которой крупные исторические фигуры показаны как существующие на «перекрестке времен» и ощущающие свою связь с будущим, которых знание и ощущение будущего приводит одних к непониманию, как Нострадамуса, других к трагедии, как Александра I, третьих — к победам и прорыву в будущее, как В. И. Ленина.

Осмысление позиционирования научно-технического романтизма в видении прогресса и отношениях с политическим временем позволяет предположить, что его нельзя отнести ни к линейному представлению о политическом времени и прогрессе, ни к циклическому, ни к цивилизационно-спиральному. Скорее, учитывая, что те же Стругацкие видят принадлежность будущего «вертикальный прогресс», в целом для научно-технического романтизма прогресс имеет характер «гиперболического», то есть постоянно наращивающего ускорение. Однако в его рамках не происходит разрыва между ценностно-антропологической и инструментально-технической составляющей: развитие последней не снижает, а повышает роль первой, расковывая и освобождая ее, и чем больше она освобождается, тем более ускоряет развитие цивилизации.

Понимание движения по пути прогресса как естественного состояния общества, в ходе которого раскрывается и реализуется антропологическое начало, творческий потенциал человека как такового, ставит вопрос о степени исторической детерминированности данного движения.

Для сциентизма А. и Б. Стругацких проблема осмысливается в двух аспектах, с одной стороны, как естественная логическая последовательность ступеней восхождения общества, что соответствует и используемому ими термину «теория исторических последовательностей», с другой стороны, как непреодолимость движения истории (образ Дороги машин в «Попытке к бегству»), тезис о том, что, вне зависимости от нашего отношения и наших действий, в конечном счете «вал прогресса» с неизбежностью сметает все отжившее («Улитка на склоне», финал «Гадких лебедей»). Наряду

с этим и их антропологический оптимизм, и имманентный для них диалектический метод предполагают определенную «человекозависимость» прогресса (монолог Колдуна, диалог Странника и Каммерера в «Обитаемом острове»): он всегда побеждает, хотя формы и сроки его утверждения зависят от реализации его требований человеком.

И. А. Ефремов видит путь прогресса как путь обоснованных возможностей. В рамках его концепции инферно общество встает перед выбором:

«...начавшееся развитие общества обязательно или переход в высшую, коммунистическую форму, или всеобщая гибель? И ничего другого?»

— ...Бывали периоды долгого смятения, убийственных войн, отбрасывавших человечество некоторых планет назад, в нищету и одичание. Начиналось новое восхождение, новая война... Эту деградацию потомкам приходилось исправлять веками, несмотря на беспредельное могущество высшей общественной формы и помощь разума Великого Кольца.

— Но и тут приход этой формы коммунистического общества был неизбежен?

— Разумеется!»¹ — оно либо прорывается из инферно по пути прогресса к новому обществу, либо деградирует и гибнет. По его мысли, погибнуть могут отдельные цивилизации, не сумевшие пойти по пути прогресса, но не человечество в целом². При этом сама концепция инферно предполагает ее не как стабильно-застывшее общество антипрогрессизма. Опасность состояния инферно не в отсутствии развития как такового, а в приобретении ими замкнутого характера, когда развитие техники и организации обостряет чувства человека и ведет к увеличению суммы страданий общества, когда любой шаг вперед оказывается увеличением страдания человека, выход из чего достигается, по мысли И. Ефремова, только созданием «условий для перевеса не инстинктивных, а самосовершенствующихся особей», что, по его же мысли, «могло помочь сделать великий шаг к подъему общественного сознания»³.

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 11–12.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 105.

Для А. П. Казанцева сама проблема детерминированности/недетерминированности истории в философском плане не существует: исторические закономерности для него — априорная данность, а прогресс — естественный путь движения человечества. При этом он определяет два условия, когда это движение, вытекающее из действий самих людей, может быть остановлено. Первое, если исторические обстоятельства складываются так, что не успевает сложиться мировой политический субъект, основанный на идеях разума и справедливости, и тогда мир оказывается расколот на противостоящие олигархии, уничтожающие его в атомной войне («Фаэты»). Второе, если утвердившееся общество, даже основанное на позитивных идеях, отказывается от проектного пути развития, подчиняя себя ценностям потребления и погоне за энергоресурсами, что приводит к планетарной катастрофе (трилогия «Возвращение в грядущее»), о возможности которой А. П. Казанцев предупреждает уже в авторском послесловии к «Фаэтам»:

«Бездумное развитие цивилизации веками уродует Природу. Во имя сиюминутных выгод, в ненасытном стремлении иметь все больше энергии, металла, хлопка, химических средств, для комфорта насилуется плодородие земли, возникают “рукотворные моря”, поглощая целые страны плодородия с городами и селами, исчезают природные моря (Аральское!), и как бы в отместку превращая в пустыни те же хлопковые поля, ради орошения которых лишилось бывшее море животворных вод. Мелеют и засоряются великие реки, стал “сточной канавой” поэтический Рейн, отравлены Великие озёра в Америке, и проносимые над ними кислые дожди губят все живое. Но страшнее всего, что гибнут и океаны с просторами обитания планктона и водорослей, которые поглощали избыток углекислоты. ...А бесчисленные энергоустановки продолжают сжигать топливо и вместе с сотнями миллионов автомобильных двигателей пополнять смертоносный слой углекислоты, уже не поглощаемой поредевшей земной растительностью. Земле грозит не только ядерная война!»¹

С точки зрения научно-технического романизма, человек в отношениях с прогрессом оказывается в каком-то смысле в двоя-

¹ Казанцев А. П. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. — М. : Детская литература, 1989.

ком отношении. Первое — это отношение человека как создающего в своем сознании новый мир и реализующего в своем воздействии на окружающую реальность свои идеальные конструкции. Второе — отношение человека, осуществляющего в своем отношении к миру активное преобразующее воздействие, но лишенное стратегических смыслов преобразования мира. Третье — отношение человека, подчиняющегося миру как неизменяемой данности.

Первый выступает как знающий и свободный, второй — свободный, но не знающий, третий — не знающий и не свободный. Соответственно, первый из них обладает знанием не только о являющемся ему мире, но и о том состоянии, в которое он мир приводит, но он не знает в полной мере того нового, что станет новыми противоречиями созданного им мира, поскольку последний еще не стал объектом его изучения и познания. Второй обладает частичным знанием о том, что он хочет от мира получить, но не обладает знанием о том, каким он хочет мир сделать и каким этот мир станет. Третий обладает лишь знанием о факте своей подвластности миру и, если и готов через эту подвластность узнавать мир в его данном состоянии, не готов узнавать то или иное будущее состояние мира, даже когда с ним встречается.

Каждый из них находится в поле взаимоотношения с прогрессом, то есть с будущим, но каждый из них в той или иной степени не готов, встречаясь с неизвестным в этом потоке, в полной мере его узнать и оценить. У А. и Б. Стругацких это находит свое выражение в «Улитке на склоне» и «Гадких лебедях», у И. Ефремова — в описании действия «Стрелы Аримана», под которой имеется в виду действующая в низкоорганизованных, основанных на антагонистических конфликтах обществах тенденция каждое действие, хотя бы внешне гуманное, оборачивать «бедствием для отдельных людей, целых групп и всего человечества. Идея, провозглашающая добро, имеет тенденцию по мере исполнения нести с собой все больше плохого, становится вредоносной»¹, превращая во зло добрые намерения субъекта действия, и может быть преодолена только стратегическим действием, основанным на понимании смыслов и целей оказываемого на мир воздействия:

«Тщательнейшим взвешиванием и продумыванием наперед каждого дела, охраной от слепой игры. Вы должны начать

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 286.

с воспитания, отбирая людей, сберегая и создавая охранительные системы»¹.

Проблема узнавания будущего, поставленная в первую очередь Стругацкими, оказывается разной и воспринимается по-разному в рамках каждого из этих отношений. Носитель первого подхода, несущий в себе сознание научно-технического романтизма, встречаясь с будущим, узнает свой проект, но не узнает его новые особенности, реализовавшиеся в итоге действия, но не сконструированные в изначальном проекте. Однако само сущностное эмоционально-возвышенное начало встречает неожиданное как подтверждение возвышенности и новый объект для раскрытия и уточнения смыслов, его спасает эмоциональность и романтичность.

Носитель второго скорее не узнает мир, деформированный его воздействием, и теряет способность к рациональному действию, попадая в плен к тем или иным видам иррациональности, испытывая разочарование в своей созидательной способности и пугаясь самой попытки собственного изменения мира.

Третий, встречаясь с неизвестным ему и не связанным с его действием, испытывает страх перед миром в целом и, лишенный рациональности, испытывает страх и перед любым масштабным действием, и перед будущим как таковым.

Первый человек, встречаясь с неизвестным и еще непознанным, испытывает стимул к его познанию как началу неизвестного: не узнав деталей будущего, он стремится их познать, совершая описанное Стругацкими движение от бесконечности тайн к бесконечности знания, находясь в естественном для себя состоянии удовлетворения потребности в познании.

Второй и третий в разной степени теряются и испытывают блокирующий их деятельное начало страх: они боятся и способности к действию, и будущего, и попытки движения в будущее, оказываясь в тупике движения по кругу в рамках мира инферно.

У А. и Б. Стругацких этот эффект описан изначально в «Улитке на склоне» и раскрыт подробнее в их антиутопиях, «Обреченных мирах», но в философской форме выражено в повести «За миллиард лет до конца света»:

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 287.

«И сказали мне, что дорога эта ведет к Океану Смерти. И я убоился и повернул обратно. И с тех пор тянутся передо мной глухие кривые окольные тропы»¹.

Как представляется, они утверждают, таким образом, что прогресс неотвратим не потому, что может осуществиться без воли людей и помимо их воли, а потому, что, если люди, безусловно обладающие свободой воли, делают выбор в пользу отказа от него, они делают выбор в пользу собственного расчеловечивания, испугавшись проблем мира Полдня, и оказываются обречены на регрессивное существование в сумраке тупиков исторического развития. Романтизм поиска неизбежно должен оказаться и оказывается романтизмом риска. И получить выигрыш в этом поиске способен лишь тот, в ком есть способность принять на себя ответственность за возможный проигрыш.

У И. Ефремова именно страх перед наступающим изменением мира заставляет бежать с Земли предков будущих жителей Торманса:

«Безумное предприятие беглецов с Земли, фанатиков, не захотевших покориться неизбежному ходу истории, увенчалось успехом...»².

А. П. Казанцев показывает страх перед прогрессом как остаточный эффект «цивилизации матерей» — общества уцелевших на Марсе фаэтов, спасшихся после гибели их планеты, но наложивших запрет на развитие научно-технического прогресса и вымирающих в условиях марсианских подземелий.

Можно сделать вывод, что, создавая в рамках альтернативного политического конструирования образ идеальной модели будущего, советский научно-технический романтизм этот идеальный мир рассматривает не как идеализированно лишенный проблем и возникающий как неожиданный подарок истории, но как политико-философское осмысление того мира, который может создать человечество, как глобальный проект преобразования мира. При этом носители данного политико-философского феномена не только предлагают идеальный образ, но и реалистически оценивают (особенно А. и Б. Стругацкие в создаваемой ими критической утопии) неизбежные проблемы и противоречия нового мира, как и лежащие

¹ Стругацкие А. и Б. За миллиард лет до конца света // Собр. соч. в 11 т. Т. 7. — М., 2007. — С. 352.

² Ефремов И. А. Час быка... С. 27.

на его пути препятствия и неизбежные страхи определенных социальных групп. Конструируемый их воображением мир не носит характер произвольно-желаемого, но выступает неотъемлемой частью движения прогресса, сутью которого для них является, используя терминологию И. Ефремова, прорыв из inferno, освобождение человека от порабощения замкнутым кругом увеличения страданий и прорыв его возвышенно-человеческого через низменно-животное.

В случае реализации ранее обозначенных параметров движущей силой прогресса станет стремление к познанию. Общество познания при этом не является диктатурой технократизма, каковую А. и Б. Стругацкие рассматривают отдельно как одно из отклонений от магистральной линии исторического прогресса.

Выводы по разделу

Подводя итог, можно сказать, что в рамках политической философии научно-технического романтизма, представленного в художественно-политических произведениях его ведущих авторов (А. Казанцева, И. Ефремова, А. и Б. Стругацких), были разработаны идеальные конструкты политической системы будущего; создан новый тип утопии — критическая утопия, конструирующая идеальное, но, сохраняя реализм, анализирующая его предполагаемые противоречия как источник его же развития; выявлены и обозначены основные противоречия на пути создания общества с описанными ими чертами; с позиций научно-технического романтизма представлено видение прогресса и его сущностных начал, отношений с ним человека.

Анализ их работ позволяет утверждать, что общими чертами конструируемой ими политической системы выступают партиципаторная демократия, сциентическая организация полиса, система всеобщего политического участия, обеспечение каждому человеку труда с творческим содержанием, создающим возможность творческой самореализации личности и одновременно формирующая человека как ориентированного на познание и созидание.

Для А. и Б. Стругацких при этом большее значение имеет труд и безопасность системы, для И. Ефремова — обеспечение счастья человека; для первых более значимы ограничения научной обоснованностью, для второго — гуманитарно-антропологическими со-

ставляющими. Доминантой значимости для А. Казанцева выступает вопрос научно-технического прогресса.

Создавая формат критической утопии, прогнозируя и осмысливая противоречия будущего общества, названные ведущие представители научно-технического романтизма выявляют противоречия между возрастающим научно-техническим могуществом и природой; между возможностями управления обществом и его готовностью к развитию; между моральной невозможностью для человека оставить без помощи отстающее в развитии общество и правом последнего на выбор своего пути; между ценностью восходящего развития и значимостью ценностей прошлого.

Среди препятствий на пути создания общества предложенного идеального конструкта представители научно-технического романтизма выделяют: а) ценности общества потребления в ситуации, когда они замещают ценности познания и созидания; б) нарастающую бюрократизацию общества; в) замещение духовного возвышающего развития тиражированием образцов массовой культуры; г) разрыв власти и культуры, бюрократизацию идеалов коммунизма и процесса движения к нему, опирающуюся на «массового сытого человека» и воспроизводящую его своей политикой.

Прогресс, выступающий одной из ведущих доминант научно-технического романтизма, в произведениях его авторов рассматривается как: а) неодолимый и необходимый процесс, выпадение из которого ведет к деградации и гибели; б) опирающийся в своем продуктивном развитии на все достижения прошлого; в) находящийся вне морали, что порождает трагедию человека, неизбежно существующего в поле морали, но поставленного перед проблемой позиционирования себя в отношении прогресса.

В произведениях научно-технического романтизма можно выявить три модели позиционирования человека в отношении прогресса: а) создающего в своем сознании новый мир и реализующего в своем воздействии на окружающую реальность свои идеальные конструкции; б) осуществляющего в своем отношении к миру преобразующее воздействие, но лишенное стратегических смыслов преобразования мира; в) подчиняющегося миру как неизменяемой данности.

Первый выступает как знающий и свободный, второй — свободный, но не знающий, третий — не знающий и не свободный.

Раздел 2.3. ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ РЕАЛИЗМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА¹

Научно-технический романтизм при неперменном сохранении атрибутов эмоционально-возвышенного отношения к миру и установки на идеальное политическое конструирование также сохраняет в своей основе сциентическое и рациональное отношение к действительности, и именно осознание ее несовершенства мотивирует его стремление к глобальному преобразованию этого несовершенства. Идеальные устремления научно-технического романтизма основываются на его предельном политическом реализме, видении научно-политико-философских проблем власти, политической этике ответственности, проблем роли ценностей и идеологии в политической жизни, показана составная реализма политической философии рассматриваемого феномена.

Проблема власти в политической философии научно-технического романтизма

Власть, ее смыслы и выбор приоритетов. Вопрос смыслов власти, с точки зрения научно-технического романтизма, оказывается центральным: власть может быть эффективной только в случае, если видит главным не собственное господство, а решение даже не только текущих, но стратегических задач, обеспечивающих развитие общества.

В данной проблематике осмысления предназначения власти можно выделить три аспекта. Первый — проблема выбора, который нужно осуществлять, когда предыдущий этап развития исчерпан и встает вопрос уже не о мерах, диктуемых текущими обстоятельствами, а о выборе новых приоритетов пути, по которому требуется направить развитие общества. Второй — ценностно-смысловой выбор в условиях цивилизационного поражения, социум при сохранении определенных технологических возможностей отброшен

¹ Результаты исследования частично апробированы в монографии Ю. С. Черняховской «Братья Стругацкие. Письма о будущем», а также использованы в учебном пособии: *Никлаус А. А., Черняховская Ю. С., Черняховский С. Ф.* Духовно-нравственное воспитание средствами гуманитарно-художественного знания. — М., 2015.

в прошлое, и приходится делать выбор между приоритетом на сохранение остатков цивилизационного потенциала и ориентации на его восстановление, либо на его израсходование для поддержания максимально возможного потребительского уровня остатков социума. Третий аспект — осознание необходимости обретения смыслов развития в условиях социума, преодолевшего кризис, обеспечившего стабильность и устойчивое благосостояние, но лишённого смыслов развития и в результате все больше впадающего в политико-психологическую депрессию.

Первый аспект становится центральным вопросом первой историко-философской повести И. Ефремова «Путешествие Баурджеда» (1947–1953), по сюжету посвященной ситуации IV Династии Древнего Египта после постройки пирамиды Хеопса.

«Всю мощь государства, укрепленного фараонами-предшественниками — Джосером и Снофру — и их советниками — учеными Имхотепом, Кегемни, Птахотепом, воспетыми в народе, все богатства Та-Кем и его многочисленных рабов Хуфу употребил на достижение единственной цели — постройки огромной пирамиды, невиданной от сотворения мира»¹, — прославившей фараона, но надорвавшей силы страны.

«Все другое, даже великие и грозные боги, требовавшие непрестанных жертв, обрядов и празднеств, отошло на задний план. Количество громадных камней, уложенных в пирамиду, каждый новый десяток локтей ее вышины сделались важнейшими новостями страны. Забыты были далекие походы в неизвестные страны, неведомые и манящие дали морей Великой Дуги. Забыт был и самый мир, окружающий страну Та-Кем, словно все средоточие вселенной сошлось на узкой ленте Черной Земли и внутри нее, на острие пирамиды Хуфу... Страна обеднела, ропот недовольства все чаще раздавался не только среди бедных земледельцев, но и среди могущественной знати и великих жрецов»².

И. Ефремов, представляя составляющую антропологического оптимизма в научно-техническом романтизме, моделирует ситуацию, когда эпоха великих свершений оказалась в прошлом и место ее заняла имитация свершений и смыслов, изнуряющая страну (возвеличивание власти как самоценности). Только отказ власти от

¹ *Ефремов И. А.* Путешествие Баурджеда... С. 19.

² Там же.

имитации смыслов ради обиденного благосостояния (общество потребления) обрекает на ускорение социальной деградации, а попытка власти принять приоритеты познания мира и развития страны оборачивается поражением в ее борьбе с элитой, ориентированной на утверждение самооценности власти как таковой. Попытка создания нового мира срывается, хотя и заканчивается восстанием ее приверженцев, но сохраняется в памяти общества, шаг за шагом превращаясь в миф и надежду на возможность существования другого мира:

«Не ожидал я, что Баурджед окажется зачинщиком мятежа... Впрочем, он отдал нам все, что имел, исполнил свое назначение и более не нужен. В великой тайне будем мы хранить все записанное. Будет открыто оно только тому властителю, которого найдем и направим по нашим путям.

— Истинно так, мудрый Мен-Кау-Тот. Да не воспользуются знанием служители Ра и Пта, не будет и простой народ пленяться рассказами о свободной жизни! Все будет скрыто в наших подземельях!»

«Но мудрый верховный жрец ошибся. По-прежнему в хижинах бедных земледельцев, казармах воинов, храмовых сторожках, рабочих домах рассказывалась повесть о великом и отважном путешествии сынов Кемт. Неведомые певцы из народа слагали всё новые песни, вплетая в действительность исконные мечты о справедливости и свободе, дополняли повесть тем, что хотелось бы всякому видеть в своей настоящей жизни. И все большее число умов начинало задумываться над поисками путей к правде и сомневаться в божественности величия фараонов»¹.

По сути, уже в этом произведении научно-технического романтизма можно увидеть общий контур будущего конструкта инферно, как и надежду на возможность его преодоления.

Второй аспект становится объектом политико-художественного анализа А. П. Казанцева в романе «Фазты» в двух плоскостях: а) сохранение знания либо подчинение себя задачам выживания; б) попытка возрождения цивилизации либо инерционное текущее существование.

Для А. П. Казанцева как представителя составной гуманистического технократизма в научно-техническом романтизме выбор в пользу потребления и текущего выживания в ущерб познанию

¹ *Ефремов И. А.* Путешествие Баурджеда... С. 19.

и научно-техническому развитию означает не сохранение потребления, а обреченность на деградацию, а общество, при выборе между научно-техническим развитием и безопасностью потребления избравшее второе, оказывается недостойным ни одного, ни другого и обречено на вырождение.

Третий аспект проблемы осмысливают А. и Б. Стругацкие в четвертой части книги «Град обреченный». А. и Б. Стругацкие как носители составной социально-политического сциентизма в научно-техническом романтизме в своем видении смыслов власти выходят уже не только на уровень выбора смыслов, но к выводу о необходимости самого по себе обладания смыслами, что перекликается с постановкой вопроса Ефремовым о ловушке «имитации смыслов» власти, существующей ради себя самой.

Лишенная смыслов и служащая лишь себе как своей цели, власть рассматривается научно-техническим романтизмом как деструктивная и обреченная, но останавливающая развитие и разрушающая общество. Отсюда для его носителей объектом политико-философского рассмотрения становятся, с одной стороны, власти уже в отношениях целей и средств, и целей и смыслов — с другой.

Власть и соотношение ее целей и средств

Проблема смыслов и выбора приоритетов власти оказывается более общей и многоплановой, и, как было показано, затрагивается проблема соотношения целей и средств власти, хотя она также несет в себе ценностно-антропологическое и этическое содержание, как представляется, более диалектико-сциентична, сложна в своих внутренних переплетениях, возможно, поэтому в большей степени рассматривается А. и Б. Стругацкими, как власть, не имеющая целей вне себя самой. В данном случае речь идет о власти как самоцели для к ней стремящегося или ею обладающего. В значительной степени такой тип власти моделируется и рассматривается в романе «Трудно быть богом».

Стругацкие рисуют власть, целью которой становится само обладание властью. Последняя превентивно уничтожает начала, потенциально представляющие угрозу для ее существования, в результате приводя страну к глубокому кризису, всеобщей неграмотности, хаосу. От уничтожения реальных противников власть переходит к уничтожению потенциальных, затем — к уничтожению союзни-

ков, а затем и самоуничтожению. Власть без целей работает на самоподдержание и уничтожает все начала, обладающие отличной от нее субъектностью. Но цели обрекаются на поражение при отсутствии средств или неготовности их использовать.

Здесь можно увидеть определенное соотношение со сравнением могущества без целей с целями, не имеющими средств, которое Стругацкие в неполитической ситуации проводили в «Далекой Радуге». Разница в том, что власть, обращенная в своем целедостижении сама на себя, имеет единственный ресурс достижения цели — собственный интерес. Однако интерес лишь того или иного персонафицированного носителя власти недостаточен для противостояния иным интересам, существующим в обществе. В этой ситуации решать свои задачи он может, лишь вступая в серию союзов с носителями иных целей и иных ресурсов.

Если, таким образом, самоподдерживающая власть достигает непосредственно поставленного результата, поддержанная групповыми агентами политического действия с иными интересами, она оказывается перед выбором: либо быть уничтоженной собственным союзником, целью которого является достижение целей, вытекающих из его интересов и которому теперь не нужен тот, кто помог ему победить его политического противника, либо найти нового социального и политического союзника — уже для освобождения от зависимости от старого. Вероятность успеха такого маневрирования будет снижаться к каждому следующему случаю, тогда как каждый новый привлекаемый союзник уже будет являться обладателем предыдущего опыта своего партнера и, следовательно, будет готов к повторению подобной ситуации.

Власть, не имея стратегических целей, должна подтверждать смысл своего существования их имитацией, но не имеет именно потому, что не отражает тех или иных значимых тенденций, а не отражая их, не может и в своих текущих целедостижениях им соответствовать; если и ставит те или иные частные цели, то оказывается не способна обеспечивать их достижение:

«Что он ни задумывал, все проваливалось... За такие промахи любой министр был бы повешен за ноги на верхушке Веселой Башни, но дон Рэба каким-то образом остался в силе»¹.

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 2. — М., 2007. — С. 313.

Эффект от нарастающих неудач покрывается постоянно нарастающей декларацией новых целей:

«Он упразднил министерства, ведающие образованием и благосостоянием, учредил министерство охраны короны, снял с правительственных постов родовую аристократию и немногих ученых, окончательно развалил экономику, написал трактат “О скотской сущности земледельца” и, наконец, год назад организовал “охранную гвардию” — “Серые роты”»¹.

Стругацкие показывают, что власть, не соответствующая запросам системы и не решающая ее проблем, до какого-то момента может покрывать свою недееспособность указанием на иные проблемы, объявляя их более приоритетными, и вытеснять из фокуса внимания системы свои неудачи. Однако раньше или позже она оказывается перед угрозой отторжения системой и для обеспечения самосохранения ставит цели, носящие уже антисистемный характер, начиная описанное маневрирование уже между антисистемными интересами.

Она остается элементом системы, но ее попытки привлекать к противостоянию с отторгающей ее системой такие силы только ей представляются игрой с последними, на самом деле являясь игрой этих сил с ней. Используя их для разрушения представляемой ею системы, она уже и им создает запрос на уничтожение себя как части разрушаемого целого.

Власть без целей оказывается властью, не способной исполнять присущие ей функции, и лишает себя уже и смыслов своего существования.

Власть в ее целях и смыслах выступает с ними связанная и ими детерминированная, и без обладания смыслами в итоге не может и достигать своих целей, но обладая целями, обладает относительной и временной автономией от смыслов.

В политико-философском рассмотрении Стругацкими проблемы диалектики целей и смыслов власти можно констатировать наличие некоего треугольника отношений, в котором содержится определенная комбинация власти как соединения ее носителя (или претендента на нее), ее средств и ее смыслов и целей.

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 2. — М., 2007. — С. 313.

Власть и пределы власти

Рассматривая власть как необходимый инструмент организации и преобразования мира, лишенный смысла вне субъектности этого преобразования, научно-технический романтизм признает субъектную автономию власти, не означающую ее абсолютности. В рамках его политико-философского рассмотрения власть, как представляется автору, может обрести определенную абсолютность, если достигает единства смыслов, целей и средств своей деятельности в осмысленном воздействии на мир, как было показано в последнем разделе второй главы, если достигает единства с поставленными историей целями и существующими настроениями общества в своего рода триединстве: единый проект, единое общество, единая власть. В этом отношении в полной мере эффективной может быть только власть, ставшая организованным началом реализации претензии научно-технического романтизма на коренное преобразование общества.

С точки зрения политической философии научно-технического романтизма, без подобного единства любая власть всегда оказывается ограниченной в своих возможностях.

С этой точки зрения, власть тогда оказывается полноценной и способной к осуществлению преобразования окружающего мира, когда осуществляемый ею проект: 1) основывается на учете историко-психологической готовности общества к данным преобразованиям, учете баланса сил в социуме и реальной картины проблем общества, как и имеющихся волевых, человеческих и материальных ресурсов для реализации данного проекта (А. и Б. Стругацкие, «Обитаемый остров»); 2) основана на рационалистическом учете интересов задействованных групп (А. П. Казанцев, «Фаэты»); 3) обладает необходимым ценностно-антропологическим состоянием тех структур, которые она намерена использовать в реализации данного проекта (И. Ефремов, «Час Быка»). Отсутствие названных составляющих означает ограничение реальных возможностей власти и сведение ее до тактического координатора политики, способного от силы обеспечить стабилизацию кризисной ситуации, но не стратегическое преобразование окружающего мироустройства.

В наиболее простом виде эта ограниченность фигурирует в «Обитаемом острове» (1969) А. и Б. Стругацких как ограниченная, во-первых, необходимостью решения текущих задач страны для

обеспечения собственного сохранения — «Власть Отцов» не может существовать, если не сможет обеспечить стабильность и баланс интересов в обществе; во-вторых, установившимся в окружающей реальности равновесием желаний и интересов миллионов людей, о чем Колдун говорит Каммереру в ходе их диалога:

«Но у порядка есть свои законы. Эти законы возникают из стремлений огромных человеческих масс, и меняться они могут тоже только с изменением этих стремлений... Итак, с одной стороны — стремления огромных человеческих масс, с другой стороны — ваша совесть, воплощение ваших стремлений. Ваша совесть подвигает вас на изменение существующего порядка, то есть на изменение стремлений миллионных человеческих масс по образу и подобию ваших стремлений. Это смешно и антиисторично. Ваш отуманенный и оглушенный совестью разум утратил способность отличать реальное благо масс от воображаемого, — это уже не разум. Разум нужно держать в чистоте. Не хотите, не можете — что ж, тем хуже для вас»¹ (это о подготовке войны с «Властью Отцов»); ресурсной базой и состоянием экономики страны (диалог Странника и Каммерера):

«Ты многое забыл, — проворчал Странник. — Ты забыл про передвижные излучатели, ты забыл про Островную Империю, ты забыл про экономику... Тебе известно, что в стране инфляция?.. Тебе вообще известно, что такое инфляция? Тебе известно, что надвигается голод, что земля не родит?.. Тебе известно, что мы не успели создать здесь ни запасов хлеба, ни запасов медикаментов? Ты знаешь, что это твое лучевое голодание в двадцати процентах случаев приводит к шизофрении? А? — Он вытер ладонью могучий залысый лоб. — Нам нужны врачи... двенадцать тысяч врачей. Нам нужны белковые синтезаторы. Нам необходимо дезактивировать сто миллионов гектаров зараженной почвы — для начала. Нам нужно остановить вырождение биосферы...»² (это после уничтожения Центра управляющего людьми излучения); но в еще большей степени — исторически обусловленным сознанием и ценностями общества (диалог Руматы и Будаха в «Трудно быть богом», когда в его ходе становится ясно, что оба они не могут предложить приемлемого варианта действий):

¹ См.: Монолог Колдуна // Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров... С. 538.

² Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров... С. 632.

«Будах тихо проговорил: — Тогда, господа, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

— Сердце мое полно жалости, — медленно сказал Румата. — Я не могу этого сделать»¹.

А. П. Казанцев в «Фаэтах» (1973) показывает неизбежную ограниченность власти более функционально-политически, хотя, возможно, для сегодняшнего дня и более современно. Двумя соперничающими сверхдержавами планеты правят два лидера, обладающие в своих странах практически абсолютной властью. И оба при этом, находясь под давлением и контролем элит, не могут отказаться от войны, поставленные перед выбором либо ее начать, либо самим быть уничтоженными.

Модель А. П. Казанцева предполагает, что как минимум в условиях классово неоднородного общества власть ограничена в первую очередь влиянием элит, для которых их эмоциональное неприятие противника оказывается важнее и интересов их стран, и экономических интересов этих же элит. И при этом любые личные формальные и неформальные полномочия и воля первых лиц на деле оказываются подчиненными коллективной воле истеблишмента. Однако коллективная воля элит, подчинивших себя своим предрассудкам и отказавшихся от рационального осмысления реальной ситуации, в итоге, по мысли А. П. Казанцева, приводит лишь к общей катастрофе, которую уже не может предотвратить воля даже вполне здравомыслящего лидера.

Модель, которую анализирует И. Ефремов в «Часе Быка» на примере общества планеты Торманс, противоположна. На планете выстроена достаточно строгая и много эшелонированная пирамидальная автократия: «На Тормансе классовое капиталистическое общество, олигархия, властвующая над двумя основными классами, одинаково угнетенными: классом образованных, которые по необходимости живут дальше, иначе невыгодно их учить, и классом необразованных, которые умирают в двадцать пять лет»². Общество пронизано системами полицейского, психологического и административного контроля. Власть первого лица действительно ничем не ограничена: не существует финансовых либо политических сил

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом... С. 407.

² Ефремов И. А. Час Быка... С. 124–127.

и кланов, способных оказывать воздействие на его волю и политику. Причем сам автократор показан как явно умный, талантливый, субъективно честный и глубоко чувствующий настроения и проблемы страны человек, сумевший создать и укрепить данную систему, но именно обладая незаурядными личными качествами, он с внутренним трагизмом понимает свое бессилие:

«Он чувствовал ту безнадежную пустоту вокруг себя, которая неизбежно образуется, когда из окружения устраняют порядочных людей, всегда несогласных с несправедливостью. Неумолимо идет процесс замены их ничтожествами и невеждами, готовыми восхвалять любые поступки владыки. Советники, охрана — все это человеческая дрянь. Верность их обеспечивается лишь подачками и привилегиями. Друзей нет, нет душевной опоры ни в ком, все чаще подступает страх перед возможным заговором. Гребенка террора время от времени прочесывала массы «джи», сановников-«змееносцев», ученых и «глаз владыки», оставляя неизгладимый ужас. Боязнь ответственности лишала людей инициативы. Боязнь любого риска и подыскивание оправданий на все случаи жизни были едва ли не главными в работе этих людей. Они сделались негодным человеческим материалом, подобно людям, пережившим катастрофу, которые более не могут вести борьбу ни с какими трудностями, так как прежние испытания парализовали их мозг и их волю. Чойо Чагас ненавидел свое окружение, но не мог найти выхода из тупика, куда завело его продолжение старой политики»¹.

Он может управлять этой системой, шаг за шагом накапливающей свои нарастающие проблемы, но не может ничего кардинально изменить:

«Поймите же, что у меня не настолько всеобъемлющий ум, чтобы перед ним искренне склонились все мои подданные!..

— Но вы достаточно умны, чтобы понимать это! Понимать невозможность для одного человека объять колоссальную сумму знания, которого требует научное управление планетой. Но у вас есть ученые, они помогут. Жаль, что вы не верите им и никому вообще.

— Да, да! Я не могу обойтись без них, без этих «джи», но не верю им. Ученые — обманщики, трусы и ничтожные прислужники. Во многих поколениях они обманывали правителей и народ Ян-Ях, и, насколько я знаю, то же было в старину на Земле. Они обещали,

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 288.

что планета может прокормить неограниченное количество людей, и совершенно не учли, что земля истощится задолго до назначенной ими предельной цифры. <...> И в результате вызвали страшную катастрофу. Восемьдесят лет голода и убийств! Правда, за ошибки и наглость они расплатились. <...> Ученые всегда обманывали нас, владык, и особенно математики и физики, в реальных успехах которых никто, кроме них самих, не мог разобраться. Так поступали жрецы и маги Земли. Нет, я не люблю ученых. Мелкие, тщеславные люди, избалованные легкой жизнью, а думают, что они знают тайны судьбы!»¹, — потому что выстроенная им модель управления состоит из послушных, но не способных к гибкому действию людей, не способных не только находить, но и исполнять новые решения:

«Вот я и хочу укрепить всю систему, начав с ее вершины. Я заговорил об ученых, чтобы вы поняли, как я хочу дать Ян-Ях владыку, превосходящего силой ума современных ученых-холуев. Они выманивают у меня большие средства, обещая высокие технические достижения. На деле оказывается, что каждый шаг на пути больших открытий чудовищно дорог и становится все более непосильным для планеты. Не случайно у нас запрещены космические полеты. Наука заводит в тупик, а я не могу уничтожить ее и не в силах предвидеть ее ошибки и обманы. Могу лишь держать своих ученых слуг в страхе, что в любой момент брошу на них массу “кжи”, которые расправятся с ними с такой беспощадностью, что память об этом останется в веках»².

Власть и действие. Власть и ответственность

С позиций всех трех составных научно-технического романтизма власть рассматривается не как абсолют и не как менеджер, а скорее, как инженер и конструктор, создающие и реализующие проект мироустройства. Оценивается не в качестве институционального юридически правомочного института, но исключительно с точки зрения субъекта ответственного действия, причем ответственного именно за реализацию разработанного проекта.

В «Граде обреченном» Андрей Воронин, пытаясь разобраться в смысле происходящего с ним и их социумом, становится свиде-

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 283.

² Там же. С. 284.

телем того, кто и как ведет игру, предположительными объектами которой они все являются, и понимает:

«Великий стратег стал великим именно потому, что понял (а может быть, знал от рождения): выигрывает вовсе не тот, кто умеет играть по всем правилам; выигрывает тот, кто умеет отказаться в нужный момент от всех правил, навязать игре свои правила, неизвестные противнику, а когда понадобится — отказаться и от них»¹.

Здесь фигурируют два словосочетания, оказывающиеся центральными в сформулированном наблюдении: «великий стратег» и «отказ от правил». По сути, речь идет о том, что у власти нет правил. То есть, нет ограничений: у нее есть стратегия — осознанное целедостижение и наполняющие его смыслы. Власть, по мысли Стругацких, ответственна за следование целям и следование смыслам, которые она приняла. Но смыслы являются смыслами, только если разделяются твоим обществом или его значимой частью и соответствуют базовым ценностям последнего.

В концепции власти научно-технического романтизма главным требованием к ней выступает ответственность перед смыслами и целями ее деятельности. Речь идет именно о моральной ответственности, не за последствия для себя, а за последствия для социума или мини-социума, о которых идет речь. Человек в политическом действии существует не в его отношениях с оценкой окружающих, а в отношениях со своей совестью — и результатом своих действий для тех людей, с кем он взаимодействует.

И в этом состоянии деятельной ответственности власть понимается философией научно-технического романтизма как осуществляемая под влиянием ответственности результативная деятельность, не зависящая от своей институциональной обоснованности:

«Разве принято на Земле отвечать, когда не спрашивают? — грозно сказал он, глядя только на Родис. — Да еще в присутствии старших?»

— Принято, — ответила Родис. — Если разговор ведут несколько людей, отвечает тот, у кого раньше сформулировался ответ. Старшинство не имеет значения. Я подразумеваю возраст.

— А звание также не имеет значения?

— В обсуждении вопроса — никакого.

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 7... С. 248.

— Анархисты! — буркнул Чойо Чагас, поднимаясь¹, — выступающая: 1) с точки зрения ответственности перед человеком — как ответственность за избавление человека от страданий, освобождение его от мук инферно (И. Ефремов, «Час Быка»); 2) с точки зрения ответственности перед обществом — как ответственность за вывод его из кризисного состояния (А. и Б. Стругацкие, «Обитаемый остров»); 3) с точки зрения ответственности перед законами истории — как ответственность за приведение реальности в соответствие с действительностью, то есть с законами общественного развития (А. П. Казанцев, «Донкихоты Вселенной»).

Первая сторона имманентно связана с составной антропологического оптимизма в научно-техническом романтизме, которую в наибольшей степени и представлял И. Ефремов. Человек с этой точки зрения — наибольшая ценность цивилизации. Но не человек в его универсально-биологическом понимании, а человек в потенциальной возможности его развития. Отсюда для научно-технического романтизма смысл цивилизации и прогресса заключается в создании возможностей для свободного развития потенциала заложенного в нем возвышенного. В этом отношении естественным ценностным началом и власти как института социума, и власти как возможности действия субъекта выступает принцип ответственности за помощь другому, содействие его возможности раскрыть свое человеческое начало.

Эта внутренняя ответственность, сохраняя единство, разделяется в своем бытии на несколько соотношений: со своим ценностным миром; с противостоящим ему политическим субъектом; с привычными для него и других землян ценностными ограничениями; с тем социумом, который без ответственного воздействия на него обречен на страдания инферно; с вопросом эффективности действия; с проблемой насилия; с эмоционально-обоснованным правом на месть.

Исходная проблема, по мысли И. Ефремова, не в том, имеет ли обладающий возможностью результативного воздействия право на присвоение себе властных полномочий оказания такого воздействия, а в том, что он не имеет права на бездействие:

«Преступны навязанные силой готовые рецепты, но не менее преступно хладнокровное наблюдение над страданиями миллионов живых существ — животных ли, людей ли»².

¹ Ефремов И. А. Час Быка... С. 263.

² Там же. С. 90–91.

И. Ефремов осмысливает коллизию между сохранением приверженности к этическим нормам земной цивилизации и ответственностью перед социумом, находящимся в инферно: возникает вопрос выбора между сохранением привычно-повседневного комфорта совести или помощью чужому социуму:

«Естественно, каждому из нас хочется помочь тем, которые еще страдают. Но как не поскользнуться на применении древних способов борьбы — силы обмана, тайны? Разве не очевидно, что, применяя их, мы становимся на один уровень с теми, от кого хотим спасти? А находясь на том же уровне, какое право имеем мы судить, ибо теряем знание?»¹ — и при сохранении внутренних сомнений предпочтение отдается принятию ответственности за действие:

«...здесь две тысячи лет спустя после ЭМВ еще существует инферно, олигархия, создавшая утонченную систему угнетения. Для борьбы с этой системой надо создать людей высокой психофизиологической тренировки, подобно нам, безвредных в своем могуществе. И прежде всего научить их бороться со всепроникающей «избранностью» — системой противопоставления владык и толпы, всеведущих ученых и темных невежд, звезд и бесталанных, элиты и низшего, рабочего класса. В этой системе корень фашизма и разращения людей Торманса...»².

Доминант ответственности выступает как принятый, но и он разделяется И. Ефремовым на две стороны: первая касается приемлемости или неприемлемости насилия в ответственном действии, вторая — проблемы определения путей действия.

Анализ текста произведения позволяет утверждать, что насилие в рамках данного подхода в любом случае отвергается, хотя остается спорным. В моделируемой ситуации, когда во время путешествия по планете часть экспедиции оказывается блокирована одичавшими жителями заброшенного города, но, не желая применить доступные средства силового воздействия, ожидает помощи, которая по совокупности причин опаздывает. Земляне после исчерпания ресурсов защитного поля обрушивают свое укрытие, погибая вместе с частью бросающейся на них звероподобной толпы, а сознательно прибывшие с опозданием силовики Торманса уничтожают остальных.

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 91.

² Там же. С. 129–130.

И. Ефремов не анализирует отдельно результат «ненасилия», но оставляет итог открытым: нежелание применить насилие, уничтожить часть нападающих и спастись самим оборачивается общей гибелью и отряда землян, и всех напавших¹.

Вместе с этим представляется, что подход, обозначенный И. Ефремовым по поводу насилия, не является полностью однозначным. В самой экспедиции Родис можно выделить три позиции:

— позиция трех погибших из-за неготовности к насилию членов экипажа, более взвешенная позиция самой Родис, отвергающей насилие, но постоянно оказывающей давление на власть Торманса предупреждением о возможности его применения:

«В этом случае командир нашего звездолета обещал скрыть поверхность всей Ян-Ях на километр вглубь.

— Но вы не совершаете убийств! И наверняка запретите ему!

— Меня тогда не будет в живых, — улыбнулась Родис, — а он командир!..»²;

— позиция Грифа Рифта:

«У рычагов подъемника стоял Гриф Рифт. Он задержал металлический локоть Родис, шепнув с непривычной для него мягкостью:

— Фай, помните, я готов всё взять на себя! Я сотру их город с лица планеты и разрою его на глубину километра, чтобы выручить вас! — Фай Родис обняла командира за крепкую шею, привлекла к себе и поцеловала.

— Нет, Гриф, вы никогда не сделаете этого!»³;

— командира корабля, рассматривающего насилие как неизбежно возможный акт возмездия.

Именно они две решают судьбу продолжения или сворачивания экспедиции на фоне гибели товарищей — и решают продолжить работу по разрушению инферно, несмотря ни на что, именно в силу осязаемой ими ответственности за помощь страдающему миру:

«Мы оба, посвященные в знание, о каком нет и понятия здесь, не можем жить и быть свободными, пока есть несчастные. Как переступить порог высшей радости, когда тут целая планета в инферно, захлестываемая морем горя? Что против этого моя жизнь, ваша и всех нас? Спросите у моих трех спутников!

¹ Ефремов И. А. Час Быка... С. 246.

² Там же. С. 260.

³ Там же. С. 116.

— Я знаю, что они скажут, — овладев собой, ответил Гриф Рифт, глядя мимо Родис. — Они скажут, что само присутствие их необходимо, что оно дает людям Торманса мечту и веру и этим объединяет в стремлении к цели¹.

Вторая сторона — проблема определения путей действия. И. Ефремов показывает путь разрушения сложившейся олигархической пирамиды через разрушение основ, на которых она держится: с одной стороны, необразованности составляющих ее основание «кжи», с другой — вражды «кжи» и «джи», дающей власти олигархии возможность противопоставлять их друг другу и маневрировать между их фобиями: какова бы ни была элита верхних слоев, все тяжелее становилось нижним и углублялось inferно. Оно опиралось на широкое «основание» — миллиард «кжи», необразованных, малоспособных, удостоенных «счастья» умереть молодыми.

«Наши ученые и мой Кин Рух были совершенно правы, подумала Родис, — говоря об умножении inferно, раз нет выхода для нижних слоев пирамиды. <...> Устранение верхушки ничего не решает: на месте убранных сейчас же возникнет новая вершина из нижележащего слоя. У пирамиды надо развалить основание, а для этого необходимо дать нужную информацию именно “кжи”. Родис рассказала про пирамиду, и Гриф Рифт задумался.

— Да, единственный выход. Кстати, это давняя методика всех подлинных революций. Приспеет время, и пирамида рухнет, но только когда внизу накопятся силы, способные на организацию иного общества. Пусть поймет ваш инженер, что для этого нужен союз «джи» с «кжи». Иначе Торманс не выйдет из inferно. Разрыв между «джи» и «кжи» — осевой стержень олигархии. Они не могут обойтись без тех и без других, но сами существуют лишь за счет их разобщения. «Кжи» и «джи» одинаково бьются в крепчайшей клетке, созданной усилиями обоих классов. Чем сильнее они враждуют, тем прочнее и безвыходнее клетка»².

Решая в итоге вопрос о праве на месть носителям inferно, И. Ефремов также делит его на две части. Он показывает, что борьба с inferно предельно опасна.

С одной стороны, соглашаясь на эту борьбу, ответственность предполагает отказ от эмоционально обоснованной мести:

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 248.

² Там же. С. 273.

«Фай Родис стала на колени перед СДФ, приблизив голову ко второму звукоприемнику.

— Поздно, Гриф! Я погибла. Гриф, мой командир, я убеждаю вас, умоляю, приказываю: не мстите за меня! Не совершайте насилия. Нельзя вместо светлой мечты о Земле посеять ненависть и ужас в народе Торманса. Не помогайте тем, кто пришел убить, изображая бога, наказующего без разбора правого и виноватого, — самое худшее изобретение человека. Не делайте напрасными наши жертвы! Улетайте! Домой! Слышите, Рифт? Кораблю — взлет!»¹

С другой — сам прорыв инферно, пробуждение тех сил, которые в итоге способны его разрушить, неизбежно обернется местью элите со стороны тех, кто был ею поработан, и осуждать за это прорывающие угнетения низы бессмысленно:

«Надо быть систематичными и абсолютно беспощадными в защите от беззакония, лжи и бесчестия. Вы сами на Земле тщательно соблюдаете в общественных отношениях третий закон Ньютона: действие равно противодействию, — противопоставляя немедленное противодействие, а не пытаюсь дожидаться, как в древности, вмешательства Бога, судьбы, владыки... Подолгу ждали люди воздаяния своим палачам, а века шли, накапливая зло и усиливая власть скверных людей. Тогда ваше общество взяло на себя функцию божественного воздаяния Немезиды: “Мне отмщение, и аз воздам!” — быстро искоренив подлости и мучения. Вы не представляете, сколько накопилось у нас человеческой дряни за много веков истребления лучших людей, когда преимущественно выживали мелкодушные приспособленцы, доносчики, палачи, угнетатели! Мы должны руководствоваться этим, а не слепо подражать вам»².

Вторая сторона, ответственность за вывод общества из кризиса, развивает тему соотношения эмоционального и рационального, морали и разума в политическом действии и наиболее проработанно предстает в работах А. и Б. Стругацких. Наиболее ярким обращением к проблеме ограниченности действия, диктуемого «моральным негодованием», является монолог Колдуна³ в «Обитаемом острове», в той его части, где речь идет о «нетерпении потревоженной сове-

¹ Ефремов И. А. Час Быка... С. 440.

² Там же. С. 448.

³ См. выше: глава 2, раздел 3 настоящей работы.

сти», готовой заплатить за свое нетерпение войной и миллионами человеческих жизней¹.

Можно сказать, что, по мысли Стругацких, то явление, которое они называют «нетерпением потревоженной совести», оказывается стремлением не решить проблемы действительности, а оправдать себя в собственных глазах, очистить себя от своей внутренней моральной боли, не отвечая за то, какими для окружающих будут последствия собственного морального успокоения².

Здесь можно говорить об определенной соотношенности их позиции с проводимым М. Вебером в работе «Политика как призвание и профессия» различении этики убеждения и этики ответственности: «Настоящая зрелость человека, по-моему, возникает у него тогда, когда появляется чувство ответственности»³. Однако в различении, проводимом им, и анализе Стругацких можно увидеть и существенные отличия, о которых речь пойдет ниже.

Возвращаясь к вопросу о последствиях действия исключительно «по велению совести»: «потревоженная совесть», по мысли Стругацких, потревожена несовершенством мира и болью людей, страдающих от этого несовершенства, и оказывается неспособна увидеть и соотнести, что окажется для людей большим страданием, рожденное существующим несовершенством или оказавшееся последствием борьбы за его исправление, — они ни в одном из сюжетов не показывают позитивного для ситуации разрешения последней: «моральное негодование» способно только в той степени выполнять полезную роль, в какой ограничено ответственностью за последствия⁴. М. Вебер в этом отношении вспоминает о тех, для кого «величие отчего города важнее, чем спасение души».

Можно обратить внимание, что для двух в реальной политической жизни часто противостоящих начал, власти и «потревоженной совести», они видят необходимость одного и того же ограничения — ответственности. И для них абсолютизация и неограниченность морального императива выглядит столь же развращающим началом, как и абсолютизация неограниченной власти.

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров... С. 538.

² Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом... С. 281.

³ Вебер М. Политика как призвание и профессия / Макс Вебер. Избранные произведения. — М., 1990. — С. 695.

⁴ Стругацкий Б. Интервью длиной в годы... С. 460.

Разрешение противоречия между совестью как «моральным негодованием» и совестью как ответственностью за результат и за последствия Стругацкие видят в опосредовании совести разумом.

Они противопоставляют два типа взаимоотношения последних.

Первый — разум, подчиняющийся совести, выполняющий роль ее слуги¹. Здесь разум служит идеалу и не учитывает цену, которую нужно платить за успокоение «потревоженной совести», равно как и не регулирует ее оценки и ее требования. По мнению авторов, это отношение ущербно, они видят задачу разума не только в том, чтобы служить совести, но в том, чтобы выполнить функцию ее ограничения. По их мысли, совесть и разум всегда оказываются в противоречии: совесть задает идеальные цели. Но разум приходит к выводу, что достижение этих политических целей возможно только средствами, которые этим же идеалам и противоречат. И здесь выступает его регулирующая, адаптирующая по отношению к совести функция². Для них противостоящим состоянием является скорее «адаптирующий совесть разум», целью которого является не сам по себе результат, а совокупность изменений, которые становятся его последствиями.

Совесть в противостоянии действительности осуществляет идеальное целедостижение, однако встает перед и этической, и функциональной проблемой, какова ее подлинная цель: осуществить адаптацию окружающего мира к собственным латентным образцам или к требованиям его миллионных масс. Можно сказать, что для них идеал оказывается моральным и имеющим право на попытку адаптации к себе действительности, когда он опирается на интеграцию существующих в нем интересов основной массы представителей данного социума. Центральным требованием к соотношению приоритетов совести и разума является их равновесие: «Пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум пусть не стесняется, когда нужно, отстранить совесть»³.

Стругацкие выводят своего рода формулу ответственности, которую они рассматривают как определенное развитое состояние

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров... С. 538.

² Там же.

³ Там же.

совести: Совесть как моральное негодование («потревоженная», «неразвитая», лишенная ответственности совесть) — разум — совесть-2 (ответственность). Ответственность, по мнению Стругацких, является элементом совести, но невозможна вне опосредования разумом. Как таковая она включает в себя разумность, но не существует вне требований совести. И как таковая она образуется в процессе перехода из сферы совести в сферу разума и из сферы разума в сферу совести. Ответственность для них есть не аналог противостоящего совести разума, а «совесть, опосредованная разумом», в известном смысле выступая по отношению к «совести-1» в той роли, в какой в классическом психоанализе супер-эго выступает по отношению к эго.

Третья сторона ответственности, ответственность перед законами истории, с одной стороны, выступает как наиболее безусловная и не вызывающая сомнений, но в то же время способная обернуться собственной противоречивостью, как попытка реализовать возвышенный идеал:

«А он, не потерпев ни одного поражения, не зная пощады во имя добра, занесся в мыслях к победе над всем миром во имя “Добра для всех”. Мечтал устроить под своей тяжелой рыцарской рукой все по-другому. <...> Конечно, это потребует всеобщей ломки и неисчислимых жертв. Однако кто считается с ними на поле боя? А если речь идет о Великой победе во имя “Добра для всех”? Чтобы прийти к этой мысли, Горному рыцарю после долгих размышлений пришлось, тайно от всех, стать другим человеком. <...> Всеобщего подчинения достичь можно только всеобщим страхом. Причем не воображаемой загробной карой, а страхом сегодняшним, мучениями зримыми, несчастьями семейными и горем земным. <...> Нельзя дать волю милосердию, повторить ошибку божественного Добрия, лишь призывавшего к Добру. Поборнику добра вместо мученической собственной смерти надлежит стать жестоким укротителем людских страстей, ибо человек в страстях своих хуже зверя, способного подчиниться только силе»¹, — путем утверждения неограниченной власти, жестокостью навязывающей его миру формально в целях счастья мира, — и противостоящее ей властное внеинституциональное воздействие, возмещающее отсутствие объективно-не-

¹ Казанцев А. П. Донкихоты Вселенной. — М. : Центрполиграф, 1997. — С. 266–267.

обходимого политического фактора, способного скорректировать нарушение объективного хода истории¹.

А. П. Казанцев в романе «Донкихоты Вселенной (Отражение звезд)» помещает действие на подобную Земле планету, где сместились события и персонажи, аналогичные событиям и персонажам нескольких веков земной истории.

Соединение нескольких историко-генетических расколов грозит обернуться цивилизационной катастрофой, и заставшая социум земная экспедиция принимает решение о воздействии на данный политический процесс через исполнение ее участниками роли реальных для Земли либо ее культуры, но отсутствующих на данной планете персонажей.

Ведущими и наиболее значимыми политическими субъектами, противопоставляемыми А. П. Казанцевым, становятся, с одной стороны, достигший папской власти Горный рыцарь, в своем стремлении к обеспечению «Добра для всех» идущий к своей цели любыми средствами, не считаясь с жертвами, — и земляне, намеренные остановить катастрофу, минимизируя насилие, используя свои знания земной истории и общих закономерностей исторического процесса.

При первичном анализе складывается впечатление, что в данной модели речь идет о традиционной этической проблеме допустимости или недопустимости использования для достижения идеализируемой цели противоречащих ей методов. Однако представляется, что А. П. Казанцев ставит вопрос о другом, проводя противопоставление не между властью, готовой на преступления, и властью, сохраняющей нравственные ограничения, а о роли знания при ощущении ответственности за преобразование мира.

Нравственное стремление к изменению мира, не обладающее историко-социальными знаниями и ограниченное представлениями данного мира, выливается в жестокость, способную воспроизвести лишь более жестокий мир. По сути, в данной модели А. П. Казанцев детализирует фактор «Стрелы Аримана» И. Ефремова:

«Тенденция плохо устроенного общества с морально тяжелой ноосферой умножать зло и горе. Каждое действие, хотя бы внешне

¹ «Как бы то ни было, но к своей миссии предотвращения гибели планеты, населенной нашими двойниками, мы должны приступить в любых условиях». (Казанцев А. П. Донкихоты Вселенной... С. 285.)

гуманное, обращивается бедствием для отдельных людей, целых групп и всего человечества. Идея, провозглашающая добро, имеет тенденцию по мере исполнения нести с собой все больше плохого, становится вредоносной¹, — но отмечает и несколько иной аспект: обладание знанием.

Среди прочего можно обратить внимание, что, если А. и Б. Стругацкие акцентируют внимание на недопустимости вмешательства в политический процесс без понимания особенностей и уровня развития политической культуры отстающей в развитии цивилизации, А. П. Казанцев в фокус внимания ставит другой вопрос: обреченность попыток улучшить жизнь мира, оставаясь на уровне знаний и представлений данного мира. По его мысли, для преобразования нужны представления, понимание и идеи, выходящие за уровень, привычный этому миру.

Таким образом, можно обратить внимание, что для научно-технического романтизма в его осмыслении власти в целом и власти в ее аспекте деятельной ответственности одним из ключевых моментов оказывается роль культуры и идей. Именно фактор ограничения доступа к культуре оказывается одним из ведущих в образовании ловушки inferно для И. Ефремова; ловушка ограничения культурным уровнем эпохи оказывается роковой для попыток преобразовать мир в соответствии с идеальными представлениями о справедливости для Горного рыцаря у А. П. Казанцева. Для Стругацких рассмотрение проблемы власти и культуры является фокусно значимой со знаменитой работы «Трудно быть богом».

Власть — ценности и цели. Власть и культура

Представляется, что тема культуры для научно-технического романтизма обладает особым значением в двух отношениях и на двух уровнях. Один, относительно более частный, — функциональный: значение культуры как составного компонента социально-политического развития. В этом отношении культура рассматривается: а) как компонент личностно-социального развития человека, его способности воспринимать мир и утверждать в нем ценностно-значимые начала; б) как фактор, определяющий горизонт надежд общества и исторически конкретный политиче-

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 286.

ский инструментарий человека, пытающегося преобразовать его в соответствии с данными ценностными началами; в) как вытекающий из этого ментальный и политический инструментарий существующей политической власти.

Второй уровень значимости темы культуры имеет для научно-технического романтизма еще более глубокий, внутренне образующий смысл. Поскольку сквозной доминантой данного феномена является романтически-антропологический компонент, романтичность, то есть эмоционально-возвышенное мироощущение, а воссоздающей его сферой является культура и искусство, последние в принципе необходимы данному феномену, вне них его полноценное воспроизводство и распространение вряд ли возможно:

«Я воспринял всю глубину падения тормансиан, когда выяснилось их отношение к художникам. Они не понимали, что люди искусства крупными отвоевывали у смерти во времени, у разброса в пространстве красоту, мечту, идеал несостоявшегося, но возможного, слагая лестницу подъема из inferно, прочь от размытых чувств и мгновенного счастья природы.

— Отлично сказано, Миран, — похвалил учитель.

— Именно в том, чтобы помогать подыматься из inferно, и состоит назначение художника. Без этого есть лишь слепой талант, как бы велик он ни был. Спектр очарования природы: звериная сила тела, чувство бесконтрольного приволья, водоворот вечного кочевья, охоты, сражения, «злые» чары темной страсти — все, что составляет анимальную сущность диких сыновей и дочерей Земли. Этому могучему и древнему волшебству вы противопоставите свет и безграничную вселенную ноосферы — поверх темных глубин побежденного самим собой “Я”»¹.

Разрушение либо деградация этих сфер, как и их разрыв со сферой научно-технического и рационального ведет к деструкции самого феномена научно-технического романтизма, что в равной степени относится и к аспектам первого, функционального пласта значимости тем культуры.

В этом отношении компонент личностно-социального развития человека рассматривается И. Ефремовым. С одной стороны, для него именно гуманитарно-эмоциональная составляющая определяет возможность полноценного развития человека и цивилизации:

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 442.

«Наша культура долго оставалась насквозь технической и только с приходом коммунистического общества окончательно встала на путь совершенствования самого человека, а не только его машин, домов, еды и развлечений»¹, — без которого, даже набирая потенциал научно-технических достижений, она лишь больше погружается в плен инферно. С другой стороны, цивилизация, сосредоточенная на сохранении своей архаичной идентичности и уходящая от создания и принятия нового, ровно так же оказывается обречена:

«...ничего постоянного в индивидуальностях быть не может, кроме отсутствия инициативы и, пожалуй, еще страха перед вышестоящими. Многообразные страхи, пронизывающие такое общество, аналогичны суеверным страхам, возникавшим в изолированных остатках архаических культур, где ужас перед богами заставлял ограждать себя сложнейшими ритуальными обрядами вместо сознательной ответственности за свои поступки»², — обречена на возрождение в страхе перед восходящими изменениями.

В этом отношении центральным вопросом культурно-цивилизационного развития становится вопрос развивающейся эмоциональности:

«...мысль, тоже отчасти связанную с историей, с прошлым, но которую я считал закономерной для будущего общества, — мысль, что культура его сделается более эмоциональной, чем-то напоминающей культуру эллинов. Из всех предшествующих цивилизаций, на мой взгляд, именно эллины сумели наиболее полно, законченно выразить культ красоты, здорового и прекрасного человеческого тела. Поэтому мне думается, что цивилизация будущего, которая станет, несомненно, еще более эмоциональной, многое возьмет и у древней Эллады»³, — как уводящей от изолированности архаики, так и придающей осмысленность научно-техническому развитию.

Разрыв культурно-эмоциональной и научно-технической составляющей, по мысли И. Ефремова, выстраивает ловушку человеческому восхождению, направляя его в тупик социальной деградации:

«Ученый тех времен казался глухим эмоционально; обогащенный эмоциями художник — невежественным до слепоты. И между

¹ *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды... С. 56.

² *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 126–127.

³ *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды... С. 469–473.

этими крайностями обыкновенный человек ЭРМ, предоставленный самому себе, не дисциплинированный воспитанием, болезненный, теряющий веру в себя и людей и находящийся на грани нервного надлома, метался от одной нелепости к другой в своей короткой жизни, зависевшей от множества случайностей. Самым ужасным казалось отсутствие ясной цели и жажды познания мира у очень многих людей, без интереса глядевших в темное, не обещавшее никаких существенных изменений будущее с его неизбежным концом — смертью»¹, — ровно так же, как, с одной стороны, сохранение изолированности архаики:

«Счастье Земли заключалось в том, что человечество возникло из различных отдаленных групп и создало на историческом пути множество обособлений, культурных и физических».

«В этом ключ к совершенствованию и преграда для превращения человечества в муравьиное общество. Слияние различных типов психологических структур, которые всегда будут вести себя по-разному в общем потоке культуры, — величайшее чудо и свидетельство прекрасных качеств человека в направляющих рамках общественного сознания»².

С другой стороны, установление подавляющей различие культур монокультуры:

«На Земле у нас было великое множество народов, несколько больших культур, разные социальные системы. Во взаимопроникновении или в прямой борьбе они задержали образование монокультуры и мирового государства до тех пор, пока не поднялось общественное сознание и техника не обеспечила общество необходимой для подлинной коммунистической справедливости и коллективности аппаратурой. Кроме того, угроза всеуничтожающей войны заставила государства серьезнее относиться друг к другу в мировой политике, так называлась тогда национальная конкуренция между народами»³.

Значимость культуры как фактора, определяющего горизонт надежд общества и исторически конкретный политический инструментарий человека, рассматривается А. П. Казанцевым как на примере ранее затронутой темы трагедии Горного рыцаря, пытавшегося утвердить в мире идеалы справедливости и добра через формы

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 33.

² Там же. С. 173, 258.

³ Там же. С. 208.

и инструменты, ограниченные современным ему культурным уровнем и приводящие к увеличению зла и несправедливости¹, а также в коллизиях и спорах о возможных путях возрождения цивилизации погибшей планеты в романе «Фаэты».

Сама трагедия гибели планеты рассматривается как результат разрыва гуманитарной и технической оставляющей цивилизации: две противостоящие державы позиционируют себя как континент «древних», хранящих традиции, выливающиеся к идеи расового деления на «высших» и «низших», и застывшего в своем культурном и техническом развитии, и континент «культурных», воспринимающих культуру как исключительно техническое развитие. В данной модели в обоих случаях оказался исключен компонент развития собственно культурно-гуманитарного развития, что и пытаются осмыслить и преодолеть выжившие в катастрофе:

«Нельзя дальше брать у культуры одни только средства уничтожения, не сможет так существовать Фаэна!»²

Названная проблема сама предполагает минимум две обозначенные А. П. Казанцевым дилеммы.

Первая — поставить задачу развития на основе сохраненного потенциала при согласии на более сложные условия жизни:

«Гор Зем, пойми, — убеждал Аве. — У пяти оставшихся на Земе фаэтов может быть только одна цель — не просто выжить, а сохранить цивилизацию, передать наследие разума грядущим поколениям...

— Р-разве? — зарычал Гор Зем, вперив тяжелый взгляд в Маду.

Мада смущенно отвернулась.

— После нас на Земе должны жить культурные фаэты, — подтвердил Аве Мар. — И наш долг — сохранить им знания, которыми сами обладаем»³, — либо сосредоточиться на обеспечении выживания оставшихся, отказавшись от попыток сохранить оставшийся потенциал культуры и знаний, что в силу сложившихся обстоятельств приходится выбрать группе фаэтов, достигших Земли, пожертвовавших имевшимся потенциалом развития для спасания группы фаэтов, сохранившихся на Марсе.

¹ Казанцев А. П. Донкихоты Вселенной... С. 267.

² Казанцев А. П. Фаэты... С. 58.

³ Там же. С. 131.

Вторая — развитие оказавшегося в руках последней группы культурного и технического потенциала для восстановления цивилизации, что чревато повторением катастрофы самоуничтожения, либо отказ от технического развития для устранения подобной угрозы в зародыше, выбранный в итоге этой группой:

«...чудесные стихи Тони Фаэ, нашего древнейшего поэта, стали теперь бездумными молитвами. Мариане бормочут их во время религиозных обрядов. Невежество порождено страхом, разложившим культуру, убившим Знание»¹, — что приводит к цивилизационному и биологическому вырождению:

«Мне же горько было узнавать историю увядания великой марианской культуры, наследовавшей цивилизацию фаэтов, а ныне задавленной, поглощенной религией Страх. Видимо, не сразу восторжествовало это мрачное учение. Культура мариан сопротивлялась. И не один раз был нарушен запрет Моны лететь к Земле. Но, очевидно, привезенные оттуда впечатления говорили не в пользу людей. И недалёковидные Советы Матерей вместе с новыми жрецами повернули цивилизацию мариан в тупик»².

Вопрос преобразования социума и мира в соответствии с идеальным конструктом зависит от состояния наличного субъекта преобразования, которым в конкретных условиях выступает власть. Решать названную задачу она способна в той мере, в какой сама выступает носителем данного идеала, причем не только в его общежелательных итоговых контурах, но его смысловой эмоционально-возвышенной сущности: власть для успеха преобразования мира должна быть причастна типу и состоянию культуры, создавшей данный идеал.

Развивая анализ проблемы власти, А. и Б. Стругацкие в разных произведениях рассматривают разные варианты соотношения власти с обществом, ее средств и целей, приходя на определенном этапе к выводу, что даже наиболее эффективная власть в итоге ведет к упадку, если не имеет целей и смыслов осуществления своего господства, которые могут быть, по их мнению, обеспечены лишь сферой культуры. Последствия разрыва власти и культуры моделируются в книге «Трудно быть богом»³, развиваясь в сложную фило-

¹ Казанцев А. П. Фаэты... С. 469.

² Там же. С. 471.

³ Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. Трудно быть богом // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. в 11 т. Т. 2. — М., 2007. — С. 686.

софско-политическую тему сути власти, целей, средств и методов ее осуществления.

Стругацкие постулируют тезис о том, что в определенной ситуации власть, не сумевшая решить проблемы общества и оказавшаяся неэффективной, в качестве средства обеспечения своей популярности начинает тяготеть к уничтожению носителей культуры, играя на предрассудках многочисленных малозатронутых последней социальных групп:

«Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные»¹.

Конфликт власти и культуры² вызывает их беспокойство не с точки зрения неприязни к стилю и средствам носителей власти — они всегда были реалистами в отношении к вопросу моральной оценки политической практики: «Цели наших прогрессоров были всегда благородны. Средства же — почти никогда. Мы ПОНИМАЛИ прогрессоров, это верно. Мы понимали, что они не могут равнодушно стоять в стороне, наблюдая, как разумные существа мучают и убивают друг друга. Нам понятно было их стремление изменить порядок вещей и ускорить прогресс. <...> Как здесь, на нашей земле, всегда понимали действия, скажем, милиции против бандитов»³.

Однако они прогнозируют более опасные последствия подобного конфликта. Политико-философский анализ художественных произведений и публицистики Стругацких позволяет сделать вывод, что, по их мнению, власть, разорвав с культурной составляющей и находясь в конфликте с ней, не могла обеспечивать создание условий для выполнения функций системы будущего общества и функционально не способна его построить.

Темы роли интеллектуалов в политике, культуры в политике, а также синтеза и взаимодействия культур вообще являются характерными для отечественной политической мысли XX в. Среди прочего, они затронуты в исследовании Н. А. Степаненко, в частности,

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом... С. 378.

² К теме власти и культуры они обращались в произведениях «Сказка о Тройке» (1968), «Град обреченный» (1972), «Отягощенные злом» (1988), эту тему Б. Стругацкий постоянно комментирует в созданных уже в 1990-е и 2000-е гг. «Комментариях к пройденному», «Интервью длиной в годы».

³ См.: Стругацкий Б. Интервью длиной в годы... С. 124.

ее обращении к политико-философскому наследию Ю. А. Жданова¹, его роли в решении проблемы Запада и Востока. Она отмечает, что Ю. А. Жданов «делает большой шаг в решении проблемы Запада и Востока, заявив, что нельзя ограничиться лишь взаимным ознакомлением и обменом культурными ценностями; необходимо преодолеть то реакционное, консервативное, что имеется в каждой культуре. Синтез культур Востока и Запада возможен, по его мнению, лишь на гуманистической основе, отсекающей все темное, злое в традициях обеих культур и утверждающей дух вольности и просвещения»². Актуальность этой проблемы: «Современное общество всесторонне детерминировано развитием научного знания, что позволяет многим философам, социологам говорить о нем как об “обществе знаний”». Однако знание, во многом способствующее повышению качества жизни человечества, несет в себе сегодня многочисленные риски»³, — отмечает и ряд современных ученых. «Разрушительный потенциал научно-технологического знания, позволяющий говорить о феномене “опасного познания”, является предметом философского анализа многих отечественных и зарубежных исследователей»⁴. В целом как таковая она требует самостоятельного и особого рассмотрения. Не менее важно рассмотреть эту проблему более подробно в контексте внутренних противоречий концепта научно-технического романтизма.

Власть и проблема метакультуры

С точки зрения научно-технического романтизма, власть способна реализовать только те цели, смыслы и идеалы, которые существуют в доступных ей пластах и состоянии культуры. В архаично-изолированном обществе она под воздействием его куль-

¹ «Призвал ученых объединиться для общей и планомерной работы с целью духовного возрождения России, развития русской культуры — основного оплота единства России и защиты российской нации». (Степаненко Н. А. Указ. соч. С. 15.)

² Там же.

³ Калинина Н. А. «Опасное знание» в «глобальном обществе риска»: концептуальный анализ: дис. ... канд. философ. наук: 09.08.08. — Ростов н/Д, 2014. — С. 3.

⁴ Калинина Н. А. Указ. соч. С. 4.

туры при прочих будет воспроизводить архаичность¹, в обществе множества разделенных между собой культур будет использовать и усиливать противостояние, используя его как средство собственного укрепления: в «Фаэтах» А. П. Казанцева противостояние цивилизаций «древних» и «культурных» (Властьмании и Даньджаба), в основе порожденное экономическими интересами, достигает критического уровня и приводит к катастрофе как раз тогда, когда в экономической сфере достигнут приемлемый баланс, но не разрешенными оказываются культурно-цивилизационные конфликты элит, в обществе исключаяющей культурные различия монокультуры последняя становится пространством беспрепятственного утверждения олигархической диктатуры:

«На Земле у нас было великое множество народов, несколько больших культур, разные социальные системы. Во взаимопроникновении или в прямой борьбе они задержали образование монокультуры и мирового государства до тех пор, пока не поднялось общественное сознание...

— А у нас на планете Ян-Ях, населенной одним, по существу, народом, при монокультуре развитие оказалось однолинейным.

— И вы не успели опомниться, как на всей планете воцарилась олигархическая система государственного капитализма!»²

Подобное противопоставление изолированно-архаичных культур и образующей инферно монокультуры как двух полюсов порочности, при отдельно выделяемом типе единой культуры, складывающейся из взаимодействующего многообразия ее составных, позволяет, как представляется, говорить об идее метакультуры, описываемой и И. Ефремовым, и А. П. Казанцевым.

По их мысли, оптимально состояние, когда множество разных культур обладают общим основанием для взаимодействия и способностью к взаимопроникновению и основанному на этом развитию при сохранении своего своеобразия. С одной стороны, это обеспечивает сохранение многообразия и защищает от опасности того или иного монополизирующего диктата, с другой — противостоит опасности ситуации, когда множество представителей разных культур оказываются в напряженном состоянии дискомфорта

¹ «Общество матерей» в «Фаэтах» А. П. Казанцева.

² *Ефремов И. А. Час Быка...* С. 203.

«взаимотерпения», блокирующего потенциал интеграции и накапливающего потенциал латентной конфликтности.

«Метакультурность» у данных авторов выступает в двух политических временах.

С одной стороны, и И. Ефремов, и А. П. Казанцев исходят из предположения о существовании на Земле некой общей исходной культуры, со временем давшей обособления дочерних производных от нее младокультур, потенциально способных к взаимопроникновению.

Для А. П. Казанцева как сторонника теории палеоконтакта это культура, принесенная на планету из космоса, в версии его «Фазтонов» уцелевшими представителями погибшей цивилизации Фазтона, после гибели которого они в ходе «миссий Разума» перенесли ее в Индию, на Ближний Восток и в Южную Америку.

Для И. Ефремова основа большей части культур Земли — древняя единая крито-индийская цивилизация, археологические свидетельства которой разбросаны от Северной Америки до Западного Китая:

«Просто я плохо представляю крито-индийскую культуру. <...> Ее следы теперь находятся на огромном пространстве от Америки через Крит, юг Средней Азии и Северную Индию до Западного Китая»¹, — давшая основу всем остальным известным цивилизационным очагам Земли.

В отношении прошлого их представление о древней метакультуре — гипотеза, основанная для каждого из них на множестве личных исследований как в области «палеоконтакта» для А. П. Казанцева, так и палеонтологии для И. Ефремова.

Одновременно в отношении закономерностей развития культуры и ее будущего развития метакультура — представление о совместимости и содержательном единстве культур разных цивилизаций, подчиненных общим социально-политическим законам развития. С этой точки зрения единство культур Земли через их сближение и взаимообогащение для научно-технического романтизма рассматривается как необходимое условие дальнейшего исторического восхождения цивилизации:

«В этом ключ к совершенствованию и преграда для превращения человечества в муравьиное общество. Слияние различных

¹ *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды... С. 106.

типов психологических структур, которые всегда будут вести себя по-разному в общем потоке культуры, — величайшее чудо и свидетельство прекрасных качеств человека в направляющих рамках общественного сознания»¹.

С одной стороны, эта способность к объединению и взаимообогащению позволяет преодолеть узость рождаемой упрощенным технократизмом:

«Очистка ноосферы от лжи, садизма, маниакально-злобных идей стоила огромных трудов человечеству Земли. Здесь, у вас, я физически чувствую колючую ноосферу грубости и озлобления. Вероятно, в этом повинны и ученые, которых вы так не любите. Пытаясь заменить человека машиной, они впали в опасную ошибку и распространили в ноосфере однобокое линейно-логическое мышление, принимаемое за сущность разума»², — специализации и дисперсии субсоциальных культур:

«...на Земле было время, когда при множестве разных языков и разных уровнях культуры одинаковые слова обладали совершенно различным значением. Даже внутри одного языка в разных классах общества. И все же эту великую трудность удалось преодолеть после объединения земного человечества в одну семью. Бойтесь другого: чем ниже уровень культуры, тем сильнее сказывается прагматическая узость каждого словесного понятия, дробящегося на мелкие оттенки, вместо всеобщего понимания»³.

С другой стороны, она же предупреждает опасность закрепления инферно через установление монополизированной олигархической диктатуры:

«И вы думаете, что здесь, на Тормансе, — инферно? Что крышка всепланетного угнетения здесь захлопнулась, потому что они не достигли...

— У них всепланетная олигархия наступила очень быстро из-за однородности населения и культуры, — пояснила Родис»⁴.

Причем самым сложным в обеспечении развития этой культуры и в отношении власти к этой культуре становится, с одной стороны, соблюдение меры:

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 258.

² Там же. С. 286.

³ Там же. С. 418

⁴ Там же. С. 109.

«И мы продолжаем говорить, что основа культуры — это понимание меры во всем. С возрастанием уровня культуры ослабевало стремление к грубому счастью собственности, жадному количественному увеличению обладания, быстро притупляющемуся и оставляющему темную неудовлетворенность. Мы учим вас гораздо большему счастью отказа, счастью помощи другому, истинной радости работы, зажигающей душу. Мы помогли вам освободиться от власти мелких стремлений и мелких вещей и перенести свои радости и огорчения в высшую область — творчество»¹, — в частности применительно к процессам взаимопроникновения и обогащения наряду с сохранением множеств особенностей, а с другой, сохранение в центре внимания культуры и власти человека и преодоления им дико-природного при высвобождении идеально-возвышенного:

«Прежде чем научиться нести чужое бремя, мы учимся, как не умножать это бремя. Стараемся, чтобы ни одно наше действие не увеличивало суммы всепланетной скорби, постигая диалектику жизни, гораздо более сложную и трудную, чем все головоломные задачи творцов научных теорий и новых путей искусства. Самое трудное в жизни — это сам человек, потому что он вышел из дикой природы не предназначенным к той жизни, какую он должен вести по силе своей мысли и благородству чувств»².

Власть и идеология

Анализ текстов, представляющих феномен научно-технического романтизма, позволяет говорить, что в своем философском осмыслении власти, которая им рассматривается как инструмент преобразования мира в соответствии с выделенным им смыслами и идеалами, и реализации создаваемого им альтернативного политико-философского конструкта, он помещает ее рассмотрение в сферу таких начал, как ценности, смыслы и цели.

Как было отмечено в первой главе, сам по себе научно-технический романтизм не является политической идеологией, поскольку характеризующие его начала: а) антропологический оптимизм, вера в человека; б) социально-политический сциентизм; в) гуманистический технократизм — могут быть представлены в разных идеологиях.

¹ *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды... С. 209.

² *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 424.

Вместе с тем обращение к сферам ценностей и целей предполагает, что ни он не может быть реализован вне тех или иных идеологий, ни субъектность политического воздействия, как и власть в целом, не рассматривается им вне существования идеологии.

Проблема тяжести утраты идеалов оказалась главной в повести «Парень из преисподней»¹. Осмысливая проблему утраты ценностных оснований, Стругацкие постулируют положение о том, что утрата ценностей и идеалов страшна сама по себе, вне зависимости от того, истинны или не истинны последние. Как представляется, в подходе Стругацких к данному вопросу можно выделить следующие значимые моменты.

Первое, человек не может существовать вне значимого для него ценностного мира.

Второе, ни при каких благих намерениях, в том числе намерениях освобождения человека, свержения угнетающей его тирании, «раскрытия правды», никто не имеет права ломать его ценностный мир. Это же положение можно встретить уже в «Трудно быть богом» (приводимый ранее диалог Руматы и Будаха):

«Будах неловко засмеялся.

— Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

— Я мог бы сделать и это, — сказал он (Румата. — Ю. Ч.). — Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?»²

Третье, человек имеет право на выбор своих ценностных оснований, целей и смыслов.

Четвертое, попытка уничтожения ценностных оснований человека и общества ведет не к просвещению последних, а к их уничтожению, навязывание невызревших ценностей в принципе неосуществимо.

Пятое, состояние разрушения исповедуемых идеалов или их отсутствия значительно деструктивнее преданности спорным идеалам, даже если они оспорены со стороны лучших и более прогрессивных.

¹ Стругацкий Б. Интервью длиною в годы... С. 225.

² Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом... С. 406.

По мысли Стругацких, более высокий и совершенный идеал или ценностный мир должен не уничтожать предыдущий, а включать в себя, снимая и преодолевая в признании его позитивного содержания.

Вывод о недопустимости разрушения ценностного мира человека для Стругацких оказывается частью рефлексии по поводу *возможности существования общества без идеологии*. Размышления Стругацких об идеологическом вакууме выстраиваются в цельную концепцию, которую авторы излагают в романе «Град обреченный»¹. В смоделированном городе Эксперимента жители знают, что участвуют в эксперименте, но не знают, в чем заключается этот эксперимент.

Стругацкие моделируют общество, лишенное идеологии, и в его рамках предлагают модели разных политических устройств, так или иначе оказывающихся бесперспективными в силу отсутствия смыслов развития.

Поставив в центр своего внимания проблему возможности существования «общества идеологического вакуума», они приходят к выводу, что любое общество при любом общественном устройстве и любой политической системе не может полноценно существовать без утвердившейся в нем идеологии. Здесь можно увидеть, возможно, лишь косвенно обозначенное парадоксальное положение: «Утрата идеологии ведет к фашизму».

Причем, может быть, самым главным оказывается обращение данного тезиса к явно успешному обществу, сумевшему решить все противоречия: «Гейгер умелый вояка, не трус, не склонен к подлянке, хороший товарищ — что еще требуется от человека, с которым тебя отправляют в разведку»². Вопрос для Стругацких в том, что все описанные проблемы — на самом деле проявления одной, базовой, занимавшей их: все это неизбежные атрибуты общества без идеологии.

Возможно, главную угрозу для человеческого общества и его развития они видят в угрозе общества без идеологии, по их мнению, способного лишь к деструкции. Самая тактически эффективная власть, сумевшая остановить хаос и накормить общество, окажется в итоге стратегически неэффективной, если не сможет опереться на идеологию, на цели и ценности, принимаемые обществом.

¹ Стругацкий Б. Интервью длиною в годы... С. 236.

² Там же. С. 237.

Свою базовую утопию, мир Полудня, Стругацкие создали в рамках разделяемой ими идеологии. Столкнувшись с сомнениями в быстрой реализации описанных идеалов, обратились к теме общества без идеологии и признали его бесперспективность и ущербность. Вопрос не в методах — вопрос в целях¹.

Можно говорить о наличии у Стругацких одновременно нескольких тезисов, касающихся темы воздействия на сознание:

- 1) разрушать ценностный мир человека и заменять его ценности иными, ему не свойственными, нельзя, никто не имеет на это права, и привести это может лишь к разрушению сознания человека;
- 2) общество в состоянии идеологического вакуума существовать не может, и деидеологизированное общество способно лишь к самодеструкции;
- 3) соответственно, воздействовать на сознание, формируя у человека идеологию, можно и нужно.

И, как представляется, одна из угроз деидеологизированного общества, по мысли Стругацких, — это как раз его подверженность манипуляциям сознанием.

Как таковая она становится предметом осмысления научно-технического романтизма в нескольких отношениях: с точки зрения характера существующих у нее целей; с точки зрения соотношения ее целей и средств; с точки зрения ее способности добиваться поставленных перед ней целей, с точки зрения ее политико-этической ответственности за результаты ее действий.

Выводы по разделу

В основе подходов научно-технического романтизма лежит ощущение несовпадения существующего состояния мира с его возможно-желаемым состоянием, основанное на способности к критически-реалистической оценке действительности, развивающейся в ходе описанных ранее циклов «апробации — адаптации — новой апробации», как политический реализм в оценке отношений политической действительности.

В этом отношении можно сказать, что в анализе политических явлений научно-технический романтизм предельно реалистичен,

¹ Стругацкий Б. Интервью длиной в годы... С. 214.

не нормативен и, по сути, чужд институциональности: институты и нормы политики существуют для него лишь как функция эффективного осуществления его преобразующих проектов.

Анализируя во многих произведениях власть как одну из ведущих политических категорий, представители научно-технического романтизма рассматривают ее не как институт политики, обслуживающий общество, но и не как высшее начало, доминирующее над обществом. Власть с точки зрения его подходов — это способность ставить цели, обеспечивать их достижение и сохранять в этом целедостижении базовые смыслы данного социума.

Предлагая в ряде работ анализ диалектики соотношения власти, ее смыслов и выборы приоритетов, целей, средств, смыслов, ограничений, пределов, ответственности, ведущие представители научно-технического романтизма постулируют подходы, согласно которым власть может оцениваться только по эффективности достижения ею поставленных целей реализации базовых принятых обществом смыслов.

Власть с этой точки зрения не ограничена ни противоречием между средствами и реализуемыми идеалами, которое снимается в категории ответственности за реализацию этих идеалов, ни существующими нормами и правилами, которые могут пересматриваться в интересах эффективности утверждения высших смыслов.

Соответственно, научно-технический романтизм обосновывает деструктивность существования деидеологизированного общества и деидеологизированной власти как лишенных ценностных оснований, целей и смыслов существования, рассматривая как недопустимое уничтожение в ходе политической борьбы тех или иных ценностей человека вне зависимости от их характера, рассматривая его как уничтожение самого человека.

Отсутствие в обществе идеологии рассматривается как открытие пространства манипуляции поведением человека и лишение его человечности, основными гарантами сохранения которой являются идеология как носитель ценностей и целей и культура как система противостояния ограничениям инферно, подчинения человека низменно-животному в его природе.

Придавая особое значение сохранению и развитию культуры, представители научно-технического романтизма вырабатывают концепт метакультуры, предполагающий развитие и сохранение

максимального разнообразия национальных культур при их взаимобогащении и основном на нем развитии.

Сфера культуры и художественной, и политической обладает для научно-технического романтизма особой значимостью: и как сфера личностного формирования человеческого, и как сфера художественно-образной артикуляции его политико-философских постулатов.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Политическая философия научно-технического романтизма в первую очередь включает в себя три основных уровня: общее антропологическое основание; альтернативное идеальное конструирование (то есть создание и реализация политико-философского идеала будущего); общий политико-философский реализм научно-технического романтизма.

В основе антропологии научно-технического романтизма лежит романтичность как таковая, то есть ощущение эмоционально-возвышенного отношения к миру во всех его проявлениях как определенный синтез эмоционального и рационального, воспринимаемый в единстве политического времени прошлого, настоящего и будущего, в котором человек научно-технического романтизма эмоционально воспринимает смыслы и идеалы этого мира и рационально конструирует образы и пути их реализации в преобразуемом им мире. Мир воспринимается и рассматривается как подлежащий рациональному преобразованию в соответствии с этими идеалами, ценностями познания и созидания, реализуемого на основании достижений научно-технического прогресса, выступающего материальным обеспечением возможностей реализации творческого потенциала каждого человека. Одновременно его романтичность, развернутая в будущее, предполагает два вектора: как установка на могущество человека в мире и его преобразование в соответствии с выявленными идеалами, так и сохранение романтичности и человечности в межличностных отношениях.

Идеал политического устройства будущего предполагает создание эгалитарно-партиципаторного общества, предполагающего раскрытие способностей каждого человека в интересном для него и творческом труде с доминирующей ролью профессий, ориен-

тированных на формирование и поддержание человека (учителей и врачей), при всем этом сохраняющее противоречивость как источник его развития, с одной стороны, и требующее напряжения и преодоления препятствий на пути к его созданию.

Создание подобного общества авторами произведений научно-технического романтизма рассматривается как естественный и неодолимый результат прогресса, отказ от движения к которому обрекает общество либо на самоуничтожение, либо на неизбежную деградацию.

Сохраняя романтичность в ее соединении с рационализмом и сциентизмом, научно-технический романтизм несет в себе начало политико-философского реализма, особое внимание уделяя роли, пределам, ценностям и критериям оценки власти. В рамках данных подходов власть рассматривается как институт, оцениваемый и подчиненный не закону либо морали, а исключительно с точки зрения эффективности, смыслов преобразований, востребованных полисом, и ответственности власти перед обществом за свои результаты.

При этом научно-технический романтизм исходит из признания особой роли культуры, как общей, так и политической, существующей в данном социуме, в конечном счете — определяющей смыслы и ценности, разделяемые обществом и принимаемые властью.

Глава 3

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА И ВОПРОС ЕГО НАСЛЕДИЯ

Эмоционально-возвышенное мироощущение в синтезе с рационально-сциентической ориентацией на познание мира и его преобразование в соответствии с созданными в рамках альтернативного политического конструирования идеальными образцами предопределяет для научно-технического романтизма способность и возможность конструировать, наряду с научно обоснованными желаемыми моделями, модели альтернативные уже и им.

Научно-технический романтизм, осмысливая существующий мир и тенденции его развития, на первом этапе выстраивает оптимальный для последнего желаемый образец, на втором этапе предлагая пути и средства его достижения, одновременно рассматривая альтернативу данному движению.

Сохраняя свойственный данному феномену политический реализм, научно-технический романтизм, как было отмечено в предыдущей главе, предупреждает о возможных противоречиях предлагаемого им конструкта, но и о препятствиях на пути его реализации.

В этом отношении наиболее прямо высказывается И. Ефремов: мечты «о “прыжке из царства необходимости в царство свободы” не просты и потребуют от людей высочайшей дисциплинированности и сознательной ответственности за каждое действие»¹. Подобное предупреждение содержится и у А. и Б. Стругацких, говорящих о будущем, как о «братстве закаленных бойцов, знающих, жизнерадостных, честных»². Движение в будущее и само будущее

¹ *Ефремов И.* Час Быка... С. 6–7.

² *Стругацкий А., Стругацкий Б.* От бесконечности тайн к бесконечности знаний / Собр. соч. в 11 т. Т. 11... С. 502.

видится им в первую очередь как напряженное действие, связанное с преодолением и трудностями. Соответственно, в рамках научно-технического романтизма формируется представление и о возможном сопротивлении этому действию, и о страхах, способных привести к отказу от избранного пути¹, и, в конечном счете, к разрушению единства составных данного феномена, а следом его абсолютизированной субъектности как эмоционально-возвышенного отношения к миру, ощущения собственной способности к преобразованию.

Изъятие из триады составных феномена научно-технического романтизма того или иного компонента ведет к разным сценарным вариантам деструкции общества. При отказе от установки на преобразование мира те или иные комбинации эмоционального и рационального отношения к миру в интеллектуальном плане ведут к созданию моделей подчиненного отношения к окружающей действительности. Однако в эмоционально-ценностном отношении настроения социума неизбежно сохраняют ту или иную меру научно-технического романтизма и ожиданий его равноценного замещения.

В сложившейся совокупности моделей можно выделить три основные группы. Первая — предупреждающие сценарные модели последствий тех или иных вариантов разрушения единства составных феномена научно-технического романтизма, описанные классиками данного направления.

Вторая — альтернативные научно-техническому романтизму интеллектуальные модели и трактовки возможности улучшения мира, предложенные после деструкции данного феномена и лишенные его абсолютизированной субъектности идеально-возвышенного преобразование мира.

Третья — состояние современного политического сознания России с точки зрения степени сохранения в нем элементов готовности к эмоционально-возвышенному мироощущению, ожидания восстановления комплексно преобразующего мир проектного развития.

Центральным вопросом оказывается востребованность либо невостребованность в ценностном сознании современного

¹ «Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я с полпути повернул обратно. С тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы». (Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. За миллиард лет до конца света... С. 352.)

российского общества запроса на восстановление феномена научно-технического романтизма и перспективы восстановления его субъектности.

Раздел 3.1. ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И СЦЕНАРИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОМАНТИЗМА¹

Тема страхов перед будущим вполне зримо осознается представителями научно-технического романтизма и фигурирует в ключевых романах-предупреждениях: в «Часе Быка» И. Ефремова цивилизация Торманса основана бежавшими с Земли из страха перед будущим переселенцами, в «Фаэтах» А. П. Казанцева идеология страха перед научно-техническим прогрессом ложится в основу запретов «цивилизации матерей», в результате приходящей к социальному и физическому вырождению, у А. и Б. Стругацких момент страха перед будущим и рисками преодоления обозначается в «Улитке на склоне», «За миллиард лет...», описанию его последствий посвящается серия произведений об обреченных мирах, и в первую очередь роман «Обитаемый остров». Последний писался практически одновременно с названными романами И. А. Ефремова и А. П. Казанцева, что подтверждает предположение о некоем общем моменте осмысления проблематики отказа от будущего сознанием научно-технического романтизма, особенно с учетом процессов, рассмотренных в 3-м разделе главы 2.

Все описанные ими миры — миры деградационные, либо остановившиеся в развитии, либо обреченные на гибель, то есть с позиции научно-технического романтизма страх преодоления означает не только отказ от некоего конкретного пути в будущее, он в принципе ведет к отказу от начала воли и преодоления, предопределяя будущую неспособность к противостоянию с миром и к его преобразованию.

¹ Ряд тезисов, приведенных в параграфе, апробирован в статьях Ю. С. Черняховской: Полиидейность в романе «Фаэты» А. Казанцева // Новый филологический вестник. 2019. №. 1. С. 207–221; Власть и история в политической философии братьев Стругацких // Власть. 2010. № 2. С. 80–83.

Можно предположить, что в значительной степени данный момент детерминируется самим имманентным содержанием научно-технического романтизма, его эмоционально-возвышенным ощущением мира. Данное ощущение предполагает постоянное пребывание человека и социума в соседстве с началами большими, чем они сами, отвечая на их масштабность масштабностью принимаемого ими вызова и действия. Однако в ином ощущении, ощущении себя не как готового принять вызов большего мира и согласиться на его преобразование, а себя как меньшего, чем мир, и вынужденного принимать этот больший мир как доминирующее и подчиняющее, пугающее своей огромностью начало, последнее ощущение становится ощущением страха перед огромностью и величием. Субъект, приняв страх как детерминанту, разрушает свою погруженность в мир и ощущения научно-технического романтизма и принимает подчинение миру как доминанту своего мироощущения и поведения. В итоге оказывается обречен на поражение в любом противостоянии с внешними обстоятельствами.

В метафорическом виде подобное внутреннее противостояние было описано Б. Стругацким в образе обезьяны, сидящей в каждом человеке и затягивающей его в расслабленность: «Ей не нужно для “взбрыкивания” никаких специальных обстоятельств и ситуаций. Это что-то вроде инстинкта. Схватившись за горячее, человек шипит и отдергивает руку. Обнаружив, что ты садишься за машинку, обезьяна сейчас же предлагает: а не лучше ли попить чайку и почитать сегодняшнюю газету — не читал ведь еще, не удосужился»¹, и противопоставляется началу труда, преобразования как основе человеческого в человеке: «Свобода не есть ЦЕЛЬ жизни человека. Свобода есть не-пременное УСЛОВИЕ полноценности и осмысленности жизни. Самое высокое наслаждение, доступное человеку, — это творческий труд»².

В рамках подходов научно-технического романтизма можно увидеть минимум два уровня обозначенных им обстоятельств, приводящих к отказу от движения в будущее: первое, общеисторического плана — определенное сочетание историко-политических условий; второе, политико-культурное — некое сочетание политико-психологических качеств, рождающее конкретный тип страха перед огромностью мира и его вызовов.

¹ Стругацкий Б. Интервью длиною в годы... С. 338.

² Там же. С. 469.

В отношении первого, историко-политического, в политической философии И. Ефремова позиции основных представителей научно-технического романтизма совпадают. Для смоделированных И. Ефремовым переселенцев Торманса, бежавших с Земли, это неприятие хода истории¹ и будущего наступления коммунистического общества:

«...начавшееся развитие общества обязательно или переход в высшую, коммунистическую форму, или всеобщая гибель? И ничего другого? <...>

— Бывали периоды долгого смятения, убийственных войн, отбрасывавших человечество некоторых планет назад, в нищету и одичание. Начиналось новое восхождение, новая война... Эту деградацию потомкам приходилось исправлять веками, несмотря на беспредельное могущество высшей общественной формы и помощь разума Великого Кольца.

— Но и тут приход этой формы коммунистического общества был неизбежен?

— Разумеется!»²

Для миров братьев Стругацких — это предполагаемый авторами еще в 1960-е гг. отказ страны от противостояния с системой капитализма и капитуляция перед ней: «Все перечисленное — ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ каждой проигранной войны, а мы как раз и есть страна, воевавшая со всем миром 70 лет и войну эту проигравшая — экономическую, идеологическую, политическую. Вот мы и имеем то, что должны иметь. Здесь нет пророчества, здесь — только логика»³.

Для мира Фаэны А. П. Казанцева, погибающей в итоге термоядерной войны двух сверхдержав, — это поражение на ней «власти справедливости»⁴, в результате чего на континенте утвердилась террористическая диктатура:

«Диктатором Яр Юпи стал в черные дни подавления Власти Справедливости. Перед рождением дочери он был всего лишь не-

¹ «...безумное предприятие беглецов с Земли, фанатиков, не захотевших покориться неизбежному ходу истории, увенчалось успехом...» (Ефремов И. А. Час Быка... С. 26.)

² См. Ефремов И. А. Час Быка... С. 11–12.

³ Стругацкий Б. Интервью длиною в годы... С. 78.

⁴ «Только сто три дня просуществовала Власть Справедливости». (Казанцев А. П. Фаэты. С. 23.)

приметным торгашом... Восстание сотрясло тогда Властьманию, лишило владельцев власти и владений. <...> Затаясь в жгучей ненависти, они не желали смириться с поражением. У них был звериный опыт борьбы каждого с каждым. Ведь они всегда насмерть схватывались и с тружениками, и между собой. Однако теперь они готовы были забыть о собственных распрах. Владельцы были по обе стороны океана. <...> Власть Справедливости была разгромлена»¹, — а судьбу планеты решило противостояние двух олигархических сверхдержав капиталистического общества.

В рамках прогноза научно-технического романтизма, в одном случае историко-политической причиной цивилизационного тупика выступает попытка развития вне перехода к социализму, в другом — геополитическая капитуляция социализма в противостоянии системе капитализма, в третьем — неудача установления на планете социалистической системы. Все три варианта объединяет один посыл: развитие цивилизации лежит через утверждение социализма, и если его не происходит, цивилизация оказывается обречена: И. Ефремов дает данной закономерности имя «порог Синед Роба», согласно которому общество, не обеспечившее свое моральное благополучие, обречено самоуничтожиться, достигнув рубежа выхода в межзвездный космос².

В каждом из трех вариантов пессимистического развития можно выделить свои различия политико-культурного плана. И. Ефремов в судьбе Торманса выделяет культурно-психологический страх перед развивающимся кризисом цивилизации, А. и Б. Стругацкие — перед состоянием напряженности и борьбы, А. П. Казанцев — рожденный прошлой катастрофой страх перед научно-техническим прогрессом.

В рамках специфики своих подходов классики научно-технического романтизма создают три проблемно-негативные модели будущего: первая конструируется в формате ограниченности социально-психологической травмой сознания, отказом от памяти предыдущей цивилизации, монокультурой, перерастающей в олигархическую монополию власти; вторая — в формате отказа от целей развития и, соответственно, воли к их реализации; третья — в формате отказа от научно-технического прогресса и выхода в космос, замыкания в собственной цивилизационной среде.

¹ *Казанцев А. П.* Фаэты... С. 25.

² *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 273–274.

Исходя из сказанного, альтернативные конструкты, предложенные классиками научно-технического романтизма, как представляется, имеет смысл рассмотреть как три блока сценариев развития вне пути к миру Полдня и «Туманности Андромеды».

3.1.1. Модель социума антропологической травмы. Первый сценарный блок

Первый, мир Торманса: человечество развивается в рамках утверждения на планете единой монокультуры и модели американского типа, сознательно исключив иные традиции и иной опыт социумов Земли.

На первом этапе происходит покорение и приспособление под себя всей территории планеты, основанное на непосредственном поглощении и использовании новых ресурсов.

На втором этапе образуется множество местных государственных образований, политически и экономически самостоятельных за счет освоения местных ресурсов, но развивающихся в рамках единой культуры и единой логики поведения, напоминающей логику освоения американцами новых территорий. В результате по мере роста потребностей этих образований и недостаточности местных ресурсов начинается конкурентная борьба между ними.

На третьем этапе взаимное поглощение конкурентов приводит к образованию двух однородных сверхдержав (Головного и Хвостового полушарий). Разворачивается мировое геополитическое противостояние.

Четвертый этап. Глобальное противостояние завершается войной, в решающей битве которой утверждается господство государства Головного полушария, в условиях единой монокультуры и отсутствия национально-религиозных различий приводящее к утверждению единой олигархической власти.

Пятый этап. Не сдерживаемая противостоянием хозяйственная и миграционная экспансия приводит к перенаселению, экологической катастрофе и голоду.

Шестой этап. Олигархическая власть из формы традиционной диктатуры переходит в форму технотронной диктатуры, основанной на тотальном электронном контроле за поведением граждан, технологиях контроля за психикой, полицейском терроре, ограничении рождаемости и срока жизни.

Властная пирамида чиновников, полицейских и высших правителей выстроена на противопоставлении двух классов: работников неквалифицированного труда, имеющих право на ограниченную временем физического расцвета недолгую жизнь, заполненную примитивными видами труда и массовыми развлечениями, и квалифицированных специалистов, имеющих право на долгую жизнь и более высокое благосостояние под таким же постоянным полицейским контролем, как и первая группа.

Седьмой этап. Установив всеобщий контроль, олигархической диктатуре удастся стабилизировать ситуацию, одновременно цивилизация окончательно утрачивает стимулы развития и впадает в стагнацию, осознаваемую властью, при всей своей абсолютности неспособной изменить ситуацию, несмотря на способности, волю и ум возглавляющего ее диктатора.

Социум Торманса изначально несет в себе культурно-психологическую травму. Его основатели оставляют Землю, считая ее цивилизацию тупиком, не принимая возможных путей ее возрождения и пытаясь пройти иной, альтернативный цивилизационный путь, однако отказавшись от познания и использования опыта земной истории. Начиная заново, они начинают на новой планете, обладая научно-техническим потенциалом, близким потенциалу оставленной ими Земли, но, с одной стороны, не имея целей и проекта будущего, с другой — выстраивая свою идентификацию на вымышленном историческом мифе. Реальная история у тех, кто с ней знаком, вызывает ненависть и желание ее забыть:

«— Ненавижу проклятую Землю, планету безграничного страдания моих предков!

— Ваших предков? — воскликнула Фай Родис, и у нее перехватило горло — ее догадка подтвердилась.

— Да, да, моих, как и ваших! Это тайна, охраняемая много столетий, и разглашение ее карается смертью!

— Почему?

— Чтобы не возникали мечты о прошлом, об ином мире, подтачивающие устои нашей жизни. Человек не должен знать о прошлом, искать в нем силу — это дает ему убеждения и идеи, несовместимые с подчинением власти. Историю надо срезать от корня и начать с момента, когда дерево человечества привилось на Ян-Ях»¹.

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 273–274.

Относительно высокий технический уровень Торманса, позволяющий иметь развитую авиацию, транспорт и электронику, соседствует с неготовностью науки к развитию и решению проблем экономики и народонаселения: ученые, имея привилегии и право на долгую жизнь, в массе своей погружены в соревнование за блага и получение привилегий от власти, которая и не может без них обойтись, и им не верит:

«Я не могу обойтись без них, без этих “джи”, но не верю им. Ученые — обманщики, трусы и ничтожные прислужники. Во многих поколениях они обманывали правителей и народ Ян-Ях, и... то же было в старину на Земле. Они обещали, что планета может прокормить неограниченное количество людей, и совершенно не учли, что земля истощится задолго до назначенной ими предельной цифры. Не учли вреда химических удобрений, отравивших растения и почвы, не учли необходимости определенного жизненного пространства для каждого человека. Не понимая всего этого, они не постеснялись выступить с категорическими заключениями. И в результате вызвали страшную катастрофу. Восемьдесят лет голода и убийств! Правда, за ошибки и наглость они расплатились. Тысячи ученых повесили вниз головами на воротах городов или перед их научными институтами. Ученые всегда обманывали нас, владык, и особенно математики и физики, в реальных успехах которых никто, кроме них самих, не мог разобраться. Так поступали жрецы и маги Земли. Нет, я не люблю ученых. Мелкие, тщеславные люди, избалованные легкой жизнью, а думают, что они знают тайны судьбы!»¹

И, возможно, здесь И. Ефремов проводит парадоксальную мысль: в деградации страны и общества винить подчас нужно не столько авторитарную власть, а состояние общества. И даже всевластный диктатор, пусть и оказываясь умным, волевым и талантливым, всего лишь становится пленником общества, в котором каждое его действие по закону «Стрелы Аримана», будучи по замыслу благим, приводит к противоположным результатам, лишь увеличивая страдания людей.

Мир Торманса у И. Ефремова — это модель отказа от выбора, сформулированного в его теории инферно и концепции прогресса как пути обоснованных возможностей, в рамках которых обще-

¹ *Ефремов И.* Час Быка... С. 283.

ство встает перед выбором¹: оно либо прорывается из инферно по пути к обществу познания и созидания, либо деградирует и гибнет. Моделируется попытка реализовать третий путь развития: построить новым мир с чистого листа, максимально возможно сохранив, с одной стороны, научно-технические достижения человечества, и полностью отказавшись от его гуманитарно-культурной памяти, выстроив мистифицирующую идентификацию героического характера как потомков несуществующей великой цивилизации, и предсказывается ее обреченность.

Цивилизация Торманса получает в наследство техническое могущество Земли и, развиваясь на пригодной к жизни планете, ощущает свое могущество в ее освоении, психологически подкрепляемое мистифицируемой героической идентификацией. При этом сам отказ от развития в рамках земной цивилизации означает, с одной стороны, отказ от попытки решить ее проблемы в силу неверия в возможности и разумность человека этой цивилизации, отказ от антропологического оптимизма, а с другой — отсутствие модели позитивного преобразования земного общества, образов и проектов его преобразования, неприятие социально-политического сциентизма.

Вместе это означает отказ от романтической составляющей, эмоционально-возвышенного отношения к миру и установки на его преобразование: основатели новой цивилизации, с одной стороны, не готовы принять вызов преобразования мира, с другой — бегут, не желая гибнуть вместе с миром, который они рассматривают как обреченный.

¹ «...начавшееся развитие общества обязательно или переход в высшую, коммунистическую форму, или всеобщая гибель? И ничего другого?»

— ...Бывали периоды долгого смятения, убийственных войн, отбрасывавших человечество некоторых планет назад, в нищету и одиночание. Начиналось новое восхождение, новая война... Эту деградацию потомкам приходилось исправлять веками, несмотря на беспредельное могущество высшей общественной формы и помощь разума Великого Кольца.

— Но и тут приход этой формы коммунистического общества был неизбежен?

— Разумеется!» (См.: *Ефремов И. А. Час Быка*. С. 11–12.)

По существу, по мысли И. Ефремова, попытка уйти от вызова преодоления инферно означает попытку создания нового мира при отсутствии проекта его создания. Отрекшись от цивилизации Земли, основатели новой цивилизации приходят на новую планету, обладая определенным могуществом, но лишенные и гуманитарно-антропологической, и социально-сциентической составляющей, лишенные проекта строительства нового мира, то есть обреченные на воспроизведение в новых условиях противоречий старого.

В подобной социально-психологической конфигурации ощущение и обладание техническим могуществом формирует не поведенческую культуру преобразователя, а поведенческую культуру покорителя, вместо доминанты познания и созидания, как результат, в социуме формируется доминанта подчинения и подавления: «Странное ощущение овладевало землянами. Будто бы они смотрели на свои же массовые представления, разыгрываемые на исторические темы. Они видели гигантские города, редко разбросанные по планете, точно воронки, всосавшие в себя основную массу населения. Внутри их люди Торманса жили в тесноте многоэтажных зданий, под которыми в лабиринтах подземелий происходила повседневная техническая работа. Каждый город, окаймленный поясом чахлых рощ, рассекал их широкими дорогами, точно шупальцами, протянувшимися в обширные поля, засаженные какими-то растениями, похожими на соевые бобы и картофель Земли, культивировавшиеся в огромном количестве. Самые крупные города находились вблизи берегов экваториального океана, на тех участках дельт рек, где каменистая почва давала опору большим зданиям. Вдали от рек и возделанных полей колоссальные площади суши были заняты сухими степями и редкой травянистой растительностью и бесконечно однообразными зарослями кустарников»¹.

И. Ефремов показывает, что ощущение и возможности могущества, определенный дегуманизированный технократизм без гуманитарной составляющей предопределяет утверждение жестокости и господства. При этом технократизм, не соединенный с социально-политическим сциентизмом, оказывается, с одной стороны, неспособен на эффективное социальное конструирование, а с другой — оказывается лишен своего главного достоинства, приоритета рациональной организации: «В поясах возделанной земли поража-

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 64.

ло отсутствие постоянных поселков. Какие-то унылые постройки, длинные и низкие, утомляли глаз повторением однообразия повсюду и в головном и в хвостовом полушариях, около больших городов и меньших концентраций населения. Тяжелые машины двигались в пыли, обрабатывая почву или собирая урожай, не менее тяжелые повозки с грохотом неслись по гладким и широким дорогам»¹, то есть, по существу, перестает быть и технократизмом.

По сути, социум Торманса оказывается беспроектен², сама идея идеального политического альтернативного конструирования из него элиминирована. Если первоначально, как было показано во второй главе, идея проектной альтернативности, во многом лежащая в основе века Просвещения и идей научно-технического романтизма, рождалась из своего рода удивления человеческого сознания, столкнувшегося с явлением недетерминированности и изменчивости традиционного социума через открытие новых технических возможностей человека, то сознание Торманса, несмотря на свое техническое могущество, рассматривает мир как детерминированный и неизменяемый.

Подобное состояние, насколько мы можем судить на основании представленного конструкта И. Ефремова, рождено как минимум двумя причинами.

Первая — своего рода ситуативная (хотя ситуативная в эпохальном масштабе): создание его цивилизации само по себе было основано на принятии постулата о неизменяемости и непробуемости мира, именно это ощущение бессилия и страха перед выбором и изменениями привело будущих тормансиан к отказу от преобразования земного социума и бегству с Земли.

Вторая — историко-генетическая. Как было показано в первой и второй главах в разделах о политической философии научно-технического романтизма как синтезе рационального и иррационального когнитивных методов (1.2), о его формах, таких как миф, утопия, прогноз, идеальный конструкт (1.3) и о традиционном идеальном конструировании альтернатив в рамках предопределенности (2.1), способность к идеальному политическому конструированию политических альтернатив, определяясь как признание изменчивости мира в колумбово-коперникову эпоху, своей предпосылкой

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 64.

² Там же. С. 74.

имеет и доколумбово развитие альтернативистики как альтернативистики в рамках предопределенности, когда мир воспринимается как неизменяемый, но предельно многообразный. На данном этапе идеи возможности его преобразования как таковой еще нет, но возможность существования лучшего мира допускается в иной стране («утопия пространства»): то есть идея изменяемости еще не вызревает, но идея альтернативного многообразия естественно существует как опытно подтвержденная. Отсюда многообразие стран и культур создает почву восприятия инаковости и инаковой возможности. Когда к этому добавляется колумбово-коперниково ощущение человеческого могущества, утверждается и ощущение изменяемости мира.

В противоположность этому человек цивилизации Торманса, с одной стороны, убежден в своем покоряющем научно-техническом могуществе, но с другой — не имеет в своем опыте и памяти картины возможного многообразия. В силу развития цивилизации в рамках одной единообразной монокультуры не имеет представления о том, что возможно многообразие как таковое, и, следовательно, политическое сознание Торманса лишено способности к альтернативному конструированию как таковому: они принимают данность и приспосабливаются к ней.

По мысли И. Ефремова, социум с политической культурой, ориентированной на покорение, с одной стороны, и лишенной межкультурной и межцивилизационной конкуренции — с другой, несет в себе установки, подобные установкам пионеров покорения Северной Америки: «Повторялась картина, некогда известная в земной истории во время заселения Америки белой расой. Пионеры по периферии, вольные, необузданные, плохо соблюдавшие законы, и хранители веры и общественного порядка в обжитых центрах. Затем обуздание пионеров до полного подавления вольного общества. И неспроста столица планеты называется городом Средоточия Мудрости. Это имя возникло в пионерские времена освоения планеты Торманс»¹; жестокость и подавление любого сопротивления:

«Ваши ученые не должны становиться убийцами, несмотря на почести, привилегии, подкуп. Помните, что ваша общественная система основана на подавлении и терроре. Всякое усовершенство-

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 71–72.

вание этих методов неминуемо обернется против вас самих»¹, — но без идеи какого-либо нового мира.

Первоначально оно развивается как покорение природы и освоение безлюдных пространств с сопутствующим ущербом для животного и растительного мира, но по мере заселения территории переходит в стадию борьбы между территориальными образованиями за ресурсы. При однотипности существующей монокультуры, отсутствии национально-культурного сопротивления, поскольку оказывается борьбой элит при относительном безразличии населения к подчинению территорий тем или иным региональным элитам, подобный планетарный социум достаточно быстро достигает стадии утверждения мирового господства одного из политических центров. Однако, как показывает И. Ефремов, отсутствие способности к проектному сознанию у власти приводит к неспособности формулировать долгосрочные цели развития и предвидеть последствия своих текущих действий: общество решает текущие повседневные задачи, порождая проблемы большие, чем удается решать.

С другой стороны, такое же отсутствие альтернативного проектного сознания в обществе не дает возникать и развиваться и оппонирующим власти группам:

«Они применяют методы проникновения в психику человека через подсознание, в свое время запрещенную у нас (на Земле) законом, но широко использовавшееся в демагогии фашистских и лже-социалистических государств ЭРМ. <...> Гитлер, расценивавший свой народ как стадное сборище обезьян, действовал в точности как эти тормасианские ораторы. Он вопил, орал, багровел в яростных припадках, извергая ругань и слова ненависти, заражая толпу ядом своих несдержанных эмоций. “В толпе инстинкт выше всего, а из него выходит вера»”, — вот его слова... С противниками не спорят. На них кричат, плюют, бьют, а при надобности уничтожают физически... для ораторов Торманса нет ничего, кроме вбитых в голову понятий. Они обращаются не к здравому смыслу, а к животному бессмыслию, так пусть вас не смущает эта ругань — она всего лишь прием в разработанной системе обмана народа»².

Власть утверждается как олигархический авторитаризм исключительного типа, не ставящий задач того или иного модернизационного развития:

¹ Ефремов И. А. Час Быка... С. 205.

² Там же. С. 82–83.

«Контролируется и фильтруется так же, как и наша Мировая Сеть. Но если мы делаем это для отбора наиболее интересного и важного, подлежащего очередному оповещению, то здесь это делается с совершенно другими целями... Показать только то, что хотят правители Торманса»¹.

Цивилизация, возникшая как отказавшаяся от памяти и осмысления прошлого, оказывается лишена и установок на цели будущего: отчего, особенно после периода перенаселения и голода, ограничение срока жизни («нежная смерть») для большинства населения, которое составляют работники малоквалифицированного труда, воспринимается как благодеяние, предоставляемое властью.

Главным навыком для носителей власти оказывается не профессионализм в той или иной сфере, а навык обеспечения подавления и подчинения. Общество, отказавшееся от общих целей, не имеющее внешних врагов и достигшее формальной стабильности благодаря отсутствию конкуренции целеполагания и политической конкуренции внутренних политических образований, по мысли И. Ефремова, полностью оказывается во власти инферно. Власть же может поддерживать свое монопольное положение, лишь противопоставляя внутренние группы², но при отсутствии интеграции на проектных началах обеспечивает искусственное противостояние по социально-профессиональному признаку.

Обладея техническим могуществом начала космической эпохи, социум представленной модели обладает опытом познания человека и общества ранних эпох человеческой цивилизации и воспроизводит социально-политическую структуру, схожую с организацией Древнего Египта, но без лидирующей роли жречества, то есть начала, претендующего на власть от имени знания. В созданной пирамидально-авторитарной системе доминирующими оказываются два смысловых начала: техническое могущество и властвование.

И. Ефремов постулирует вывод, что при отсутствии культуры альтернативного проектного мышления, самой идеи преобразования мира — и цели власти, и определяемые ею задачи научного познания оказываются подчиненными идее наращивания технической власти над планетой и политической власти над обществом. На фоне того, что сама цивилизация складывалась в формате отказа от при-

¹ *Ефремов И. А.* Час Быка... С. 83.

² Там же.

знания самозначимости человека и возможностей социально-политического сциентизма, само развитие науки оказывается ограничено техническими исследованиями, при снижении роли биологических и медицинских, а также пренебрежении к социальным наукам и роли культуры: «У каждого человека времени на занятие самообразованием, искусством, спортом, даже просто для общения друг с другом было мало, много меньше, чем на его обязанности перед обществом и необходимые для жизни дела»¹.

Моделируя данный вариант цивилизационного развития, И. Ефремов в художественно-метафорической форме обосновывает несколько политико-философских постулатов. Первый: о бесперспективности «третьего пути», отказа от выбора между преодолением прорыва из инферно на пути строительства коммунизма — и деградацией и гибелью в плену инферно. Смоделированная им попытка уйти от выбора на пути создания новой цивилизации в достаточно благоприятных условиях с чистого листа, по его мысли, оказывается не бегством от инферно, а его самовоспроизведением в новых условиях.

Второй: отказ от подобного выбора оказывается отказом от идеи преобразования мира, что в итоге означает отказ от альтернативного моделирования как такового и предопределяет неизбежность постоянного воспроизведения обществом старых тупиковых моделей своей организации при более или менее заметных изменениях его форм и социально-политического дизайна.

Третий: развитие на основе технократизма при отказе от начал антропологического оптимизма и социально-политического сциентизма, с одной стороны, приводит к утверждению доминанты жестокости² и властвования, с другой — к неспособности к эффективной социально-политической организации, лишая подобный «прототехнократизм» рациональности, разрушая его сущностную определенность.

Четвертый: развитие общества в рамках единой цивилизационной монокультуры, избавленной от конкуренции других культур и лишенной возможности сопоставления и взаимообогащения, блокирует возникновение представления о многообразии мира как

¹ Ефремов И. А. Час Быка... С. 63.

² «Драчливость, сила, быстрая реакция, умение стрелять». (Там же. С. 71.)

возможности альтернативности и, таким образом, лишает политическое сознание способности к альтернативному политическому конструированию. Даже при наличии представления о собственном могуществе социум, лишенный представления о возможном многообразии, не приходит к осознанию возможности преобразования мира.

Пятый: монокультурное развитие социума вне способности к созданию проектных альтернатив приводит в политическом плане к утверждению исключаящей олигархической диктатуры, а в социальном — к нарастанию деградации и энтропийных процессов.

Бегство от выбора между прорывом из inferно и угрозами inferно лишь приводит к воспроизведению inferно, причем с меньшими возможностями на прорыв из него, нежели существовали в момент отказа от данного выбора.

3.1.2. Модель отказа от прогресса: конструкт цивилизационной замкнутости. Второй сценарный блок

Мир Фаэны: человечество развивается в условиях двух социально-экономически однородных, но социокультурно различных цивилизаций.

Мир Фаэны разделен на два лагеря, находящихся на грани войны. Один из них (Властьмания) сам по себе разделен противоречиями между двумя населяющими его кастами, различающимися, судя по всему, только антропологическими признаками и, уже как следствие этого различия, социальным положением.

Власть в обществе принадлежит «длиннолицым», а «круглоголовые» не имеют путей доступа в элиту. Форма правления характеризуется единоличной властью диктатора. В основе идеологии Властьмании — «учение ненависти», предложенное диктатором Яром Юпи и одобренное олигархическим Советом Крови, суть учения состоит в объединении народа под знаменем борьбы с общим врагом¹. А. Казанцев определяет круг архетипов, наделяя персонажей архетипическими чертами античных героев и говорящими именами: Диктатор Яр Юпи (от названия планеты Юпитер), его дочь Мада Юпи (Мада переводится как Влюбляющаяся), Аве Мар — ее возлюбленный (по названию планеты Марс), его друг,

¹ *Казанцев А. П. Фаэты... С. 26*

подстрекатель и предатель Куций Мерк (Меркурий). Первая часть каждого из имен не переводится, однако приблизительное значение ее легко понять.

Вторая политическая система (Даньджаб: представители его используют самоназвание «культурные») обладает внешне демократическими чертами при наличии социального неравенства, противостоянии обустроенного урбанистического мира малоразвитой сельской местности, отражающихся в протестных настроениях интеллигентов и тайных собраниях сторонников «учения справедливости»:

«Бездушное политиканство, бездумное поклонение догмам! Твердолобые не считают нужным слышать ничего, что им не знакомо!» — в запале перечисляет Аве Мар недостатки Даньджаба¹.

В обществе отсутствуют расовые противоречия — нарастают социально-экономические. Правитель, Добр Мар, оплатил свою власть, дав обязательство элите первым начать ядерную войну, хотя официально поклялся в стремлении к миру:

«...он поклялся вести страну по тому пути, по которому вел ее покойный: вековую вражду с Властьманией следует смягчить и сделать все возможное для умиротворения планеты и избавления фаэтов от ужасов войны... Добр Мар правил Даньджабом, изыскивая работу и жилища угрожающе растущему населению. Он стремился ослабить накал в отношениях между континентами, провел закон о старых вещах, подлежащих уничтожению (чтобы приобретались новые), и добился того, чтобы Яр Юпи... вынужден был даже пойти на совместные действия в космосе»².

Держава «древних» (Властьмания) более урбанизирована, но социально-экономически более расслоена, в обществе сохраняется память о потерпевшей поражение социальной революции:

«Только три дня просуществовала Власть Справедливости и не успела помочь их (бедных кварталов) обитателям»³ и, несмотря на официальное почитание традиций и древности, отсутствует религия: «Дворец Яра Юпи был частью Храма Вечности, в котором богослужение после забвения фаэтами религии прекратилось»⁴.

¹ Казанцев А. П. Фаэты... С. 18.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же.

На первом этапе первая сверхдержава, «материк древних», своего рода аналог Старого Света Земли, выступает как мир утвержденных традиционных ценностей и предрассудков, господства расы «длинноголовых» над расой «круглоголовых», рассматривает себя как хранитель древностей и цивилизации. Вторая — определенный аналог Нового Света Земли, основана переселенцами с первого материка, исходит из равноправия рас, идей личной и политической свободы и резко опережает первую в развитии технологий. Обе сверхдержавы враждуют, конкурируя за власть на планете и в экономической экспансии.

На втором этапе накопившиеся социально-экономические, политические и расовые противоречия развития «материка древних» приводят к масштабному кризису, в результате которого утверждается «власть справедливости», уничтожающая сословные, расовые и имущественные привилегии и утверждающая власть трудящихся.

На третьем этапе имущие классы враждующих сверхдержав объединяются в борьбе против новой власти, поддержав возникшее на «материке древних» расистское движение «учения ненависти», уничтожают новую власть. На континенте утверждается расистско-традиционалистская террористическая диктатура.

Четвертый этап. Обе сверхдержавы после недолгого союза в подавлении сторонников «учения справедливости» возвращаются к противостоянию. Правителям обеих диктатур удается договориться о снижении напряженности и найти возможности взаимовыгодного экономического сотрудничества, но оба находятся под контролем и давлением олигархических кланов, требующих от каждого первым начать термоядерную войну с конкурентом.

Пятый этап — мировая война, заканчивающаяся гибелью планеты.

Шестой этап. Люди, уцелевшие после катастрофы, пытаются возродить цивилизацию на Земле и Марсе. На Марсе утверждается «цивилизация матерей», принимающая в качестве главного приоритета ценность безопасного выживания и налагающая запрет на направления научно-технического развития (ракетная техника, развитие внутриядерной энергетики, космические исследования), потенциально способные привести к новой войне с использованием ядерного оружия.

Седьмой этап — уцелевшая цивилизация вырождается, причем вырождение носит и социальный, и культурный, и биологический характер.

После гибели планеты в термоядерной катастрофе из всего населения Фаэны выживают две экспедиции исследователей космоса, одна из которых впоследствии основывает колонию фаэтов на Марсе, другая — на Земле, Экспедиции, однако, разделены не по национальному признаку, скорее, можно предположить, что представители одного из коллективов являются носителями статических ценностей, идеалов сохранения, другие — ценностей динамического идеала исследования. Оба главных героя: Мада Юпи и Аве Мар — не только являются уроженцами враждующих лагерей, но и представляют собой новое, нарождающееся поколение, лишенное предрассудков прошлого:

«Мада всегда мечтала о настоящем фаэте, мужественном, благородном, чистом. Малокультурные фаэты среди “высших”, кичившиеся своей с древности застывшей цивилизацией, отталкивали ее грубостью, спесью и презрением к круглоголовым, детей которых когда-то лечила ее мать», а Аве Мар «был чужд всех мрачных предрассудков “высших”, он был ученым Даньджаба, не побоявшимся там порвать с “наукой смерти”, пойти наперекор всем»¹.

Важную роль в работе играет процесс их трансформации от наивного идеала молодости к более умеренному и сложному идеалу зрелости.

Большая часть героев, так или иначе, представляет различные варианты одного общего проекта. Все они ученые, и потому на определенном этапе своей жизни стояли на стороне технократизма. Одни из них разочаровались в нем, уйдя в саморефлексию относительно собственной вины за произошедшую катастрофу, другие склонны отвлекаться на личное, третьи воплощают тенденцию темпераментного радикализма.

В то же время, хотя все герои имеют общие ценностные основания: наука, мир во всем мире и третье — у каждого свое, никто из них не имеет глобального проекта, способного объединить всех. Никто не знает, что следует строить теперь, в условиях, когда мир прошлого уничтожен.

И А. Казанцев в ходе разрешения представленных противоречий конструирует следующие постулаты: 1) достижения прошлого необходимо сохранить; 2) если потребуется, для этого можно отказаться от центрального достижения науки — космоса; 3) но в то

¹ Казанцев А. П. Фаэты... С. 13.

же время нужно уметь ставить табу, и в определенных ситуациях не поддаваться на соблазны утилитарных нужд, оставляя нетронутым «большой проект» прошлого.

Будущее он видит не за рефлексирующей интеллигенцией, представленной Умом Сатом, однако и не за идеализированным романтизмом, воплощенном Тони Фаэ. Он видит его в человеке твердого характера, воплощающем сплав идей технократизма и революционный накал, невостребованный в прошлом мире. Со временем накал этот превратит молодость в зрелость, но именно он даст энергию для стойкости и начала нового развития. Поддержкой такому лидеру станет определенный традиционализм народной мудрости Мады Юпи.

Можно предположить, что подобный выбор, на первый взгляд, является определенным отступлением от научно-технического романтизма в пользу задач восстановления разрушенного и сохранения оставшегося, отложив на будущее идею «больших проектов». Однако, как представляется, А. Казанцев, допуская такое отступление, непременно условием его видит будущее возвращение к новым прорывам. Трудно сказать, совпало ли это с новыми установками власти второй половины 1960-х гг.

В предложенной А. Казанцевым модели конструируется иной по сравнению с моделью И. Ефремова вариант: если в модели И. Ефремова рассматривается ситуация бегства от выбора между прорывом из inferно и деградацией в рамках inferно, А. Казанцев рассматривает ситуацию осуществленного выбора, но осуществленного в пользу отказа от прорыва: объединенные силы двух олигархических диктатур уничтожают нарождающуюся возможность подобного прорыва, утверждающуюся власть «движения справедливости».

И. Ефремов анализирует ситуацию воспроизведения inferно после бегства от выбора, А. Казанцев художественными средствами анализирует ситуацию сохранения статус-кво в рамках inferно. Если у И. Ефремова рассматривался вариант цивилизации, воспроизведшей inferно в условиях монокультуры и монополизации власти, А. Казанцев рассматривает вариант сохранения плена inferно для цивилизации с конкурирующими культурами и политическими центрами, но в рамках сущностно одного социально-политического проекта. Первый вариант: властная монополия в условиях inferно приводит к нарастающей стагнации. Второй вариант: конкурирующие олигархии в тех же условиях приводит к самоуничтожению.

Причем ни в одной из трех автократий, диктаторы, обладающие внутри систем абсолютной единоличной властью, оказываются бессильны изменить системы и противостоять негативному развитию событий, несмотря на понимание кризисности ситуации и ту или иную меру желая подобному развитию противостоять.

Наследники погибшей цивилизации дают основание двум новым, моделирующим два подварианта развития: в одном случае новая цивилизация мариан развивается в неблагоприятных природных условиях, но сохранив знания и технические основы прежней, в другом — цивилизация Земли развивается в благоприятных природных условиях, но лишившись практически всех технических средств, оказавшись в условиях дикости, когда группа ее представителей практически растворяется в первобытном мире новой планеты.

Первая, обладая техническими возможностями и знанием, поражена страхом перед научно-техническим прогрессом, в условиях олигархического соперничества погубившем материнскую цивилизацию, как результат — накладывает запрет на его развитие. Вторая лишена технических возможностей, но и свободна от данного страха, и потенциально, хотя и начиная с нулевого уровня, оказывается открыта новому знанию, шаг за шагом проходя путь цивилизационного развития.

Во втором случае развитие социума максимально заторможено из-за недостатка знания и технических возможностей, в первом — оно заторможено страхом перед научно-техническим прогрессом.

Контакт между двумя цивилизациями для второй оказывается «миссией разума», дающей толчок ее поступательному развитию, для первой — шоком: хотя она спасает и ускоряет развитие альтернативной цивилизации, дикость последней усиливает страх уже не только перед научно-техническим прогрессом, но и страх продолжения контактов с ней. А. Казанцев моделирует ситуацию нарастания страхов и, как результат, усиления и расширения запретов: запрет на научно-техническое развитие предельно ужесточается, но и дополняется запретом на межцивилизационные контакты, выливающиеся в стремление скрыть само существование своего мира, максимальный изоляционизм.

Если у И. Ефремова социум Торманса развивался при доминантах значимости научно-технического могущества и установке на экспансионистское покорение мира, но лишенный антропологического оптимизма и веры в возможность преобразования мира,

у А. Казанцева социум мариан сохраняет и веру в человека, и веру в возможность разумного общественного устройства, но оказывается поражен и страхом перед научно-техническим прогрессом, и страхом перед межцивилизационными контактами. При этом оба варианта приводят к деградации.

В модели А. Казанцева на первом этапе развития цивилизации мариан ее доминирующим началом и ценностью становятся антропологический оптимизм и сциентизм, одновременно включающий запрет на рискованные направления научно-технического развития, позволяющий сохранять достаточно высокий уровень развития. В целом регулирующим началом в рамках запретов выступает начало разума.

При принятии решения о контакте с альтернативной цивилизацией Земли и оказании ей помощи разум и запрет оказываются в равновесии.

Однако при дополнении существующих запретов установкой на изоляционизм разум оказывается подчиненным запрету, страх становится доминирующим началом, и если до этого страх носил характер внешней обоснованности доводами разума, то на втором этапе он закрепляется утвердившейся «религией страха». Цивилизация мариан из сциентической цивилизации трансформируется в цивилизацию традиции и религиозного доминирования.

На первом этапе власть в обществе принадлежала Советам Матерей, для которых сложившиеся запреты были средством разумного обеспечения безопасности будущих поколений, на втором этапе их власть дополняется властью жрецов, для которых не существует ни антропологического оптимизма, ни сциентизма, а запреты из института относительной разумности превращаются в институт религиозного поклонения. Социум Мары деградирует, утрачивая и ранее допускаемые научно-технические достижения, направленные на обеспечение жизнедеятельности его граждан, отказавшись от восходящего развития. Он оказывается обречен на цивилизационное нисхождение.

В модели А. Казанцева цивилизация мариан первоначально соединила в себе обе культуры соперничавших материков-держав Фаэны, преодолев негативные черты обеих. Синтез культур содействовал и сохранению ее развития на первом этапе, но в дальнейшем обернулся становлением монокультуры. Отказ от цивилизационных контактов привел к исключению возможности межцивилизацион-

ного обогащения, одновременно утверждение запретительного регулирования, «религии страха» исключило возможность появления новационных начал во внутреннем развитии, усиливая доминирование религиозного начала, исключающего культурное развитие.

При этом в ходе осуществления «миссий разума» в дорелигиозный период и помощи цивилизации Земли в рамках последней было заложено как несколько центров культурного развития, так и установка готовности к поиску знания и готовности к культурно-цивилизационному обмену.

А. Казанцев в своей модели демонстрирует, что за несколько тысяч лет, прошедших от момента «миссий разума» на Земле и этапа ужесточения запретов и утверждения доминанты религиозной традиции на Маре, обе цивилизации практически меняются местами в шкале развития: одна цивилизация, развившаяся как поликультурная и достигшая уровня синтеза антропологического оптимизма, гуманистического технократизма и социально-политического сциентизма, поднимается до уровня, превышающего высший уровень, достигнутый цивилизациями Фаэны и Мары, тогда как цивилизация Мары опускается в своем развитии почти до первобытного уровня, несмотря на изначально имевшийся научно-технический потенциал.

Предлагая свою проблемную модель, А. Казанцев в предложенных политико-художественных метафорах представляет свои политико-философские постулаты.

Первое: создание общества, ориентированного на социальную справедливость и доминирование разума, является единственной возможностью избежать самоуничтожения цивилизации в противостоянии конкурирующих олигархических диктатур. У И. Ефремова этот постулат носит название «порог Синед Роба». Разница представляемых ими культур и политических устройств не влияет на степень угрозы для цивилизации. Осознание правителями этих диктатур опасности самоуничтожения не гарантирует системы от самоуничтожения, более того, даже их действия, направленные на предотвращение угрозы самоуничтожения, в итоге лишь содействуют его приближению. У И. Ефремова этот постулат носит название «стрела Аримана».

Второе: цивилизация, включающая в свои основания те или иные страхи, с неизбежностью лишает себя возможности полноценного развития и несет потенциальный риск будущего упадка.

Третье: страх научно-технического прогресса и запрет на него рано или поздно ведет к деградации. Если социум сохраняет среди своих базовых установок веру в человека и социально-политический сциентизм, без составляющей гуманистического технократизма не может реализовать их в полной мере.

Четвертое: запрет на научно-техническое развитие несет в себе угрозу замещения социально-политического сциентизма религиозным традиционализмом, отказа от развития, самоизоляции и цивилизационного угасания.

Пятое: социум, основанный на цивилизационной замкнутости и доминировании традиционализма, при прочих равных всегда уступает в своем развитии социуму, основанному на готовности к познанию, взаимодействию и взаимообогащению культур.

Отказ элит и социума от прорыва из инферно в пользу сохранения статус-кво, какими бы мотивами или соображениями не был обоснован этот выбор, ведет на определенном этапе к самоуничтожению общества, причем даже самые разумные действия элиты либо лидеров не могут предотвратить это самоуничтожение, а во многих случаях лишь приближают его.

3.1.3. Модель социума утраты целей и воли. Третий сценарный блок

В третьем, представленном в блоке обреченных миров, развитие человечества происходит в условиях отказа СССР от противостояния с западной системой.

На первом этапе подвариант «а», мир острова: страна («страна отцов» по роману Стругацких) распадается, от нее отделяется часть территорий, враждующих с ней и между собой. Одни отделившиеся части провозглашают создание новых независимых государств, другие так и не обретают государственности и постепенно опускаются в состояние дикости. Страна продолжает подвергаться закамуфлированным нападениям прежнего противника (Островной империи), масштабной агрессии которой мешает лишь сохранившийся со «времен Империи» военно-технический потенциал.

На втором этапе в стране социально-экономический кризис, волнения и мятежи, которые удается подавить группе военных, установивших свою диктатуру.

Третий этап: традиционная военная диктатура приобретает характер техно-электронного контроля за поведением масс, трансляция электронного излучения лишает подавляющее большинство людей возможности критически воспринимать происходящее в обществе, как и официальную пропаганду, ситуация в стране социально и экономически стабилизируется, напряжение спадает.

Четвертый этап — образуется подполье. Оно идеологически разнородно и объединено лишь целями свержения существующей власти и захвата контроля над системой электронно-психического излучения, при этом полярно расходится в видении будущего общества и своих целей во власти: от использования излучения для продолжения прежней политики, но при ротации элиты, до его полного уничтожения.

Пятый этап. Ценностно разрозненное подполье попадает под контроль спецслужб власти, использующих его как инструмент в борьбе элитных групп.

Шестой этап. Благодаря вмешательству неучтенных факторов удается выполнить задачу и разрушить централизованную систему электронно-психологического управления сознанием. Возникает надежда на уничтожение диктатуры.

Седьмой этап. Становится ясно, что силовые возможности власти не затронуты, Подполье не имеет ни программы действий, ни знания о реальных, скрывавшихся властью проблемах страны, ослабление власти и уничтожение системы электронно-психологического управления делает страну беззащитной перед готовящимся массовым вторжением старого геополитического противника — Островной империи.

Подвариант «б», мир Града обреченного. Развитие в условиях отказа от идеологии и мотивированных ею целей социума, без памяти о собственной истории.

На исходном этапе социум, не испытывающий особых материальных проблем, успешно организуется вокруг текущих вопросов жизни и внутренней самокоординации.

На втором этапе при появлении непредвиденных внешних воздействий пытается также самоорганизоваться в их преодолении, но власть города, не имея идеологических ориентиров для оценки нового фактора, не способна определиться с необходимыми мерами противодействия и принимает решение не противостоять неожиданному фактору и принять его как данность.

Третий этап. Социум пытается определиться с пониманием возможных угроз Граду и возможных путей их преодоления, но отсутствие ценностно-идеологических основ не позволяет осмыслить критерии оценки происходящих явлений. Попытка выявления угроз превращается в признание угрозами любого нестандартного явления и поведения граждан, соответственно, к бесцельным репрессиям, расколу в социуме и тупику межгражданских отношений.

Четвертый этап. Социум отказывается от репрессий и жесткой внутренней политики, трансформируется в систему политического плюрализма и многопартийности, по-прежнему не имея целей развития, в надежде найти их в пространстве свободы слова и плюрализма. В результате утрачивает способность к оперативному управлению системами жизнеобеспечения и оказывается не готов противостоять форс-мажорным обстоятельствам и политическим конкурентам.

Пятый этап. Развитие кризиса приводит к перевороту и захвату власти наиболее радикальной из политических партий, устанавливается диктатура ее лидера.

Шестой этап. Взавший власть диктатор стабилизирует ситуацию, обеспечивает эффективность управления, отлаживает экономику социума, обеспечивает его материальное благосостояние и спокойную, бескризисную жизнь граждан.

Седьмой этап. Благополучие общества при отсутствии понимания задач его развития, долгосрочных целей и видения проекта будущего, при практическом отсутствии сферы культуры, смыслов и цивилизационных ценностей приводит к нарастанию духовного кризиса и разочарованию в системе даже среди сторонников в целом успешного президента.

Центральным компонентом негативно-предупредительной модели А. и Б. Стругацких становятся последствия утраты воли к борьбе. Модель, описанная в «Обитаемом острове», — результат отказа социума от борьбы: «Все перечисленное — обязательный результат каждой проигранной войны, а мы как раз и есть страна, воевавшая со всем миром 70 лет и войну эту проигравшая — экономическую, идеологическую, политическую. Вот мы и имеем то, что должны иметь. Здесь нет пророчества, здесь — только логика»¹. В романе не акцентируется, но упоминается: отправной точкой кон-

¹ Стругацкий Б. Интервью длиной в годы... С. 78.

струируемой ситуации стал отказ ряда элитных групп социума от продолжения борьбы и связанных с борьбой рисков: «...это была анонимная группа офицеров Генерального штаба, которые в один прекрасный день, располагая всего двумя дивизиями, очень недовольными тем, что их отправляют в атомную мясорубку, организовали путч и захватили власть... С тех пор положение в значительной степени стабилизировалось, война затихла как-то сама собой, хотя мира никто ни с кем не заключал. Энергичные анонимные правители навели относительный порядок, жесткими мерами упорядочили экономику — по крайней мере, в центральных районах — и сделали страну такой, какова она сейчас»¹.

Элита, когда-то начавшая борьбу, деградировала и лишилась воли к борьбе, отрекшись от целей, ради которых она некогда борьбу начинала.

Между тем, по мнению Стругацких, воля и способность к борьбе («Коммунизм — это братство закаленных бойцов, знающих, жизнерадостных, честных. ...Изобилие и машины нужны для того, чтобы освободить человека для выполнения высшего его назначения — для творчества»²) — один из неперемненных атрибутов создания и развития успешного общества: «Мир этот (на наш вкус) хорош, но, скорее всего, недостижим, пока мы не научимся что-то делать с обезьяной, сидящей внутри каждого из нас»³, более того, воля в их понимании первична по отношению к обладанию идеологией, целями. Старые фильмы о советских солдатах, остановивших фашизм:

«За что они там дрались, с кем дрались — этого я толком не понял, но как они дрались — я видел. Дай бог нам всем так драться в наш последний час»⁴.

В их антропологической картине природа человека, который имеет цели и готов к творчеству, требует постоянной готовности и способности к преодолению сохраняющейся в каждом «обезьяны», не желающей напрягаться: «Обезьяна, как юный пионер, всег-

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров // Собр. соч. в 11 т. Т. 6. — М., 1993. — С. 68.

² Стругацкий А., Стругацкий Б. От бесконечности тайн к бесконечности знаний // Собр. соч. Т. 11. — С. 502.

³ Стругацкий Б. Интервью длиною в годы... С. 112.

⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б. Парень из преисподней // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч. Т. 6. — М., 2007. — С. 558.

да готова. Ей не нужно для “взбрыкивания” никаких специальных обстоятельств и ситуаций. Это что-то вроде инстинкта. Схватившись за горячее, человек шипит и отдергивает руку. Обнаружив, что ты садишься за машинку, обезьяна сейчас же предлагает: а не лучше ли попить чайку и почитать сегодняшнюю газету — не читал ведь еще, не удосужился»¹; творить, преодолевать препятствия: «Обезьяна не хочет работать вообще. В том числе — и творить. Обезьяна желает сидеть в удобном кресле, положив вытянутые ноги на ближайшую табуретку, и тянуть (из бутылки) пиво, бездумно глядя в мерцающий экран, где происходит “чего-то необременительно забавного”. Это — естественное для обезьяны — желание надобно преодолевать каждый раз, когда садишься (вообще берешься) за работу»².

И с точки зрения их модели, отказ от борьбы, прежде всего, предопределяет и отказ от своей субъектности, своей культурной суверенности, своих целей и своей идеологии, но в то же время он блокирует и возможность приобретения новых целей, новой идеологии, поскольку означает, что социум делает выбор в пользу отказа от возвышенного как такового и обрекает себя на подчинение обстоятельствам, пребывание в «царстве низменного»:

«Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я с полпути повернул обратно. С тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы»³.

Таким образом, разрушая готовность к противостоянию с миром и его преобразованию, отказ от борьбы и утрата воли разрушают и сам духовно-волевой конструкт научно-технического романтизма, и способность общества создавать альтернативные проекты своего состояния.

Утратив волю, социум утрачивает саму способность противопоставлять логос хаосу, а потому, с одной стороны, утрачивает начало антропологического оптимизма, социум не только лишается воли, он лишается способности нести в себе представление о человеке воли как естественном элементе социума: признавая, что обладание волей нормально и естественно для родовой сущности человека, социум должен признать, что он ниже подобного чело-

¹ Стругацкий Б. Интервью длиной в годы... С. 338.

² Там же. С. 475.

³ Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров... С. 252.

века, а отсюда — признать, что он сам, данный социум, дефектен, становится носителем деградации.

Поэтому, сопротивляясь признанию собственной ущербной деградационности, социум либо объявляет ущербным само обладание волей, либо представление об обладании волей в такой конструкции увязывает с тем или иным началом превосходства над социумом, то есть с этой точки зрения допускает обладание волей либо у начала господства над собой, либо, в лучшем случае, с несвойственным ему самому превосходящим его героическим началом, за которым он и признает возможность и право на свое порабощение.

Одновременно, с другой стороны, отказавшийся от воли и борьбы социум отказывается и от такого компонента научно-технического романтизма, как социально-политический сциентизм, отвергая саму претензию на разумную организацию общества, рассматривая ее как требующую напряжения в преодолении сопротивления начал, сохраняющих сложившееся положение вещей. Идеалом подобного социума становится комфортная расслабленность и сохранение статус-кво, но, поскольку он не готов к напряжению даже для защиты последних, социум обрекает себя на подчинение любому достаточно волевому началу, способному на статус-кво покушаться.

Исходя из признания невозможности разумной организации мира, безволевой социум совершает и отказ от познания, шаг за шагом элиминируя из себя начало ценности познания, замещая ее на ценности потребления.

Соответственно, отказ от познания, идеологии, воли означает отказ от проектности: существующий мир признается лучшим из миров, не подлежащим ни познанию (иначе как для подтверждения его оптимальности), ни развитию, ни преобразованию.

Одновременно, отказываясь от требуемого для борьбы и преобразования напряжения, субъект принимает для себя формат действий, не предполагающий, что создавать можно больше, чем потреблять. Задачей общественной организации становится потреблять меньше, чем затрачивать усилия, в крайнем случае, не больше, но поскольку при прочих равных это невозможно, возникают формы, предполагающие потребление одними группами либо социумами того, что произведено другими.

Поскольку при этом отказ от требующих напряжения целей и проектного развития приводит к отказу от обладания идеологией,

социум становится беззащитен перед манипуляцией и психологически обречен на безвольное подчинение центрам силы. В модели «Обитаемого острова» А. и Б. Стругацкие и конструируют общество практически всеобщей манипулируемости, частично свободными от которой оказываются только те, кто сам осуществляет манипуляцию, либо те, кто хотел бы осуществлять ее вместо них. Полностью свободными от манипуляции оказываются лишь два центральных персонажа, представляющие иной социум, Землю будущего и ее идеологию.

Однако, по мысли Стругацких, последствия утраты воли, выливающиеся в утрату идеологии и способности к альтернативному проектному мышлению, на уровне десубъективации социальных страт по-разному воздействуют на разные группы. Для правящей элиты («неизвестные отцы») следствием этого становится неспособность ставить цели развития и предлагать варианты изменения сложившейся ситуации: власть в этой модели способна удерживать относительно стабильное статус-кво, но неспособна обеспечить выход из вялой стагнации. Для пытающейся противостоять власти оппозиции («подполье») данное состояние оборачивается неспособностью выработать ни долговременную стратегию борьбы, ни программу изменений, которую оно могло бы представить социуму. Для исключенной из политической жизни основной массы граждан — неспособностью к критическому осмыслению действительности и официальной пропаганды, отсутствию умения предположить иное состояние своего социума, которое рассматривается как единственно возможное.

Создается впечатление, что состояние социума может быть изменено только радикальным волевым вмешательством несистемных сил, в первую очередь — посредством уничтожения инструментария манипуляции. Однако Стругацкие, развивая свой диалектический анализ, приходят к выводу, заставляющему вспомнить о «законе стрелы Аримана И. Ефремова»: уничтожение манипуляции в обществе, лишенном идеологии и воли, ведет лишь к дезорганизации повседневной жизни данного общества и системной угрозе его существованию. По существу, Стругацкие в своей модели демонстрируют, что не манипуляция порождает утрату воли, а утрата воли и идеологии делает манипуляцию чуть ли не единственным функциональным инструментом сохранения социальной организации и обеспечения текущей жизнедеятельности социума. Лишен-

ный воли оказывается способен к рациональному поведению лишь в результате манипулятивного управления. Социум, отказавшийся от борьбы, утративший волю к борьбе и отказавшийся от целей своей борьбы, способен сохранять себя только под манипулятивным воздействием.

Как было показано в третьем разделе главы 2, отсутствие идеологии делает общество беззащитным перед манипуляцией, однако на данном уровне рассмотрения модели А. и Б. Стругацких, как представляется, можно сделать вывод, что отсутствие идеологии предопределяет необходимость манипуляции.

Модель «Обитаемого острова» построена Стругацкими на исходном тезисе об утрате воли и отказе от борьбы, приводящих к утрате идеологии. Развивая осмысление в модели «Града обреченного» социума, лишённого идеологии, они демонстрируют уровень более глубоких последствий.

Первое из них: отсутствие идеологии как результат утраты воли предполагает и утрату функциональности. Ее отсутствие предполагает отсутствие ценностей и целей, утрату ориентиров: общество оказывается неспособно оценить какие-либо явления, выходящие за пределы обыденности, и определить, являются они угрозой, элементом деградации или позитивного развития. С одной стороны, враждебное представляется возможно позитивным, с другой — активность принимается за враждебность.

Не имея идеологии, социум, выстроенный на началах стихийной справедливости (первая глава «Града обреченного»), функционально не способен к защите от внешних угроз, которые он не может распознать. Социум мобилизационного типа (вторая глава «Града обреченного») не знает целей своей мобилизации. Социум, признавший политический плюрализм и лишённый репрессивности (третья глава «Града обреченного»), не может ни обеспечить повседневной работоспособности, ни защитить себя от радикализма. Социум, ориентированный на ликвидацию последствий кризиса и стабилизацию (четвертая глава «Града обреченного»), не представляет целей постстабилизационного развития. Даже попытка власти организовать поиск смыслов и целей существования данного социума (пятая глава «Града обреченного») оканчивается дезорганизацией и гибелью ее участников.

Лишь временами авторы рисуют то появляющийся, то исчезающий в городе, как смутное воспоминание об утраченных смыслах,

образ «Красного здания», в котором попавшие в него могут видеть играющего в нем в шахматы и странно узнаваемого Великого стратега, умеющего, уверенно и мерно идя к своей цели, не подчиниться диктуемому ему миром правилам, а менять мир, меняя эти правила:

«Великий стратег стал великим именно потому, что понял (а может быть, знал от рождения): выигрывает вовсе не тот, кто умеет играть по всем правилам; выигрывает тот, кто умеет отказаться в нужный момент от всех правил, навязать игре свои правила, неизвестные противнику, а когда понадобится — отказаться и от них»¹.

Предложенные А. и Б. Стругацкими модели и сценарии «Обитаемого острова» и «Града обреченного» представляют осмысление последствий утраты воли и отказа от борьбы и одновременно продолжают друг друга в асимметричных форматах. Социум «Острова» утратил волю и отказался от борьбы, а в результате утратил идеологию, свою проектность, свои цели и ценности. Социум «Града» наследует ему в утрате идеологии, но так или иначе во всех его воплощениях у его персонажей присутствует воля, которая уже не может вернуть идеологию.

Политико-философским постулатом, вытекающим из первой модели, является тезис о том, что утрата воли ведет к утрате идеологии, политико-философский постулат, резюмирующий вторую модель, асимметричен: однажды утратив идеологию, ее нельзя автоматически вернуть, вернув себе волю. И, как результат: без идеологии возвращенная воля оказывается неспособна ни к разумности, ни к функциональности.

На фоне двух данных сценариев Стругацких ими предлагается и ряд иных сценарных моделей, отражающих отдельные аспекты неизбежных проблем общества, отказавшегося от движения в мир Полдня.

Более того. По сути, по мысли А. и Б. Стругацких, в условиях отказа от сциентизма антропологизм оборачивается потребительством, технократизм — расчеловечиванием. Потребительский антропологизм уничтожает идеальную альтернативистику, расчеловеченный технократизм рождает духовную стагнацию. Деидеологизированный сциентизм блокирует функциональность.

Если изначальная модель Полдня отразила видение А. и Б. Стругацкими будущей общественной формации, то миры,

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный... С. 248.

смоделированные позднее, — Саракш, Арканар, Тагора, картины, нарисованные в «Хищных вещах века», «Улитке на склоне», «Гадких лебедях», — ответвления от основного пути прогресса, где он был остановлен теми или иными препятствиями, успешно преодоленные миром Полдня.

Картины и притчевые прогнозы, созданные Стругацкими посредством художественно-политического моделирования в рамках их модели политического развития, носят в существе своем политико-философский характер. Создав свою утопию Полдня и показав, что она не будет в полном смысле слова безоблачной, Стругацкие создали и серию политических прогнозов альтернативного характера, попытались проанализировать, что может быть альтернативой миру Полдня.

Страна, которая раньше была значительно обширнее, но приведена к катастрофе выродившейся элитой, потерпевшая поражение и пытающаяся сохранить порядок на границах, изнутри пораженная нехваткой врачей, учителей и инфляцией¹.

Веривший в свою страну герой, у которого из благих побуждений его освобождения отняли всё, что он ценил в жизни².

Сталкеры, собирающие и продающие то, что осталось от ненадолго посетившей Землю великой цивилизации, торгующие случайно доставшимся им наследством, происхождения которого они не могут понять³.

Общество, лишенное идеологии, не знающее смысла и целей своего существования и вывод об обреченности общества без идеологии стали предвидением многих проблем последующего, предвидением трагедии, которая постигает общество, отказавшееся от своих ценностей и стратегических целей⁴.

Страна, уничтожающая свою культуру, где знание большего, чем необходимо для составления счета за товар, стало предсудительным⁵.

Страна, которую подвели к катастрофе представители чужой цивилизации, которые теперь под видом спасения выманивают

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров.

² Стругацкий А., Стругацкий Б. Парень из преисподней.

³ Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине.

⁴ Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный.

⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом.

и увозят к себе ее детей и всех, кто сохраняет способность к рациональному действию.¹

Однако с позиций знания политических процессов современной России, хотя и можно спорить о степени соответствия этих образов картинам политической жизни современности, приходится признать, что степень узнаваемости этих моделей достаточно велика. В то же время мы знаем, что все эти политические картины были созданы в период с начала 1960-х до середины 1970-х гг.

Представленные в рамках работ классиков философии научно-технического романтизма негативные сценарии, с одной стороны, совпали с моментом отказа политической власти от ряда ценностно-темпераментных приоритетов предыдущего периода. С другой — совпадают с появлением книги Г. Кана и А. Винера «Год 2000» (1967, в СССР издана под грифом «ДСП» в 1969 г.)², посвященной вероятностным сценариям будущего, основанного на пролонгации развития западной социально-экономической системы. Возможно, это была некая прогностическая альтернатива на прогнозы сохранения западной системы, сознательно данным в художественной форме анализом того, что произойдет в случае тех или иных вариантов отказа цивилизации от движения к миру реализации идеалов научно-технического романтизма.

Неоднозначная и сложная дилемма целей и средств под видом отрицания доминирования целей над средствами была выведена в состояние, где цели оказались нивелированы напрочь, а средства, лишившись этого критерия верификации, стали допустимы любые.

И критическая точка отказа от целей, как представляется, совпадает с точкой отказа от глобального проекта как основы идеологии и, как следствие, отказа от научно-технического романтизма как государственного идеологического тренда.

Отдельные школы, использующие в качестве своей основы наследие научно-технического романтизма, функционируют и сейчас, однако иногда изменившись до неузнаваемости. Таким образом, политическая мысль этого направления продолжает развиваться и, как будет видно из дальнейшего анализа социологических исследований, обладает значимым идеологическим потенциалом и сейчас, отражая запрос на возрождение целостности феномена

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике.

² Кан Г., Винер А. Указ. соч.

научно-технического романтизма как фактора общественно-политической жизни.

Конфликт между политической и интеллектуально-конструирующей составляющими, с одной стороны, и в целом позитивное разделение интеллектуально-конструирующей составляющей на воплощение в направлениях романтизации целей процесса и средств-условий в целом привел к утрате научно-техническим романтизмом позиций в общественной жизни. Но его угасание (либо кризис) привели к угасанию и общественной энергетики и устремленности; к торможению развития советского общества, в котором было слишком много латентного романтизма, чтобы обрести себя в обществе потребления, но слишком мало энергетики и целеконструирования, чтобы создать мир познания и созидания.

Овеянная романтизмом цель оказывается чуть ли не бессильна в своей мотивации, если лишен романтизма и интереса процесс движения к ней. Но и наполненный романтикой процесс теряет свою энергию и остывает, если лишен ореола увлекающей его цели.

Вопрос возрождения энергии развития в обществе — это в известном смысле вопрос возрождения уже не на синкретном, но на синтетическом уровне романтического единства цели, процесса и средств, условий. Вопрос в том, с одной стороны, имеет ли общество, остановившееся в своем развитии, либо начавшее попятное движение: а) потребность и запрос на новую романтизацию глобального проектирования и новый прорыв в своем развитии; б) романтизированные модели подобного проектирования; в) есть ли у него внутренняя энергия, чтобы найти и мобилизовать ресурсы и волю для такой новой романтизации.

Выводы по разделу

Таким образом, можно констатировать, что в условиях происходившего во второй половине 1960-х гг. распада единства политического курса руководства страны, политико-философских постулатов научно-технического романтизма и общественных настроений, отказа руководства страны от установки на глобальное проектное развитие и перехода к поступательному развитию, утверждающегося замещения ценностей познания и созидания ценностями общества потребления классики советского научно-технического романтизма создали в художественно-образной форме серию предупреждающих

политико-философских произведений. В работах содержались сценарные прогнозы последствий распада единства компонентов научно-технического романтизма и отказа от курса «больших проектов», был поставлен вопрос последствий отказа от борьбы за будущее и страха перед будущим.

В «Часе Быка» И. Ефремова представлена модель социума антропологической травмы: страха противоречий существующего мира и сложностей создания нового общества. Мир, созданный при отказе от идеалов будущего и памяти о прошлом и при относительно успешном научно-техническом развитии, не может вырваться из состояния инферно, доминирования низменно-животного начала в социуме. В «Фаэтах» А. Казанцева — модель отказа от прогресса, в рамках которой создается конструкт цивилизационной замкнутости, основанной на страхе перед научно-техническим прогрессом и контактом с иными культурами. В серии произведений А. и Б. Стругацких, в первую очередь «Обитаемом острове» и «Граде обреченном», модели социума утраты целей и воли, отказавшихся от преодоления и попавших в тупики исторического развития. В первом — мир, отказавшийся от борьбы с геополитическим конкурентом и попавший в ловушку деградирующего авторитаризма, поостренного на технотронных методах манипулирования сознанием, во втором — мир, построенный на отказе от идеологии и при любом политическом режиме попадающий в кризис, вызванный отсутствием смыслов существования.

Все представленные варианты развития объединены отсутствием перехода к обществу познания и созидания и одновременно — отказом от борьбы за будущее. В каждом в том или ином варианте произошел отказ от той или иной составной научно-технического романтизма: в модели И. Ефремова — от антропологического оптимизма, в модели А. Казанцева — от научно-технического прогресса, в моделях А. и Б. Стругацких утрата воли привела к отказу от социально-политического сциентизма.

Представленный в данных моделях анализ демонстрировал, что отказ от любой из составных частей научно-технического романтизма ведет не только к разрушению его целостного действия, но искажает и деформирует каждую оставшуюся.

Представленные еще на рубеже 1960–1970-х гг. пессимистические сценарные модели оказываются узнаваемыми на фоне знания политической истории России последних десятилетий, когда, как

и предупреждалось в этих работах, отказ от проектного типа развития привел к утрате общественной энергетики.

Вопрос возрождения энергии развития в обществе — это в известном смысле вопрос возрождения уже не на синкретном, но на синтетическом уровне романтического единства цели, процесса и средств, условий. Вопрос в том, с одной стороны, имеет ли общество, остановившееся в своем развитии либо начавшее попятное движение: а) потребность и запрос на новую романтизацию глобального проектирования и новый прорыв в своем развитии; б) романтизированные модели подобного проектирования; в) есть ли у него внутренняя энергия, чтобы найти и мобилизовать ресурсы и волю для такой новой романтизации.

Таким образом, можно констатировать, что в условиях происходившего во второй половине 1960-х гг. распада единства политического курса руководства страны, политико-философских постулатов научно-технического романтизма и общественных настроений, отказа руководства страны от установки на глобальное проектное развитие и перехода к поступательному развитию, утверждающегося замещения ценностей познания и созидания ценностями общества потребления классики советского научно-технического романтизма создали в художественно-образной форме серию предупреждающих политико-философских произведений. В работах содержались сценарные прогнозы последствий распада единства компонентов научно-технического романтизма и отказа от курса «больших проектов», был поставлен вопрос последствий отказа от борьбы за будущее и страха перед будущим.

Раздел 3.2. КТО НАСЛЕДУЕТ ТИТАНАМ?

3.2.1. Политическая культура научно-технического романтизма versus парapolитическая имитационность «современного искусства»

*Научно-технический романтизм — политико-философское
и культурное течение, достигшее своего пика
в первой половине 1960-х гг. в СССР*

Научно-технический романтизм уходит корнями в далекое прошлое, объединяя в себе ключевые тенденции нескольких заметных философских школ прошлого: с одной стороны, он заимствует

у европейского рационализма рациональный подход, крепкие материалистические основания стремление к обоснованности выводов, с другой стороны, в отличие от реализма, исходит из позиции о необходимости построения идеала и идеал этот относит к будущему.

Научно-технический романтизм в СССР 1960-х гг. произрастает из такого исторического контекста, как успехи НТР, недавний запуск спутника и выход человека в космос. Последние события привели, как можно видеть в опросах Б. А. Грушина, к такому подъему общественных настроений, что антропологический оптимизм и вера в способность человека менять мир вокруг, выстраивать его согласно своим идеалам перешли в качественно новое состояние — вера человека в способность к реконструкции природной среды посредством математических и естественных наук перешла в веру в способность человека конструировать и новое общества посредством достижений наук гуманитарных.

Характерными чертами научно-технического романтизма стали:

- а) Устремленность в будущее. В ряде других работ автор выводит типологию утопий, подразделяя утопии на утопии прошлого, пространственные и будущего. Для научно-технического романтизма характерна утопия будущего, которая, в отличие от двух других, принципиально осуществима.
- б) Стремление к построению идеала — социального, личностного, межличностного. Идеал научно-технического романтизма не оторван от действительности, как идеал серебряного века или идеал романтизма, его осуществимость адепты течения обосновывают, выстраивая своеобразные «истории будущего», которые должны описать путь к этому идеалу.
- в) Научно-технический романтизм тесно переплетается с проблемами естественных наук, освоения космоса, глобального введения новых технологий. Некоторые из них даже являются неотъемлемыми для построения идеала, другие — такие как проблемы освоения космоса, контакта с другими цивилизациями — интересуют адептов научно-технического романтизма в силу их искреннего интереса, не связанного с социальной частью течения.

Основным выражением научно-технического романтизма является стык фантастических жанров в литературе, кинематогра-

фе и изобразительном искусстве, включающий в себя социальную, утопическую и философскую фантастику.

Достигнув своего пика в первой половине 1960-х гг., научно-технический романтизм в СССР идет на спад и практически исчезает из поля зрения на несколько десятилетий, после чего новый всплеск его можно наблюдать в США в 1990-е гг. — то есть на пике подъема общественных настроений в Америке, установившей, наконец, однополярную геополитическую систему.

Можно таким образом предположить, что всплески научно-технического романтизма характерны для государства на этапе его высшего развития и максимального ускорения темпов этого развития. Однако что является причиной, а что следствием? Легко было бы предположить, что научно-технический романтизм, вера в будущее и возможности человека — есть следствие высокого уровня жизни, но это не так. На сегодняшний день подъем уровня жизни в России ощутим, несколько лет назад он был достаточно высок в Европе и на протяжении двух последних десятилетий на высоком уровне находится в Арабских Эмиратах — однако ни в одной из этих территориальных зон всплеска научно-технического романтизма сейчас нет.

Некоторые исследователи феномена социальной фантастики в СССР связывают рост ее популярности с наличием государственного заказа на «большую коммунистическую утопию», и, следовательно, можно было бы предположить, что научно-технический романтизм также является следствием подобного заказа.

В ряде работ автор монографии отдельно рассматривает правомерность этой версии, здесь же хотелось бы лишь коротко оговорить, что подобное предположение заставляет задуматься о том, что научно-технический романтизм:

- а) Может быть создан искусственно, то есть не является напрямую следствием высокого уровня жизни (последнее, впрочем, можно видеть и так).
- б) Является необходимым условием для создания общественной активности способствующей ускорению темпом развития государства.

Тем не менее в отечественной практике с конца 1960-х гг. научно-технический романтизм идет на спад, уступая место своеобразному традиционализму в самых разных его формах и некоему «революционализму», стремлению к слому любых норм, борьбе

с государством без формулирования целей этой борьбы. Результатом такого «революционализма» в ряде стран становятся государственные перевороты и «цветные революции», инициированные извне через запрос населения на «революцию».

В то же время запрос на образ будущего и решение других вопросов, находящихся в сфере интересов научно-технического романтизма, если и спадает на какое-то время, то достаточно быстро возвращается, принимая иные формы, лишённые философского подтекста, но также реализующиеся через фантастические (ирреалистичные) образы в культуре — современное искусство.

Автор исходит из ранее выведенного и апробированного в параллельном исследовании представления о классической культуре, как наиболее совершенном проявлении AGIL-схемы Парсонса в культуре. Авторская гипотеза подразумевает, что культура должна выполнять выведенные Парсонсом четыре функции схемы. Классической является та культура, которая в наилучшем виде выполняет AGIL-функции. Традиционная культура также выполняет все четыре функции, однако отличается от классической тем, что выполняет только одну подфункцию четвертой функции: способствует сохранению, но не воспроизводству новых латентных образцов. Массовая (современная) культура подражает классической и традиционной и выполняет все четыре функции или только их часть (степенью соответствия AGIL-схеме определяется ее качество).

Исходя из данной гипотезы, прямым является определение **«современного искусства»** как реализованной в современности версии классической культуры, однако ввиду того, что заранее заданным условием исследования было сохранение того значения термина «современное искусство», которое установила для себя и своего творчества группа модернистских и постмодернистских деятелей псевдокультуры, заведомо отрицающих ценностную составляющую культуры и аморфных по своим художественным предпочтениям (далее будет сказано, насколько различными бывают их собственные определения «современного искусства»), автор исследования встал перед необходимостью определить место «современного искусства» в структуре культуры иначе.

Следующей очевидной гипотезой стало предположение, что, поскольку «современное искусство» отрицает ценностную составляющую искусства, то есть считает принципиально необходимым не выполнять естественные функции культуры: адаптации, интегра-

ции, идеалообразования, сохранения и воспроизводства латентных образцов — в этом случае категорию «современного искусства» следует приравнять к категории «антикультуры», так как единственной ее задачей является противостояние естественному ходу развития культуры.

Впоследствии тем не менее автор исследования пришел к выводу, что роль «современного искусства» в системе культуры более существенна. «Современное искусство» в системе поля культуры играет роль его периферии (при условии, что под ядром мы понимаем классическую культуру).

Подобную концепцию в отношении политического сознания ранее выдвигала в своей диссертации Н. Поливаева, однако она лишь обозначила основы соотношения этих двух явлений. Основываясь на ее гипотезах, А. Никлаус¹ в диссертационном исследовании разделяла функции AGIL-схемы на ядро и периферию, относя к ядру функции G и L, а к периферии — A и I.

В данном случае, говоря о ядре и окружающем его поле, автор исследования подразумевает, что ядром является вся та культура, которая выполняет функции AGIL-схемы целиком. Культура, выполняющая функции AGIL-схемы, частично является окружающим его полем, а «современное искусство» есть некая приграничная экспериментальная зона, ориентированная или декларирующая свою ориентацию на выполнение задач поиска новых форм и ценностей.

Естественно, что экспериментальность «современного искусства» предполагает появление как позитивных, так и негативных результатов эксперимента. То есть, не всё, что создано в процессе экспериментального творчества является культурой, однако то, что создано в его рамках, гипотетически может не только являться ей, но и сконструировать новые способы репрезентации традиционных ценностей, более современные, чем те, что мы знали и использовали раньше.

Понимание роли «современного искусства» в культуре и его особенностей крайне важно для решения исследовательской задачи в целом, так как зачастую теоретики классической культуры пытаются систематизировать «современное искусство» с позиций

¹ *Никлаус А.* Социокультурные ценностные основания как регулятивный компонент трансформации политического процесса постсоветской России: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2013.

собственных представлений о культуре, ее жанровой и тематической классификации, отыскать в «современном искусстве» начала идеализма или материализма.

Это принципиально невозможно, так как «современное искусство» не является одним течением, радикализирующим тенденции классической культуры, уходящим в неумеренный субъективизм или гипертрофированный реализм. «Современное искусство» подразумевает отклонение от классических представлений о культуре в любом направлении, нарушение любых ее канонов. И именно в этой разнородности, в отсутствии границ, заключается его главный потенциал. **«Современное искусство»** (далее без кавычек) — это всё, что претендует на звание культуры, является результатом некоммерческого творчества, но в то же время не соответствует классическим представлениям о культуре как таковой.

Мы имеем все основания утверждать, что одним из центральных моментов современного искусства является принципиальное отрицание ценностей и отказ от них. Однако, несмотря на подобную, довольно очевидную декларацию деятелей современного искусства, ряд ценностей все же оказывается в современном искусстве реализован.

1. Будущее и построение идеала. В качестве одной из центральных ценностей современного искусства декларируется ценность конструирования в сознании идеального образа действительности, то есть, обращаясь к терминам классической литературы, создания утопии. Однако в отличие от классического искусства, современное искусство предлагает конструировать идеал в собственном субъективном сознании зрителя, то есть в определенном смысле позволяет зрителю конструировать этот идеал практически независимо от объективной реальности и без наличия образца, предложенного художником. Представляется необходимым и важным сохранить это стремление к идеальному конструированию, характерное для современного искусства и более детально проработать это направление.
2. Ценность познания занимает в современном искусстве куда меньшее место, так как зачастую современное искусство декларирует принципиальный отказ не только от ценностей, но и от логики, однако в определенной степени присутствует и она. Одним из наиболее интересных

проявлений этой ценности является направление кинетического искусства, ставшего своеобразным воплощением власти человека над природой. До определенной степени ценности познания также нашли свое отражение в таком жанре искусства, как Paint Art, который часто обращается к образам космоса и других вселенных.

3. Заметное место в современном искусстве занимает претензия на осмысление сущности времени и пространства, то есть еще одна своеобразная форма познания.

Современное искусство выступает зачастую с критикой общества потребления и его ценностей, однако это направление представляется на сегодняшний день не слишком актуальным. Его позитивная роль может осуществляться только в комплексе с другими направлениями осмысления реальности, предлагающими альтернативу этим ценностям.

Основная потребность человека — в его самоактуализации, самовпечатывании в мир, как некой форме диалога с миром, реализуящемся в его ощущении границы.

При этом, строго говоря, все названные ранее функции системы культуры (AGIL) функции исполняются через ощущение — то есть через ощущение границы.

Если данное самовпечатывание перестает ощущаться — как вариант, из-за привычности ощущения (привыкания к ощущению), — то диалог прерывается, граница перестает ощущаться: соответственно и функции не выполняются. Границы мира и ощущение мира, обеспечивающие исполнение функций системы заложены в формы искусства, но зритель их не ощущает: нет воспроизведения образцов, нет создания идеала, нет целеполагания, нет «собираения» (интеграции), нет адаптации к миру, поскольку связь с миром разорвана.

Однако весь комплекс запросов на эти функции сохраняется.

Часть художественного класса пытается его удовлетворить замещением ощущений иным механизмом, часть, чувствуя запрос и не имея на него ответа, — пытается эксплуатировать запрос, обеспечивая свое место и утверждая свою претензию на его исполнение.

«Художественный класс», пытающийся удовлетворить запрос, частью пытается предложить новый комплекс ощущений с адекватным актуальности запроса содержанием, частью, в случае, когда не

может предложить содержательный ответ, пытается ответить на запрос, отказавшись от субъектности предложения содержания ответа.

Пытается утвердить свое право предлагать — декларируя его как право предлагать, не предлагая адекватного содержания и не формулируя ответ.

В этой ситуации его задачей осуществления воздействия становится перенос этой задачи на реципиента, чтобы превратить зрителя в участника создания необходимого для ответа содержания.

Но тогда создание его системы воздействия становится предложением воздействия (границы, формы), не конструирующего контент ответа на запрос, а снимающего границу, в расчете на то, что зритель сам сконструирует нужное ему ощущение. Однако, поскольку граница снята — ощущение не создается, и в лучшем случае — лишь представляется реципиентом, то есть создается как иллюзия.

При этом, отстраняясь от прежнего, не воспринимаемого форматирования воздействия, уводя гипотетическое ощущение зрителя от границы его и мира к его границе в себе, разрывая, таким образом, связь человека и мира через их границу и, устранив границу дистанцией — устанавливая не преодолеваемую дистанцию через ее отсутствие, конструктор иллюзорных ощущений создает иллюзорное исполнение функций, приобретающих обратный характер собственной противоположности.

То есть, латентный образец, создаваемый вне мира, возникает не как образец поведения в мире, а как образец заведомого отстранения от него. Целеполагание/целестремление осуществляется не в воздействии на мир, а в воздействии по отстранению от него и в воздействии на свои иллюзии о нем. Интеграция (собрание) оказывается не собиранием внутри границы с миром, а вне его и дистанцированно от него и носит двойной характер: первое, как собирание отстранением от мира, и второе — собирание в типе отстранения от мира, то есть разъединение и вне единства отстранения от мира. Соответственно, и адаптация выступает не как адаптация к реальному миру при сохранении ядра самоидентификации, а как адаптация к существованию вне реальности — и, во многом, через отрицание существования реальности.

Система диалога с миром и взаимодействия меняется на монолог с собой как слушателем, явление культуры обращается в явление антикультуры.

В целом здесь присутствуют два начала: **первое, естественное** — требующее предложения нового типа ощущения, языка, преодолевающего отчуждение привычности, неощутимости границы, предлагающее ощутить границу через собственное участие в сотворчестве, диалог с миром, — и **второе, симулирующее**, предлагающее создать свое ощущение и представление без ощущения воздействия с миром.

Первое осуществляется при внесении и предложении моделирующего знака либо символа передаваемой ценности, включающего фантазию сотворчества, но и направляющего его на свою ценность.

Второе — без предложения формирующего знака, в лучшем случае предлагая знак неопределенности, дезорганизации, запускающего механизм фантазии в своем внутреннем монологе.

Отсюда вопрос использования средств современного искусства для актуализации заданных конкретных ценностей есть **вопрос нахождения конструирующих знаков и символов**, с одной стороны, фантазию запускающий, с другой — своим началом формирующий, подобно тому как жемчужина рождается лишь при помещении под мантию раковины некоего образующего мини-предмета, в результате чего в своем росте будущая жемчужина в общих контурах начинает воспроизводить очертания, казалось бы, инородного предмета, давшего толчок ее образованию.

Мы можем видеть таким образом, что «современное искусство» и «научно-технический романтизм» фактически занимаются решением одних и тех же задач, в ряде случаев склонны использовать схожие новаторские методы и привлекают одну и ту же зрительскую аудиторию. В то же время, если научно-технический романтизм пытается давать ответы на поставленные вопросы, строить непротиворечивые модели будущего, занимается «поиском», то современное искусство, заявляя о своей направленности на поиск новых форм и смыслов на протяжении нескольких десятков лет, дает ответ о принципиальной неспособности человека найти смыслы существования, увидеть будущее, познать пространство и время — и при этом остается «современным».

Современное искусство — это метод поиска будущего в обществе, лишенном прошлого. Поэтому оно зарождается в США, лишенных собственной мифологии, набирает там популярность и остается популярным. И одновременно современное искусство — путь, ведущий в никуда.

Научно-технический романтизм — путь поиска будущего, основанный на познании собственного прошлого и органичном выстраивании его продолжения в будущее.

Вопрос в том, что выбираем мы.

3.2.2. Научно-технический романтизм и его альтернативы в современной футурологии и аналитике

Времена меняются — проблемы остаются.

Зачастую отказываясь от наследия научно-технического подхода, а порой и отрицая рациональные подходы к осмыслению мира, современная философия и футурология тем не менее продолжают решать тот же круг вопросов, который занимал футурологов 1960-х гг.

Так, А. Г. Дугин, осмысливая проблему прогресса, употребляет формулировку «миф прогресса» и призывает отказаться от этого мифа, аргументируя такую необходимость следующим образом: «Наука Нового времени, начиная со второй половины XVIII века и заканчивая серединой XX века, существовала в так называемой «парадигме прогресса». Это означало универсальную доминацию убежденности в том, что общество развивается поступательно и только в одном направлении: от простого к сложному, от низшего к высшему. Все движение общества: наук, знаний, социальных институтов, политических систем, методологий идет только в одном направлении — направлении развития.

Идея прогресса заключается в том, что все процессы протекают в историческом времени, где каждый последующий момент снимает предыдущий. Поэтому, например, совокупность знаний социальных институтов 2000 года отменяет необходимость изучения знаний и методологий 1900 года» и т. д. «Прогрессивная социология, — делает он вывод, — это изучение обществ в развитии, в логике прогресса, где каждый последующий момент снимает предыдущий». Критика Дугиным такого подхода резонна, так как весь объем ранее накопленных знаний далеко не всегда сохраняется и входит в комплекс знаний современных. Здесь заключается большой и неоднозначный вопрос, связанный с теорией сохранения наследия, — любого, потому как всегда встает вопрос: в чем критерий истории? Сохраняется ли только лучшее, и насколько объективно это понятие — «лучшее»? Не могут ли знания, потерявшие актуальность на

определенном отрезке времени, актуализироваться впоследствии и оказаться затребованными?

Социальная практика показывает, что могут и становятся. Однако аргумент о необходимости изучения «топика глубин», значимый сам по себе, представляется недостаточным для отказа от концепции прогресса и движения вперед вообще.

Центристскую позицию в отношении прогресса занимает Майкл Вассар, президент Института Сингулярности — он выступает за безопасное развитие новых технологий на благо прогресса. Одной из задач — своих и своего Института — Вассар видит преодоление ограничений стандартной футурологии в ее негативном отношении к технологии. На сегодняшний день особое внимание М. Вассар уделяет исследованию проблем рациональности человеческого мышления и социальных последствий возникновения искусственного интеллекта. Те же проблемы разрабатывает Бен Герцель.

Надо сказать, что западные футурологи на сегодняшний день заняты вопросами последствий создания искусственного интеллекта и трактуют их традиционно по большей части в негативном ключе — в этом направлении работают Б. Джой¹ и Э. Дрекслер².

Среди западных технократических оптимистов тем не менее можно выделить Р. Курцвейла. Как футуролог Р. Курцвейл известен научными технологическими прогнозами, учитывающими появление искусственного интеллекта и средств радикального продления жизни людей. Согласно Курцвейлу, в будущем человечество достигнет почти неограниченного материального изобилия, а люди могут стать бессмертными. Он также дал обоснование технологической сингулярности — феноменально быстрого научно-технического прогресса, основанного на мощном искусственном интеллекте (превосходящем человеческий) и киборгизации людей.

Курцвейл предсказывает наступление технологической сингулярности в 2045 году. В это время вся Земля начнет превращаться в один гигантский компьютер, и постепенно этот процесс может распространиться на всю Вселенную. Природа сингулярности

¹ *Joy B. Wired 8.04: Why the future doesn't need us // Wired. — 2000. Apr. vol. 8. № 4.*

² *Drexler K. Eric. Engines of Creation 2.0: The Coming Era of Nanotechnology. — Updated and Expanded. — 647 страниц (Февраль 2007). Иллюстрированное pdf-издание.*

такова, что более конкретные прогнозы на период после 2045 года сделать затруднительно.

Таким образом, относительно успешно преодолев кризисы, предсказанные футурологами 1960-х гг., западные прогнозисты перешли к поиску новых угроз.

В России проблемами прогресса, но уже в социально-историческом, а не технологическом аспекте занимается Л. Е. Гринин. Основываясь на теории государственности Классена и Скальника¹, он разрабатывает проблемы общественных законов, социальной эволюции, движущих сил исторического развития и теории исторического процесса, его периодизацией, занимается анализом его отдельных аспектов (производственного, политического), а также вопросами эволюции государственности и анализом современных проблем глобализации — то есть, в конечном счете, также касается проблем метакультуры и исторического прогресса. Л. Е. Гринин занимается так же историческим моделированием и проблемами изучения экономических циклов в истории².

В целом же российских исследователей больше волнует социальный аспект будущего, а не технологический. Заметное место в отечественном дискурсе занимает перспектива возможности реконструкции советского проекта, которую анализируют в своих работах С. Г. Кара-Мурза, А. Г. Дугин, С. Переслегин. Проблему «информационного» общества отечественная традиция также трактует не как проблему «цифровой» эпохи, а как проблему эпохи «манипуляции».

К проблемам манипуляции и идеологической борьбы, предстающей теперь под новым именем «информационной войны», обращается С. Г. Кара-Мурза.

¹ *Шевский Д. С.* К определению государства // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. № 2—3 (63). 2016. С. 193—200.

² См., напр.: *Гринин А. Гринин Л.* От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). — М., 2015; *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы: Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. — М., 2012; *Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В.* Циклы развития современной Мир-Системы. — М., 2011 и др.

Интересна, кстати, вообще эта практика смены имен: на сегодняшний день актуальность явления определяет актуальность его названия, в то время как само явление, объявляемое актуальным, как правило, является вечным.

Явление «информационной войны» или «идеологической борьбы» было характерно еще для раннего Средневековья: об этом свидетельствуют заметно различающиеся по своему содержанию в различных княжествах древнерусские летописи или тот факт, что один из наиболее известных списков британской «Артурианы», сделанный Гальфридом Монмутским, был сделан по заказу норманнов, только что обосновавшихся в Англии и нуждавшихся в легитимизации собственной власти над саксами. Произведение, правда, было признано не совсем удачным — саксы в нем вызвали слишком много симпатии, и автору не заплатили. Почти как в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Схожая, но менее печальная история произошла и с готским историком Иорданом, которому было заказано за три дня написать на основе многотомного исторического труда историю становления готского народа, обосновывающую его значимость древностью, равной древности Римской Империи. «Источник» предполагалось уничтожить через три дня, этим обусловлен столь небольшой срок. А «Гетика» Иордана в итоге стала одним из известнейших источников по истории раннего Средневековья и варварского мира — наравне с «Германцами» Тацита и «Записками о Галльской войне» Юлия Цезаря. Оба последних произведения также писались с целью обоснования легитимности, только уже легитимности Римской Империи над варварским миром.

Иными словами, «информационная война», «идеологическая борьба», манипуляция сознанием и манипуляция историей — технологии, известные человечеству со времен античности. Безусловна их сегодняшняя актуальность — но безусловен и тот факт, что разработка их велась и несколько веков, и несколько десятилетий спустя. В частности, можно упомянуть здесь «Час Быка» И. Ефремова и «Обитаемый остров» А. и Б. Стругацких.

«Прозрачное общество» — нефантастическая книга, написанная писателем-фантастом Дэвидом Брином, в которой он прогнозирует общественную прозрачность и некоторую степень эрозии неприкосновенности частной жизни (приватности, англ. privacy), так как она будет достигнута за счет удешевления средств наблюдения, связи и хранения и обработки данных.

Дэвид Брин в 1998 г., продолжая западную традицию негативного прогнозирования, выдвигает концепцию «прозрачного общества»¹, согласно которой развитие средств наблюдения со временем размывает границы приватности. Хотя сама эта концепция в значительной мере повторяет предупреждения, выдвигавшиеся много ранее Е. Замятиным в романе «Мы», интересен и другой аспект: разрабатывая концепт, Д. Брин в дальнейшем среди одного из средств противодействия «прозрачному обществу» выдвигает возможность «обратного наблюдения». И хотя у Д. Брина под «обратным» в первую очередь имеется в виду наблюдение за самим собой, тут напрашивается аналогия с И. Ефремовым, предложившим другой вариант «обратности» — открытую возможность наблюдения за правительством, принятием решений в Мировом Совете и т. д. Таким образом, получается, что И. Ефремов, хотя и не делал акцента на существовании проблемы «прозрачного общества», все же дал ответы на вопросы своих последователей уже в 50-е гг. XX в.

С. Переслегин помимо исследования проблем современной геополитики посвящает ряд работ моделированию переходных путей от современного общества, которое анализирует в качестве альтернативной линии, выстроенной И. Ефремовым и А. и Б. Стругацкими к моделям последних, которые воспринимает не просто как идеальные проекты, а как серьезный позитивный прогноз.

Идеи реконструкции советского проекта, но в большей степени в ключе имперских амбиций России, развивает и защищает отечественный философ и публицист, работающий под псевдонимом Максим Калашников².

Среди характерных черт современной отечественной футурологии приходится отметить склонность к театрализации, эпатажу, которые, как представляется, существенно снижают степень серьезности восприятия предлагаемых теорий.

¹ Brin David (December, 1996). «The Transparent Society». Wired (CondéNet) (4.12). (Проверено: 2008-03-14).

² См., напр.: *Калашников М.* Сломанный меч империи. — М., 2000.; *Калашников М.* Битва за небеса. — М., 2000; *Калашников М., Осинцев Е.* Завтра была война. 22 декабря 201... года. — М., 2010; *Калашников М.* СССР Версия 2.0. — М., 2014; *Калашников М.* Мобилизационная экономика. Может ли Россия обойтись без Запада? — М., 2004.

Кардинально в другом ключе размышляет западный философ и футуролог Эрвин Ласло¹.

В ряде своих книг Ласло показывает, что существует два варианта развития событий, в связи с системным кризисом, охватывающим весь мир. Первый — всеобщая катастрофа и децентрализация, ведущая к росту неравенства и новой гонке вооружений. Второй — глобальный прорыв под руководством негосударственных международных организаций.

Макрошифт определяется как массовое движение, которое сможет повернуть ситуацию от всеобщей катастрофы к всеобщему прорыву. Ласло рассматривает период 2012—2020 как критическое время для предстоящей трансформации.

Концепция «макрошифта» Э. Ласло является своеобразным выходом на проблему метакультуры с позиции нивеляции различий по признаку государства-нации, установившегося в XIX — начале XX вв., и имеет много общего с концепцией метакультуры, выдвинутой М. Стражински в «Вавилоне 5»: в последнем объединение культур происходит на основе негосударственного гуманистического союза, который впоследствии обретает большее влияние, чем правительства отдельных государств.

Однако формулировка Э. Ласло о «негосударственных организациях» провоцирует ряд сомнений относительно осуществимости уже обоих прогнозов, а также относительно новизны ситуации: подобные негосударственные организации возникали и ранее (Орден тамплиеров) и именно в силу того, что несли угрозу государственным формированиям, подвергались уничтожению. В то же время европейская практика знакома и с многовековым господством такой негосударственной организации, как католическая церковь.

Кроме того, можно предположить, что на очередном этапе синтеза подобные негосударственные организации выйдут на новый уровень и «довершат начатое».

В конечном счете, можно сказать, что научно-технический романтизм на сегодняшний день приобретает весьма специфические формы.

В значительной мере он занимается решением тех задач, которые были им решены много лет назад.

¹ Ласло Э. Макродвиг: К устойчивости мира курсом перемен. — М. : Тайдекс Ко, 2004, и др.

3.2.3. Модели политического развития С. Лукьяненко

В России на сегодняшний день возможности научно-технического романтизма используются слабо.

При обилии фантастической и фэнтези-литературы значительное ее число уже не имеет ничего общего с базовыми функциями художественной футурологии. Преобладают «любовный роман в космосе» и «борьба за жизнь в мире постапокалипсиса» — то есть литература мечты с доминированием личного идеала над антологическим, и литература страхов с доминированием, опять же, личного приоритета над общим, так как в большинстве случаев герой не ставит перед собой задачу изменения мира, возрождения разрушенной цивилизации, а борется за личную выгоду. Зачастую онтологический уровень идеала в его сознании — или сознании автора — отсутствует вовсе, и предел видения мира ограничивается ценностями ближнего круга. Собственно этот распад онтологического идеала, соответственно, представлен и картинами распадающегося мира, на фоне которых происходит основное действие.

Среди авторов, так или иначе развивающих философию научно-технического романтизма, тем не менее можно назвать несколько имен, в числе которых М. Геворкян, В. Рыбаков, и наиболее известен из этой категории С. Лукьяненко.

На последнем имени и хотелось остановиться более подробно, так как в творчестве С. Лукьяненко трансформация дилемм научно-технического романтизма представлена наиболее выразительно — и в то же время наиболее объемно.

Спектр проблем, которые поднимает С. Лукьяненко, весьма обширен.

Действие первых его романов зачастую происходит в расщепленном на части мире — «Атомный сон» (1989), «Рыцари сорока островов», «Л» — значит люди» или мире, лишенном света, — «Мальчик и тьма».

Неоднократно анализировался с разных сторон и тот факт, что героем этих романов становится мальчик — не ученый, не герой и не «ковбой». Хотелось бы тем не менее выдвинуть свою версию относительно значения и преимуществ такого героя. Мальчик — еще ребенок — не является носителем ценностей того мира, в котором ему предстоит действовать. Он либо не является носителем вообще каких бы то ни было ценностей, либо, как это зачастую было в ро-

мантизме, является носителем максимально чистых, наивных ценностей, то есть еще не подвержен влиянию распада и зла. В ходе своего странствия, впрочем, как и писал Д. Кемпбелл, ему предстоит пройти ряд испытаний, узнать мир и принять некое решение, новую систему ценностей. Решение это у С. Лукьяненко часто остается за кадром, как бы предоставляется на волю читателя.

Герой-«мальчик» позволяет так же читателю соидентифицировать себя с персонажем, отодвигая в сторону оковы цинизма, которые естественным образом существуют для каждого, растущего или живущего в мире «распада».

Другой тип антропологического идеала, характерный для следующего этапа творчества С. Лукьяненко, — программист, «дайвер». И тут мы видим одновременно и преемственность с научно-техническим романтизмом поры его расцвета, когда героем становился ученый, и трансформацию направления, отвечающую не только ощущениям автора, но и запросу общества. Если применительно к 60-м гг. XX в. мы выявили, что основным рабочим инструментом считалась ЭВМ, то в 1990-е гг. это оказалось верно и неверно одновременно. С одной стороны, ЭВМ в образе ПК (персонального компьютера — это устаревшее сокращение, как представляется, очень хорошо показывает изменение назначения этого прибора), как и предполагали А. и Б. Стругацкие и И. Ефремов, получили широкое распространение. С другой стороны, они оказались не на службе с доминирующим онтологическим идеалом, где, согласно прогнозам И. Ефремова, должны были просчитывать разумнейшие варианты устройства жизни человечества, а на службе «индивидуального пользователя». Распространение компьютера привело, вопреки прогнозам, не к разумному переустройству общества, а к атомизации и уходу в виртуальную, интровертную реальность, так как производилось на основе общества с доминированием не онтологического, а индивидуального идеала. При этом мечты и одновременно предупреждения о всемирной виртуальной сети — «Глубине», — нашедшие отражение в творчестве С. Лукьяненко, как нельзя хорошо отображают и тот факт, что уходящий в виртуальное пространство Шурик-программист стремится не к характерному для русской философской традиции познанию себя, а к поиску единомышленников, находящихся «на той же волне», «в той же сети».

Из прогнозов, данных С. Лукьяненко в дилогии о «Глубине» (1997, 1998), в 2000-е гг. не сбывся только один: не была изобретена

система модулирования реальности, позволяющая ощущать звуки и осязать прикосновения. В то же время весь спектр описанных им последствий виртуализации каждый, кто провел в «сети» достаточно долго, ощущает на себе — тут и десоциализация, и потеря ощущения разницы между реальностью и виртуальностью, и подсознательное осознание виртуальности, «ненастоящести» окружающего в сети мира, приводящее к гиперсрывам. В то же время, если в начале 2000-х виртуальная реальность привлекала лишь узкие слои населения — по большому счету, тех самых «Шуриков», отверженных новым миром и, осознавая или не осознавая эту отверженность, ищущих реализации своих амбиций в виртуальности, то на сегодняшний день туда рванулись широкие массы потребителей, на которых и был переориентирован весь виртуальный рынок. С одной стороны, как представляется, это высвобождает, если еще не высвободило, находившийся некоторое время под колпаком виртуализации «креативный класс», с другой стороны, если для первой волны «утонувших» последствия и буафорность виртуальной среды уже стали очевидны, то вопрос о том, несет ли виртуальность угрозу для следующей волны посетителей, как представляется, пока открыт.

Ряд работ С. Лукьяненко посвящает, если не поискам метакультуры, то поиску ценностей посредством метода полиидейности. Среди этих работ — «Геном», «Спектр», отчасти «Рыцари сорока островов» и «Холодные берега», в последней из которых разрабатывается и метафора поиска новых/старых богов. Но наиболее ярко поиски ценностей «нового мира» представлены в романе «Осенние визиты», в рамках которого посредством смоделированного автором мистического конфликта сталкиваются между собой воплощенные ценности-мотивации рубежа веков: сила, искусство, власть, знание, любовь, развитие. Каждая из ценностей в новой ипостаси предстает в искаженном виде, и одновременно третье измерение модели придает историческая ретроспектива, в рамках которой выделяются предыдущие воплощения некоторых из этих ценностей: И. Сталин, Й. Геббельс и некоторые другие. В то же время некоторые из ценностей уже вышли из борьбы, окончательно потеряв возможность победить.

В смоделированном С. Лукьяненко конфликте искаженные ценности уничтожают друг друга, и выживает лишь «Развитие» — ценность достаточно безлика сама по себе, олицетворяющая как свободу выбора перспектив, так и, по сути, отсутствие ценностей

в новом мире. Отсутствие ценностей у самого «Развития» усугубляется тем, что все ценности, с которыми он знаком, предстали перед ним в искаженном, дискредитировавшем себя виде.

Схоже и традиционное «странствие» героя по «островам»-мирам в романе «Спектр», где каждая из планет Спектра представляет собой выродившийся мир одной из ценностей мира нашего.

Особо стоит отметить и тот факт, что в творчестве С. Лукьяненко отсутствует центральный онтологический идеал, однако фигурирует дуалистичная система идеалов, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки и в нескольких новых работах раскрывается с разных сторон. Это двухполярная система — «Ночной»/«Дневной» дозор, мир «Геометров»/мир «Звездной тени».

Если в первом случае автор противопоставляет фактически две системы ценностей: систему ценностей с доминированием ценности индивидуальной свободы без какой-либо моральной ответственности и систему ценностей с доминированием ценности добра/порядка, но однозначно отдающую предпочтение целям, а не средствам в дилемме целей/средств, то в диалогии «Звездной тени» эта двухполярная система дублируется лишь на первый взгляд.

В то время как мир Геометров, с выверенными по линейке материками и высоким градусом идеологизированности общества, представляет собой абсолютный порядок и растет, кажется, из утопий А. и Б. Стругацких с их прогрессорами и И. Ефремова с его терраформированной землей, то есть, фактически, из советских коммунистических утопий, то мир «Звездной тени» лишь на первый взгляд представляет собой альтернативу индивидуализма и либерализма. Мир «Звездной тени» — конфедерация миров, реальную власть в которых имеет безликая «Звездная тень», устанавливающая на каждой планете свои «врата». Прошедший через врата попадает в мир, наиболее соответствующий его психологическому запросу. Казалось бы, Звездная тень, в отличие от мира Геометров, предоставляет полную свободу, но, во-первых, свобода эта не подразумевает разумного выбора. Во-вторых, подобный психический подбор уже фигурировал у И. Ефремова, только осуществлялся не метафизической силой, а компьютерной сетью. Нет свободы в мире Звездной тени, есть лишь отсутствие выбора, и выбор, который делает безликая система на основе подсознательных потребностей и инстинктов.

Мира абсолютной свободы, таким образом, нет вообще — он принципиально невозможен, так как любой индивид находится

в зависимости от внешней среды и внутренних потребностей. Свобода — миф. И есть только реальность, в которой приходится выбирать меньшее из зол, но зло это — не мир индивидуализма и свободы и «муравейник» абсолютного порядка под контролем коллективного разума, а зло подчинения среде и зло необходимости нести бремя «белого человека», бремя собственного выбора за судьбу и жизнь свою и тех, кто зависит от тебя.

Прогноз С. Лукьяненко печален в психологическом плане, однако более реалистичен и оптимистичен, чем предлагаемые большинством авторов концепции мира бесконечного постапокалипсиса и борьбы всех против всех.

Как представляется, он являет собой некий новый этап осмысления научно-технического романтизма, уже не с позиций «мальчика», не прошедшего инициации жизнью, становления системы приоритетов, каковой представлял себя научно-технический романтизм 1950-х гг., и не с позиции вечно колеблющегося подростка, каким стал научно-технический романтизм годов 1960-х, а научно-технический романтизм зрелости, осознавшей недостатки и слабые стороны своего учения, но сохранившего свою суть.

3.2.4. Политическая философия научно-технического романтизма как метод конструирования будущего

Самый темный час — перед рассветом.

Вавилон 5. Час Волка.

Феномен научно-технического романтизма уже рассмотрен автором в ряде статей, в том числе, и в недавно вышедшей монографии «Братья Стругацкие: Письма о будущем»¹, потому подробно характеризовать его здесь не имеет смысла.

Следует уделить внимание лишь двум фактам, каждый из которых является по-своему очевидным:

- а) Научно-технический романтизм — течение политической философии, одной из важнейших характеристик которого

¹ Черняховская Ю. С. Братья Стругацкие: Письма о будущем. — М., 2016.

является устремленность в будущее, стремление сконструировать непротиворечивые модели общества будущего, этического и политического идеала.

- б) Прямым выражением научно-технического романтизма, хотя существует его творческое наследие и в виде научных исследований, и в виде публицистики, — прямым его выражением является научная фантастика: философская, утопическая, социальная.

Научно-фантастическая литература как всякая литература и искусство, являясь элементом общественного сознания, традиционно и достаточно давно рассматривается в двух своих проявлениях — в двух основных линиях развития: собственно научно-технической фантастики, частично популяризирующей, частично предсказывающей и описывающей возможные или предполагаемые научные открытия, — и социальной фантастики, которую иногда определяют и как философскую или философско-политическую и которая достаточно часто обладает явно выраженным политическим содержанием¹.

Обычно в качестве классических примеров социальной фантастики приводят книги Г. Уэллса, а в качестве научно-технической — Ж. Верна. Хотя и в произведениях первого присутствует технико-фантастические сюжеты, а многие книги второго явно имеют и социальное, и социально-политическое содержание.²

Строго говоря, научная фантастика, во всяком случае, ее социально-фантастическая ветвь, описывая мир — отражает его, но в этом отражении можно выделить две стороны. Во-первых, она

¹ И «Утопия» Т. Мора, и «Город Солнца» Т. Кампанеллы, безусловно относясь к памятникам философско-политической литературы, с большой долей обоснованности могут быть отнесены и к первым произведениям социальной фантастики. Причем книга Т. Кампанеллы вполне может рассматриваться и как произведение технической фантастики.

² «Таинственный остров», по сути, посвящен описанию успешного развития общины людей, объединенных коллективным трудом и опирающихся на научные знания и солидарность, а его последний роман «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» за тридцать лет до прихода к власти Гитлера описал угрозу опирающейся на промышленную мощь и стремящейся к завоеваниям фашистской диктатуры — как и ее падение.

описывает и отражает в значительной степени и политические аспекты действительности, и саму политическую действительность. Во-вторых, отражает ее в некой рефлексии — то есть отражает не только существующее, но делает акцент на его преломлении и показе альтернативно-возможного.

Научно-технический романтизм достиг пика своего развития в СССР в 1960-е гг., а затем стремительно пошел на спад, пока в середине 1980-х гг. не произошел полный отказ от самой идеи построения идеального будущего.

Отказ этот не был локальным и являл собою скорее комплексный отказ от смыслов: отказ от попыток построения будущего, отказ от идеологии, отказ от попыток придать содержание событиям жизни и полный, тотальный, гипертрофированный реализм в искусстве, который при этом весьма косвенно соотносился с реальностью, так как отражал только одну, самую негативную ее сторону.

Любопытны два факта.

Во-первых, подобный отказ шел под лозунгами обращения взгляда на Запад и подражания Западу под декларациями о том, что западное искусство лучше отечественного и отечественное не станет популярным, интересным зрителю, пока не начнет соответствовать ему. При этом именно это новое, лишенное смыслов искусство полностью потеряло привлекательность для зрителя, который теперь полностью перешел на продукцию западных, к примеру, киностудий.

Во-вторых, именно на Западе в последующие годы можно наблюдать (впервые с середины 1960-х гг.) расцвет идеалов научно-технического романтизма, веры в будущее, всесторонней пропаганды американской мечты и попыток напомнить людям о существовании тех самых смыслов, от которых мы хотели отказаться.

В России же вследствие отказа от идей будущего, как и от идеологии вообще, в последующие годы было сформировано поколение молодежи, не только ориентированное на западные (США) и восточные (Япония, Корея) идеалы, но и зачастую лишенное этих идеалов вообще.

Сегодня мы пытаемся ставить вопрос о том, как снова воспитать идеалы у молодежи, и о том, почему она не принимает предлагаемые ей идеалы прошлого, в то время как молодежь как раз находится в поиске идеала, но идеал прошлого — или утопия прошлого — не может дать необходимого подрастающему поколению

энергетического накала, не отвечает запросу на динамичное развитие и потребность в изменении мира. Молодежи необходим идеал будущего и необходимы смыслы, которые могли бы объяснить происходящее вокруг, сложные переплетения человеческих отношений и интересов, с точки зрения этики.

Поэтому ответ на один из вопросов, поставленный в рамках семинара, посвященного проблемам конструирования Будущего и проведенного в рамках II Съезда Российского общества политологов (11–13 ноября 2016, Казань) по общей теме «Российская политика: повестка дня в меняющемся мире»¹, — «Нужна ли утопия XXI веку?» — может быть отрицательным только для людей, до сих пор живущих реалиями 1980-х гг., либо попавших под влияния той самой последующей деидеологизированной культуры 1990-х гг.

Помимо названной тенденции к деидеологизации в качестве критики утопии зачастую высказывается мысль о ее принципиальной нереализуемости.

Во-первых, здесь следует сразу сказать о том, что эта мысль не совсем верна. Видится нерациональным воспроизводить здесь все классические типологии утопий, так как читатель наверняка с ними уже знаком. В то же время есть смысл представить авторскую типологию утопий, разработанную в рамках научных исследований прошедших двух лет: автор подразделяет утопии на утопии будущего, утопии пространства, утопии несбыточного и утопии будущего.

Утопии прошлого происходят еще от Платона и всегда моделируют в прошлом некий Золотой век, существование которого недоказуемо, образ романтизирован и не имеет ничего общего с реальностью. Это консервативная утопия. Не говоря о том, что Золотой век, как бы он не опирался на исторические изыскания, всегда полностью идеальный конструкт, он также не может быть реализован в будущем — просто в силу того, что тогда перестанет быть идеалом прошлого, а его место займет новый минувший Золотой век.

¹ «Российская политика: повестка дня в меняющемся мире». Материалы II Съезда Российского общества политологов (11–13 ноября 2016, Казань) / Российское общество политологов; под общ. ред. А. Ю. Шутова, С. Г. Еремеева, В. И. Якунина, И. И. Кузнецова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. — С. 927–933.

Утопией пространства по форме, но не по сути, можно считать утопию Т. Мора, а по сути — многочисленные романы-странствия о легендарных странах берендеев, Беловодье, Эльдорадо и т. д. Общую схему такой утопии можно описать следующим образом: «там, за рекой, где жить хорошо».

Утопия пространства имеет с реальностью так же мало общего, как и утопия прошлого или несбыточного, что обычно подтверждают уехавшие на Запад эмигранты. На сегодняшний день она во многом реализована в преклонении перед Западом, в то время как еще несколько десятилетий назад воплощалась в преклонении перед утерянной мудростью Востока. К слову, античные истории относили местонахождение такой утопии к северо-востоку — территории обитания русов, викинги — к легендарной стране великанов, обитающих на юго-востоке.

Утопия пространства тоже является очень древней по своему происхождению, она характерна для патриархальных обществ, где рядовой человек не имеет возможности повлиять на общественный уклад и может лишь мечтать о той самой стране «за рекой».

Утопия пространства не является негативным проявлением человеческого сознания и не говорит о его ущербности — это всего лишь поиск сакрального пространства и размещение его там, где его нельзя разрушить. В нашем случае это — следствие того, что была разрушена утопия будущего. Было разрушено сакральное пространство, а храм сакрального идеала осквернен и предан не столько забвению, сколько анафеме. И человек, опасаясь касаться перепачканных святынь, но все-таки needing в святынях, поместил их туда, где их невозможно достать — «за бугор».

Третья по счету утопия, утопия несбыточного, хотя и может быть возведена к легендарным образам загробных миров — «Вальхалла» или «Град божий» Августина — по большому счету, последовательно сформировалась на Западе 1970-х гг., то есть в период максимального разочарования Запада в существующих идеалах. В то время как рационально мыслящая часть населения объявила новым идеалом доллар, а целью — накопление денежных знаков, те, кто нуждался в более глубоком осмыслении причинно-следственных связей в окружающем мире, обратились к фэнтези и поместили, таким образом, идеал в место еще более недоступное для осквернения, чем любая «страна за рекой». Причина формирования «утопии несбыточного», прежде всего в том, чтобы минимизировать сопри-

косновения этого идеала с действительностью. Чтобы не позволить критикам отыскать в нем противоречия и объявить несбыточным, автор или носитель идеала заранее объявляет о его несбыточности и таким образом снимает все последующие вопросы. Кстати, этим же путем в более поздних работах пошли и А. и Б. Стругацкие в России, объявив, что их утопический конструкт, «мир Полдня» — это просто мир, в котором им хотелось бы жить.

На сегодняшний день тенденции к формированию «утопий несбыточного» пошли на спад и на Западе, а создатели новых миров разделились в основном на две группы: те, кто целенаправленно занимается осквернением уже этого, несбыточного сакрального пространства, привнося в него насилие, секс и отказ от смыслов (к примеру, американский сериал «Игра престолов» и многочисленные компьютерные игры последнего поколения), и те, кто занимается конструированием альтернативной истории, то есть своеобразным апробированием, поиском мостиков между реальностью и идеалом. Надо сказать, что первое течение весьма популярно в России сегодня, но это лишь подтверждает, что и это сакральное пространство было уничтожено, а значит, существует или неизбежно появится в ближайшем будущем запрос на утопии нового типа.

И, наконец, четвертый тип утопии — утопия будущего — и является прямым выражением научно-технического романтизма.

Утопия будущего:

- а) Расположена в будущем, которое человек строит сам, то есть принципиально достижима.
- б) Предполагает либо детерминированность исторического прогресса, исторический оптимизм, и соответственно неизбежность построения утопии будущего, либо власть человека над историей и законами социального развития, и соответственно его способность построить смоделированную утопию.
- в) В отличие от утопии пространства и утопии несбыточного, утопия будущего покоится на строго рациональных основаниях, как, впрочем, и утопия прошлого. Только, если рациональные основания утопии прошлого — в исторических фактах, подтвержденных источниками и объектах культуры, являющихся олицетворением некогда существовавшего идеального общества, то в основе рациональности утопии будущего — теоретическое осмысление

законов общественного развития и зачастую методология естественных наук (последнее условие не является обязательным).

- г) Утопия будущего, как и утопия пространства, и в отличие от утопий несбыточного и прошлого, обладает мобилизующим потенциалом, так как формально помещает сакральное пространство в реальный и подвластный изменению мир, и таким образом делает это сакральное пространство принципиально достижимым и реализуемым на земле.

Таким образом, мы видим, что вопрос достижимости утопий не столь однозначен, как кажется на первый взгляд. Существуют утопии достижимые по формальным признакам, но тем не менее, как мы можем видеть из попыток построить западное общество в России, — движение в направлении утопии далеко не всегда приводит к предсказуемым результатам.

И тем не менее утопии нужны. Утопия — это маяк в океане будущего. Точка, которую капитан ставит на карте, прокладывая курс. Безусловно, нет никаких гарантий, что двигаясь по волнующемуся морю истории, корабль придет именно к этой точке и в назначенный срок. Нельзя утверждать, что он в эту точку вообще придет. Но, не проложив курс, невозможно двигаться вперед.

И здесь уже нам выбирать — ставить свою точку в будущем или «там за рекой». Хочется только напомнить напоследок притчу о зайце и черепахе: заяц, пытаясь догнать черепаху, всегда оставался на шаг позади. Не потому ли история России так похожа на его рваные прыжки?

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Создав к середине 1960-х гг. в художественной форме свои основные политико-философские модели, научно-технический романтизм в СССР, с одной стороны, показал и картину возможных противоречий будущего общества, с другой — обрисовал сложности и препятствия на пути его создания. Соответственно, возникла определенная развилка, требующая ответа: каковы могут оказаться последствия отказа от движения по пути реализации данных моделей. Так же научно-технический романтизм сталкивается с некоторыми

признаками начала распада единства политического курса руководства страны, встающего перед задачами нового стратегического самоопределения, общественных настроений, в которых укрепляются установки общества потребления, и базовых идеалов общества познания, сохраняющихся в его политической философии.

Поставив проблему анализа последствий подобного развития ситуации, классики советского научно-технического романтизма к концу 1960-х — началу 1970-х гг. в ряде своих произведений («Час Быка» И. А. Ефремова, «Обитаемый остров» и «Град обреченный» (и др.) А. и Б. Стругацких, «Фаэты» А. П. Казанцева) представили серию предупреждающих сценарных моделей, в разных аспектах и разных вариантах рассматривающих развитие общества отказа.

В разработанных сценарных моделях было продемонстрировано: первое — отказ от курса на создание общества познания и созидания обрекает социум на деградацию, циклическое движение в кругах инферно, где даже благое действие приводит к негативным последствиям и высоковероятному самоуничтожению. Второе — отказ от любой из составляющих научно-технического романтизма: и антропологического оптимизма (И. Ефремов), и научно-технического прогресса (А. Казанцев), и социально-политического сциентизма и идеологии (А. и Б. Стругацкие) — приводит общество к разрушению остальных составляющих и социальной катастрофе.

Негативно-прогностические образы, данные в названных работах рубежа 1960–70-х гг., оказались предельно близки реальности конца XX — начала XXI в.

На фоне упадка и кризиса научно-технического романтизма в СССР на Западе происходит переход футурологии, особенно ее художественно-метафорических форм, к антиутопическим проектам, поиск осмысления реальности через метафоры несбыточного, первоначально при попытках сохранения базовых идеалов и ценностей, что ярко выразилось в создании и сворачивании крупных художественно-футурологических проектов «Звездный путь» (с 1979 г.) и особенно «Вавилон 5» (1993–1998).

Интеллектуальные альтернативы научно-техническому романтизму оказались лишены эмоционально-возвышенного мироощущения и установки на идеальное преобразование мира. При этом ни на Западе, ни в России полноценной альтернативы научно-техническому романтизму как мотивирующему развитие социума духовному фактору создать не удалось. Попытки создания таких аль-

тернатив приобрели частью экзотически-специфические, частью имитационные формы. В России наиболее яркой попыткой поиска стали наследовавшие А. и Б. Стругацким художественно-политические модели С. Лукьяненко, подтвердившие прежний классический анализ негативных последствий отказа от пути научно-технического романтизма при признании ценностной самозначимости этого пути, но не предложившие новых проектов.

Основным значимым содержанием политической философии научно-технического романтизма была ее ориентация не только на предсказание, но и на конструирование будущего, от которого современная политическая мысль и в России, и за ее пределами на сегодня отказалась, легитимизировав путь спонтанного развития, несмотря на состояние определенного перехода между этапами цивилизационного развития, актуализирующими запрос на подобные «утопические» конструкторы.

В России, судя по данным социологии, сохраняется ориентация общественного сознания на базовые научно-романтические проекты, что проявляется и в высокой степени ностальгии по мироощущению человека как субъекта преобразования мира, и высокой значимости проблематики освоения космоса как показателя выбора своего пути между вариантами «цивилизации суши (постоянства)» и «цивилизации моря (изменчивости)» в виде «цивилизации неба/космоса (постоянного восхождения)».

Подобное состояние политического сознания современной России позволяет говорить о некотором восстановлении установок социума на не подчиненное, а преобразующее отношение с миром. Однако для своей реализации в виде социально-политического феномена научно-технического романтизма либо подобного ему это общественное ожидание должно быть дополнено пока отсутствующими как ориентированной на эти же установки политической волей руководства страны, так и политико-философским оформлением в виде мотивирующих образов, подобным создававшимся художественно-политическим моделям классической научной фантастики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проектное политико-философское конструирование взлета научно-технического романтизма в СССР реализовывалось в трех своих направлениях и работах их лидеров: а) социально-политического сциентизма — А. и Б. Стругацкими; б) антропологического оптимизма — И. А. Ефремовым; в) романтического технократизма — А. П. Казанцевым.

При этом неверно было бы рассматривать эти произведения как иллюстрирующий пропагандистский контент курса политической власти, скорее, они сами частью отражали, частью формировали общественные настроения, затем агрегировавшиеся и артикулировавшиеся высшим руководством страны. Проектирование идеального будущего выступает в советском научно-техническом романтизме как его центральный компонент и база формирования его политической философии.

Особо следует отметить, что для всех названных авторов, как и для всего направления научно-технического романтизма, проблема обеспечения культурного суверенитета страны не существовала в отрыве от проблемы социокультурной интеграции всех достижений мировой культуры: моделируемый ими социум, если это социум восхождения, а не деградации, сохраняет значимость всех достигнутых в его истории достижений — на каждом шагу обогащаясь теми достижениями контактирующих с ним социумов, которые соответствуют его базовым латентным, а если шире — позволяют решать задачу снятия «крышки инферно», выхода человечества из сферы низменности, состояния общества, в котором оно подчинено слепой игре на выживание, господству наиболее примитивных природных инстинктов, лишено возможности восходящего развития.

Интеграция и взаимообогащение культур рассматриваются как позитивное начало, укрепляющее культурную суверенность, если они увеличивают способность социума к противостоянию и преодолению инферно, но должны ограничиваться, если начинают содействовать ослаблению такой способности.

В этом отношении можно сказать, что для всех представителей «Большой тройки» научно-технического романтизма базовая задача и базовая ценность — преодоление инферно, средствами которых выступают, с одной стороны, культурный суверенитет народа, а с другой — социокультурная интеграция контактирующих культур: самоизоляция так же ведет к деградации, как и заливающая социум массовая культура. Аксиологический мир будущего рассматривается как результат векового преодоления человеком круга инферно, прорыв возвышенно-человеческого через низменно-животное.

И, соответственно, цивилизация, сосредоточенная на сохранении своей архаичной идентичности и уходящая от создания и принятия нового, ровно так же оказывается обречена на вырождение в страхе перед восходящими изменениями. Как писал И.Ефремов: «На Земле у нас было великое множество народов, несколько больших культур, разные социальные системы. Во взаимопроникновении или в прямой борьбе они задержали образование монокультуры и мирового государства до тех пор, пока не поднялось общественное сознание, и техника не обеспечила общество необходимой для подлинной коммунистической справедливости и коллективности аппаратурой. Кроме того, угроза всеуничтожающей войны заставила государства серьезнее относиться друг к другу в мировой политике, так называлась тогда национальная конкуренция между народами».

Подобное противопоставление изолированно-архаичных культур и образующей инферно монокультуры, как двух полюсов порочности, при отдельно выделяемом типе единой культуры, складывающейся из взаимодействующего многообразия ее составных, позволяет, как представляется, говорить об идее метакультуры, обрисовываемой и И. Ефремовым, и А. П. Казанцевым.

Анализ показывает, что общий концепт научно-технического романтизма периода его расцвета включал в себя, первое, базовые антропологические основания видения человека и его отношений с миром; второе, идеальное политическое конструирование научно-технического романтизма — политическую философию будущего;

третье, реальную политическую философию — политико-философское осмысление проблем реальной политической жизни.

Первый компонент, базовые антропологические основания видения человека и его отношений с миром, предполагает реализующее антропологический оптимизм данного феномена эмоционально-возвышенное мироощущение, при котором человек рассматривается как начальная ценность мира, реализующая себя в выявлении возвышенных смыслов мироустройства и преобразующая мир в соответствии с ними, опираясь на свое научно-техническое могущество.

Итоговым базовым тезисом научно-технического романтизма является тезис о ключевой роли науки и техники. Можно выделить три аспекта этой проблемы, выявленных научно-техническим романтизмом: *видение науки и техники как основы построения общества будущего; соотношение рационального и иррационального как в науке, так и в управлении; место интеллектуалов в политике и взаимоотношения науки и политики.*

Второй компонент, идеальное политическое конструирование научно-технического романтизма, предлагает в качестве целевой идеальной формы социума основанную на сциентизме модель всеобщего участия, при реализации как базовой ценности человека и общества приоритетов познания и созидания, реализующих потребность человека в самореализации через созидательную деятельность и создающих для него условия для получения радости труда.

При этом конструкт будущего рассматривается как своего рода «критическая утопия», в которой выявляются выступающие источником развития ее внутренние противоречия: между возрастающим научно-техническим могуществом и естественным состоянием мира; между его возможностями познания и управления обществом и готовностью конкретного общества к подобному изменению; между моральной невозможностью для человека этого мира оставить без помощи страдающих людей отстающего в своем развитии общества и его же моральными ограничениями на использование того инструментария, который необходим для реального действия в подобном обществе; между ценностью восходящего развития социума и неизбежным разрушением ценностей предыдущего состояния.

Одновременно в рамках научно-технического романтизма высказывается предупреждение о сложности и неодномоментности достижения моделируемого ими состояния, выявляются препятствия

на пути движения в будущее: а) гипертрофия потребления, когда потребление становится основной жизненной ценностью человека; б) замена реализации в творчестве квазиреализацией во влиянии нарастающей бюрократизации общества; в) замещение духовного возвышающего развития тиражированием образцов массовой культуры, уводящее восприятие и развитие человека от погружения в большие смыслы к погружению в упрощенно-развлекательное.

В то же время в рамках основного концепта научно-технического реализма постулируется, с одной стороны, неотвратимость прогресса с переходом его от прогресса потребления к «вертикальному прогрессу» возвышения человека и цивилизации, с другой — реализуемость его лишь через сознательную деятельность человека, с третьей, отмечается драматичность противоречия между «внеморальностью» прогресса, безразличного к морали и ценностям изменяемого в мире, и моральностью человека, неизбежно являющегося продуктом этой морали и ценностей, необходимостью сохранения в данном восходящем развитии ценностей и достижений, накопленных человечеством за всю его историю.

Третий компонент, политико-философское осмысление проблем реальной политической жизни, включает политико-философское осмысление феномена власти в зависимости от сочетания воплощаемых ею комбинаций наличия либо отсутствия и характера целей, средств и смыслов, при этом она в итоге рассматривается как, по сути, неинституциональное явление, предполагающее способность политического субъекта реализовывать социально значимые цели, ограниченное в своих действиях реализацией принятых ей смыслов и оцениваемое исключительно эффективностью их реализации.

Возникающее в отношениях власти и политической деятельности противоречие между совестью и разумом, с точки зрения научно-технического романтизма разрешается через своего рода «высшую совесть», ответственность перед смыслами своей деятельности.

Как показывает анализ текстов, научно-технический романтизм, рассматривая отношения с миром через выявление и реализацию его идеальных смыслов, постулирует бесперспективность и обреченность любого деидеологизированного социума, соответственно, в разрыве со смыслами развития общества, его целями, ценностями и культурой как сферой производства этих ценностей.

Одновременно отвергая и модель мультикультурализма как пространства ценностного раскола общества, научно-технический романтизм показывает тупики развития социума в рамках монокультуры как ведущего к деградации и утверждению олигархической диктатуры и вырабатывает концепт метакультуры как путь единства и разнообразия при развитии культур через их взаимообогащение.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что политическая философия научно-технического романтизма, соединяя романтизм устремления в будущее и базовой установки на реализацию в мире сформулированных им идеальных конструктов с предельным реализмом и прагматичностью анализа налично-существующей политической жизни, обладала качеством прогностического реализма.

Выявляя предсказуемые противоречия будущего идеально-желаемого общества и препятствия на пути к нему, классики научно-технического романтизма предупреждали о неизбежных негативных последствиях отказа от проектного развития и движения к обществу познания.

В серии своих художественно-политических произведений («Час Быка» И. Ефремова, «Обитаемый остров» и «Град обреченный» А. и Б. Стругацких, «Фаэты» и «Спустя тысячелетие» А. П. Казанцева и ряде других) в метафорической форме они создали серию негативных сценариев развития социума, в силу тех или иных обстоятельств отказавшегося от пути к обществу, подобного тому, которым шел Советский Союз, и оказавшегося в тупиках исторического развития. Следует отметить, что, хотя почти все эти сценарии были разработаны на рубеже 1970–1980-х гг., большая часть предсказанных контуров и действующих тенденций оказалась предельно близка реальности, утвердившейся в мире спустя половину столетия.

Спад и кризис научно-технического романтизма поставили под вопрос саму веру и в антропологический оптимизм, в возможность разумной организации общества и разрешения проблем цивилизации на основе достижений научно-технического прогресса.

Однако потребность в такой самоактуализации осталась прежней, естественно, вызывая поиск иных форм удовлетворения этой потребности, среди которых: а) поиски имитационного ощущения власти над ирреальным миром в т. н. современном искусстве; б) попытки воссоздания фантастики, уходящей от глобальных проектов к жанру узких проблем и «ближнего прицела» в современной футурологии и аналитике; в) в «фантастике пути» и политических

моделях, оставляющих открытые финалы и отказывающихся от конструирования законченных проектов.

Феномен и политическая философия научно-технического романтизма позволили утвердить в XIX–XX вв. триединство антропологического оптимизма, сциентизма и технократизма, что дало возможность человечеству избежать наиболее катастрофических вариантов развития.

Спад научно-технического романтизма к 1970-м гг. сыграл значительную роль в том, что восходящее развитие цивилизации сначала сменилось стагнацией, затем — вступлением в фазу запуска исторического регресса, а ход событий в мире приобрел достаточно тревожные черты.

Вместе с тем, как показывает анализ данных социологических исследований, ценности, связанные с теми или иными началами и установками научно-технического романтизма, после определенного спада вновь упрочиваются в политическом сознании современной России, сохраняется значимость ценностей познания, научно-технического развития, освоения космоса и восстанавливаются определенные установки на проектное развитие в молодежных группах.

Вполне естественно предположить, что решить эти проблемы можно именно на пути либо возрождения самого научно-технического романтизма, либо создания некоей действенной политико-философской альтернативы, способной выполнять функции, ранее исполнявшиеся данным феноменом.

Представляется, что, хотя концентрация внимания на конструктах трех названных классиков научно-технического романтизма (И. Ефремова, А. и Б. Стругацких и А. П. Казанцева) вполне оправдана, за рамками исследования пришлось оставить работы, конструкции и интерпретации многих других, хотя и менее известных представителей научно-технического романтизма.

Объем работы не позволил в полной мере рассмотреть истоки, проблематику и последствия интенционного раскола в 1960–1970-е гг. представителей научно-технического и гуманитарного знания, образно обозначаемые как спор «физиков и лириков», который стал явно негативным фактором в развитии научно-технического романтизма и попытке преодоления которого А. П. Казанцев в 1980-е гг. посвятил трилогию «Клокочущая пустота», осмысление которой, также по соображениям объема, не удалось провести в работе.

За рамками работы остался анализ произведений близких научно-техническому романтизму советских фантастов 1920–1930-х гг., таких как Г. Б. Адамов, А. Р. Беляев и др.

Намеченная к подробному анализу тема конструктора метакультуры у И. Ефремова и А. П. Казанцева была вынужденно сокращена до минимума, хотя она сама по себе заслуживает отдельного монографического исследования.

За пределами работы остались многие политико-философские антропологические и этические построения И. А. Ефремова в работах «Лезвие бритвы» и «Таис Афинская», большая и интересная тема внеавраамизма его философии, затронутая Б. В. Межуевым, политико-философское содержание идеи индо-критской цивилизации, высказанной в «Туманности Андромеды», идеи палеоцивилизации А. П. Казанцева и многие другие аспекты политической философии научно-технического романтизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абалкин Л. И., Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. — М. : Экономика, 2002. — 766 с.
2. *Абгарян С. Р.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: основные теоретико-методологические подходы: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2011. — 146 с.
3. *Абдурагимов Г. А., Абдурагимова Г. А.* Лезги и древнейшие цивилизации Передней Азии. — М. : Экономика, 1998. — 479 с.
4. *Абенсур М.* Утопия // 50/50. Опыт словаря нового мышления. — М. : Прогресс, 1989. — 557 с.
5. *Абрамов А. В.* Становление теории модернизации и альтернативные концепции общественного развития // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. — 2012. — № 3. — С. 35–51.
6. *Авакян Д. А.* Последствия промышленной революции и урбанизации в английской и французской политической мысли XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2017. — 149 с.
7. *Августин А.* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. — М. : Ренессанс, 1991. — 488 с.
8. *Августин А.* О граде божьем. В 2 т. — М. : Синописис, 2016. — 1326 с.
9. *Авдонин В. С.* Российские исследования политики Европейского союза в контексте становления отечественной политической науки: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Рязань, 2006. — 356 с.
10. *Агаев Б. В.* Концепция правового социализма С. И. Гессена: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2012. — 185 с.
11. *Аинса Ф.* Реконструкция утопии. — М. : Наследие, 1999. — 207 с.
12. *Акопов С. В.* Транснациональная модель идентификации индивидов с макрополитическими сообществами: метатеоретический анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2015. — 317 с.

13. *Алексеев К. И.* Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н. Д. Павлова. — М. : ПЕРСЭ, 2002. — С. 40–50.
14. *Алексеев Н. Н.* Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. 1. — М. : Тип. Императорского московского ун-та, 1912. — 281 с.
15. *Алексеева Т. А.* Политическая философия. От концепций к теориям. — М. : РОССПЭН, 2007. — 397 с.
16. *Алексеева Т. А.* Современные политические теории. — М. : РОССПЭН, 2000. — 479 с.
17. *Алексеева Т. А., Кравченко П. И.* Политическая философия: к формированию концепции // Вопросы философии. — 1994. — № 3. — С. 3–23.
18. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 3. — С. 14–58.
19. *Андерсон Б.* Ангел истории / Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М. : Кучково Поле, 2001. — С. 173–180.
20. *Андреев К.* Бег времени // Фантастика-1963. — М. : Молодая гвардия, 1963. — С. 3–20.
21. *Андреев К.* Рецензия на «Возлюби дальнего» / Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М. : АСТ, 2008. — С. 503–506.
22. *Анекштейн А.* Анри де Сен-Симон, его жизнь и учение. — М. — Л. : Московский рабочий, 1926. — 240 с.
23. *Антипина О. Н., Иноземцев В. Л.* Постэкономическая революция и глобальные проблемы // Общественные науки и современность. — 1998. — № 4. — С. 162–173.
24. *Антонова Н. В.* Личность и политика в психоаналитических концепциях В. Райха, Э. Фромма и К. Г. Юнга: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2003. — 187 с.
25. *Аристотель.* Политика. Сочинения: В 4 т. Т. 4. — М. : Мысль, 1983. — 830 с.
26. *Аркан Ю. Л.* Очерки социальной философии романтизма. — СПб. : Наука, 2003. — 375 с.
27. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. — М. : Текст, 1993. — 303 с.

28. *Аронсон Э., Пратканис Э. Р.* Эпоха пропаганды. Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. — 384 с.
29. *Асеева И. А.* К вопросу об основаниях предвосхищения будущего: междисциплинарный аспект // Полигнозис. 1(34). 2009. — С. 44–52.
30. *Асеева И. А.* Образы прогностического опыта в науке и культуре: на пути к интегративной модели: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.08. — М., 2010. — 344 с.
31. *Асеева И. А.* Трансдисциплинарная методология в построении социокультурных «моделей» будущего развития цивилизации // Социо-антропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации : Сборник статей международного научного вебинара / Ответственный редактор: Асеева И. А. — Курск : Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2015. — С. 77–85.
32. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — 323 с.
33. *Ассман А.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
34. *Афанасьев В. В.* Философия политики Освальда Шпенглера: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2007. — 339 с.
35. *Афонасова А. В.* Политическое проектирование как ресурс современной российской модернизации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — Саратов, 2013. — 201 с.
36. *Ахиезер А.* Россия: критика исторического опыта. В 3 т. — М. : ФО СССР, 1991.
37. *Ахиезер А. С., Ильин В. В., Панарин А. С.* Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / Под ред. В. В. Ильина. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 400 с.
38. *Ахременко А. С.* Сценарный метод прогнозирования политических процессов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — М., 1999. — 153 с.
39. *Байме К. фон.* Политическая теория: эмпирическая политическая теория // Политическая наука: новые направления / Ред. Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн. — М. : Вече, 1999. — С. 495–507.

40. *Баранов А. В.* Военно-политические взгляды Никколо Макиавелли и современность: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2003. — 187 с.
41. *Баранов Г. С.* Научная метафора. Ч. 1. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 1992. — 112 с.
42. *Барт Р.* Мифологии. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. — 320 с.
43. *Баталов Э. Я.* Американская политическая мысль XX века. — М. : Прогресс-Традиция, 2014. — 623 с.
44. *Баталов Э. Я.* В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. — М. : Политиздат, 1989. — 317 с.
45. *Баталов Э. Я.* Сознание политическое // Политическая энциклопедия: в 2-х т. Т. 2 / под ред. д. п. н. Г.Ю. Семигина. — М. : Мысль, 1999. — С. 433–434.
46. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М. : Художественная литература, 1965. — 528 с.
47. *Бедрицкий А. В.* Информационная война. — М. : Российский ин-т стратегических исследований, 2008. — 183 с.
48. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. — М.: Академия, 2004. — 788 с.
49. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М. : Academia, 1999. — 949 с.
50. *Белл Д.* Третья технологическая революция и ее возможные социальные последствия. — М. : ИНИОН, 1990. — 8 с.
51. *Бельский А. А.* Английский роман 1800–1810-х годов. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 1968. — 333 с.
52. *Бенвенисте Г.* Овладение политикой планирования. — М. : Издательская группа «Прогресс», 1994. — 304 с.
53. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. — М. : Логос, 2003. — 350 с.
54. *Бербекова Т. Х.* Концепции государства в трудах политических мыслителей пореформенной России: дис. ...д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2003. — 314 с.
55. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.

56. *Бердяев Н. А.* Демократия, социализм и теократия // Новое средневековье. — Берлин : Обелиск, 1924. — 142 с.
57. *Березина Н. И.* Мифологическое измерение российского политического процесса: дис ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Ростов н/Д., 2007. — 130 с.
58. *Березняков Д. А.* Социология массовой коммуникации: опыт программы университетского курса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 11. — № 11. — 2012. — С. 146–170.
59. *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. — СПб. : Азбука-классика, 2001. — 510 с.
60. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем. — М. : Прогресс, 1969. — 520 с.
61. *Бестужев-Лада И. В.* Вперед — XXI век. Антология современной классической прогностики. — М. : Academia, 2000. — 480 с.
62. *Бехтерев В. Н.* Внушение и его роль в общественной жизни. — СПб. : ИД «Питер», 2001. — 256 с.
63. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. — М. : Международные отношения, 2003. — 216 с.
64. *Биленкин Д.* Обыкновенная минеральная вода // Фантастика-1964. — М. : Молодая гвардия, 1964. — С. 304–306.
65. *Блох Э.* Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. — М. : Прогресс, 1991. — С. 49–78.
66. *Блох Э.* Тюбингенское введение в философию. — Екатеринбург : Издательство Уральского ун-та, 1997. — 400 с.
67. *Боброва М. Н.* Романтизм в американской литературе XIX века. — М. : Наука, 1972. — 288 с.
68. *Бовш В. И.* Футурология и антикоммунизм. — Минск : Наука и техника, 1977. — 270 с.
69. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. — М. : Республика, 2006. — 269 с.
70. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. — М. : Рудомино, 2001. — 95 с.
71. *Бойцова О. Ю.* Политическая наука в XX в.: общие характеристики и основные этапы становления // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12: Политические науки. — 2001. — № 1. — С. 5–18.

72. *Боярков Р. Л.* Феномен толерантности: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2011. — 202 с.
73. *Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А.* Функциональная асимметрия мозга человека. — М. : Медицина, 1981. — 287 с.
74. *Брандис Е., Дмитриевский В.* Путешествие в страну фантастики / БСФ в 15 т. — М. : Молодая гвардия, 1965. — Т. 1. — С. 5–26.
75. *Брандис Е. П. Ж.* Верн и вопросы развития научно-фантастического романа. — Л. [б. и.], 1955. — 44 с.
76. *Брандис Е. П.* Советский научно-фантастический роман. — Л. [б. и.], 1959. — 47 с.
77. *Бунге М.* Философия физики. — М. : УРСС, 2003. — 219 с.
78. *Бурдые П.* Социология социального пространства. — СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с.
79. *Бурлацкий Ф. М.* Ленин. Государство. Политика. — М. : Наука, 1970. — 522 с.
80. *Буссель Ю. Н., Шмерлинг Д. С.* Стратегическое моделирование приоритетных национальных проектов: от учета ценностей российского общества к целевому планированию // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. — 2007. — № 4. — С. 148–157.
81. *Бычков В. В.* Эстетика Аврелия Августина. — М. : Искусство, 1984. — 264 с.
82. *Бэкон Ф.* Новый Органон // Соч. : В 2 т. — М. : Мысль, 1978. — Т. 2. — 582 с.
83. В подвале у Романа. Коллективное интервью, взятое у А. Стругацкого семинаром молодых писателей-фантастов 17 марта 1982 г. в редакции журнала «Знание — сила» // Измерение Ф. — Л., 1990. — № 3.
84. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. — М. : Новое литературное обозрение, 1998. — 368 с.
85. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. — М. : Территория будущего, 2006. — 248 с.
86. *Ванслов В. В.* Эстетика романтизма. — М. : Искусство, 1966. — С. 27–28.
87. *Василенко И. А.* Политическая философия: 2-е изд. доп. — М. : ИНФРА-М, 2009. — 318 с.
88. *Василенко И. А.* Роль символического капитала культуры в информационном обществе // Власть. — 2017. — № 7. — С. 75–79.

89. *Василенко И. А.* Российская политическая культура и европейские политические ценности: актуальные интерпретации // *Власть*. — 2014. — № 1. — С. 81–84.
90. *Василенко И. А.* Социокультурный анализ русской революции 1917 года: исторические уроки // *Власть*. — 2017. — № 9. — С. 64–68.
91. *Василенко И. А., Абассы М.* Роль политических ценностей в процессе модернизации: опыт России и Польши // *Власть*. — 2013. — № 1. — С. 38–43.
92. *Васинева П. А.* Духовные универсалии раннего немецкого романтизма: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.03. — СПб., 2015. — 135 с.
93. *Вахрушева Е. А.* Политическая философия Фредрика Джеймисона: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — Екатеринбург, 2016. — 157 с.
94. *Введенская Е. В.* Утопические идеи в философии русского космизма: Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.03. — М., 2007. — 155 с.
95. *Вебер М.* Основные социологические понятия / Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 602–643.
96. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия / Вебер М. Избранные сочинения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 644–707.
97. *Вельцель Х.* Научно-теоретические и методологические основы политологии // *Методологические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение*. — М.: РОССПЭН, 2004. — 220 с.
98. *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого: память как арена политической борьбы // *Неприкосновенный запас*. — 2005. — № 2–3 (40–41) // <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html> (дата обращения: 13.07.2022).
99. *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов // *Сб. отд-ния рус. языка и словесности Императорской Академии наук*. — Т. 21. — № 2. — СПб., 1880. — 228 с.
100. *Викунин С. Ю.* Политическое в трудах конфуцианцев и легистов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2002. — 157 с.
101. *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. — М., 2006. — 365 с.
102. *Вишне夫斯基 Р. В.* Модернизационные циклы в истории России // *Теория предвидения и будущее России: материалы V Кондратьевских чтений*. — М., 1997. — С. 167–173.

103. *Волгин В.* История социалистических идей. Ч. 1. — М. — Л. : Госуд. изд-во, тип. им. Н. Бухарина, 1928. — 299 с.
104. *Волгин В. П.* Очерки по истории сенсимонизма. — М., 1926.
105. *Волгин В. П.* Сен-Симон и сенсимонизм. — М. — Л. : Изд-во Коммун. ак. 1925. — 104 с.
106. *Волков В. А.* Идея политики в немецкой классической философии: И. Кант, И. Г. Фихте: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2002. — 350 с.
107. *Волков Г.* Три лика культуры. — М. : Молодая гвардия, 1986. — 335 с.
108. Волновые процессы в общественном развитии. — Новосибирск, 1992. — 227 с.
109. Волны и циклы политического развития. Заочный круглый стол // Полис. — 2002. — № 4. — С. 19–59.
110. *Воловик В. И., Данков В. В., Ерхов Г. П.* Советские традиции, праздники, обряды. Опыт, проблемы, рекомендации. — М. : Профиздат, 1986. — 336 с.
111. *Вольский С.* Фома Кампанелла. — М. — Л. : тип. «Красный пролетарий», 1925. — 77 с.
112. *Вольтер О. В.* Феномен российской государственной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России: история и современность. Политологический аспект: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Ростов/н/Д, 2010. — 374 с.
113. Вопросы остаются (интервью с Б. Стругацким) // Блокнот агитатора. — Л., 1987. — № 14.
114. *Воропаев В. И.* Управление проектами в России. — М. : Аланс, 1995. — 225 с.
115. *Воропаев Д. С.* Социокультурные основания китайской модели политической модернизации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2012. — 185 с.
116. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1079. Главные события XX в. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10879>. (дата обращения: 13.07.2022)
117. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1997. Россия в космосе. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112679>. (дата обращения: 13.07.2022)
118. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2351. Рейтинг национальных угроз — 2013. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114302>. (дата обращения: 13.07.2022)

119. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 297. Россияне о бюджете и общенациональных программах 2005. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1721>. (дата обращения: 13.07.2022)
120. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 612. Советское прошлое россиян. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3864>. (дата обращения: 13.07.2022)
121. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2812. Космическая эра. Новые горизонты. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115222> 10.04.2015. (дата обращения: 13.07.2022)
122. *Габович М.* Многоликий либерализм: XIX век и современный взгляд на «национальные особенности». // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 3. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/3>
123. *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М., Едиториал УРСС. 2004. — 352 с.
124. *Гаджиев К. С.* Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. — М., Экономика. 2011. — 478 с.
125. *Гаджиев К. С.* Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. — 1991. — № 1. — С. 55–74.
126. *Гаджиев К. С.* Введение в политическую философию. — М., Логос. 2011. — 336 с.
127. *Гайдт А. Ю.* Сравнительный анализ политических систем: теоретико-методологический аспект: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2016. — 148 с.
128. *Галкин А. А.* Консерватизм в прошлом, настоящем и будущем. Размышления о политике и политической науке. — М., Оверлей. 2004. — 278 с.
129. *Галкин А. А., Рахимир П. Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны. — М., Наука. 1987. — 192 с.
130. *Галкина О. В.* Роль метафоры в науке и научной терминологии // Международная интернет-конференция «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты». 2011. — URL: <http://rgf.tversu.ru/node/485>. (дата обращения: 13.07.2022)
131. *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». — М. : Аграф, 2000. — 608 с.
132. *Гвишиани Д. М.* Техника, общество, человек: «критика буржуазных концепций» философии техники. — М. : Знание, 1981. — 63 с.

133. *Геллер Л., Нике М.* Утопия в России. — СПб. : Гиперион, 2003. — 312 с.
134. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. — М. : МИК, 2000. — 855 с.
135. *Геннер А.* Икарийцы в Северной Америке. — СПб. : Знание, 1906. — 47 с.
136. *Гесиод.* Труды и дни // Эллинские поэты / Пер. В. В. Вересаева. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1963. — С. 141–168.
137. *Гигаури Д. И.* Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.03. — СПб., 2016. — 221 с.
138. *Гиренок Ф. И.* Клиповое сознание. — М. : Проспект, 2015. — 534 с.
139. *Глебова И. И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность. — М. : Наука, 2006. — 330 с.
140. *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1991. — 736 с.
141. *Говард Э.* Город будущего. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1911. — 176 с.
142. *Гозман Л. Я.* Политический лексикон. Энциклопедический лексикон в 6 т. / под общ. ред. А. В. Петровского. — М. : ПЭР СЭ, 2005.
143. *Горький М.* Собрание сочинений в 30 т. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1949–1955. — Т. 24. — 1953. — 574 с.
144. *Горяинов О. В.* Политико-правовые идеи Т. Гоббса и их влияние на философию французского просвещения: теоретико-методологический и историко-правовой аспекты: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. — Самара, 2007. — 191 с.
145. *Грамиш А.* Избранные произведения: Т. 1–3. — М. : Изд-во иностр. лит., 1957–1959.
146. *Графский В. Г.* Государство и технократия: историко-критическое исследование. — М. : Наука, 1981. — 289 с.
147. *Графский В. Г.* Представления о власти в историко-теоретической перспективе // История политической мысли и современность. — М. : Наука, 1988. — С. 44–54.
148. *Гринин А., Гринин Л.* От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). — М. : Учитель, 2015. — 424 с.
149. *Гринин Л. Е., Кортаев А. В.* Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы: исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и пост-мальтузианских ловушек. — М. : Либроком, 2012. — 478 с.

150. *Гринин Л. Е., Коротяев А. В., Цирель С. В.* Циклы развития современной Мир-Системы. — М. : URSS, 2011. — 247 с.
151. *Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. — М. : Ad Marginem, 2013. — 168 с.
152. *Гройс Б.* Соцреализм — авангард по-сталински // Декоративное искусство СССР. — 1990. — № 5. — С. 35–37.
153. *Губин В. Д.* Восприятие и проблема адекватности образа // Вопросы философии. — 1979. — № 2. — С. 86–98.
154. *Гудков Л. Д.* «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. — 2007. — № 6. — С. 16–30.
155. *Гудков Л. Д.* Время и история в сознании россиян (часть I–II) // Вестник общественного мнения. — 2010. — № 2–3. — С. 13–62.
156. *Гумилёв Л. Н.* Конец и вновь начало. — М. : Институт ДИ-ДИК, 1997. — 544 с.
157. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. — М. : Айрис-пресс, 2014. — 558 с.
158. *Гусев Д. В.* Античный скептицизм как ранняя форма рефлексии теоретического знания тема: дис. ... д-ра философ. наук. 09.00.03. — М. : МПГИ, 2010. — 387 с.
159. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. — М. : АСТ, 2000. — 752 с.
160. *Гуссерль Э.* Собр. соч. Т. 3. (1) Логические исследования. Т. II. (1). — М. : Гнозис, 2001. — 576 с.
161. *Гуторов В. А.* Античная социальная утопия. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. — 288 с.
162. *Гэлбрейт Д.* Новое индустриальное общество. — М. : АСТ; Транзиткнига, 2004. — 602 с.
163. *Гэн Х.* Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Усурийск, 2011. — 199 с.
164. *Деменский С. Ю.* Научность метафоры и метафоричность науки: философский аспект: дис. ... канд. философ. наук. — М. : МГУ, 2000. — 155 с.
165. *Дементьев И. О.* Либерализм и консерватизм во Франции в XIX в.: к вопросу о целостности политической доктрины // Культурный

- слой. Исследования по истории европейской культуры. — Калининград, 2001. — Вып. 2. — С. 11–17.
166. *Деменчонок Э. В.* Современная технократическая идеология в США. — М. : Наука, 1984. — 240 с.
167. *Дергунова Н. В.* Доктрина западноевропейского классического либерализма. История формирования и развития. Проблемно-политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2001. — 351 с.
168. *Днепров А.* Ферма Станлю // Фантастика-1964. — М. : Молодая гвардия, 1964. — С. 165–180.
169. *Днепров А.* Когда задают вопросы... // Фантастика-1963. — М. : Молодая гвардия, 1963. — С. 233–247.
170. *Добренко Е.* Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. — Мюнхен, 1993. — 410 с.
171. *Докучаев И. И.* Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. — СПб. : Наука, 2009. — 594 с.
172. *Долгова Т. В., Иванов В. Г., Мартюшов В. Ф.* Политическая социология интеллигенции. — Тверь, Твер. гос. техн. ун-т, 2000. — 116 с.
173. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М. : ЧеРо; Юрайт, 2000. — 342 с.
174. *Драгунский Д. В.* Длинные волны истории и динамика политической власти // Полис. — 1992. — № 1–2. — С. 17–22.
175. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. — М. : Academia, 1999. — С. 67–101.
176. Древнеегипетская книга мертвых. Слово устремленного к Свету. — М. : Эксмо, 2002. — 429 с.
177. *Дугин А. Г.* Трансформация политических институтов и структур в процессе модернизации традиционных обществ: дис. ... д-ра полит. наук. — Ростов н/Д, 2004. — 346 с.
178. *Дульзон А. А.* Управление проектами. — Томск : Изд-во ТПУ, 2006. — 347 с.
179. *Дьяконова Н. Я.* Английский романтизм (Из истории мировой культуры). — Л. : Наука, 1978. — 208 с.
180. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. — М. : Наука, 1991. — 572 с.
181. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод и назначение. — М. : Канон, 1995. — 349 с.

182. *Евгеньева Т. В.* Архаическая мифология в современной политической культуре // *Полития*. — 1999. — № 1 (11). — С. 33–47.
183. *Евгеньева Т. В., Селезнева А. В.* Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. — 2013. — № 3. — С. 158–166.
184. *Европейский либерализм и Новое время: теория и практика* / под ред. С. П. Пожарской — М. : ИВИ, 1995. — 271 с.
185. *Егоров Б. Ф.* Российский утопизм: исторический путеводитель. — СПб. : Искусство-СПБ, 2007. — 414 с.
186. *Егунева М. В.* Онтологические аспекты тоталитарной личности: опыт философского анализа: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01. — Оренбург, 2010. — 128 с.
187. *Ежов Д. А.* Политическое проектирование: концептуальный взгляд // *Труд и социальные отношения*. — 2010. — № 4. — С. 121–126.
188. *Ефремов И. А., Казанцев А. П., Соболев Л.* Романтика познания (О недостатках серии Географгиза «Путешествия, приключения, фантастика») // *Комсомольская правда*. — 1959. — 11 января.
189. *Ефремов И.* Лезвие бритвы. — М. : Дружба народов, 1995. — 639 с.
190. *Ефремов И.* На краю Ойкумены. Путешествие Баурджеда // *Ефремов И. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. Кн. 1.* — М. : Молодая гвардия, 1989. — 364 с.
191. *Ефремов И.* Наука и научная фантастика // *Фантастика-1962*. — М. : Молодая гвардия, 1962. — С. 467–480.
192. *Ефремов И.* Науки и научная фантастика // *Природа*. — 1961. — № 12. — С. 41–47.
193. *Ефремов И.* Сердце Змеи // *Ефремов И. Собр. соч. в 5 т. Т. 3.* — М. : Молодая гвардия, 1987. — С. 395–458.
194. *Ефремов И.* Туманность Андромеды / Библиотека современной фантастики. Т. 1. — М. : Молодая гвардия, 1965. — С. 115–460.
195. *Ефремов И.* Час Быка // *Собр. соч. в 5 т.* — М. : Молодая гвардия, 1989. — Т. 5. Кн. 2. — 462 с.
196. *Жирнов Н. Ф.* Политические идеи консерватизма в наследии Эдмунда Бёрка: преемственность и развитие: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М. : 2009. — 500 с.
197. *Жуков Д.* Рэм и гений // *Фантастика-1964*. — М. : Молодая гвардия, 1964. — С. 284–298.

198. Жуковский А. Г. Современные парадигмы политологического исследования: модели взаимодействия: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Ростов н/Д, 2011. — 274 с.
199. Завершинский К. Ф. Символические структуры политической легитимации: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2003. — 314 с.
200. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. — 208 с.
201. Заринов Д. А. «Здоровое общество» как проект воплощения идей позитивной свободы: политико-философская концепция Эриха Фромма: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2012. — 147 с.
202. Зеленов Л. А., Владимиров А. А., Степанов Е. И. Современная глобализация: состояние и перспективы. — М. : URSS, 2010. — 298 с.
203. Зеркин Д. П. Основы политологии. Курс лекций. — Ростов н/Д : Феникс, 1996. — 544 с.
204. Зимбардо Ф., Ляйпне М. Социальное влияние / под ред. Свенцицкого. — СПб. : Питер, 2011. — 448 с.
205. Зимин В. А. Формирование политико-культурного контекста постсоветской модернизации: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Саратов, 2013. — 381 с.
206. Зинин С. В. Формирование и развитие общественного идеала Ж.-Ж. Руссо: дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.03. — М., 2009. — 511 с.
207. Зиноватный П. С. Теоретический анализ символических репрессий в современной политике: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2009. — 195 с.
208. Зубков Б., Муслин Е. Вечная машина // Фантастика-1965. — М. : Молодая гвардия, 1965. — С. 58–67.
209. Иванов Е. О. Теоретико-методологические аспекты стратегического политического планирования: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2013. — 167 с.
210. Иванов С. С. Христианский социализм как политический феномен: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Саратов, 2011. — 386 с.
211. Иванов И. Сен-Симон и сенсимонизм. — М. : Унив. тип., 1901. — 737 с.
212. Изергина Н. И. Теория органической демократии И. А. Ильина и проблемы социально-политической трансформации современной России: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Саранск, 2009. — 376 с.

213. *Илишев И. Г.* Язык и политика в многонациональных обществах. Проблемы теории и практики: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2000. — 339 с.
214. *Ильин И. А.* О политическом успехе или забытые аксиомы // Ильин И. А. Путь к очевидности. (Мыслители XX века.) — М. : Республика, 1993. — 431 с.
215. *Ильин М. В.* Политология перед вызовами XXI века // Россия. Политические вызовы XXI века // Второй всероссийский конгресс политологов. — М. :РОССПЭН, 2002. — С. 12–17.
216. *Инглхарт Р. Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. — М. : Новое издательство, 2011. — 464 с.
217. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. — 1997. — № 4. — С. 6–33.
218. *Иноземцев В.* Испытание культурой // Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. — М. : Логос, 2003. — С. VII–XXX.
219. *Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С.* Глобальный конфликт XXI в. (Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий) // Полис : Политические исследования. — 2001. — № 6. — С. 131–140.
220. *Иноземцев В. Л.* К теории постэкономической общественной формации. — М. : Таурус, 1995. — 330 С.
221. *Ионов Н. Н.* Мифы в политической истории России // Полития. — 1999. — № 1 (11). — С. 5–32.
222. Исследования по консерватизму. — Пермь, 1994. — 152 с.
223. Исторические метаморфозы консерватизма. — Пермь, 1998. — 247 с.
224. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. — М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. — 446 с.
225. *Кабе Э.* Путешествие в Икарию. В 2 т. — М. — Л. : Academia. — 1935.
226. *Казакова Р.* Эксперимент // Фантастика-1965. — М. : Молодая гвардия, 1965. — С. 147–155.
227. *Казанцев А. П.* Арктический мост. — М. : Детгиз, 1959. — 533 с.
228. *Казанцев А. П.* Донкихоты Вселенной. — М. : Центрполиграф, 1997. — 496 с.
229. *Казанцев А. П.* Собрание сочинений в 3-х т. — М. : Детская литература, 1989. — Т. 1. — 496 с.

230. *Казанцев А. П.* Фаэты. — М. : Центролиграф, 1997. — 516 с.
231. *Калашиников М.* Битва за небеса. — М. : Крымский мост-9Д, 2000. — 800 с.
232. *Калашиников М.* Мобилизационная экономика. Может ли Россия обойтись без Запада? — М. : Алгоритм, 2014.
233. *Калашиников М.* Сломанный меч империи. — М. : Крымский мост-9Д, 2000. — 506 с.
234. *Калашиников М.* СССР Версия 2.0. — М. : Алгоритм, 2014. — 368 с.
235. *Калашиников М., Осинцев Е.* Завтра была война. 22 декабря 201... года. — М. : АСТ, 2010. — 382 с.
236. *Калинин В. А.* Националистический и патриотический компоненты в структуре идеологического дискурса ведущих политических партий современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.03. — Саратов, 2016. — 179 с.
237. *Калинина Н. А.* «Опасное знание» в «глобальном обществе риска»: концептуальный анализ: дис. ... канд. философ. наук: 09.08.08. — Ростов н/Д, 2014. — 161 с.
238. *Кампанелла Т.* / сост. Александр Горфункель. — Таллинн : Ээсти раамат, 1983. — 127 с.
239. *Кан Г., Винер А.* Двухтысячный год — база для размышлений о следующих тридцати трех годах. — М. : Всесоюзный научно-исследовательский центр информации, 1969. — 847 с.
240. *Кантор К. М.* Дезинтеграционно-интеграционная спираль всемирной истории // Вопросы философии. — 1997. — № 3. — С. 31–48.
241. *Капустин Б. Г.* Моральный выбор в политике: Учебное пособие. — М. : МГУ, 2004. — 496 с.
242. *Кара-Мурза С. Г.* Идеология и мать ее наука. — М. : Алгоритм, 2002. — 253 с.
243. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. — М. : Эксмо, 2005. — 832 с.
244. *Карельский А. В.* Драма немецкого романтизма. — М. : Медиум, 1992. — 335 с.
245. *Карипов Б. Н.* Модели политических изменений в российском идеологическом дискурсе: вторая половина XIX — начало XX вв.: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2016. — 430 с.
246. *Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории. — М. : Эксмо, 2008. — 863 с.

247. *Карлейль Т.* Прошлое и настоящее. — М. : Терра, 2014. — 574 с.
248. *Кастэ С.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. — М. : РОССПЭН, 2001. — 253 с.
249. *Кассирер Э.* Понятие символической формы в структуре наук о духе // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. — М. — СПб. : Университетская книга, 2000. — 654 с.
250. *Кассирер Э.* Понятийная форма в мифическом мышлении. Исследования библиотеки Варбурга // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. — М., : Гардарика, 1998. — 784 с.
251. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М. : Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000. — 606 с.
252. *Касториadis К.* Воображаемое установление общества. — М. : Логос, 2003. — 479 с.
253. *Катин В. И.* Криминальный романтизм как явление культуры современной России: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. — Саратов, 2007. — 196 с.
254. *Каутский К.* Томас Мор и его «Утопия». — М. : Красная новь, 1924. — 291 с.
255. *Кереньи К., Юнг К. Г.* Введение в сущность мифологии // Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. — Киев, 1996. — С. 11–211.
256. *Кирпичников А.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. — СПб. : тип. В. С. Балашева, 1879. — 193 с.
257. *Коваленко В. И.* Общеисторические императивы общественного развития и требования общественной традиции в политическом процессе России // Политическая наука. — 2009. — № 1. — С. 89–107.
258. *Коваленко В. И.* Политология: к осмыслению национальных интересов России. — М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. — 702 с.
259. *Колесников М. А.* Научное предвидение как процесс экстраполяции. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. — 83 с.
260. *Кольев А. Н.* Политическая мифология. Реализация социального опыта. — М., : Логос, 2003. — 382 с.
261. *Кондратьев Н. Д.* Избранные сочинения. — М. : Экономика, 1993. — 542 с.
262. *Конт О.* Общий обзор позитивизма. — М. : Книжный дом «Либроком», 2012. — 296 с.

263. *Копнин П. В.* Гносеологические и логические основы науки. — М. : Мысль, 1974. — 568 с.
264. *Коркмазов А. Р.* Эволюция политических взглядов Г. Х. Шахназарова: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2015. — 150 с.
265. *Коробка Д. С.* Политическая онтология современности: новые смыслы, новые стратегии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2010. — 231 с.
266. *Коротаев А. В., Халтурина Д. А.* Современные тенденции мирового развития. — М. : Либроком, 2009. — 240 с.
267. *Короткова М. Н.* Эволюция философско-политических концепций Ф. Фукуямы и С. Хантингтона: компаративный анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — Пермь, 2011. — 171 с.
268. *Косоруков А. А.* Глобализация: тренд и эволюция // Полис. Политические исследования. — 2009. — № 4. — С. 170–172.
269. *Котов С. В.* Неофашизм как политический феномен современности: философско-политические истоки и концептуальный генезис: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Ростов н/Д, 2011. — 346 с.
270. *Кравченко В. И.* Власть и коммуникация в информационном обществе: проблемы теории и методологии: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2004.
271. *Кравченко И. И.* Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии. — 1999. — № 1. — С. 3–17.
272. *Краммер С. Н.* История начинается в Шумере. — М. : Наука, 1965. — 257 с.
273. *Кривопалова Ю. К.* Философско-антропологическое измерение немецкого романтизма: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. — Курск, 2007. — 210 с.
274. *Кригер И. Б.* Философия Герберта Уэллса: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.03. — М., 2005. — 134 с.
275. *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе. — М., Наука. 1993. — 592 с.
276. *Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР.* — М. : URSS, 2013. С. 4–98.
277. *Курбатов В. И., Курбатова О. В.* Социальное проектирование. — Ростов н/Д : Феникс, 2001. — 411 с.
278. *Куренной В.* Карл Мангейм // Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов : Сб. под общ. ред. В. Куренного. — М. : Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009. — С. 229–256.

279. *Кэмпбелл Д.* Герой с тысячами лицами. — К. : АСТ, 1997. — 270 с.
280. *Кэмпбелл Д.* Тысячеликий герой. — СПб. : Питер, 2018. — 347 с.
281. *Ланге О. В.* Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2015. — 173 с.
282. *Ланцев А. О.* Становление концепта «общество потребления» в западной философии. От античности к современности: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.03. — Екатеринбург, 2013. — 174 с.
283. *Ланцов С. А.* Политические революции и социальный прогресс (Критический анализ марксистской концепции): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — СПб., 1991. — 367 с.
284. *Ланцов С. А.* Российский исторический опыт в свете концепции политической модернизации // Полис. — 2001. — № 3. — С. 93–102.
285. *Лапкин В. В.* Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития // Политические исследования. — 2002. — № 4. — С. 19–59.
286. *Ласло Э.* Макросдвиг: к устойчивости мира курсом перемен. — М. : Тайдекс Ко, 2004. — 206 с.
287. *Лассуэлл Г.* Как интегрировать науку, мораль и политику // Социально-политические науки. — 1990. — № 11.
288. *Латыпова З. И.* Формирование ценностных приоритетов человека в условиях становления общества потребления: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. — Уфа, 2012. — 145 с.
289. *Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков. — М. : Текст, 2011. — 220 с.
290. *Лебедев А. С.* Концепция социального государства в шведской политической науке. Генезис и эволюция: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — СПб., 2014. — 160 с.
291. *Лебедева М. М.* Мировая политика: тенденции развития // Полис. Политические исследования. — 2009. — № 4. — С. 72–83.
292. *Лебон Г.* Психология народов и масс. — СПб. : Макет, 1995. — 311 с.
293. Левада-Центр. Ориентиры и ценности молодых россиян. — URL: <http://fom.ru/TSennosti/13083>. (дата обращения: 14.07.2022)
294. *Левин-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М. : Педагогика-Пресс, 1994. — 608 с.
295. *Левитский В.* Томас Мор. — М. : Гос. изд-во, 1925. — 110 с.

296. Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина // Полн. собр. соч. Т. 42. — М. : Политиздат, 1970. — С. 264–304.
297. Лефор К. Политические очерки (XIX–XX вв.). — М. : РОССПЭН, 2000. — 368 с.
298. Либерализм Запада XVII–XX века / под общ. ред. В. В. Согрина. — М. : ИВИ, 1995. — 227 с.
299. Липпман У. Общественное мнение. — М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004. — 382 с.
300. Листратов К. Е. Теоретико-методологические аспекты управления политическими проектами. — М. : МАКС Пресс, 2007. — 27 с.
301. Листратов К. Е. Теоретико-методологические основы управления политическими проектами: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2008. — 158 с.
302. Логинов А. В. Концепции политического цикла: методология их изучения и научного применения: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00. — Саратов, 2015. — 382 с.
303. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. — М. : Правда, 1990. — 655 с.
304. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура: статьи и исследования // Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб., 2001. — С. 525–543.
305. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. — СПб. : Русский Остров, 2004. — 624 с.
306. Луман Н. Л. Общество как социальная система. — М. : Логос, 2004. — 232 с.
307. Луначарский А. В. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. — М., 1964. — 546 с.
308. Ляхов А. В. Модернизация в условиях глобализирующегося политического пространства: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2009. — 178 с.
309. Майор Ф. Желать невозможного / Реконструкция утопии. — М. : Наследие, 1999. — С. 7–13.
310. Макаров В. М., Макарова Н. В., Степанов А. Г. Стратегия и тактика управления проектами. — СПб. : СПбГУАП, 2001. — 50 с.
311. Макарова Л. М. Идеология германского национал-социализма: социально-политический анализ: дис. ... д-ра ист. наук: 23.00.01. — Сыктывкар, 2005. — 280 с.

312. *Макеев С. В.* Концепции технократизма: историко-философский анализ: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.03. — М., 2008. — 289 с.
313. *Макеев С. В.* Концепции технократизма: историко-философский анализ. — М. : Изд-во МГОУ, 2008. — 254 с.
314. *Макиавелли Н.* Государь. — М. : Планета, 1990. — 80 с.
315. *Макиавелли Н.* История Флоренции. — М. : Эксмо, 2010. — 432 с.
316. *Максвелл Д. К.* Статьи и речи. — М. : Наука, 1968. — 423 с.
317. *Малахов В. С.* Национализм как предмет политико-философского исследования: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2003. — 230 с.
318. *Малинова О. Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. — 2012. — Т. 8. — № 4. — С. 179–204.
319. *Мальцева Д. А.* Стратегическое моделирование в политическом пространстве // Политическая экспертиза. — 2010. — Т. 6. — № 3. — С. 240–250.
320. *Мангейм К.* Идеология и утопия / Диагноз нашего времени. — М. : Юристь. 1994. — С. 7–276.
321. *Мангейм К.* Проблемы интеллигенции. — М. — СПб. : Университетская книга, 2000. — 501 с.
322. *Манжора О. Б.* Художественное и политическое сознание: проблемы взаимодействия: дис. ... д-ра философ. наук. — Саратов, 1994. — 122 с.
323. *Мапельман В. М., Пеньков Е. М.* Политическая и правовая формы общественного сознания // Философские науки. — 1980. — № 5. — С. 136–146.
324. *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1973. — 143 с.
325. *Маркузе Г.* Конец Утопии // Логос. — 2004. — № 6 (45). — С. 20–23. (Herbert Marcuse. Five Lectures. Psychoanalysis, Politics and Utopia. Boston : Beacon Press, 1970.).
326. *Маркузе Г.* Одномерный человек. — М. : АСТ, 2003. — 331 с.
327. *Мартинелли А.* Глобальная модернизация. Переосмысливая проект современности. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 227 с.

328. *Масловская Т. И.* Развитие утопической мысли в древней Греции на рубеже V—IV вв. до н. э. (Возникновение рациональной теоретической утопии): дис. ... канд. философ. наук. — СПб., 1998. — 189 с.
329. *Масуда Й.* Информационное общество как постиндустриальное общество. — М. : Академия, 1997.
330. Материалы о коммунистической культуре, подготовленные А. Егоровым / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.
331. Материалы о коммунистическом воспитании трудящихся и о преодолении пережитков капитализма в сознании людей, подготовленные М. Х. Игитхяняном / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
332. Материалы о построении коммунизма, программных задачах и путях их реализации / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 214. Л. 98.
333. Материалы об идеологической работе, коммунизме и науке, подготовленные И. Фроловым и другими, с замечаниями на полях Б. Н. Пономарева / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 64. Л. 16.
334. Материалы по теоретическим вопросам в связи с построением коммунистического общества в нашей стране. В области народного образования / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 25.
335. *Матье М. Э.* День египетского мальчика. Историческая повесть. — М. : Детская литература, 1975. — 144 с.
336. *Медведев Д. А.* Ситуативное прогнозирование и формирование внешнеполитической стратегии России: на примере внешней политики Российской Федерации в Арктике: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. — М., 2016. — 184 с.
337. *Медоуз Д., Медоуз Л.* Пределы роста // Медоуз Донелла Х., Медоуз Деннис Л., Рэндерс Й., Вильям В. Беренс III. — М. : Изд-во МГУ, 1991. — 205 с.
338. *Межуев В. М.* Был ли Маркс утопистом? // Карл Маркс и современная философия. — М. : Ин-т философии РАН, 1999. — С. 70—89.
339. *Межуев В. М.* Идея культуры. — М. : Прогресс-Традиция, 2006. — 408 с.
340. *Межуев В. М.* Культура и история (Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма). — М. : Политиздат, 1977. — 199 с.
341. *Мелетинский Е. М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы и универсалии. — М. : Изд-во РГГУ, 2001. — С. 73—149.

342. *Мелье Ж.* Завещание. В 3 т. — М. : Изд-во АН СССР. — 1954.
343. *Мерло-Понти М.* В защиту философии. — М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1996. — 248 с.
344. Методологические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение / Сост. Н. Конеген, К. Шуберт. — М. : РОС-СПЭН, 2004. — 220 с.
345. *Мильх А. Ю.* Технократизм в политическом процессе российского общества: дис. ... канд. полит. наук. 23.00.02. — М., 2010. — 160 с.
346. *Митина Н. Г.* Дискурс будущего в русской социокультурной утопии: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.13. — Владивосток, 2014. — 335 с.
347. *Митрохина Т. Н.* Методология сравнительного изучения политики: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Саратов, 2005. — 361 с.
348. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 379 с.
349. *Мор Т.* Утопия. — М. : Наука, 1978. — 417 с.
350. *Морелли.* Кодекс природы. — М. : Изд-во АН СССР, 1947. — 260 с.
351. *Московичи С.* Предпосылки объяснения в социальной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности : Хрестоматия. — М. : ИНИОН, 1995. — С. 213–252.
352. *Мчедлова М. М.* Модернизация: политическая реинтерпретация концептуальных оснований и российский цивилизационный контекст // Россия реформирующаяся. — Вып. 12. — М. : Новый хронограф, 2013. — С. 80–110.
353. *Мэмфорд Л.* Миф машины // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. — М. : Прогресс, 1991. — С. 79–98.
354. *Мюрберг И. И.* Политическая свобода: проблема формирования дискурсивного пространства в Модерне: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2011. — 226 с.
355. *Назаров В. П.* Стратегическое планирование: сейчас или опять потом? // Власть. — № 11. — 2007. — С. 3–9.
356. *Назаров В. П., Рывкин К. А.* Обеспечение основных прав как главная задача стратегического планирования развития России // Экономические науки. — 2007. — № 35. — С. 7–13.

357. *Найдыш В. М.* Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. — М. : Гардарики, 2002. — 554 с.
358. *Наранхо К.* Песни просвещения. Эволюция сказания о герое в западной поэзии. — СПб. : Б.С.К, 1997. — 265 с.
359. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М. : АСТ, 2009. — 656 с.
360. *Нейсбит Д.* Мегатренды. — М. : Ермак, 2003. — 380 с.
361. *Неретина С., Огурцов А.* Концепты политической культуры. — М. : ИФ РАН, 2011. — 276 с.
362. *Нечаев В. Д.* Региональный миф в политической культуре современной России. — М. : Изд-во Ин-та Африки РАН, 1999. — 158 с.
363. *Никандров А. В.* Роль интеллектуалов в политике: концепция Норберто Боббио (1909–2004): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2013. — 161 с.
364. *Никлаус А.* Социокультурные ценностные основания как регулятивный компонент трансформации политического процесса постсоветской России: дис. ... канд. полит. наук. — М. : МГУПС, 2013. — 200 с.
365. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. — М. : ИРИСЭН, 2008. — 424 с.
366. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3 (40–41). — С. 202–208.
367. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. — С. 17–50.
368. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. — М. : Прогресс-Академия, 1996. — 352 с.
369. О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. — М. : Наука, 1995. — 461 с.
370. О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1-я половина XX века). — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 693 с.
371. *Записка Е. И.* Кускова Леониду Николаевичу Чернову с просьбой передать Б. С. Рюрикову материал о развитии культуры, образования и здравоохранения, с приложением материала по генеральной перспективе / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.
372. *Обручев В. А.* Несколько замечаний о научно-фантастической литературе // Детская литература. — 1939. — № 7. — С. 39–40.

373. *Олейников И. В.* Военно-политические взгляды М. В. Фрунзе и современность: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2009. — 191 с.
374. *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания. — М. : АСТ, 2003. — 269 с.
375. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М. : АСТ, 2016. — 509 с.
376. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. — М. : Весь мир, 1997. — 700 с.
377. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. — М. : Искусство, 1991. — 588 с.
378. От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии). — М. : ИФ РАН, 1994. — 211 с.
379. *Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование. — М. : Алгоритм, 2002. — 352 с.
380. *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. — М. : Алгоритм, 2003. — 415 с.
381. *Панарин А. С.* Россия в циклах мировой истории. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. — 280 с.
382. *Панарин А. С.* Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 400 с.
383. *Панарин И. Н.* Информационная война и власть. — М. : Мир безопасности, 2001. — 223 с.
384. *Панкратов С. А.* Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: теоретический аспект: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Волгоград, 2006. — 395 с.
385. *Пантин В. И.* Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. — М. : Наука, 2004. — 246 с.
386. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 515 с.
387. *Парех Б.* Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая. наука: новые направления. — М. : Вече, 1999. — С. 478–494.
388. *Парнов Е., Емцев М.* Уравнение с бледного Нептуна // Фантастика-1963. — М. : Молодая гвардия, 1963. — С. 5–52.
389. *Парсонс Т.* Некоторые проблемы общей теории в социологии. — М. : ИНИОН РАН, 1994. — Вып. 2. — С. 79–103.

390. *Петров А. В.* Учение о «человеке способном» в философской антропологии Поля Рикёра: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. — СПб., 2015. — 203 с.
391. *Пец Е. Н.* Мультикультурализм как способ решения проблем межэтнических отношений в условиях глобализации: на примере диаспор Великобритании: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. — СПб., 2015. — 197 с.
392. *Печчеи А.* Человеческие качества. — М.: Прогресс, 1985. — 312 с.
393. *Письмо Б. М. Сухаревского* в Международный отдел Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Б. Н. Пономареву / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
394. *Платон.* Государство // Платон. Соч. в 3 т. — М., 1971. — Т. 3. Ч. 1. — С. 145, 210.
395. *Платон.* Государство. — М.: Либроком, 2012. — 531 с.
396. *Платон.* Собрание сочинений в 3-х т. — М.: Мысль. — 1971.
397. *Плеханов Г. В.* Французский утопический социализм XIX века / Собр. соч. Т. 18. — М.: Гос. изд-во, 1925. — С. 57–73.
398. *Пляйс Я. А.* Политическая наука в современной России в контексте системной трансформации общества и государства: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2009. — 61 с.
399. *Подвойская Н. Л.* Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2009. — 154 с.
400. *Поletaев А. В.* Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 55 с.
401. *Поливаева Н. П.* Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. — М., 2009. — 462 с.
402. Политология: Энциклопедический словарь. — М.: Моск. коммерч. ун-т, 1993. — 431 с.
403. *Полозова И. В.* Метафора как средство философского и научного познания: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.01. — М., 2003. — 346 с.
404. *Полосин В.* Миф, религия, государство. — М.: Ладомир, 1999. — 440 с.
405. *Попов А. В.* Ценности в политике // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 12. Политические науки. — 2000. — № 1. — С. 3–12.

406. *Попнер К.* Открытое общество и его враги. — Киев, 2005.
407. Постановление пленума 1959 г. «О работе партийных и советских организаций и советов народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1986. — Т. 9. — С. 435–467.
408. *Потебня А. А.* Символ и миф в народной культуре. — М.: Лабиринт, 2000. — 480 с.
409. *Преображенский И. С.* Политические дискурсы постсоветских государств: на примере Киргизии, Украины и России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2009. — 125 с.
410. Препроводительное письмо вице-президента Академии наук СССР академика К. В. Островитянова в ЦК партии Б. Н. Пономареву о посылке записки по автоматике и телемеханике, подготовленной директором института В. А. Трапезниковым к 20-летнему плану развития науки, с приложением записки / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 51. Л. 2–12.
411. Препроводительное письмо директора Научно-исследовательского института труда Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы М. Горшунова в Центральный Комитет КПСС Б. Н. Пономареву о повышении уровня жизни советского народа со времени принятия программы партии и в перспективе, с приложением материалов / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 54. Л. 21.
412. Препроводительное письмо М. Т. Иовчука в Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза Б. Н. Пономареву о посылке материала о преодолении существенных различий между физическими и умственным трудом, культурно-техническом подъеме общества и перерастании социалистической культуры в коммунистическую и материалы по вопросам подъема культурно-технического уровня трудящихся СССР, подготовленные автором письма М. Х. Игитханяном, В. С. Кружковым, Л. Н. Коганом / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 58. Л. 6.
413. Препроводительное письмо И. А. Каирова в ЦК КПСС Б. Н. Пономареву о посылке материала по народному образованию, с приложением материала с замечаниями / РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 15. Л. 28.

414. *Приказчикова Е. Е.* Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: дис. ... д-ра филолог. наук: 10.01.01. — Екатеринбург, 2010. — 629 с.
415. Применение экспертных оценок для задач стратегического планирования / Чеботарёв П. Ю., Чуркин Э. П., Кузнецова Т. Ю., Шмерлинг Д. С. — М. : Московская школа экономики МГУ, 2008. — 36 с.
416. Проект схемы программы ВКП(б) / РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 6.
417. *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. — 364 с.
418. *Пропп В.* Морфология сказки. — Л. : Academia, 1928. — 151 с.
419. Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4-го конвента РАМИ. В 10 т. / Под общ. ред. А. Ю. Мельвиля; Росс. ассоциация междунар. исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2007.
420. *Прудников А. Ю.* Проблема идеального государства в политических учениях евразийства и неоевразийства: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — Пермь, 2011. — 214 с.
421. *Пыжиков А.* Хрущевская «оттепель» 1953–1964. — М. : Олма-Пресс, 2002. — 512 с.
422. *Равинская В. Б.* Концепция нового романтизма в отечественной монументальной живописи тридцатых-пятидесятых годов: на примере творчества А. А. Дейнеки: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. — М., 2002. — 227 с.
423. *Ранк О.* Миф о рождении героя. — М. : Рефл-бук, 1997. — 249 с.
424. *Рансьер Ж.* На краю политического. — М. : Праксис, 2006. — 240 с.
425. *Рассел Б.* История западной философии. В 2 т. — Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1994.
426. *Расторгуев В. Н.* Философия и методология политического планирования: Избранные лекции и доклады. — Тверь : Седьмая буква, 2009. — 208 с.
427. *Расторгуев С. П.* Информационная война. — М. : Радио и связь, 1998. — 415 с.
428. *Рахманин В. С.* Общественная психология и революционный процесс. — Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1987. — 341 с.
429. *Ревич В.* Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. — М. : ИВ РАН, 1998. — 350 с.

430. *Ревякин А. В.* Социализм и либерализм во Франции в середине XIX в. — М. : Наука, 1999. — 283 с.
431. *Репина Л. П.* Культурная память и проблемы историописания. — М. : ГУ ВШЭ, 2003. — 44 с.
432. *Ретьева А. М.* Концепция «органического коммунизма» В. В. Берви-Флеровского: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2014. — 152 с.
433. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. — М. : Республика, 1998. — 413 с.
434. *Романовский Н. В.* Новое в социологии. Бум памяти // Социологические исследования. — 2011. — № 6. — С. 13–23.
435. *Ротенберг В. С.* Мышление // Диалектика познания. — Л. : Изд-во ЛГУ., 1988. — 298 с.
436. *Русакова О. Ф.* Отечественный опыт концептуального осмысления большевизма: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 1994. — 252 с.
437. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. — М. : Наука, 1981. — 608 с.
438. *Рыстенко А. В.* Легенда о Св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах // Зап. Имп. Новороссийского унта. — Т. 112. — Одесса, 1909. — 536 с.
439. *Савченко Г.* Как создавался «Час Быка» (беседа с Иваном Ефремовым) // Молодая гвардия. — 1969. — № 5.
440. *Сазина И. В.* Философ в Школе диалога // Философский век. Альманах. Вып. 25. История философии как философия. Ч. 2. — СПб., 2003. — С. 141–149.
441. *Салмин А. М.* Идейное наследие Токвиля и современная политическая традиция Запада // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. — 2005. — № 3. — С. 212–256.
442. *Самарская Е. А.* Левые начала и конца XX века. Смена парадигмы: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2003. — 377 с.
443. *Санистебан Л. С.* Основы политической науки. — М. : МП «Владан», 1992. — 122 с.
444. *Саперкин С. А.* Циклы в державной динамике России: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. — Набережные Челны, 2015. — 144 с.
445. *Сачков Ю. В.* Случайность формообразующая / Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. — М., 1994. — С. 138.
446. *Свентоховский А.* История утопии. — М. : Изд. В. М. Саблин, 1910. — 427 с.

447. *Семеренко Л. М.* Формирование, эволюция и институционализация западной политической науки. — Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. — 443 с.
448. *Сен-Жюст Л. А.* Речи. Трактаты. — СПб. : Наука, 1995. — 480 с.
449. *Сен-Симон А.* Избр. соч. — М. — Л., 1958. — Т. 1. — 468 с.
450. *Сен-Симон А.* О промышленной системе // Избр. соч. в 2 т. Т. 2. — М., 1948.
451. *Сен-Симон А.* Собрание сочинений. — М. — Пг., 1923. — 364 с.
452. *Сетов Н. Р.* Политический реализм как теоретико-методологический подход в политической науке XX в.: сущность, эволюция, основные направления: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2011. — 167 с.
453. *Сигеле С.* Преступная толпа: опыт коллективной психологии. — М. : КСП+, 1999. — 320 с.
454. *Синявский А.* Иван-дурак. Очерк русской народной веры. — Париж : Синтаксис, 1991. — 423 с.
455. *Скаландис А.* Братья Стругацкие. — М. : АСТ, 2008. — 702 с.
456. *Слобожникова В. С.* Политическая мысль России 30–40-х гг. XIX в.: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Саратов, 2001. — 382 с.
457. *Смирнов Г.* Фантастика, 1964 год // Фантастика-1964. — М. : Молодая гвардия, 1964. — С. 3–10.
458. *Смирнов И. П.* Бытие и пророчество. — СПб., 1993 (Пушкинский Дом). — 192 с.
459. *Смирнов М. М.* Контент-системный подход в политическом моделировании: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2013. — 362 с.
460. *Смирнов М. М.* Теоретико-методологические истоки теорий системного структурно-функционального анализа // Социология власти. — № 1. — 2010. — С. 82–87.
461. *Сморгунова В. Ю.* Феномен политического знания. — СПб. : Образование, 1996. — 432 с.
462. *Сноу Ч. П.* Две культуры и научная революция // Сноу Ч. П. Портреты и размышления. — М., 1985. — С. 195–226.
463. Современная политическая теория / Автор-сост. Д. Хелд. — М. : Nota bene, 2001. — 480 с.
464. *Соловьёв А. И.* Политические и культурные основания идентификационных моделей в российском обществе // Политическая наука. — 2006. — № 3. — С. 95–113.

465. *Сорокина А. А.* Синдром политической ностальгии у российских студентов: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.03. — М., 2015. — 154 с.
466. *Спенсер Г.* Личность и государство. — М., Социум, 2014. — 427 с.
467. *Спенсер Г.* Основания социологии // Западноевропейская социология XIX в. — М., 1995. — С. 279–332.
468. *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. — Изд. 11. — М. : Госполитиздат, 1945. — 611 с.
469. *Степаненко Н. А.* Генезис и эволюция общественно-политических теорий и практик Ю. А. Жданова: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — Ростов н/Д, 2014. — 158 с.
470. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Под ред. А. А. Дынкина. — М. : Магистр, 2011. — 480 с.
471. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней оборонной политики / Под ред. А. И. Подберёзкина. В 2 т. — М. : МГИМО-Университет, 2015.
472. Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия / под ред. А. И. Костина (коллективная монография). — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. — 320 с.
473. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Обитаемый остров / Собр. соч. в 11 т. Т. 5. — М. : АСТ, 2001. — 544 с.
474. *Стругацкий А.* Новые человеческие типы (выступление на круглом столе «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР») / Первопубликация, фрагмент авторизованной стенограммы // Вопросы философии. — 1976. — № 10. — Вопросы литературы. — 1976. — № 11.
475. *Стругацкий А.* О настоящем — ради будущего // Вечерний Свердловск. — 1981. — 6 июня.
476. *Стругацкий А.* Рецензия на повесть Н. Разговорова «Четыре чётёрки» // Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М. : АСТ. 2009. — С. 12–14.
477. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Полдень. XXII век // Собр. соч. в 11 т. Т. 2. Донецк : Сталкер, 2001. — 565 с.
478. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Знакомые черты будущего // Наука и религия. — 1986. — № 4. — С. 44–45.
479. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Бессильные мира сего. — Донецк : Сталкер, 2003. — 672 с.
480. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Волны гасят ветер // Полдень. XXI век. — 2003. — № 1. — С. 5–182.

481. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Год 2000-й... что говорят о нем фантасты // *Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники.* 1963–1966 гг. — М. : АСТ, 2009. — С. 279–280.
482. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Дальнобойная артиллерия Герберта Уэллса // *Собр. соч.* в 11 т. Т. 11. — Донецк : Сталкер, 2001. — С. 290–293.
483. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Жук в муравейнике. — Рига : Лиесма, 1986. — 362 с.
484. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Контакт и пересмотр представлений / Саймак К. Всё живое. — М. : Мир, 1968. — С. 5–12.
485. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Малыш // *Собр. соч.* Т. 8. — М. : Эксмо, 2008. — С. 293–394.
486. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* От бесконечности тайн к бесконечности знаний // *Техника — молодежи.* — 1961. — № 10. — С. 9.
487. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Послушная стрелка часов // *Комсомольская правда.* — 1976. — 20 марта.
488. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Путь на Амальтею // *Собр. соч.* Т. 1. — Донецк : Сталкер, 2000. — С. 547–626.
489. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Румата делает выбор // *Советская молодежь.* — Рига, 1974. — 17 ноября.
490. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Стажеры // *Собр. соч.* Т. 2. — Донецк : Сталкер, 2001. — С. 309–358.
491. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Страна багровых туч // *Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч.* в 11 т. Т. 1. — Донецк : Сталкер, 2000. — С. 33–332.
492. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Трудно быть богом // *Собр. соч.* Т. 3. — Донецк : Сталкер, 2001. — С. 245–424.
493. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Человек и общество будущего // *Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники.* 1942–1962 гг. — М. : АСТ, 2008. — С. 579–585.
494. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Человек нашей мечты: встреча писателей-фантастов // *Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники.* 1942–1962 гг. — М. : АСТ, 2008. — С. 524–527.
495. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Через настоящее — в будущее / Вопросы литературы. — 1964. — № 8. — С. 419.
496. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Что вы думаете о жизни, времени, счастье? // *Собр. соч.* в 11 т. Т. 11. — Донецк : Сталкер, 2001. — С. 285–285.

497. *Стругацкий Б.* Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. — М. : АСТ, 2009. — 508 с.
498. *Стругацкий Б.* О настоящем прошлом во имя будущего // Стругацкие о себе, литературе и мире (1959–1966). — Омск, 1991 [б. и.]. — С. 33–37.
499. *Стругацкий Б.* О реформах образования — интервью газете «Коммерсантъ». 23 октября 2011. — URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/echo/msk/823349-echo>. (дата обращения: 15.07.2022)
500. *Стругацкий Б.* Трудно ли быть Богом? (фрагмент офлайн-интервью) // Компьютерра. — 2000. — № 11. — С. 22–25.
501. *Стругацкий Б.* Улитка на склоне столетия // Собеседник. — 1992. — № 39. — С. 3.
502. *Стругацкий Б. Н.* Комментарии к пройденному // Собр. соч. в 11 т. Т. 3. — Донецк : Сталкер, 2001. — С. 679–702.
503. *Струмилин С.* Наш мир через 20 лет. — М. : Советская Россия, 1964. — 199 с.
504. *Стяжкина Т. С.* Динамика утопического сознания: от мифа древних цивилизаций к постнеклассической утопии: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. — М., 2007. — 142 с.
505. *Сущенко М. А.* Политическая модернизация в Китае: роль конфуцианских традиций: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Казань, 2015. — 226 с.
506. *Тард Г.* Мнение и толпа // Психология толп. — М. : КСП+, 1999. — С. 257–413.
507. *Тарле Е.* Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. — СПб. : Ред. журн. «Мир божий», 1901. — 225 с.
508. *Теннисон А.* Королевские идиллии. — М. : Азбука-Аттикус, 445 с.
509. Теория и жизненный мир человека / отв. ред. д-р. философ. наук М. М. Фёдорова. — М. : ИФРАН, 1995. — 204 с.
510. *Тернборн Г.* Мультикультуральные общества? // Социологическое обозрение. — 2001. — Т. 1. — № 1. — С. 50–67.
511. *Тимошенко Т. В.* Научная фантастика как социокультурный феномен: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. — Ростов н/Д, 2003. — 142 с.
512. *Тойнби А. Д.* Постигание истории. — М. : Прогресс, 1991. — 736 с.
513. *Торез М.* Сын народа. — М. : Изд-во иностр. лит., 1950. — 203 с.

514. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство, сила на пороге XXI века. — М. : АСТ, 2003. — 669 с.
515. *Тоффлер Э.* Третья волна. — М. : АСТ, 2004. — 261 с.
516. *Тоффлер Э.* Шок будущего. — М. : АСТ, 2008. — 569 с.
517. *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. — София : Российско-болгарское книгоизд-во, 1920. — 82 с.
518. *Трущева А. А.* Консервативные ценности российских граждан и членов партии «Единая Россия»: политико-культурный анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.03. — М., 2017. — 206 с.
519. *Тузигов А. Р.* Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса массмедиа. — М. : Соц.- гуманитар. знания, 2002. — 289 с.
520. *Тырсенко А. В.* Фельяны. У истоков французского либерализма. — М. : Изд-во МГУ, 1999. — 126 с.
521. *Урнов М. Ю.* Роль культуры в демократическом транзите // *Общественные науки и современность.* — 2011. — № 6. — С. 5–17.
522. Утопия и утопизм: идеи и рецепты // *Теория и жизненный мир человека.* — М. : ИФРАН, 1995. — С. 179–190.
523. *Ушков А. М.* Утопическая мысль в странах Востока: традиции и современность. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 184 с.
524. *Фан И. Б.* Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Екатеринбург, 2010. — 409 с.
525. *Фантастика: В 30 т.* — М. : Молодая гвардия, 1962–1991.
526. *Фармонов Р.* Развитие французской общественно-политической мысли в годы II Республики (1848–1851). — М. : Луч, 1992. — 168 с.
527. *Федин К.* К звездам // *Правда.* — 12 октября. — 1957.
528. *Федорова М. М.* Принципы Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2005. — 271 с.
529. *Федорова М. М.* Классическая политическая философия. — М. : Весь Мир, 2001. — 219 с.
530. *Федорова М. М.* Политическое в контексте феноменологической критики философии истории: Морис Мерло-Понти // *Политическое как проблема.* — М. : Идея-Пресс, 2009. — С. 114–124.
531. *Фишман Л. Г.* Политические дискурсы постсоветской России: теоретико-методологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Екатеринбург, 2007. — 342 с.

532. *Флад К.* Политический миф. Теоретическое исследование. — М. : Прогресс-Традиция, 2004. — 264 с.
533. *Фогт А.* Социальные утопии. — М. : URSS, 2007. — 175 с.
534. ФОМ. Взгляды и ценности молодых. — URL: <http://fom.ru/TSen-nosti/13288/>. (дата обращения: 15.07.2022)
535. ФОМ. Космос. О космическом статусе нашей страны. — URL: <http://fom.ru/Budushchee/13290>. (дата обращения: 15.07.2022)
536. *Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. — М. : Наука, 1984. — 238 с.
537. Французский либерализм в прошлом и настоящем. — М. : Изд-во МГУ, 2001. — 224 с.
538. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «я». — М. : АСТ, 2004. — 188 с.
539. *Фрейденберг О. М.* Образ и понятие / Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. — М. : Восточная лит., 1998. — С. 126–346.
540. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Человек для себя. — М. : АСТ, 2004. — 571 с.
541. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. — М. : АСТ, 2004. — 474 с.
542. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. — М. : АСТ, 2004. — 588 с.
543. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. — М. : АСТ, 2004. — 349 с.
544. *Фурастье Ж.* 40 000 часов: инвентаризация будущего // Впереди — XXI век. Перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной прогностики. — М. : Academia, 2000. — С. 133–155.
545. *Фурс В. А.* Методология исследования политического сознания в теории Карла Мангейма: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2006. — 151 с.
546. *Фурье Ш.* Избранные сочинения. — М. : Кооперативный мир, 1918. — 148 с.
547. *Хабермас Ю.* Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // Полис. — 2010. — № 2. — С. 7–22.
548. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. — М. : Изд-во «Весь Мир», 2003. — 416 с.
549. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. — М. : Высшая школа, 1991. — 192 с.

550. *Хайдеггер М.* Семинар в Ле Торе, 1969 // Вопросы философии. — 1993. — № 10. — С. 123–151.
551. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3 (40–41). — С. 8–27.
552. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. — М. : Новое издательство, 2007. — 348 с.
553. *Хелл Д.* Введение редактора // Современная политическая теория. — М. : Nota bene, 2001. — 480 с.
554. *Холодковский К. Г.* Механизм российской цикличности // Полис. — 2011. — № 6. — С. 16–21.
555. *Хомский Н.* Государство будущего. — М. : АНФ, 2012. — 100 с.
556. *Хорос В.* Утопия // 50/50. — М. : Прогресс, 1989. — 560 с.
557. *Хрущёв Н. С.* Социализм и коммунизм. Из выступлений 1956–1963 гг. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1963. — 192 с.
558. *Хьюбнер К.* Истина мифа. — М. : Республика, 1996. — 386 с.
559. *Цветков Е. В.* Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности: социально-философские аспекты: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. — Помор. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова. — Архангельск, 2009. — 203 с.
560. *Циолковский К. Э.* Труды по ракетной технике. — М. : Оборонгиз, 1947. — 368 с.
561. *Цымбурский В. Л.* Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Политические исследования. — 1996. — № 3. — С. 27–55.
562. *Чагилов В. Р.* Феномен политизированной этнической идентичности. Теоретико-методологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2000. — 392 с.
563. *Чаликова В. А.* Утопия и свобода. — М. : Весть, 1994. — 180 с.
564. *Чаликова В. А.* Предисловие // Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. — М. : Прогресс, 1991. — С. 3–21.
565. *Чамаева Н. А.* Политическая теория Майкла Джозефа Оукшотта: 1901–1990: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2010. — 153 с.
566. *Червонный В. П.* Послесталинская Россия. Опыт политологического моделирования: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Екатеринбург, 2002. — 285 с.
567. *Черняховская Ю. С.* Братья Стругацкие: Письма о будущем. — М. : Книжный мир, 2016. — 384 с.

568. *Черняховская Ю. С.* Власть и история в политической философии братьев Стругацких // Власть. — 2010. — № 2. — С. 80–83.
569. *Черняховская Ю. С.* Идеалы общества познания в репрезентации А. и Б. Стругацких // Философия политики и права. — Т. 7. — М., 2016. — С. 180–197.
570. *Черняховская Ю. С.* Классическая культура и политическая философия научно-технического романтизма в призме системного подхода Т. Парсонса // Вестник ВолГУ. — Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. — 2018. — № 6. — С. 173–184.
571. *Черняховская Ю. С.* Консерватизм и романтизм как два пути сохранения национального культурного наследия // Вестник российской нации. — 2017. — № 3. — С. 97–106.
572. *Черняховская Ю. С.* Космический проект и научно-технический романтизм в политическом сознании современных россиян // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). — 2019. — № 3.
573. *Черняховская Ю. С.* (В соавт.) Роль художественно-гуманитарного знания в духовно-нравственном воспитании современной российской молодежи [Текст]: отчет о НИР (заключ.) / Московский государственный университет культуры и искусства; рук. Мазин К. А. — М., 2014. — 243 с. / Исполн.: К. А. Мазин, А. А. Никлаус, Ю. С. Черняховская — № 2502-01-41/06-14.
574. *Черняховская Ю. С.* (В соавт.) Разработка концепции использования исторического наследия отечественной культуры в целях развития потенциала российской кинематографии [Текст]: отчет о НИР (заключ.) / Московский государственный университет культуры и искусства; рук. К. А. Мазин — М., 2014. — 308 с. / Исполн.: К. А. Мазин, А. А. Никлаус, Ю. С. Черняховская — № 2502-01-41/06-14.
575. *Черняховская Ю. С.* Научно-технический романтизм и донаучные формы идеально желаемой мотивации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2019. — № 1 (58). — С. 142–150.
576. *Черняховская Ю. С.* Научно-технический романтизм как форма политического сознания // Экономика и развитие. — 2015. — № 14. — С. 122–131.
577. *Черняховская Ю. С., Никлаус А. А., Черняховский С. Ф.* Духовно-нравственное воспитание средствами гуманитарно-художественного знания. — М. : Известия, 2015. — 170 с.

578. *Черняховская Ю. С.* О научно-техническом романтизме братьев Стругацких // Изборский клуб. — 2015. — № 9. — С. 68–75.
579. *Черняховская Ю. С.* Полиидейность в романе «Фаэты» А. Казанцева // Новый филологический вестник. — 2019. — № 1. — С. 207–221.
580. *Черняховская Ю. С.* Политико-философский и культурный синтез, политические функции и идеалы научно-технического романтизма // Вестник МГОУ. Электронный журнал. Сер. «Политология». — 2019. — № 1.
581. *Черняховская Ю. С.* Политико-философское осмысление проблем общественного развития в произведениях А. и Б. Стругацких: дис. ... канд. полит. наук. — М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2013. — 169 с.
582. *Черняховская Ю. С.* Россия и проблема деидеологизации в историко-политической концепции братьев Стругацких // Власть. — 2011. — № 4. — С. 64–66.
583. *Черняховская Ю. С.* Советская художественная футурология и классика футурологии западной: историческое опережение и знаковые расхождения // Власть. — 2017. — № 6. — С. 164–168.
584. *Черняховская Ю. С.* Тема освоения космоса в политическом сознании граждан России // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 2. — С. 48–58.
585. *Черняховская Ю. С.* Футурология и философская фантастика как формы исследования будущего общества и его политического мира // Власть. — 2016. — № 4. — С. 164–168.
586. *Черняховский С. Ф.* Красное знамя Российской империи. — URL: <http://www.apn.ru/publications/article24043.htm>. (дата обращения: 15.07.2022)
587. *Черняховский С. Ф.* Консервация и конструирование: поиск философии будущего в советской политической мысли // Тетради по консерватизму. — 2015. — № 3. — С. 139–143
588. *Черткова Е. Л.* Метаморфозы утопического сознания // Вопросы философии. — 2001. — № 7. — С. 12–37.
589. *Черткова Е. Л.* Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. — 1993. — № 3. — С. 71–81.
590. *Чижевский А. Л.* Физические факторы исторического процесса. — М. : Гос. музей истории космонавтики, 1995. — 72 с.

591. *Чичерин Б. Н.* Сен-Симон и его школа // Вопросы философии и психологии. — М., 1901. — Год XII, кн. V (60). — С. 615–698.
592. *Чумаков А. Н.* Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций // Век глобализации. — 2008. — № 1. — С. 88–94
593. *Шамиурин В. И.* Консерватизм и свобода. — Краснодар : Глагол, 2003. — 476 с.
594. *Шамиурин В. И.* Человек и государство в российской философии естественного права // Вопросы философии. — 1990. — № 6. — С. 132–140.
595. *Шарпанкова А. А.* Эволюция мифа о короле Артуре и особенности его языковой репрезентации в англоязычном культурно-историческом пространстве XV–XXI вв.: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.04. — М., 2015. — 387 с.
596. *Шахназаров Г. Х.* Куда идет человечество. — М. : Мысль, 1985. — 192 с.
597. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. — М. : Прогресс, 1990. — 454 с.
598. *Шевский Д. С.* К определению государства // Новая наука: теоретический и практический взгляд. — 2016. — № 2–3 (63). — С. 193–200.
599. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. — М. : Перемана., 2004. — 367 с.
600. *Шестаков С. А.* Консервативная политическая идеология в постсоветской России: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2003. — 440 с.
601. *Шестакова И. С.* Утопия и социальный идеал. — Бийск : Изд-во Алтайского гос. технического ун-та, 2007. — 88 с.
602. *Шестов Н. И.* Политический миф теперь и прежде. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. — 414 с.
603. *Шестов Н. И.* Социально-политический миф: Теоретико-методологические проблемы: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — Саратов, 2002. — 453 с.
604. *Шириняц А. А.* Политическая культура интеллигенции России XIX — начала XX вв.: Опыт концептуального анализа: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2002. — 405 с.
605. *Шишков И. З.* Немецкий критический рационализм. История и теория, проблемы и решения, тенденции развития: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.03 — М., 1999. — 440 с.
606. *Шлезингер-мл. А. М.* Циклы американской истории. — М. : Прогресс, 1992. — 685 с.

607. *Шмитт К.* Автономия политического / Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. — М. : Идея-Пресс, 2009. — С. 23–50.
608. *Шмитт К.* Понятие политического // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. — М. : Мысль, 1997. — С. 290–311.
609. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. — 1992. — № 1. — С. 37–67.
610. *Шостром Э.* «Анти-Карнеги», или Человек-манипулятор. — М. : Апрель-Пресс, 2004. — 190 с.
611. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. — 2001. — № 2. — С. 3–12.
612. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 6–16.
613. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 416 с.
614. *Шюц А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М. : РОССПЭН, 2004. — С. 7–51.
615. *Шюц А.* Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М. : РОССПЭН, 2004. — С. 687–1007.
616. *Щербинина Н. Г.* Герой и антигерой в политике России. — М. : Весь мир, 2002. — 116 с.
617. *Щербинина Н. Г.* Героический миф в конструировании политической реальности России: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. — М., 2008. — 295 с.
618. *Элиаде М.* Аспекты мифа. — М. : Инвест-ППП, 1996. — 240 с.
619. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. — СПб. : Алетей, 1998. — 258 с.
620. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М. : Политиздат, 1986. — 639 с.
621. *Эпштейн М. Н.* Философия возможного. — СПб. : Алетей, 2001. — 334 с.
622. *Эшкрафт Э.* Политическая теория и проблемы идеологии // Политическая теория в XX веке. — М. : ИД «Территория будущего», 2008. — С. 364–386.

623. *Юнг К. Г.* Душа и миф: шесть архетипов. — Киев : Порт-Рояль, 1996. — 382 с.
624. *Юнг К. Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и символ. — М. : Ренессанс, 1991. — С. 95–128.
625. *Юнг К. Г.* Человек и его символы. — М. : Серебряные нити, 2006. — 352 с.
626. *Яковенко В.* Томас Мор, его жизнь и общественная деятельность. — СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1891. — 87 с.
627. *Яковец Ю. В.* У истоков новой цивилизации. — М. : Дело, 1993. — 137 с.
628. *Яковлева А. Ф.* Политическая теория Г. Д. Уэллса: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. — М., 2007. — 149 с.
629. *Ямвлих.* О Пифагоровой жизни. — М. : Алетея, 2002. — 192 с.
630. *Янг А. М.* Политическая теория: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Ред. Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн. — М. : Вече, 1999. — С. 453–478.
631. *Янов А.* Русская идея и 2000-й год. — New York. Liberty Publishing House. 1988. — 400 с.
632. *Янч Э.* Технологическое прогнозирование в перспективе. — М., 1967.
633. *Ясаева И. Г.* Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. — Казань : Изд-во Казанского университета, 2004. — 200 с.
634. *Albrecht E.* Sprache und Philosophy. — Berlin, 1975. — 426 s.
635. *Almond G. A, Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracies in Five Nations. — Boston, 1965. — P. 11.
636. *Apple M. W.* Ideology and Curriculum. — N.-Y. — London, 2004. — 203 pp.
637. *Ascher W., Overholt W. H.* Strategic Planning and Forecasting: Political Risk and Economic Opportunity. — Wiley, 1983. — 311 pp.
638. *Avoiding Trivia: The Role of Strategic Planning in American Foreign Policy.* — Drezner, 2009. — 190 pp.
639. *Balkin J. M.* Cultural software/ A theory of Ideology. — New Haven — London, 1998. — 335 pp.
640. *Bauman Z.* Legislators and Interpreters. On Modernity, Postmodernity and the Intellectuals. — Oxford, 1987. — 209 pp.
641. *Bauman Z.* Socialism. The Active Utopia. — London, 1976. — 150 pp.

642. *Becker C.* Mr. Wells and the new history. — New York, 1935. — 560 pp.
643. *Bell D.* Technocracy and Politics // Survey. — № 1. — London, 1971. — Pp. 219–239.
644. *Bodin L.* Les intellectuels. — Paris, 1964. — 125 pp.
645. *Brand Gerd.* Welt, Geschichte, Mythos und Politik. — Berlin — New-York, 1978. — 250 s.
646. *Brin David.* The Transparent Society // Wired (CondéNet). 04.12.1996. — URL: <https://www.wired.com/1996/12/fftransparent>. (дата обращения: 15.07.2022)
647. *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era. — N.-Y., 1970. — 355 pp.
648. *Burnham J.* Managerial revolution. What is happening in the world. — N.-Y., 1941. — 285 pp.
649. *Catlin G.* The Science and Method of Politics // American Journal of Sociology. — Vol. 33. — 1927. — Nov. 3. — Pp. 483–485.
650. *Constant B.* Course de politique constitutionnelle (1781–1820). — Paris, 1861. — 559 pp.
651. *Coston H.* Les technocrats et la Synarchie. — Paris, 1962. — 205 pp.
652. Creating Strategic Vision: Long-range Planning for National Security. — Diane Publishing, 1987. — 133 pp.
653. *Dahrendorf R.* The Responsibility of Intellectuals: Remarks on the New Fear of the Enlightenment // Columbia University Record. — Vol. 19. — № 14. — 1994.
654. *Day M. S.* The Many Meaning of Myth. — Boston, 1984. — 564 pp.
655. *Desanti D.* Les socialistes de l'utopie. — Paris, 1968. — 324 pp.
656. *Drexler K. Eric.* Engines of Creation 2.0: The Coming Era of Nanotechnology — URL: <http://bookre.org/reader?file=498783>. (дата обращения: 15.07.2022)
657. *Dubois C.-G.* Problemes de l'utopie. — Paris, 1968. — 290 pp.
658. *Dunning J. H.* The Globalization of Business. — London, 1993. — 467 pp.
659. *Easton D.* A System Analysis of Political Life. — N.-Y., 1967. — 507 pp.
660. *Edelman M.* Political language. Words that succeed and policies that fail. — N.-Y. 1977. — 184 pp.
661. *Edelman M.* Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. — Chicago, 1971. — 188 pp.

662. *Elliot W.* The Possibility of a Science of Politics // *Methods in Social Science: A Case Book*, ed. Stuart A Rice. — Chicago : University of Chicago Press. — Pp. 70–94.
663. *Flechtheim O. K.* Futurologie: Der Kampf um Die Zukunft. — Koeln, 1970. — 431 s.
664. *Foucault M.* Politics. Philosophy. Culture. Interviews and other Writings. 1977–1985. — N.Y., Routledge, 1990. — 354 pp.
665. *Galbraith J. K.* The New Industrial State. — Boston, 1967. — 518 pp.
666. *Galeazzi U.* La notte dei filosofi. — Roma, 1978.
667. *Galtung J.* The True Worlds. — N.Y., 1980. — 469 pp.
668. *Gay M. K.* The New Information Revolution. — Santa-Barbara, 1996. — 247 pp.
669. *Gerard A.* The new history. H. G. Wells and Voltaire // *Scribner magazine*. — 1924. — № 76.
670. *Gouldner A. W.* The Dialectic of Ideology and Technology. The Origins, Grammar and Future of Ideology. — N.-Y, 1976. — 304 pp.
671. *Halevy E.* Histoire du socialisme europeen. — Paris, 1948. — 367 pp.
672. *Holmes S. B.* Constante et la genese du liberalisme moderne. Trad. De l'angl. — Paris, 1994. — 384 pp.
673. *Howard E.* To-Morrow: A Peaceful Path to Real Reform. — London, 1898. — 198 pp.
674. *Huntington S.* American Politics: The Promise of Disharmony. — Cambridge, 1981. — 303 pp.
675. *Huntington S. P.* Strategic Planning and the Political Process // *Foreign Affairs*. — Vol. 38. — № 2. — Jan. 1960. — Pp. 285–299.
676. *Huntington S. P.* La decadenza degli intellettuali. — Roma — Bari, 1992.
677. *Huntington S. P.* Tocqueville et la nature de la democratie. — Paris, 1982.
678. *Jacoby R.* The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe. — N.-Y. : Basic books, 1987. — 290 pp.
679. *Jardin A.* Alexis de Tocqueville, 1805–1859. — Paris, 1984. — 522 pp.
680. *Joy B.* Why the future doesn't need us // *Wired*. — 2000. — Apr. — Vol. 8. — № 4. — URL: <https://www.wired.com/2000/04/joy-2>. (дата обращения: 15.07.2022)
681. *Katz R. L.* The Information Society. An International Perspective. — N.-Y., 1988. — 189 pp.
682. *Kelly G. A.* The Human Comedy: Constant, Tocqueville and French Liberalism. — Cambridge, 1992. — 262 pp.

683. Kultur. Das Kommunikation ats politishe Wirklichkeit // Politishe Vierteljahresschrift. — Vol. 30. — № 2. — 1989. — S. 297.
684. *Lamberti J. C.* La notion de individualisme chez Tocqueville. — Paris, 1970. — 86 pp.
685. *Lepeniens W.* Ascesa e declino degli intellettuali. — Roma — Bari, 1998. — 110 pp.
686. *Lind M.* The American Way of Strategy: U. S. Foreign Policy and the American Way of Life. — N.-Y., 2006. — 304 pp.
687. *Lipset S. M., Basu A.* The Roles of the Intellectual and Political Roles // The Intelligentsia and the Intellectuals. Theory, Method and Case Study. — L., 1976. — Pp. 111–150.
688. *Lipset S. M., Dobson R. B.* The Intellectual as Critic and Rebel: With Special Reference to the United States and the Soviet Union // Daedalus. — Vol. 101. — № 3. — 1972.
689. *Logan George M.* The meaning of More's «Utopia». — N. J. : Princeton Univ. Press, 1983. — 296 pp.
690. *Lukacs G.* Von der Verantwortung der Intellektuellen // Schicksalswende. Beitrage zu einer neuen deutschen Ideologie. — Berlin, 1956. — S. 238–245.
691. *Manent P.* Histoire intellectuelle du liberalisme. Dix lecons. — P. : Calmann-Lévy, 1987. — 278 pp.
692. *Manuel F. E.* Utopias and Utopian thought. — Boston : Houghton Mifflin, 1966. — 321 pp.
693. Manuel, Fritzie, Prigohzy. Utopian thought in the Western world. — Harvard Univ. Press, 1979. — 896 pp.
694. *Marin L.* Utopiques, jeux d'espace. — P. : Éditions de Minuit, 1973. — 358 pp.
695. *McHale J.* The Future of the Future. George Brailier. — N.Y. : G. Braziller, 1969. — 322 pp.
696. *Meynaud J.* La technocratie, mythe ou realite? — Paris : Payot, 1964. — 297 pp.
697. *Molnar T.* The Decline of the Intellectual. — Cleveland : World Pub. Co., 1961. — 369 pp.
698. *Munro W. B.* Physics and politics — an old analogy revised / American Political Science Review. — Vol. 22. — Feb. 1928. — Pp. 1–11.
699. *Owen R.* The Book of the New Moral World, Containing the Rational System of Society: Founded on Demonstrable Facts, Developing the

- Constitution and Laws of Human Nature and Society. — London : E. Wilson, 1836. — 104 pp.
700. *Parenti M.* Land of idols: Political mythology in America. — N.-Y. : St. Martin's Press, 1994. — 208 pp.
701. *Polak F.* Prognostica. — Deventer, 1968. V. 1–2; Prognostics. — N. Y., 1972.
702. *Praz M.* La crisi dell'errore nel romanzo vittoriano. — Firenze : Sansoni, 1952. — 456 pp.
703. *Quinzio S.* L'impossibile morte dell'intellettuale. — Roma : A. Armando, 1977. — 143 pp.
704. *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. — P. : Gallimard, 1985. — 414 pp.
705. *Rostow W. W.* The Stages of Economic. A Non-communist Manifesto. — N.-Y. : Cambridge Univ. Press, 1960. — 179 pp.
706. *Safire's New Political Dictionary.* — N.-Y. : Random House, 1993. — 930 pp.
707. *Sarcinelli U.* Symbolische Politik. — Opladen : Westdeutscher Verlag, 1987. — 301 s.
708. *Schütz A.* On multiple realities // Philosophy and Phenomenological Research. — Vol. 5. — No. 4 (June, 1945). — Pp. 533–576.
709. *Scott V.* Essay on the Drama. — London, 1819.
710. *Scott V.* Essay on Romance. — London, 1824. — 395 pp.
711. *Shils E.* The Intellectuals and the Powers: Some Perspectives for Comparative Analyses // On Intellectuals. — N.-Y. : Doubleday, 1969. — Pp. 5–22.
712. *Shklar J.* After Utopia. The decline of political faith. — Princeton, 1957. — 309 pp.
713. *Szczepanski I.* Die Intelligenz in der gegenwertigen Gesellschaft. — Frankfurt, 1960.
714. *The Arthurian Annals. The Tradition in English from 1250 to 2000.* — Oxford and New York : Oxford University Press, 2006. — 810 pp.
715. *Todorov T.* Benjamin Constant La Passion democratique. — Paris : Hachette littératures, 1997. — 214 pp.
716. *Veblen T.* The engineers and the price system. — N.-Y. : The Viking press, 1936. — 169 pp.
717. *Znanięcki F.* The Social Role of the Man of Knowledge. — N.-Y. : Harper & Row, 1968. — 212 pp.

Научное издание

Черняховская Юлия Сергеевна

**«БОЛЬШАЯ ТРОЙКА»
СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФУТУРОЛОГИИ**

*Политико-философское осмысление проблем культурного суверенитета,
культурно-цивилизационной интеграции и формирования идеалов будущего
в произведениях И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких:
компаративный анализ*

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*

Корректор: *И. А. Птицын*

Компьютерная верстка: *О. В. Клюшенкова*

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
info@heritage-institute.ru